

Департамент культуры Министерства
обороны Российской Федерации

Центральный музей Вооруженных Сил
Российской Федерации

Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации

МАТЕРИАЛЫ
международной научно-практической конференции,
посвященной 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.
«Великая Победа: история и современность»

1945
2020

МЫ ПОМНИМ
МЫ ГОРДИМСЯ

75 лет
Великой Победе

Часть I

Москва, ЦМВС РФ
26 мая 2020 г.

МАТЕРИАЛЫ
международной научно-практической конференции,
посвященной 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.
«Великая Победа: история и современность»

Часть I

Москва, ЦМВС РФ
26 мая 2020 г.

*Владимир Данилович Бuzдыган,
директор Департамента культуры
Министерства обороны
Российской Федерации*

Уважаемые участники конференции!

Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. «Великая Победа: история и современность», в связи с пандемией коронавируса проведена 26 мая в заочном формате.

С каждым годом все дальше от нас те страшные и героические дни. Все меньше остается очевидцев войны, надвое разделившей век. Тем важнее сегодня бережно собирать память о событиях и судьбах военного времени, ведь в них содержится огромный фактический материал, к которому еще многие годы будут обращаться историки, писатели, педагоги, авторы учебных пособий, политические аналитики и многие другие.

Гордость за свое Отечество была характерной чертой послевоенной историографии, что успешно использовалось в организации идеологической, политико-воспитательной и культурной работы в стране, в том числе, и в Вооруженных Силах. И напротив, после разрушения Советского Союза, с одной стороны, в сознании российского общества продолжают действовать и актуальны сегодня тенденции, сложившиеся еще в советское время, а с другой – резко усилился поток дезинформации, фальсификации и попыток искажения героико-драматической истории России, формирования негативного отношения к ее советскому периоду.

Такая сложная и противоречивая обстановка в полной мере отражается в современной отечественной и зарубежной историографии, фильмографии и другой медийной продукции, освещающей историю Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и России в целом. Причем потенциал негативного информационного воздействия на молодежь в последнее время значительно увеличился.

Военная история – это не только опорная точка военного мышления, но и одна из составляющих формирования мировоззрения и исторической памяти. Именно военная история помогает получить ответы на вопросы, поставленные современной эпохой, в частности, определить, кто является агрессором, а кто – жертвой, оценить характер и последствия военных конфликтов. Поскольку военно-историческая наука является составной частью военной и исторической науки, то и результаты ее исследований, выносимые на публичное обсуждение через средства массовой информации, влияют на морально-психологическое состояние личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, определяют в конечном итоге состояние военной и информационной безопасности государства.

Музеи и архивные коллекции, отражающие события военной истории, во все времена были местом, сохраняющим память как о самых тяжелых моментах открытого противоборства стран и народов, так и о великих подвигах и достижениях

ях – духовных и ратных. Но главное, они всегда были для людей своеобразным центром осознания ими личной причастности к истории своей армии, своего государства. Для армии музей имеет особое значение: представляя историю Вооруженных Сил, историю военной техники и оружия, он служит делу гражданского и патриотического воспитания молодого поколения, будущих воинов, он служит делу сохранения живой памяти об исторических событиях.

Ученые, научные сотрудники из Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Узбекистан, Республики Азербайджан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Федеративной Республики Германии направили свои статьи в организационный комитет Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации.

В конференции приняли участие:

Ведущие мировые центры по изучению истории – Институт Российской истории Российской академии наук, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан.

Государственные архивы – Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив, Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Российский государственный архив кинофотодокументов.

Ведущие российские и иностранные музеи – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации и его филиалы, Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации, Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Центральный музей Тавриды», Германо-Российский музей «Берлин-Карлсхорст», Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Государственное учреждение «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», Военно-исторический музей Вооруженных Сил Республики Казахстан, Неправительственная организация «ГАСР» (Замок) «По защите исторических памятников архитектуры и культурного наследия» (Баку) и другие.

Военные академии и вузы – Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Российский государственный социальный университет, Академия управления при Президенте Республики Беларусь.

Весьма представительный состав участников конференции – 16 докторов исторических наук, 34 кандидата исторических наук, 6 профессоров, 8 доцентов – позволяет говорить о том, что сборник с материалами конференции будет интересным и содержательным.

*Александр Константинович Никонов, Россия, Москва
директор Центрального музея Вооруженных Сил
Российской Федерации, кандидат исторических наук,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации*

Сохранение памяти о героической истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в музеях

Сохранение памяти о важнейших событиях военной истории является одной из традиций, присущих многим народам мира, начиная с древних веков. В России испокон веков свято чтили память воинов, отдавших свои жизни в борьбе за свободу и независимость своей Родины. В их честь и в ознаменование славных побед создавались памятники и монументы, в храмах и музеях на самых почетных местах размещались исторические раритеты, свидетельствовавшие о подвигах защитников Отечества.

Сбор исторических материалов и реликвий ведущие военно-исторические музеи Советского Союза начали еще в ходе войны. Экспедиционные группы работников военных музеев регулярно выезжали в действующую армию для сбора будущих экспонатов и организации фронтовых выставок с последующей их передачей музеям.

С первых дней войны была организована работа по вывозу собрания Центрального музея Красной армии (ныне Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации), сотрудников музея в Казань и организации его работы. К началу декабря 1941 г. музей разместился в Казанском ДКА и развернул там часть своей экспозиции.

Работа музея в эвакуации продолжалась до 1944 г., но он продолжал работать и в Москве, здесь экспонировались преимущественно материалы, собранные сотрудниками на фронтах Великой Отечественной войны.

Работа по сбору материалов была довольно сложной, сотрудникам военных музеев приходилось преодолевать множество бюрократических барьеров, а порой она была сопряжена и с риском для жизни.

В начале 1942 г. на фронт выехала экспедиционная группа в составе батальонных комиссаров П.Н. Логинова (руководитель) и И.Я. Панкова, научного сотрудника Роговой. Группа вела сбор материалов о действиях Красной Армии по обороне столицы и партизанском движении в Московской области для подготовки выставки «Разгром немецких захватчиков под Москвой»¹.

Летом и осенью 1943 года научные сотрудники музея Ю.А. Скотникова, М.К. Назарова, фотограф Л.А. Юрова под руководством начальника музея полковника В.И. Федянина работали в войсках Брянского фронта в расположении 61-й и 63-й армий и в районе Орла по сбору материалов у партизан, выходивших из Брянских лесов (отряды М. Дуки, В. Гришина), а также в партизанских отрядах на Смоленщине. Рис. 1. Среди

Рис. 1. Сотрудники ЦМКА в Ворговской (Клетнянской) партизанской бригаде им. С. Лазо во время сбора военно-исторических памятников. Слева направо первый ряд: командир бригады, заслуженный учитель РСФСР В.В. Казубский, начальник ЦМКА полковник В.И. Федянин, научный сотрудник музея М.К. Назарова.

экспонатов – подлинная партизанская землянка, доставленная из лесов Брянской области. В ней экспонируются образцы оружия партизан, в том числе, и самодельного. Здесь же экспонируется Знамя 1-й Клетнянской партизанской бригады с изображением Ленина и Сталина. Рис. 2.

Большой вклад в развитие музея внес полковник И. А. Горюшкин, назначенный на должность начальника музея в июле 1944 г. Под его руководством музейная коллекция получает наибольшее пополнение музейными реликвийными предметами военного времени². И. А. Горюшкину пришлось решать задачи, связанные с возвращением музея из эвакуации и организационным оформлением как самостоятельного учреждения культуры Красной армии и Военно-морского флота с ноября 1944 г.³.

Завершающий этап войны ознаменовался наиболее значительным пополнением коллекции экспонатов. За 1945 год в фонды было принято свыше 22,2 тысячи экспонатов. Только за одну поездку в войска, дислоцировавшиеся в Германии, сотрудники музея во главе с подполковником П.Н. Логиновым в мае 1945 года (Рис. 3) привезли около 4 тысяч документальных и вещественных экспонатов. Среди них – бронзовый орел, возвышавшийся над входом в имперскую канцелярию.

22 июня 1945 года в музей был передан штурмовой флаг 150-й стрелковой ордена Кутузова

II-й степени Идрицко-Берлинской дивизии, вошедший в историю как Знамя Победы⁴.

За годы войны Центральным музеем Красной армии из различных источников было получено почти 99 тыс. музейных предметов⁵, составивших основу его коллекции, многие из которых являются историческими раритетами. Среди них редкие фронтовые фотографии, портреты Героев Советского Союза, их дневники, документы, личные вещи, оружие и награды отличившихся воинов, в том числе генералов Л.М. Доватора, И.В. Панфилова (Рис. 4), И.Д. Черняховского, Н.Ф. Ватутина⁶ (Рис. 5), погибших в годы войны, и многое другое.

Исторически значимой по своему количественному и качественному составу является коллекция трофеев Второй мировой войны – знамена и штандарты

частей гитлеровской Германии, документы, награды и оружие, личные вещи А. Гитлера⁷, А. Розенберга, Э. Роммеля, Г. Геринга, Ф. Паулюса.

Значительно увеличились в годы войны коллекции Артиллерийского исторического музея (ныне – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), Центрального военно-морского музея (ЦВММ), Центрального музея пограничных войск НКВД и других существовавших в то время военно-исторических музеев.

При эвакуации Артиллерийского исторического музея планировалось отправить в г. Новосибирск три эшелона с музейными коллекциями и оборудованием⁸ во главе с начальником музея Я.Ф. Куске. Но военная обстановка на фронте внесла свои коррективы. Первый эшелон с коллекциями музея был отправлен в Новосибирск 6 июля, а второй – 16 июля⁹. Погрузка третьего эшелона в срок не состоялась из-за отсутствия вагонов, а затем и вовсе стала невозможной из-за перекрытия сквозного движения по железной дороге в районе г. Тихвина в августе 1941 г.¹⁰. Таким образом, часть музейных фондов осталась в Ленинграде¹¹. Для обеспечения сохранности музейных экспонатов и здания Кронверка в городе была оставлена Ленинградская команда, состоявшая из 21 человека научных сотрудников, а также рядовых бойцов вооруженной охраны под руководством П.Д. Львовского¹².

Благодаря самоотверженному труду команды, были спасены и преумножены музейные коллекции. Начиная с августа 1941 г. в задачи Ленинградской команды входило не только обеспечение сохранности музейных предметов, но и отбор и приведение в боевое состояние оружия из фондов музея для передачи Артиллерийскому управлению (АУ) Северного фронта. В конце августа 1941 г. для АУ Северного фронта были переданы 61 артиллерийская система и 208 единиц стрелкового оружия¹³. В сентябре члены Команды подготовили для нужд фронта еще 179 винтовок, автоматов, охотничьих ружей и отремонтировали 123 винтовки¹⁴. Так бывшие музейные экспонаты стали «воюющими памятниками» в дивизиях народного ополчения и других воинских подразделениях Ленинградского фронта.

Представителями Ленинградской команды по сбору трофеев и раритетов были майор И.П. Васильев и старший лейтенант В.Н. Грусланов, побывавшие на Ленинградском, Волховском и Прибалтийском фронтах. Благодаря поддержке командующего артиллерией Ленинградского фронта генерала Г.Ф. Одинцова¹⁵, энергии и старанию сотрудников команды, в музей были доставлены такие боевые реликвии, как орудие старшего лейтенанта В.Ф. Амеличева, командира 152 мм пушки; винтовка знаменитого снайпера Ленинградского фронта Ф.А. Смолячкова; пистолет ленинградца Героя Советского Союза командира зенитно-пулеметного взвода младшего лейтенанта И.А. Графова¹⁶ и множество интересных трофеев.

За годы войны в Артиллерийский исторический музей поступило свыше 16 тысяч реликвийных памятников и трофеев. Многие из них в настоящее время представлены в экспозиции. Впоследствии музей щедро делился с Центральным музеем Вооруженных Сил, с Музеем Героической обороны Ленинграда, с государственными и краеведческими музеями Литвы, Латвии, Эстонии, Украины и целого ряда российских городов.

Война изменила всю деятельность Музея Революции (ныне Государственный центральный музей современной истории России). С июля 1941 г. началась эвакуация фондов. Наиболее ценные материалы были отправлены в Хвалынский, а оттуда в Кустанай. Возглавлял эвакуа-

Фото 2. Подлинная партизанская землянка, доставленная из лесов Брянской области.

цию заместитель директора музея Г.И. Петровский. Менее ценные материалы оставались в Москве.

С первых дней войны музей проводил широкое комплектование материалов по военной тематике. Материалы не только передавались в музей организациями, но и были получены в специальных командировках и экспедициях, считавшихся наиболее продуктивной формой комплектования. В 1942 г. сотрудники выезжали в Тулу для сбора материала по теме «Московская битва», летом 1943 г. побывали в Сталинграде, в числе привезенных экспонатов был самолет-истребитель Героя Советского Союза летчика Ф.Ф. Федорова, произведены стереоскопические съемки панорамы обороны города. В Калинин был собран материал о деятельности партизанских отрядов. В 1944 г. была предпринята экспедиция на Украину, откуда было привезено 417 музейных предметов, в том числе, 12 картин и рисунков, выполненных по заказу. В 1945 г. сотрудники музея выезжали в командировки в Московскую и Ленинградскую области, а также предприняли поездку на Украину и в Бессарабию, во время которой, параллельно с лекторской работой, шло комплектование. Всего за 1944-1945 гг. было собрано 6885 единиц¹⁷.

В приказе Народного комиссариата просвещения от 13 сентября 1941 г. «О мероприятиях по улучшению работы музеев»¹⁸ большое внимание уделялось организации выставок в войсках, которые давали возможность продвинуть военно-исторические памятники к бойцам и ко-

мандирам, позволяли непосредственно в землянке, на коротком привале рассказать о героях Великой Отечественной войны и совершенных ими подвигах, о жестокости захватчиков.

С этими выставками сотрудники музея выезжали в действующую армию, в госпитали, работали на призывных пунктах, вокзалах, через которые воинские эшелоны шли на фронт. Их разворачивали во время проведения партийных и комсомольских собраний, на совещаниях и собраниях офицеров.

Часть передвижных выставок создавалась специально для экспонирования в составе агитбригад, отправляемых на фронты автомашинами или агитпоездами. В состав таких агитбригад, кроме сотрудников музея, включались известные артисты, ученые, писатели, поэты, мастера изобразительного искусства.

В мае 1942 г. силами сотрудников Центрального музея Красной армии была развернута выставка боевых трофеев в парке ЦДКА¹⁹. Наряду с трофейными танками, орудиями, сбитыми самолетами, другой боевой техникой, на выставке широко были представлены политплакаты, карикатуры.

Руководством музея также была организована работа по подготовке экскурсоводов, доведению до них тактико-технических данных всех образцов трофейного оружия. В воскресные дни для посетителей были организованы консульта-

ции командиров разных родов войск – артиллеристов, танкистов, автомобилистов²⁰.

Только за период с июня 1942 г. по май 1943 г. сотрудниками нашего музея было совершено 16 выездов с передвижными музейными выставками. Наибольшая нагрузка легла на выставку «Разгром немецких захватчиков на подступах к Москве»²¹. Наряду с этой экспозицией широкую известность в действующих частях получили и такие выставки, как «Великая Отечественная война против немецких захватчиков», «Зверства немцев над населением и пленными красноармейцами», «Стойкость и железная дисциплина – залог победы», «Исторические победы Красной Армии»²². В большом количестве были изготовлены и распространены в войсках фотовыставки «Разгром немцев под Сталинградом»²³.

С выставками на фронтах активно работали Логинов, научные сотрудники Панков, Тарасов, Рогова, экскурсоводы Андрианова, Дворцова, Назарова.

23 февраля 1943 году в Ленинграде в Доме офицеров силами научных сотрудников команды Артиллерийского исторического музея была открыта выставка «Героические события из военного прошлого русского народа XIII-XX вв.». Несколько позже на основании разрешения командующего артиллерией Ленинградского фронта генерал-лейтенанта Г.Ф. Одинцова в музее был открыт кабинет трофейного вооружения и небольшая выставка реликвий бойцов и командиров, где впервые были представлены раритеты с полей сражений Ленинградского фронта²⁴.

В годы Великой Отечественной войны основные экспозиции и фонды Центрального военно-морского музея были эвакуированы из Ленинграда в г. Ульяновск. В августе-сентябре 1941 г. сотрудники, оставшиеся в Ленинграде, создали свою первую за годы войны передвижную выставку под названием «Военно-Морской флот в Великой Отечественной войне». Посетителям были показаны наиболее яркие эпизоды действий ВМФ СССР, боевые подвиги моряков в первый период войны, образцы трофейного оружия, полученные музеем.

Фото 3. Сотрудники ЦМКА в Берлине. Май 1945 г.

В период с 1942 по 1944 гг. находившиеся в Ульяновске сотрудники ЦВММ сформировали семь выставок, посвященных участию ВМФ в Великой Отечественной войне. Все они сопровождались информационной поддержкой и имели успех у посетителей²⁵.

Уже в годы войны начали создаваться новые музеи. Так 12 ноября 1942 г. начальник Главного военно-санитарного управления Е.И. Смирнов подписал приказ о создании Музея военно-медицинской службы Красной армии²⁶, первая экспозиция которого открылась 26 апреля 1943 г. В то время, когда значительная часть Белоруссии еще была оккупирована врагом, а вся республика еще лежала в руинах, решением Бюро ЦК КП(б) Белоруссии был основан Белорусский Государственный музей истории Великой Отечественной войны, открытый 7 ноября 1944 г. В 1943 г. был основан музей «Молодая гвардия» в Краснодаре. Некоторые музеи создавались по инициативе и силами солдат и офицеров Красной армии. К примеру, в г. Лодейное Поле в 1944 г. был создан музей «Свирская победа». Некоторые места исторических боев Великой Отечественной войны были объявлены заповедными, среди них командный пункт генерала армии Н.Ф. Ватутина на правом берегу Днепра у Киева, огромное поле Корсунь-Шевченковского сражения и другие.

В декабре 1943 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление об организации выставки «Героическая оборона Ленинграда», которая была торжественно открыта 30 апреля 1944 г. А 5 октября 1945 г. выставка была преобразована в музей республиканского значения, официальное открытие которого состоялось 27 января 1946 г. (ныне Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда)²⁷.

Необходимо отметить, что в послевоенное время было открыто значительное количество музеев, посвященных важнейшим событиям Великой Отечественной войны. Это, к примеру, Государственный музей обороны Москвы, Музей-панорама «Сталинградская битва» в Волгограде, Музей героической обороны и освобождения Севастополя, Музей обороны Приэльбрусья в Кабардино-Балкарии, Военно-исторический музей Курской битвы в Курске, Музей «Дорога жизни» в поселке Осиновец Всеволожского района Ленинградской области, Музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» в Белгороде, музей «Берлин-Карлсхорст» в Германии, Национальный музей Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в Киеве и много других больших и малых музеев. Были созданы музеи, посвященные конкретным героям и подвигам, такие, например, как мемориальный музей З.А. Космодемьянской в деревне Петрищево

Рузского района Московской области, Музей героев-панфиловцев в деревне Нелидово Волоколамского района Московской области, Государственный музей Г.К. Жукова в г. Жуков Калужской области и другие. Создавались также музеи, посвященные каким-либо определенным образцам вооружения: к примеру, музей «Подводная лодка «Народоволец» в Санкт-Петербурге или музейный комплекс «История танка Т-34» в Подмоскowie.

На основе собранных в 1941-1945 гг. материалов были развернуты разделы экспозиции, посвященные истории Великой Отечественной войны в Центральном музее Красной армии, Артиллерийском историческом музее и Центральном военно-морском музее. В послевоенные годы коллекции этих

Фото 4. Шинель генерал-майора И.В. Панфилова.

Фото 5. Шинель, шашка, пистолет сист. Коровина обр. 1926 г. генерала армии Н.Ф. Ватутина

музеев пополнились и продолжают пополняться ценнейшими историческими реликвиями, связанными с историей Великой Отечественной войны. На 1 января 1960 г. коллекция Центрального музея Советской армии составляла 300 281 музейный предмет²⁸, а на 1 января 1965 г. – уже 498 490²⁹. Сегодня она насчитывает более 880 тыс. экспонатов. Это позволило существенно расширить экспозицию, посвященную периоду Великой Отечественной войны.

В 1955 г. министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г.К. Жуков принял решение о строительстве нового здания Центрального музея Советской армии. 8 мая 1965 г. новое здание музея, к тому времени ставшему Центральным музеем Вооруженных Сил СССР³⁰, был торжественно открыто. Значительное количество экспозиционных площадей было отведено под материалы о Великой Отечественной войне. В самом большом торжественном зале музея представлен, пожалуй, самый значимый экспонат – Знамя Победы. Рис. 6.

В 1960-е гг., особенно в 20-ю годовщину празднования Победы советского народа в Великой Отечественной войне, возросла посещаемость военных музеев. Так, если в 1948 г. Центральный музей Красной армии посетили 117 650 человек, то в 1966 г. – 1 млн 40 тыс. человек³¹. За 25 лет с 1965 по 1990 г., музейные экспозиции осмотрели более 28 млн человек. В этот период за счет поступлений от активных участников Великой Отечественной войны, главных и центральных управлений Министерства обороны коллекция музея пополнилась уникальными экспонатами, в том числе, личными вещами, оружием, документами, фотографиями выдающихся полководцев и флотоводцев Великой Отечественной: Г.К. Жукова (Рис. 7), А.М. Василевского, И.С. Конева, Н.Г. Кузнецова, Р.Я. Малиновского, К.А. Мерецкова, К.К. Рокоссовского, Ф.И. Толбухина и многих других.

На сегодняшний день Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации располагает крупнейшей в стране коллекцией материальных свидетельств о событиях Великой Отечественной войны, включающей образцы военной техники и вооружения того периода, форму одежды и снаряжение, награды, картины, плакаты, документы, фотографии и многое другое. Уникальный знаменитый фонд музея

Фото 7. Награды и личные вещи Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

насчитывает 28 тыс. боевых и шефских знамен. В настоящее время из 24 залов музея 10 посвящены событиям Великой Отечественной войны, их экспозиция постоянно обновляется, она востребована, посещается. Значительная часть экспозиции посвящена Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и в филиалах Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации: в Центральном музее ВВС в г. Монино Московской области, Музее Войск ПВО в подмосковном поселке Заря, Музее истории ВДВ в Рязани и в Мемориальном кабинете-музее Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в старом здании Генерального штаба. Даже в Музее Ракетных войск стратегического назначения в подмосковном поселке Власиха есть раздел, посвященный событиям войны. Большое внимание этому периоду уделено в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи и Центрального военно-морского музея.

Необходимо отметить, что музеи, мемориалы и памятники играют исключительно большую воспитательную роль. В связи с этим на рубеже 1980-1990 гг., когда в странах народной демократии в силу ряда причин начались центробежные процессы, всячески стимулируемые

появившимися националистическими организациями, началась своего рода «война с памятниками» Великой Победе.

Не миновал этот процесс и ряд государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Наиболее часто это происходит в странах Прибалтики. К такого рода «войне» подключилась и Грузия, где в декабре 2009 г. был снесен Мемориал славы в Кутаиси, воздвигнутый в память 300 тыс. грузин, погибших в годы Великой Отечественной войны. Немногим раньше, в ноябре 2009 года, с бросающейся в глаза одновременностью событий в столице Узбекистана был демонтирован монумент «Советскому воину – защитнику Отечества», установленный к 30-летию Победы, а уже в 2011 году эта же судьба постигла памятник герою Великой Отечественной войны генерал-майору С. Рахимову, переименованы названные в его честь станция метро и районы в Ташкенте и Ферганской области. На Украине, на Львовщине, в том же году появилась улица имени батальона СС «Нахтигаль»³².

Деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, внедрение ложного представления об исторической отсталости России особенно активизировались в последнее время. Впрочем, это происходит не впервые: аналогичные процессы имели место и в прошлом. Причина их кроется в стремлении к переделу собственности в мировом масштабе: когда силовые методы не приносят желаемых результатов, на вооружение берут разжигание национальной и религиозной нетерпимости, непринятие образа жизни других людей. И здесь политтехнологи не гнушаются манипуляций с историей, по большей части

Рис. 6. Знамя Победы.

военной. Наибольшего эффекта такие приемы достигают в той среде, где историческая память нации подменяется обслуживанием сиюминутных выгод политических групп и бизнес-элит, где отсутствуют четко устоявшиеся оценки узловых проблем и событий истории – ведь именно их пытаются исказить, подрывая мир безопасность государств. К сожалению, национальная безопасность России, имеющей богатейшую военную историю, именно сейчас подвергается таким провокационным атакам.

Поэтому важная роль в патриотическом воспитании граждан современной России, формировании гражданской идентичности молодых поколений, в том числе, на примере события настоящей национальной гордости – Великой Победы, отводится музеям Российской Федерации, особенно музеям военным.

Они сберегают и изучают материальные свидетельства истории, дают возможность музейными средствами рассказать о важнейших событиях войны, о героизме и мужестве советского народа на фронте и в тылу. Исторические исследования и новые поступления в музейные коллекции позволяют вносить необходимые уточнения и дополнения в экспозиционные комплексы, раскрывать новые темы, рассказывать о ранее неизвестных героях и их подвигах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Архив ЦМВС РФ. Оп.3. Д.18/1. Л.1.
- 2 80 лет на службе Отечеству/ Исторический очерк, посвященный созданию и становлению музея.- М., 1999. С. 47.
- 3 Архив ЦМВС РФ. Оп.3. Д.19/2. Л. 1.
- 4 Архив ЦМВС РФ. Оп. 1. Д. 21/4. Л. 11.
- 5 Музейный фронт Великой Отечественной. М. 2014. С. 321.
- 6 Главный военный музей России. К 100-летию Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации. - М., 2019. С. 52.
- 7 Архив ЦМВС РФ. Оп.3. Д.21/4. Л.13.
- 8 Рудакова Л.П. Великая Отечественная война в документах архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. ИА ВИМАИВ и ВС. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 65. Л. 7.
- 9 Там же. Л. 47.
- 10 Там же. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 358. Л. 11.
- 11 Там же. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 65. Л. 47.
- 12 Там же. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 57. Л. 220.
- 13 Там же. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 65. Л. 59.
- 14 Маковская Л.К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Бомбардир № 16. 2004. С. 88.
- 15 Там же. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 358. Л. 49.
- 16 Там же. Д. 358. Л. 50.
- 17 Музейный фронт Великой Отечественной. - М., 2014. С. 291.
- 18 Великая Отечественная война 1941-1945 годов: В 12 т. Т. 12. - М., 2015. С. 167.
- 19 Архив ЦМВС РФ. Оп.3. Д.18/1. Л.3.
- 20 Там же. Оп.3. Д.18/1. Л. 3.
- 21 Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 32-34.
- 22 Там же. Оп.3. Д.25/8. ЛЛ. 35-40.
- 23 Там же. Оп.3. Д.18/1. Л.29.
- 24 Там же. Ф 3Р. Оп. 1. Д. 78. Л. 169.
- 25 Ларионов А. Центральный военно-морской музей в годы Великой Отечественной войны // Труды ЦВММ. – Вып. I. СПб., 1999. С. 106.
- 26 Архив ЦМВС РФ. Оп.3. Д.24/7. Л.2.
- 27 См.: Давид В.М., Добровольский Н.П. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. - СПб., 2001.
- 28 В 1951 г. Центральный музей Красной армии был переименован в Центральный музей Советской армии. Приказ Военного Министра Союза ССР № 22 от 19 февраля 1951 г. РГВА. Ф.4. Оп. 12. Д. 128. Л.129.
- 29 Солдаты XX века. Многотомное издание. Вып. I. 2000. С. 511.
- 30 Центральный музей Советской армии был переименован в Центральный ордена Красной Звезды музей Вооруженных Сил СССР. Приказ Министра обороны СССР № 118 от 30 апреля 1975 г.
- 31 Кузнецов А.М. Военные музеи и их роль в культурно-просветительной работе с военнослужащими (1918-1991). - М., 2008. С. 85.
- 32 Великая Отечественная война 1941-1945 годов: В 12 т. Т. 12. - М., 2015. С. 688.

*Владимир Анатольевич Афанасьев,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
главный научный сотрудник, кандидат исторических наук*

Полководцы победы ковались в предвоенные годы (Краткий анализ подготовки советских военных кадров оперативно-стратегического звена накануне Великой Отечественной войны)

Одной из важных составляющих Победы нашего народа в Великой Отечественной войне являются подготовленные командные кадры, в частности, военачальники оперативно-стратегического уровня.

При этом следует учитывать, что после крушения самодержавия в 1917 году и последовавших за этим событий молодой советской республике пришлось готовить свои командные кадры практически с нуля. С большим трудом, но эта проблема была решена. И уже через два с небольшим десятилетия в стране были созданы условия для появления целой плеяды замечательных военных руководителей, сумевших в суровой борьбе превзойти военачальников сильнейшей в то время армии мира – германского вермахта.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, несмотря на все старания советского правительства, направленные на подготовку военных руководителей, Великая Отечественная война началась для нашей страны в условиях острого недостатка подготовленных, опытных военных кадров. Особенно это ощущалось на оперативном и оперативно-стратегическом уровнях. Сказались годы

репрессий, за которыми последовал быстрый рост численности армии. Но если командира взвода, роты можно было в то время подготовить относительно быстро, то для подготовки командира дивизии, корпуса и тем более командующего армией или фронтом нужны годы и годы напряженного труда.

Как советскому государству удалось за два с небольшим десятилетия подготовить из представителей рабочих и крестьян, в большинстве своем не имевших к 1917 году военного образования, военачальников, признанных выдающимися полководцами прошлого века? В каких условиях и благодаря чему ковалось их воинское мастерство? Какие уроки и выводы из этого можно сделать? Представляется, что эти вопросы исключительно актуальны и сегодня.

Рассмотрим некоторые аспекты профессионального роста в межвоенный период военачальников, командовавших в годы Великой Отечественной войны фронтовыми объединениями, точнее некоторых, наиболее характерных их представителей.

За годы войны фронтами (не считая фронтов ПВО) в разное время командовали 43 военачальника. По своему происхождению практически все они, за небольшим исключением, были из рабочих и крестьян. Большинству из них, кроме И.Р. Апанасенко, С.М. Буденного, К.Е. Ворошилова и М.А. Рейтера, к началу войны не было 50 лет, а Н.Ф. Ватутин, М.М. Попов, И.Д. Черняховский были моложе 40 лет. Большинство из них участники Первой мировой войны. Многие в старой армии дослужились до офицерских погон. Так, М.А. Рейтер был полковником, штабс-капитанами были А.М. Василевский, М.П. Ковалев, Ф.И. Толбухин, Н.Е. Чибисов, офицерские погоны носили И.Р. Апанасенко, И.Х. Баграмян, Л.А. Говоров, М.Г. Ефремов, Г.Ф. Захаров, Д.Т. Козлов, Ф.И. Кузнецов, П.А. Курочкин, И.Е. Петров, М.А. Пуркаев, П.П. Собенников, И.В. Тюленев, М.С. Хозин. Унтер-офицерские звания имели П.А. Артемьев, С.М. Буденный, В.Н. Гордов, Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский, В.А. Фролов и Я.Т. Черевиченко. С.М. Буденный и И.В. Тюленев были полными Георгиевскими кавалерами.

Большинство командующих фронтами Великой Отечественной войны - участники Гражданской войны, многие из них в Гражданскую командовали соединениями и частями, а С.М. Буденный командовал армией. Некоторые из них в межвоенный период за умелое руководство войсками в боевой обстановке были удостоены звания Героя Советского Союза. Так, Г.К. Жуков и И.И. Федюнинский были удостоены этого звания за бои у реки Халхин-Гол, Д.Г. Павлов - в Испании, а М.П. Кирпонос, К.А. Мерецков и С.К. Тимошенко получили Золотые Звезды Героя во время советско-финляндской войны. Многие военачальники, которым довелось командовать фронтами в годы Великой Отечественной войны, в мирное время приобрели опыт командования крупными войсковыми объединениями, однако большинство из них в должностях, на которых их застала война, находились незначительное время (многие были назначены на должности в конце 1940 - начале 1941 г.). Большинство из них, за исключением К.Е. Ворошилова, Г.К. Жукова, Ф.Я. Костенко, И.Е. Петрова, К.К. Рокоссовского, П.П. Собенникова, С.К. Тимошенко, И.И. Федюнинского и М.С. Хозина, имели академическое военное образование. В целом, несмотря на сходные во многом судьбы, военачальники, которым

предстояло возглавить в годы войны фронтовые объединения, были к этой роли подготовлены отнюдь не одинаково. Были среди них талантливые военачальники, были и такие, кто по уровню своей подготовки и деловым качествам оказался неспособным решать стоящие задачи. Война все расставила на свои места.

Говоря о командных кадрах в начале войны, маршал А.М. Василевский писал: «...не сразу и не везде появилось достаточное число одаренных и опытных военачальников. В первый год войны мы постоянно испытывали нехватку в генералах на руководящие должности, особенно на должности командующих фронтами и армиями. Они часто менялись, порой даже не успев показать, на что способны. Но уже тогда у нас было немало хорошо подготовленных полководцев, таких, как Г.К. Жуков, Б.М. Шапошников, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский, Н.Ф. Ватутин, Р.Я. Малиновский, Л.А. Говоров, С.К. Тимошенко, Ф.И. Толбухин, М.В. Захаров и многие другие».¹ К этому перечню по праву необходимо добавить и самого А.М. Василевского.

Не все военачальники, занимавшие высокие командные должности накануне войны, выдержали экзамен войной. По-разному сложилась их военная судьба. Так, командующий Юго-Западным фронтом М.П. Кирпонос погиб в бою; командовавший в начале войны войсками Северо-Западного фронта Ф.И. Кузнецов войну закончил командиром корпуса; командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов был осужден и расстрелян в начале войны; командовавший в начале войны Северным фронтом М.М. Попов (самый молодой из командующих фронтами в 1941 г.) в годы войны успешно командовал фронтом, армией, руководил штабом фронта; командовавший в начале войны Южным фронтом И.В. Тюленев закончил войну командующим войсками Закавказского фронта. Кроме упомянутых уже М.П. Кирпоноса и Д.Г. Павлова не довелось дожить до Победы и И.Р. Апанасенко, Н.Ф. Ватутина, М.Г. Ефремову и И.Д. Черняховскому, в разное время командовавшим в годы войны фронтами.

На завершающем этапе войны во главе фронтов стояли такие прославленные полководцы, как Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Л.А. Говоров, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский, Ф.И. Толбухин, генералы армии И.Х. Баграмян,

А.И. Еременко. Их полководческое мастерство росло и совершенствовалось в годы войны, но основы его были заложены задолго до ее начала.

Выдающиеся полководческие качества, продемонстрированные ими в годы Великой Отечественной войны, не появились сами собой. Безусловно, становлению их как полководцев способствовали определенные природные качества: глубокий аналитический ум, смелость и мужество, исключительная ответственность за порученное дело и высочайшая требовательность к себе. Однако этого мало.

Для успешного решения задач, которые поставила перед ними жизнь, нужны были доскональное знание армейской службы, понимание природы общевойскового боя, опыт командования частями и соединениями, умение организовывать управление и взаимодействие между частями и подразделениями, нужны были знания, касающиеся огромного числа специфических вопросов, прежде всего состояния и перспектив развития как своих войск, так и войск вероятного противника (их организационной структуры, вооружения, уровня подготовки войск и т.д.). Все это требовало напряженной, самоотверженной работы.

Все они имели богатый опыт командования частями и соединениями в межвоенный период. Г.К. Жуков, к примеру, прокомандовал полком почти семь лет, А.М. Василевский – около восьми, многолетний опыт командования полком имели И.Х. Баграмян, Л.А. Говоров, А.И. Еременко, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский. К.А. Мерецков, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин получили большой опыт штабной работы.

Кто-то совершенствовал свои командирские навыки в боевой обстановке, как, например, К.К. Рокоссовский, принимавший участие в ликвидации бандформирований в Забайкалье. Кто-то, как Г.К. Жуков, в ходе напряженной боевой учебы, в частности, во время широко практиковавшихся в то время полевых поездок. Подобные поездки проводились регулярно, каждая из них преследовала определенные учебные цели. Так, в начале июня 1924 года с целью подробного обсуждения на местности деятельности разведорганов и боевой деятельности стратегической конницы была проведена поездка по теме «Действия кавдивизии перед фронтом армии»². Тема другой полевой поездки – «Бой за перепра-

ву. Кавалерийский полк против кавалерийского полка»³. Проводились они на определенном тактическом фоне, были, как правило, двухсторонними. Командиры принимали решения в соответствии с обстановкой, готовили соответствующие документы, ставили задачи подчиненным. Кроме того, в войсках регулярно проводились полковые и дивизионные учения, на которых командиры отрабатывали навыки оценки обстановки, принятия решения, управления войсками в бою. В ходе учений войска форсировали водные преграды, преодолевали различного рода инженерные заграждения, учились прорывать заблаговременно укрепленные позиции⁴.

Говоря о формировании профессиональных качеств будущих военачальников, необходимо иметь в виду среду, в которой формировались их военно-теоретические взгляды.

20-30 годы XX века характерны бурным развитием военно-теоретической мысли как в нашей стране, так и за рубежом. Мировая наука и техника шагнула далеко вперед, в армиях передовых стран начали массово внедряться новинки техники: в первую очередь, самолеты и танки. С учетом этого менялось представление о характере будущей вооруженной борьбы. Лучшие военные умы анализировали возможные пути развития военного дела. Какой будет будущая война? Что взять за основу подготовки войск – опыт позиционных боев первой мировой войны или маневренный характер, характерный для гражданской войны?

Оценки перспектив развития военного искусства были неоднозначны. Этот период характерен выходом в свет целого ряда работ, в которых авторы стремились изложить свой взгляд на перспективы развития вооруженных сил с учетом опыта предшествовавших войн и развития технической оснащенности войск. К таким работам можно отнести статью М.В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия», 1921 г., ряд других его работ, работы М.Н. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая», 1920 г., «Вопросы высшего командования», 1924 г., «Война», 1926 г., С.С. Каменева «Очередные военные задачи», 1922 г., книгу Б.М. Шапошникова «Мозг армии», состоящую из трех томов, вышедших в 1927-29 гг., и вызвавшую широкую дискуссию, работу А.А. Свечина «Стратегия», 1923 г., книгу А.И. Верховского «Огонь, маневр,

маскировка», 1928 г., труд В.К. Триандафиллова «Характер операций современных армий», имевший существенное влияние на развитие советского военного искусства, и ряд других работ как этих, так и иных авторов, позволивших выработать нашедшую практическое подтверждение концепцию «глубокой операции».

В этот же период за рубежом появились труды ряда авторов, рассматривавших возможные перспективы развития характера вооруженной борьбы с учетом развития военной техники, которые полностью или частично в переводе были опубликованы в нашей стране. Это, в частности, теории Д. Фуллера, Д. Дуэ и целого ряда их последователей. Таким образом, литература, выходявшая в 20-е, 30-е годы XX столетия в нашей стране, была существенным подспорьем для военных специалистов.

Передовые командиры Красной Армии, к числу которых, безусловно, следует отнести полководцев Великой Отечественной, внимательно следили за книжными новинками по военной тематике. При этом командование всячески поощряло самостоятельную работу командного состава над повышением своего военно-теоретического уровня, рекомендовало следить за военной периодикой. Характерен в этом отношении один из приказов по 7-й кавалерийской Самарской дивизии, редкий, к сожалению, и для нашего времени. Так, в пункте 2 приказа по дивизии от 29 ноября 1924 года № 69 отмечалось:

«Рекомендую для прочтения командному и политическому составу дивизии следующие статьи в Военном вестнике № 44 с.г.:

Штабам и комбригам – статью Игнорина «Управление» стр. 7.

Комполков, нач. штабов полков и командирам эскадронов статьи: Н. Дмитриева «Групповой метод или занятия по группам» стр. 20, Н. Знаменского «Как лучше изучать пулемет Максима», Князева «Стрельба» стр. 27, Есвятского «Новое пособие по военной топографии».

Завхиму – статью Тютенева-Орского «Служба хим обороны».

Комдив 7 кав. А. Военкомдив Голозубов
Нач. штаба Верховский»⁵

Показательно в этом плане и обращение Центрального военно-научного клуба Запфронта от 4 июля 1923 года (№ 57), подписанное М.Н. Тухачевским. «Наш журнал «Революция и Война»,

- обращался к командному составу Западного фронта М.Н. Тухачевский, - для командного состава Красной армии вообще, а Западного фронта в особенности, имеет громадное значение.

Уделяя максимум внимания вопросам военной науки в ее практическом приложении и минимум сопредельным вопросам, журнал каждой своей книгой стремится сделать ценный вклад в нашу, еще небогатую, военно-научную мысль. В нашем журнале читатель может найти интересный и поучительный разбор целого ряда кампаний, главным образом на Западном фронте, во всех случаях отражения военной мысли, опираясь на опыт нашей гражданской войны.

Совершенно необходимо, чтобы каждый командир, до роты включительно, получал бы, читал бы и писал бы в наш журнал...»⁶.

В тот период в войсках активно работали военно-научные клубы (ВНК) и общества (ВНО), на заседаниях которых обсуждались насущные проблемы военного строительства. В частности, 21 января 1924 года на очередном собрании тактической секции ВНО 7-й кавалерийской дивизии, на котором присутствовал и председатель ВНК 39-го кавалерийского полка Г.К. Жуков, на повестке дня стоял вопрос «Утверждение дальнейших пунктов тезисов по механизации конницы»⁷. То есть, рядовые строевые командиры имели возможность активно участвовать в обсуждении вопросов военного строительства в так называемый межвоенный период, чего, к сожалению, так не хватает в наше время.

Развитию уровня военно-теоретической подготовки командного состава РККА способствовала существовавшая в то время практика направления командиров в военные академии и на курсы усовершенствования командного состава, где они под руководством высоко подготовленных преподавателей овладевали военной наукой. В период реформы в Красной Армии (1923-1928 гг.) при значительном сокращении численности армии большое значение уделялось профессиональной подготовке ее командного состава. Была создана сеть военно-учебных заведений, нацеленных на совершенствование знаний и профессиональных навыков командиров. На 1 ноября 1925 года в Красной Армии действовало 77 военно-учебных заведений, из них четыре военных академии, четыре военных отделения при гражданских вузах, 14 различных курсов

усовершенствования, 15 повторных отделений при военных школах и курсов⁸. Причем командование не боялось направлять на учебу одновременно нескольких командиров из одной части и соединения. Так, например, в 1924 году только из 7-й кавалерийской Самарской дивизии на учебу в высшие школы было командировано 20 человек (из них 10 – в Высшую кавалерийскую школу, в том числе два командира полка, одним из которых был Г.К. Жуков). Сокурсниками Г.К. Жукова по Высшей кавалерийской школе, которая была переименована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС) были К.К. Рокоссовский, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко.

Одной из задач школы была «подготовка старшего комсостава (комполков и их помощников) к командованию кавалерийскими соединениями с приданными техническими частями в разных условиях боевой обстановки и небольшими соединениями из всех родов войск, к умению вести подготовку части по всем отраслям строевого и политического воспитания, вести занятия с комсоставом и по личному усовершенствованию их технике строевого кавалерийского дела»⁹.

Преподавали на курсах высокопрофессиональные подготовленные специалисты. Значительная часть учебного времени отводилась на тактику¹⁰. Курс общей тактики (192 часа зимой и 64 летом) включал вопросы организации армии, занятия по стратегии, тактике общей и родов войск, в общих чертах давалась история военного искусства. Курс техники боевых действий конницы (144 часа зимой и 64 летом) включал тактику конницы и часть курса истории конницы в виде примеров к курсу тактики. Курс военной техники (129 часов зимой и 40 летом) проходил в виде эпизодических занятий, экскурсий и маневров с техническими частями. Слушатели получали сведения по службе связи, артиллерии и бронесил, авиации, химическому делу, маскировке и общей полевой фортификации.

Слушатели проходили курс методики строевой подготовки конницы (249 часов зимой и 169 летом), который включал методику строевого кавалерийского устава, стрелкового и пулеметного дела и практику езды и выездки, владения холодным оружием, фехтования и вольтижировки.

В школе преобладали лабораторный и практически прикладной методы обучения. Прак-

тиковалась самостоятельная проработка слушателями отделов курса, практические занятия по группам с руководителями, разборы работ и дискуссии, проводимые преподавателями.

В летний период занятия проводились исключительно практические (полевые поездки, съемки, стрельбы, маневры и полевые учения с широким использованием учебного дивизиона школы).

В 1929 году Г.К. Жуков вновь был направлен на учебу, на этот раз на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной академии им. М.В. Фрунзе в Москве. Его сокурсниками стали Л.А. Говоров, М.А. Пуркаев, Ф.И. Толбухин (до того уже обучавшийся на годичных курсах усовершенствования при этой же академии), несколько раньше курсы усовершенствования при академии окончили И.С. Конев, К.А. Мерецков и К.К. Рокоссовский, а И.Х. Баграмян несколько позже.

Курсы решали следующие учебные задачи:

1. Освоение слушателями единых взглядов на ведение современного боя и на методы вождения войск;

2. Прочное усвоение слушателями принципов, форм и методов, составляющих систему подготовки войск и, в частности, командного состава;

3. Совершенствование боевых качеств, необходимых для высшего начальствующего состава РККА: боевой активности, быстроты решений и действий, развитие верного военного глаза в оценке и учете обстановки;

4. Освежение и пополнение познаний путем ознакомления с новейшими достижениями в военном деле (в области техники, тактики и организации)¹¹.

Курс обучения состоял главным образом из решения ряда тактических задач и проведения ряда малых военных игр в группах. На лекциях слушателей знакомили с современным для того времени состоянием теории военного искусства, новостями военной техники.

К проведению занятий на КУВНАС были привлечены высококвалифицированные военные специалисты. Такие как А.Г. Лигнау, В.М. Цейтлин, Н.А. Калиновский, П.Д. Гладков, М.М. Загю, Д.М. Карбышев и другие военные ученые.

По признанию Г.К. Жукова, на занятиях царила творческая обстановка, «слушатели основатель-

но проработали ряд важнейших оперативно-тактических и специальных тем, познакомились с образцами новой техники и вооружения...»¹².

Занятия на курсах были исключительно полезны и поучительны. Они давали слушателям систематизированные военные знания, позволяли приобрести определенную практику планирования боевых действий и руководства войсками в различных видах боевых действий.

А.М. Василевский в 1925-1926 годах на отделении командиров полков обучался на стрелково-тактических курсах «Выстрел». К слову сказать, вместе с Александром Михайловичем на курсах учились В.И. Тупиков, руководивший в годы Великой Отечественной войны штабом фронта, будущие командармы Ф.Ф. Жмаченко, Н.П. Пухов, С.Г. Трофименко и другие.

А.М. Василевский и его сокурсники изучали современный по тому времени бой во всех его разновидностях, специальные дисциплины: артиллерию, военно-инженерное и военно-химическое дело, топографию и устройство тыла. Большое внимание на курсах уделялось изучению материальной части оружия, обучению управлению огнем подразделений в различных условиях.

«Я с благодарностью вспоминаю свое пребывание и учебу на курсах, которые дали мне твердые знания как командиру Красной Армии», - вспоминал позднее Александр Михайлович¹³.

Учеба на курсах, безусловно, способствовала систематизации, совершенствованию и углублению знаний и навыков, приобретенных командирами в период их службы в войсках. Они получили хорошую практику работы с картой, приобрели дополнительные навыки глубокого анализа обстановки, лучше узнали возможности как вероятного противника, так и своих войск.

Многие командиры окончили полный курс Военной академии им. М.В. Фрунзе. Среди них И.Х. Баграмян, Л.А. Говоров (в том числе оперативный факультет), А.И. Еременко, И.С. Конев (оперативный факультет), Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, Ф.И. Толбухин.

Совершенствование военного образования и подготовка военных кадров в то время были объектом повышенного внимания высшего военного и политического руководства страны. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только в 1929 году Реввоенсоветом СССР были

приняты постановления «О высших военно-учебных заведениях», «О курсах усовершенствования командного состава РККА» и «О постановке учебной работы в военных академиях РККА», дважды, в том же 1929 и в 1931 годах, ЦК ВКП (б) принимались постановления «О командном и политическом составе РККА».

С конца 1929 года в Красной Армии впервые было введено заочное и вечернее высшее военное и военно-политическое обучение командно-политического состава. Кстати, до поступления на оперативный факультет академии им. М.В. Фрунзе Л.А. Говоров освоил программу основного курса этой академии заочно.

21 мая 1932 года Комиссия обороны при СНК СССР приняла постановление о создании специальных военных академий РККА: Моторизации и механизации, Артиллерийской, Электротехнической, Военно-инженерной, Военно-химической, Военно-транспортной. В сентябре 1935 года была организована еще и Военно-хозяйственная академия.

22 сентября 1935 года ЦИК и СНК СССР утвердили «Положение о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА», которое определяло требования к военной и специальной квалификации командиров и начальников, поднимало их авторитет, а вместе с тем повышало ответственность за обучение и воспитание подчиненных. Этим постановлением устанавливались персональные «командные и специальные военные звания» для лиц командного и начальствующего состава РККА.

В 1936 году по решению советского правительства было создано принципиально новое учебное заведение - Академия Генерального штаба РККА, призванная готовить высший командный состав. Или, как отмечалось в приказе Наркома обороны от 11 апреля 1936 года о ее образовании, «совершенствовать подготовку высококвалифицированных командиров для несения службы Генерального штаба в крупных общевойсковых штабах и органах высшего командования». На Академию, которая была подчинена непосредственно начальнику Генерального штаба, возлагалась и другая, не менее важная задача - стать центром военно-теоретической работы в вооруженных силах, и, в частности, всесторонне разработать коренные вопросы теории современного военного искусства.

Для работы в новой Академии были приглашены лучшие преподаватели военных академий, главным образом Академии имени М.В. Фрунзе, пользовавшиеся известностью в армии благодаря своим военно-теоретическим трудам, способные не только готовить руководящие кадры высшего звена, но и разрабатывать вопросы теории военного искусства, среди них: П.И. Вакулич, А.И. Верховский, А.В. Голубев, А.И. Готовцев, М.И. Дратвин, Я.М. Жигур, Г.С. Иссерсон, Д.М. Карбышев, А.В. Кирпичников, Н.А. Левицкий, В.А. Медиков, В.К. Мордвинов, А.А. Свечин, Ф.П. Шафалович, Н.Н. Шварц, Е.А. Шиловский и другие.

Формирование новой Академии было поручено начальнику штаба Киевского военного округа комдиву Д.А. Кучинскому.

Среди слушателей первого набора академии были А.М. Василевский, Л.А. Говоров, И.Х. Баграмян, Н.Ф. Ватутин, А.И. Антонов и многие другие будущие видные военачальники.

Безусловно, Академия Генерального штаба принесла большую пользу слушателям для их профессионального роста. Она в значительной мере помогла им пополнить и систематизировать свои знания, значительно расширить военный кругозор и, в конечном итоге, во многом способствовала успешному выполнению возлагавшихся на них в последующем сложнейших задач. Достаточно отметить, что из числа слушателей первого набора в годы Великой Отечественной войны занимали в разное время посты начальника Генерального штаба - А.М. Василевский и А.И. Антонов; командовали фронтами - И.Х. Баграмян, Н.Ф. Ватутин, Л.А. Говоров, П.А. Курочкин; возглавляли штабы фронтов - А.Н. Боголюбов, М.В. Захаров, В.М. Злобин, В.Е. Климовских, В.В. Курасов, Г.К. Маландин, Ф.П. Озеров, А.П. Покровский, Л.М. Сандалов; командовали армиями - А.И. Гастилевич, К.Д. Голубев, М.И. Казаков, А.И. Крутиков, А.В. Петрушевский, В.П. Свиридов, А.В. Сухомлин, С.Г. Трофименко. Свыше 20 человек были начальниками штабов общевойсковых, танковых или воздушных армий. Около 40 человек командовали стрелковыми, танковыми и авиационными соединениями. 6 человек, в том числе М.П. Миловский и Н.И. Четвериков, руководили управлениями в Наркомате обороны, а Н.Е. Басистый стоял во главе штаба Военно-Морского Флота.

Существенное влияние на расширение военного кругозора многих военачальников оказал опыт, приобретенный им в период службы в Центральном аппарате Наркомата обороны. В частности, в начале 30-х годов XX столетия в инспекции кавалерии РККА проходил службу Г.К. Жуков, в это же время в управлении боевой подготовки РККА служил А.М. Василевский. Их сослуживцами были И.В. Тюленев, П.А. Белов, В.Н. Гордов, Н.Д. Захватаев, П.П. Собенников и многие другие.

Работая в Центральном аппарате, они получили возможность мыслить более масштабно, шире видеть перспективы развития армии, анализировать, сравнивать состояние частей и соединений Красной Армии, познакомиться (хотя бы в общих чертах) с механизмом управления вооруженными силами страны.

Необходимо отметить, что в связи с бурным развитием техники облик армий ведущих государств мира в то время существенно менялся. С развитием отечественной промышленности начал меняться и облик РККА. В войска начали массово внедряться новинки техники: в первую очередь самолеты и танки. С учетом этого менялось представление о характере будущей вооруженной борьбы. В связи с этим требовалась разработка принципиально новых нормативных документов, регламентирующих ведение боевых действий с использованием новых технических средств, которые после разработки нужно было опробовать на учениях и маневрах. Затем с учетом полученного опыта надлежало подготовить необходимые инструкции и методические рекомендации, которые должны были стать достоянием всех командиров РККА и основой для подготовки войск. К слову сказать, предметом особого внимания как руководства управления боевой подготовки и инспекции кавалерии, так и руководства Наркомата обороны были тогда теория глубокого боя и теория глубокой операции.

Работа с Центральным аппарате, общение с видными военными руководителями, опытными военачальниками, участие в разработке руководящих документов, в подготовке и проведении учений и маневров, непрерывные самостоятельные занятия значительно обогатили их, позволили стать военачальниками, способными принимать взвешенные решения в самой слож-

ной обстановке, умело учить подчиненных военному делу, приучили мыслить не только тактическими, но и оперативными и стратегическими категориями.

В середине 30-х годов прошлого столетия в войсках активно шло изучение и освоение теории и практики глубокого боя и операции. Многим из тех, кому в годы войны предстояло командовать фронтами и армиями, в то время довелось командовать соединениями. Причем многих их них военная судьба свела тогда в Белорусском военном округе (БВО).

Округом в то время командовал замечательный военачальник И.П. Уборевич. «Иероним Петрович, - по свидетельству И.С. Конева, также служившего в то время в Белоруссии, - умел смотреть далеко вперед. В наибольшей степени именно у него многие командиры учились и перенимали богатый современный опыт, которым обладал этот незаурядный военачальник. Особенно сведущим он был в вопросах организации и обучения войск, командования и штабов, оперативно-тактической подготовки»¹⁴. Показательно, что школу Уборевича в то время прошли многие командиры, ставшие в годы Великой Отечественной войны видными военачальниками. Это, в частности, работники штаба округа К.А. Мерецков (в то время начальник штаба округа), М.В. Захаров, Р.Я. Малиновский, В.В. Курасов, А.П. Покровский, командир корпуса (а затем заместитель командующего войсками округа) С.К. Тимошенко, командиры дивизий Г.К. Жуков, И.С. Конев, В.Д. Соколовский, В.Я. Колпакчи, на различных должностях служили в округе А.А. Новиков, И.Х. Баграмян, другие будущие военачальники.

В то время большое внимание уделялось в БВО, по утверждению К.А. Мерецкова, воспитанию и подготовке руководящего состава и штабов, особенно командиров корпусов и дивизий с учетом меняющихся условий и бурного развития военной техники. Важно было, чтобы все то новое, что было приобретено во время опытных учений и полевых поездок, немедленно внедрялось в войска, повышало их выучку и боевую готовность, чтобы достижение какой-либо одной части или соединения немедленно становилось достоянием всего округа.¹⁵

При подготовке начсостава и штабов применялись разнообразные приемы: от групповых

упражнений и летучек до командно-штабных игр, учений с войсками и маневров. Особое значение придавалось полевым занятиям, так как розыгрыш тактических вопросов на местности можно провести значительно содержательнее и поучительнее, чем на картах, особенно мелкого масштаба.

Осенью 1936 года (7-10 сентября) в округе прошли маневры, на которые было привлечено шесть мехбригад, восемь авиабригад, шесть стрелковых и четыре кавдивизии¹⁶, всего порядка 85 тыс. человек личного состава, 1136 танков, 580 орудий, 638 самолетов¹⁷, руководство предусматривало отработать важнейшие вопросы глубокой операции и боя.

В ходе маневров отрабатывались наступательные действия крупных механизированных и кавалерийских соединений на большую глубину, вопросы всестороннего их обеспечения, форсирование крупной водной преграды. Кроме того, в ходе маневров был совершен марш танковой бригады, выброшен парашютный десант в количестве 1800 человек и высажен посадочный десант численностью 5700 человек, отрабатывались вопросы организации ведения боевых действий ночью. Маневры подтвердили правильность положений теории глубокой операции.¹⁸

Наиболее трудным и вместе с тем наиболее интересным вопросом на маневрах был массовый бой танков против танков в рамках встречной операции. Этому вопросу придавалось особое значение в связи с ростом механизированных войск в германской армии. Достаточного опыта розыгрыша боя значительного количества механизированных частей в условиях общевойсковой операции не было ни у руководства, ни у войск.

Другой вопрос, отрабатывавшийся на маневрах, был связан с изучением особенностей прорыва ударного корпуса в условиях плотной обороны с сильной противотанковой обороной, имеющей две подготовленные и занятые войсками полосы обороны.

Следующий вопрос, входивший в замысел маневров, это организация флангового контрудара армейской ударной группы (конный корпус, стрелковый корпус, четыре мехбригады).

И, наконец, на фоне армейской операции намечено было отработать два крупных авиационных вопроса – борьба крупной авиационной

группы с авиацией противника на аэродромном узле и организация крупного авиадесанта.

Все учебные цели маневров намечено было отработать на непрерывно развивающихся боевых действиях войск, логически связанных между собой в цельную четырехдневную армейскую операцию¹⁹.

В 1937 году в БВО прошли самые крупные маневры в предвоенный период, проводившиеся с учетом новейшей теории. Руководство действиями «красных» осуществляло (впервые в истории Красной Армии) армейское управление, а не штаб руководства непосредственно, как это бывало раньше. На этих маневрах предполагалось определить наиболее приемлемые строи и боевые порядки танковых подразделений и частей в различных видах боя, отработать приемы непрерывной разведки и наблюдения за полем боя, вопросы совместного маневрирования танков и пехоты (конницы) и взаимного целеуказания на поле боя, взаимодействия танковых масс с артиллерией и пехотой в основных видах боя²⁰. На маневрах для развития прорыва отрабатывалось использование подвижной группы в составе кавалерийского и танкового корпусов под командованием комкора И.Р. Апанасенко. Для совместных с подвижной группой действий планировалась выброска двух воздушно-десантных бригад (реально осуществлена выброска одной).

Для командиров – участников этих маневров они стали хорошей школой воинского мастерства.

Впрочем, Белорусский округ не был каким-то исключительным, подобный подход к боевой учебе был характерен и для других военных округов. Необходимо отметить, что формированию подготовленных, перспективных командиров в то время во многом способствовали и общая атмосфера творческого поиска, характерная для Красной Армии 20-х – 30-х годов, и окружение: начальники, учителя, соратники по службе, общение с которыми обогащало знания и опыт.

Но, как бы ни была организована боевая подготовка в условиях мирного времени, основная школа для военного человека – это участие в боевых действиях. Здесь проверяются на практике полученные в ходе учебы знания и навыки.

Для Г.К. Жукова первым экзаменом на полководческую зрелость стал Халхин-Гол в 1939 году. В лице Г.К. Жукова Красная Армия тогда обрела перспективного военачальника, соответствующего

по подготовке и дарованиям достигнутому к тому времени уровню развития средств вооруженной борьбы.

Для Р.Я. Малиновского таким экзаменом стала гражданская война в Испании в 1936-37 гг., К.А. Мерецков также прошел боевое крещение в Испании, а затем командовал армией во время советско-финской войны в 1939-40 гг. Начальником штаба артиллерии в этой армии был Л.А. Говоров.

Конец 30-х годов прошлого столетия оказался непростым для военных кадров. С одной стороны репрессии 1937-38 гг. не обошли стороной Красную Армию. Значительная часть командно-начальствующего состава была уволена из РККА и арестована. В результате политических репрессий в 1937-1941 гг. только представителей высшего командного состава РККА, имевших воинские звания от комбрига и выше, погибло 434 человека²¹. Многие из них, имея глубокие знания и богатый войсковой опыт, могли бы успешно командовать объединениями или, по крайней мере, готовить будущих командармов и командующих войсками фронтов. Следствием политических репрессий в РККА явились снижение научного и интеллектуального потенциала Красной Армии, падение уровня профессиональной подготовки и существенное ослабление политико-морального состояния и дисциплины ее личного состава. Многие командиры и командующие, боясь ответственности, стали менее инициативными и самостоятельными.

С другой стороны, в связи с обострением международной обстановки и возросшими экономическими возможностями страны, численность ее вооруженных сил многократно увеличивалась, что требовало все большего количества квалифицированных военных кадров.

В результате число военно-учебных заведений из года в год росло, с 49 в 1937 году к 1940 оно увеличилось до 114 (это без учета авиационных и военно-морских). Число их выпускников возросло соответственно с 8508 человек до 35501. Только за два года 1938-й и 1939-й Красная Армия получила 158147 командиров, политработников и других военных специалистов, что в 2,5 раза больше, чем за 10 предшествующих лет. Тем не менее квалифицированных кадров не хватало. Особенно остро ощущалась нехватка подготовленных кадров оперативного звена. Это

при том, что в период с 1938 по 1941 год было сформировано 20 общевойсковых армий (1-я и 2-я в 1938 г., 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 8-я, 10-я, 11-я, 12-я, 14-я в 1939 г., 15-я, 16-я, 17-я, 7-я, 26-я в 1940 г., 25-я, 13-я, 23-я и 27-я весной 1941 г.).

На вакантные должности зачастую назначались люди недостаточно подготовленные, не имевшие достаточного опыта и знаний. Общее число назначений на номенклатурные должности ЦК ВКП (б) и СНК СССР за 1939 год составило 3031 человек, т.е. 62,5 процента штатной их численности, по группе строевых должностей от командира полка и выше за тот же год было произведено 2452 назначения, или 73,9 процента их штатного числа²².

Кадровая чехарда сказывалась на подготовке войск. Особо ярко недостатки в подготовке командных кадров в армии выявились в ходе советско-финской войны 1939-40 гг. Военное и политическое руководство вынуждено было признать, что в военной кадровой политике имеются значительные изъяны. Выступая 14 апреля 1940 года на совещании высшего командного состава РККА, которое было посвящено итогам этой войны, И.В. Сталин вынужден был обратить внимание собравшихся на необходимость создания «культурного, квалифицированного и образованного командного состава». «Такого командного состава нет у нас,- говорил он, - или есть единицы...»²³.

После анализа итогов финской кампании вновь последовали значительные кадровые перемещения в высшем военном руководстве страны. Правда, теперь на руководящие должности выдвинулись военачальники, лучше других познавшие природу современной войны, среди них оказались многие из тех, кому в недалеком будущем суждено будет встать во главе фронтовых объединений. Так, на должность наркома обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Генеральный штаб возглавил генерал армии²⁴ К.А. Мерецков. Командующим войсками Киевского особого военного округа был назначен генерал армии Г.К. Жуков, Забайкальского – генерал-лейтенант И.С. Конев, Западного особого – генерал-полковник Д.Г. Павлов, Ленинградского – генерал-лейтенант М.П. Кирпонос, Московского – генерал армии И.В. Тюленев и т.д. Генерал-лейтенант Н.Ф. Ватулин был назначен начальником Оператив-

ного управления Генштаба, генерал-майор А.М. Василевский его заместителем, а генерал-майор артиллерии Л.А. Говоров – заместителем генерал-инспектора артиллерии Красной Армии. Тогда же был освобожден из заключения необоснованно арестованный в 1937 году генерал-майор К.К. Рокоссовский и некоторые другие военачальники.

В Красной Армии начались позитивные изменения, был взят курс на перестройку боевой и оперативной подготовки войск. Приказом наркома обороны от 16 мая 1940 г. № 120 «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года»²⁵ от войск требовалось организовать и проводить боевую подготовку, исходя из основной задачи - всегда быть в полной боевой готовности, обучение войск приблизить к условиям боевой действительности. Тактическую подготовку предписывалось «проводить в сложных условиях, приучая войска действовать днем и ночью, в любую погоду, переносить длительное физическое напряжение, умело маневрировать на разнообразной местности, преодолевать искусственные и естественные препятствия, быстро зарываться в землю и отражать внезапные нападения противника». Особое внимание уделялось организации взаимодействия различных родов войск. От всего личного состава требовалось повысить дисциплину и порядок в войсках. Повышенные требования предъявлялись подготовке командиров и штабов. От всего начальствующего состава новый нарком обороны требовал «руководству боевой подготовкой и контролю за ее проведением уделять большую часть своего служебного времени».

Во исполнение указаний нового руководства Наркомата обороны в войсках шла напряженная боевая учеба. С.К. Тимошенко жестко требовал выполнения отданных им указаний о перестройке боевой учебы. Инспектирование дивизий «проводилось путем многодневных учений в масштабе батальон - полк. ... Для проверки вождения крупных соединений (дивизия, корпус) был применен метод штабных выходов в поле без войск»²⁶.

В этих условиях Г.К. Жуков и другие командующие войсками округов приобретали опыт руководства крупными оперативными и оперативно-стратегическими войсковыми объединениями.

В декабре 1940 года в Москве состоялось совещание высшего руководящего состава РККА, по окончании которого были проведены двусторонние оперативно-стратегические игры на картах.

Участники совещания в своих выступлениях говорили о многих злободневных проблемах строительства Красной Армии, в том числе о качестве военных кадров. В частности К.А. Мерецков, Г.К. Жуков, И.С. Конев, И.С. Апанасенко подчеркивали необходимость преодоления мелочной опеки над кадрами, воспитания смелых, инициативных генералов, способных действовать самостоятельно, творчески. «В условиях маневренной войны с подвижным и искусным противником, - отмечал Г.К. Жуков, - потребуются командиры, воспитанные на проявлении разумной инициативы и большой самостоятельности, иначе командиров, приученных все делать по расписанию, активный, инициативный противник разобьет в первом же сражении»²⁷.

За совещание вновь последовали значительные кадровые перестановки в высшем военном руководстве. Г.К. Жуков был назначен начальником Генерального штаба РККА, К.А. Мерецков – заместителем наркома обороны по боевой подготовке, М.П. Кирпонос возглавил войска Киевского особого военного округа, М.М. Попов – Ленинградского, П.А. Курочкин – Орловского, И.С. Конев – Северо-Кавказского и т.д.

В результате проведенных кадровых перестановок к 22 июня 1941 года большинство командующих военными округами имели стаж работы в должности менее года.

Менее чем за полгода до войны Г.К. Жуков занял одну из ключевых должностей в Вооруженных Силах. Этого времени было недостаточно, чтобы в полной мере освоить все тонкости штабной службы, но работа в Генштабе позволила ему окунуться в механику стратегического планирования, лучше понять мобилизационные возможности страны, досконально познать организационную структуру Вооруженных Сил, глубже изучить будущего противника. Все это очень помогло ему впоследствии, в суровые годы Великой Отечественной войны, когда пришлось держать самый сложный экзамен на полководческую зрелость.

Таким образом, до начала Великой Отечественной войны в Красной Армии было подготовлено определенное количество военачаль-

ников, отличавшихся высоким профессионализмом, глубоким пониманием природы боевых действий. К числу таких военачальников, безусловно, следует отнести тех, кому довелось командовать фронтами на завершающем этапе войны. К ее началу генерал армии Г.К. Жуков, как уже отмечалось, являлся начальником Генерального штаба, генерал-майор А.М. Василевский был заместителем начальника Оперативного управления Генштаба, генерал-майор артиллерии Л.А. Говоров – начальником Артиллерийской академии Красной Армии им. Ф.Э. Дзержинского, генерал-лейтенант И.С. Конев встретил войну командующим 19-й армии, сформированной на базе управления и войск Северо-Кавказского военного округа, генерал-майор Р.Я. Малиновский командовал 48-м стрелковым корпусом, генерал армии К.А. Мерецков занимал должность заместителя наркома обороны по боевой подготовке, генерал-майор К.К. Рокоссовский командовал 9-м механизированным корпусом, генерал-майор Ф.И. Толбухин был начальником штаба Закавказского военного округа, полковник И.Х. Баграмян руководил оперативным отделом штаба Киевского особого военного округа, а генерал-лейтенант А.И. Еременко командовал 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке.

Их профессиональный рост проходил в условиях постоянного лимита времени, в условиях бурного развития военной мысли и военной техники, при постоянном стремлении к соединению получаемых знаний с практикой, с одной стороны, и извлечением из практического опыта определенных теоретических выводов и рекомендаций, с другой. В результате, впитав в себя необходимые теоретические знания, помноженные на практику командования частями, соединениями и объединениями, боевой опыт, опыт работы в центральных органах военного управления или преподавательской работы в высших военных учебных заведениях, пришли к тому, чтобы возглавить фронтовые объединения.

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы рекомендовать современным руководителям, отвечающим за подготовку военных кадров, обратиться к прошлому опыту.

Необходимо тщательнее отбирать кадры и загодя готовить их к решению самых сложных и ответственных задач.

Изучая процесс профессионального становления прославленных военачальников Великой Отечественной можно сделать некоторые выво-

ды, которые, думается, будут полезны и при подготовке современных военных кадров:

1. Для достижения успеха в выполнении возложенной задачи от командира любого ранга требуется исключительная требовательность (прежде всего к себе) и ответственность за порученный участок работы.

2. Достичь высот военного искусства можно, только непрестанно, каждодневно работая над повышением своего военно-теоретического уровня, причем лучше, если самостоятельная работа будет дополняться учебой в военно-учебных заведениях, позволяющей углубить и систематизировать имеющиеся знания.

3. Исключительно важным для профессионального роста военных кадров является практический опыт командования подразделениями, частями и соединениями. Без умения решать на практике поставленные задачи, уверенно и грамотно руководить подчиненными в боевой обстановке теоретические знания устаревают и оказываются бесполезными.

4. Для расширения военного кругозора полезно, по возможности, чередовать службу на строевых должностях со службой в штабах и органах центрального управления.

5. Росту профессионального уровня командных кадров в значительной мере способствуют внешние условия, в которых проходит командирское становление, в частности, уровень подготовки и личные качества старших начальников (непосредственных учителей), общий настрой (творческая атмосфера) в соединении, объединении, округе, в вооруженных силах в целом. Передовой опыт должен становиться достоянием всех.

6. Необходимо всесторонне использовать полученный боевой опыт (и не только свой), тщательно изучать его, выделяя положительные моменты и недостатки, учитывая при этом, что военное дело не стоит на месте. Нужно постоянно помнить, что себя и подчиненных нужно постоянно готовить к войне, но к войне будущей, а не прошлой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 А.М. Василевский, «Дело всей жизни», книга вторая, 6-е издание, М.: Политиздат, 1988, с.275.

2 РГВА, ф. 7677, оп. 1, д. 720, л.160.

3 РГВА, ф. 7677, оп. 1, д. 720, л. 206.

4 Краснознаменный Белорусский военный округ. - Мн., «Беларусь», 1973, с. 100.

5 РГВА, ф. 7677, оп. 1, д. 735, л. 135.

6 РГВА, ф. 7677, оп. 1, д. 594, л. 154.

7 РГВА, ф. 7677, оп. 1, д. 383, л. 6-8.

8 Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923-1928 гг.: В 2-х кн. Кн. 1. - М.; СПб.: Летний сад, 2006, с.445.

9 РГВА, ф. 7677, оп. 1, д. 383, л. 18.

10 РГВА, ф. 7677, оп. 1, д. 383, л. 19.

11 РГВА, ф. 33885, оп. 1, д. 5, л. 36.

12 Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. - М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002, Т.- 1, с. 102.

13 А.М. Василевский «Дело всей жизни». Кн. 1. - 6-е изд. - М.: Политиздат, 1988, с. 68.

14 И.С. Конев «Записки командующего фронтом 1943-1945». - 3-е изд. - М.: Воениздат, 1982, с. 552.

15 К.А. Мерецков «На службе народу», М., 1988 г., с. 108. 16 РГВА, ф.31983, оп. 2, д.215, л. 155.

17 М.В. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. - М.,1989, с.101-102.

18 Советская военная энциклопедия, Т. 5, с. 121

19 РГВА, ф. 31983, оп. 2, д. 215, л. 151- 155.

20 РГВА, ф. 31983, оп. 2, д. 230, л. 5-7.

21 Военная энциклопедия. В 8 т. Т-7. -М.: Воениздат, 2003, с.220

22 Военно-исторический журнал, 1990, № 2

23 1941 год: В 2 кн. Кн.2. - М.: Международный фонд «Демократия», 1998, с. 605.

24 Генеральские звания были введены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 г.

25 Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2-1). - М.: ТЕРРА, 1994, с. 134-148

26 Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2-1). - М.: ТЕРРА, 1994, с. 175

27 Русский архив: Великая Отечественная: . Т. 12 (1). - М.: ТЕРРА, 1993, с. 145

*Леонид Давыдович Сабуров,
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
главный научный сотрудник музея,
доктор исторических наук*

16-я армия в Московской стратегической оборонительной операции 1941 г.

В Культурно-просветительном центре Вооруженных Сил Российской Федерации филиале ФГБУ «Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации Министерства обороны Российской Федерации» экспонируется типовой километровой гранитный знак довоенного образца, найденный в сентябре 1964 г. начальником дорожно-ремонтного пункта Кузнецовым Е.С. в районе автомобильной трассы Москва – Ленинград (Санкт-Петербург).

На лицевой стороне столба указывается километраж от Ленинграда до места, где установлен столб - 678. На боковой части справа километраж до ближайшего населенного пункта Солнечногорск - 23. На боковой части слева километраж до г. Москвы - 41.

В этом районе в ноябре-декабре 1941 г. 16-я армия (командующий генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) Западного фронта вела поистине героическую борьбу с главными силами 4-й танковой группы противника.

Символично, что у Кремлевской стены в могиле Неизвестного солдата находится прах воина именно 16-й армии. Исторически это было так. В канун 25-летия разгрома фашистских войск под Москвой в ночь с 2 на 3 декабря 1966 г. между 40 и 41 километром Ленинградского шоссе у поселка Крюково, рядом с Зеленоградом была произведена эксгумация останков погибшего неиз-

вестного солдата 16-й армии. 3 декабря 1966 г. состоялся торжественный митинг на территории Александровского сада у Кремлевской стены, на котором выступил бывший командарм 16-й армии дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. В зале «Победы» музея экспонируются его фотография, парадный мундир с наградами (Рис. 1), кортик офицерский (Рис. 2).

С большим упорством соединения и части 16-й армии сражались в Можайско-Малоярославской (10 октября – 30 октября) и Клинско-Солнечногорской (15 ноября – 5 декабря) оборонительных операциях 1941 г. Именно это побудило меня написать статью о героизме воинов 16-й армии в битве под Москвой.

В августе генерал-майор К.К. Рокоссовский был назначен командующим 16-й армии. Рис. 3. Она занимала оборону на 50 км фронте, перехватывая основную магистраль Смоленск-Вязьма. На рассвете 2 октября началось немецкое наступление на центральном участке армии, где командование ожидало удар. Завязались напряженные бои.

Вечером 5 октября К.К. Рокоссовский получил телеграмму из штаба Западного фронта. Она гласила: немедленно передать участок с войсками генералу Ф.А. Ершакову (19-ю и 20-ю армии), а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 ок-

тября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы штаб получит пять стрелковых дивизий со средствами усиления.

«Все это было совершенно непонятно. К.К. Рокоссовский потребовал повторить приказ документом за личной подписью командующего фронтом. Ночью летчик доставил распоряжение за подписями И.С. Конева и члена Военного Совета Н.А. Булганина.

6 октября штаб прибыл в Вязьму, КП армии расположили в перелеске километрах в десяти северо-восточнее города. Никаких войск там не было. В это время немецкие танки вступали в город. К.К. Рокоссовскому еле удалось вырваться из него¹».

Немцы нанесли удар излюбленным способом: прорыв фронта на двух направлениях, создание внутреннего кольца окружения смыканием клиньев в глубине прорыва... Местом смыкания вражеских клещей оказалась Вязьма. Горловина мешка под Вязьмой сомкнулась 7 октября.

Только потом К.К. Рокоссовский узнал, что «в котел попали части 19, 20, 24 и 43-й советских армий в составе 23 стрелковых и 3 танковых дивизий, а также отдельные части 8 стрелковых и 2 танковых дивизий. Около шести стрелковых,

Рис. 1. Парадный мундир с наградами, дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского.

Рис. 2. Кортик офицерский дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского.

одной танковой дивизии и одной танковой бригады вынуждены были действовать в разрозненных боевых порядках в районе деревень Медведки, Преображенское, севернее Спас-Деменска»².

К.К. Рокоссовский принял решение прорываться на северо-восток. Там, скорее всего, у противника недостаточная плотность. Начали поход в ночь на 8 октября. Было время, когда собирали попавших в беду солдат и офицеров, организовывали их, поднимали дух. Установили порядок: весь личный состав объединяли в подразделения, назначались командиры.

Разведчики донесли: севернее штаба армии продвигаются на восток части 18-й стрелковой ополченческой дивизии. Штаб подчинил ее себе, поставив задачу на совместные действия при встрече с противником. Это были москвичи, умевшие постоять за себя и за общее дело. Недаром во время битвы за Москву 18-я дивизия ополченцев, пройдя краткую, но умную школу в руках опытного генерала Петра Николаевича Чернышева, героя обороны Смоленска, получила звание гвардейской.

Прорывались с боями. Следуя на восток, группа вскоре выскользнула из сжимавших клещей внешнего фронта противника. Только в лесах севернее Уваровки – в сорока километрах от Можайска – удалось наконец-то связаться со штабом фронта.

В этот же день прилетели два У-2. К.К. Рокоссовский дал указание М.С. Малинину о переходе на новое место и с А.А. Лобачевым направились к самолетам. М.С. Малинин на минуту задержал:

— Возьмите с собой приказ о передаче участка и войск Ф.А. Ершакову.

На вопрос, зачем это нужно, он ответил:

— Может пригодиться, мало ли что ...

В небольшом одноэтажном домике нашли штаб фронта. Нас ожидали товарищи К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, И.С. Конев, и Н.А. Булганин. Климент Ефремович сразу задал вопрос:

— Как это вы со штабом, но без войск 16-й армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно...

К.К. Рокоссовский показал маршалу злополучный приказ, за подписью командования. У Ворошилова произошёл бурный разговор

Рис. 3. Военсовет 16-й армии. 1941 г.

Рис. фонд ЦМВС РФ. № 3/28435.

с И.С. Коневым и Н.А. Булганиным. Затем по его вызову в комнату вошёл генерал Г.К. Жуков.

— Это новый командующий фронтом, — сказал К.Е. Ворошилов, он и поставит вам новую задачу³.

Вскоре К.К. Рокоссовского вызвали к Г.К. Жукову. Он был спокоен и суров. Под этим угадывалась работа сильной воли. Он принял на себя бремя огромной ответственности. Ведь к тому времени, когда штаб 16-й армии вышел под Можайск, в руках командующего Западным фронтом было очень мало войск. И с этими силами надо было задержать наступление противника на Москву.

«Ситуация на московском направлении стала катастрофической. Почти все пути на столицу оказались открыты. В стратегической обороне оказалась брешь шириной до 500 км, закрыть которую было нечем»⁴.

Окруженные части до середины октября оказывали упорное сопротивление, отвлекая на себя большие силы врага. За это время была организована оборона на Можайской линии.

Наиболее опасное для советских войск направление в середине октября обозначилось на можайском направлении. Именно там почти параллельно друг другу проходили железные и автомобильные дороги на Москву, и именно там моторизованные части вермахта, не задействованные в уничтожении советских войск, пытались прорваться по кратчайшему пути, который вел к столице⁵.

Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга. «Дни и ночи шла в войсках

напряженная работа, — вспоминал Г.К. Жуков»⁶.

Вначале он приказал принять армии Можайский боевой участок (11 октября). Не успели сделать это, как К.К. Рокоссовский получил новое распоряжение — выйти со штабом и 18-й стрелковой дивизией в район Волоколамска, подчинить там себе все, что сумеем и организовать оборону в полосе от Московского моря на севере до Рузы на юге.

Развернув командный пункт в Волоколамске, штаб армии и политотдел разослал по всем направлениям группы офицеров для розыска войск, имевшихся в этом районе, и для перехвата прорывающихся из окружения частей, групп и одиночек.

Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус под командованием Л.М. Доватора. Он поступил в оперативное подчинение армии. Корпус состоял из двух кавалерийских дивизий — 50-й генерала И.А. Плиева и 53-й комбрига К.С. Мельника.

Хорошее впечатление произвел на К.К. Рокоссовского командир корпуса Лев Михайлович Доватор. «Он был молод, жизнерадостен, вдумчив. Видимо, хорошо знал свое дело. Уже одно то, что ему удалось вывести корпус из окружения боеспособным, говорило о талантливости и мужестве генерала. Корпус получил задачу — организовать оборону на широком фронте севернее Волоколамска вплоть до Волжского водохранилища. В зале № 10 «Разгром немецких войск под Москвой. Контрнаступление Советской Армии зимой 1941-1942 гг.» широко представлены личные вещи участников событий, среди них башлык и кавказская шашка генерал-майора Л.М. Доватора. Рис. 4.

Левее кавалеристов расположился сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного совета РСФСР, под командованием полковника С.И. Младенцева и комиссара А.Е. Славкина. Этот полк из Солнечногорска был переброшен по тревоге под Волоколамск, где и приступил к организации обороны по восточному берегу реки Лама.

На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и с юго-запада до реки Руза, стояла 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва, командовал ею генерал И.В. Панфилов, а комиссаром был С.А. Егоров. «Такую полнокровную стрелковую дивизию — и по численно-

сти, и по обеспечению — мы давно не видели. Командиры подобрались крепкие, а политработники были выдвинуты из партийного и советского актива Казахской ССР. При формировании дивизии большая помощь была ей оказана со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана⁷».

Уже 14 октября К.К. Рокоссовский встретился с генералом И.В. Панфиловым, и они обсудили основные вопросы, касающиеся действий его соединения. Беседа с Иваном Васильевичем оставила глубокое впечатление. «Я увидел, что имею дело с командиром разумным, обладающим знаниями и богатым практическим опытом»⁸. Среди экспонатов зала № 10 можно отметить шинель генерал-майора И.В. Панфилова. Рис. 5.

В течение девяти дней 16-я армия отражала удары противника на Волоколамском участке Можайской линии обороны. В каждом бою он использовал главным образом свое преимущество в танках. Для их противодействия штаб наметил бросить всю артиллерию. Но ее в армии явно не доставало. Поэтому заранее предусматривался широкий маневр как траекториями, так и колесами.

Помимо того, были созданы подвижные отряды саперов с минами и подрывными зарядами. Посадили эти отряды на машины и повозки. Задача - в процессе боя перехватывать танкоопасные направления, преграждая путь танкам в глубину нашей обороны. Были подготовлены к разрушению (в случае возникновения такой необходимости), дороги, мосты, предусматривалось затопление пойм рек Истры, Сестры и Яхромы.

Наряду с усовершенствованием обороны проводилась большая работа по укреплению политико-морального состояния бойцов. Она направлялась на то, чтобы все прониклись чувством решимости отстаивать занимаемый рубеж, не допуская мысли об отходе.

Армия получила на усиление два артиллерийских полка, два пушечных полка, два дивизиона Московского артучилища и три дивизиона «катюш». По этому времени артиллерии в армии было много. Но учтите стокилометровый фронт обороны.

События развивались стремительно. 14 октября соединения и части прибыли в Волоколамск, а 16-го дивизии 46-го моторизованного корпуса противника уже нанесли удар по лево-

му флангу нашей армии. Особенно упорные бои развернулись на Волоколамско-истринском направлении.

Первыми приняли на себя удар части 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.В. Панфилова, курсантский полк Пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР, артиллерийский дивизион курсантов 1-го артиллерийского училища им. Л.Б. Красина и др. подразделения.

Только на этом участке противник сосредоточил четыре дивизии — две пехотные и две танковые. Главный удар пришёлся по 316-й дивизии И.В. Панфилова, передний край которой проходил в 12-15 км от Волоколамского шоссе.

Завязались тяжелые оборонительные бои. Гитлеровцы вводили в бой сильные группы по 30-50 танков, сопровождаемые густыми цепями пехоты и поддерживаемые артиллерийским огнём и бомбардировкой с воздуха. Сражение разгорелось на всем фронте обороны армии. 17 октября был атакован корпус Л.М. Доватора севернее Волоколамска. В этот же день в районе Болычево на стыке с 5-й армией немцы бросили на полк 316-й стрелковой дивизии до 100 танков. 18 октября противник, стремясь, во что бы то ни стало добиться успеха, ввел против 316-й стрелковой дивизии сотни полторы танков и полк мотопехоты в направлении Игнатов, Жилино, Осташино. Навстречу этой стальной лавине была выдвинута противотанковая артиллерия, пушечные батареи и «катюши».

И вот ещё около сотни вражеских танков появилось в районе Жилино, на южном берегу Рузы. К.К. Рокоссовскому пришлось использовать все ближайшие, а затем армейские артиллерийские резервы. Маневр артиллерией спас положение.

В результате двухдневного боя - 18 и 19 октября гитлеровцы значительно потеснили части дивизии И.В. Панфилова, но враг понес такие потери в танках и живой силе, что вынужден был прекратить атаки. Наши потери тоже были немалые. Артиллеристы, пехотинцы, саперы и связисты проявляли массовый героизм, отражая вражеский натиск. Случалось, артиллеристы продолжали вести огонь из подбитых и поврежденных орудий. Пехотинцы встречали танки гранатами и бутылками с горючей смесью.

Нажим врага на Волоколамск все усиливался. Командующему армией пришлось произвести

Рис. 4. Башлык и кавказская шашка генерал-майора Л.М. Доватора.

Рис. 5. Шинель генерал-майора И.В. Панфилова.

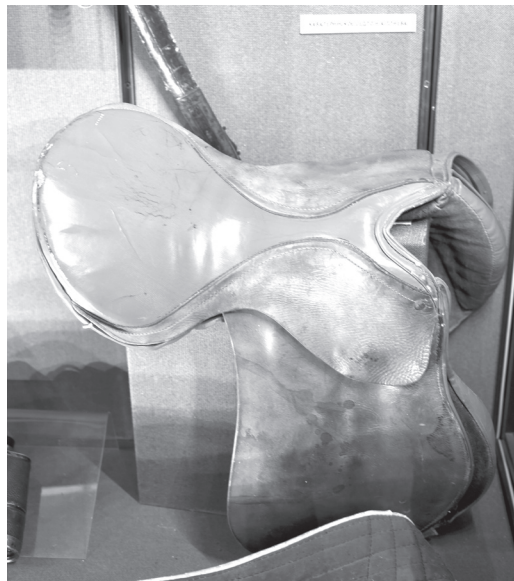

Рис. 6. Кавалерийское седло генерал-майора И. Плиева.

перегруппировку для усиления левого фланга армии. Сюда форсированным маршем вышел корпус генерала Доватора (его у Волжского водохранилища заменила несколько пополненная 126-я стрелковая дивизия, туда же подтягивалась и 18-я стрелковая дивизия).

К 25 октября противник овладел Болычево, Осташево, форсировал Рузу. Бросив в бой до 125 танков, он захватил станцию Волоколамск. С 16 по 25 октября армия понесла большие потери в артиллерии. Создалось весьма тяжелое положение. Много сделал в эти дни генерал Василий Иванович Казаков и его артиллеристы. Но все имеет предел. Разведка и показания пленных свидетельствовали о появлении перед нами новых танковых частей.

Только после того, как противник создал подавляющее превосходство в силах, он ввел в сражение 5-й армейский и часть сил 46-го моторизованного корпуса, ему удалось потеснить части 16-й армии. 27 октября, введя крупные силы танков и пехоты, при поддержке артиллерии и авиации противник овладел Волоколамском, но развить наступление по Волоколамскому шоссе противнику не позволили части 18-й стрелковой дивизии народного ополчения Москвы и 28-я танковая бригада.

Попытка овладеть шоссе восточнее города, идущее на Истру, была отражена решительными и умелыми действиями вовремя прибывшей и изготовившейся кавалерийской дивизией гене-

рала И.А. Плиева с приданной ей артиллерией. В конце зала № 10 экспонируется кавалерийское седло генерал-майора И. Плиева. Рис. 6.

К 30 октября фронт на Волоколамском направлении стабилизировался. Войска 16-й армии закрепились на рубеже в 3-4 км к востоку от города. Именно в этих кровопролитных боях за Волоколамск и восточнее его навеки покрыла себя славой панфиловская дивизия. Самоотверженно и умело сражался и курсантский полк С.И. Младенцева.

Истощив силы в боях под Волоколамском и севернее его гитлеровские войска остановились. В течение нескольких дней велись лишь бои местного значения.

Огромное моральное значение для бойцов 16-й армии явилось торжественное заседание 6 ноября на станции метро «Маяковская» и проведение 7 ноября традиционного парада на Красной площади в честь очередной годовщины Октябрьской революции. Он вдохнул в них новые силы.

К началу вражеского наступления были собраны довольно точные данные о группировке немецко-фашистских войск. Против 16-й армии немцы сосредоточили 5-й армейский, 46-й, и 40-й моторизованные корпуса 4-й танковой группы.

В конце октября и начале ноября немцы захватили на левом фланге армии несколько населенных пунктов, в том числе и Скирманово.

Рис. 7. Командующий 16-й армией генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский. 1941 г.

Они нависли с юга над магистралью Волоколамск-Истра. Обязательно нужно было изгнать немцев из Скирманово и ликвидировать угрозу. Решение этой задачи выпало на долю 50-й кавалерийской дивизии генерала И.А. Плиева, 18-й стрелковой дивизии П.Н. Чернышова и танковой бригады М.Е. Катуква, недавно прибывшей к нам. Штаб

привлек также несколько артиллерийских частей и дивизион гвардейских минометов. Риск был в том, что на это дело командование решилось в предвидении начала вражеского наступления.

Бои за Скирманово с 11 по 14 ноября прошли очень удачно. Артиллеристам, минометчикам, и «катюшам» удалось нанести фашистам большой урон, а дружная атака пехоты, поддержанная танками, завершила дело. Большую пользу принесла, во-первых, сильная группа автоматчиков-ополченцев, пробравшаяся ночью перед атакой в расположение противника, а во-вторых, выдвинувшиеся во фланг и почти в тыл гитлеровцам кавалеристы такого боевого генерала, как И.А. Плиев. Правда герои конники сами попали в трудное положение, поскольку после завершения операции им пришлось с боем пробиваться назад. Но сражаться в тылу врагами им было не впервые, и свое дело они выполнили с честью и умением.

Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие селения был полный. 10-я немецкая танковая дивизия, предназначавшаяся для перехвата Волоколамского шоссе, с большими потерями откатилась далеко назад. На поле боя враг оставил до 50 подбитых и сожженных танков, много орудий, вплоть до 150 мм пушек, минометы, сотни автомашин.

После Скирманово в распоряжении командования армии остались одни сутки. Разумеется, тогда этого никто не знал. Чем пополнилась

к этому решающему моменту 16-я армия? Прибывшие из Средней Азии 17-я, 20-я, 24-я, и 44-я кавалерийские дивизии (в каждой по 3 тысячи человек) составили второй эшелон. Лошади оказались не перекованными к зиме, а в Подмоскovie грунт уже замерз, на заболоченных местах появился лед, и это затруднило передвижение конницы. Бойцы и командиры ещё не имели навыков действий на пересечённой и лесисто-болотистой местности.

Обрадовала командование прибывшая из Сибири 78-я стрелковая дивизия. Ее привел замечательный боевой командир полковник А.П. Белобородов. Состояла она преимущественно из сибиряков; была полностью укомплектована и снабжена всем по штатам военного времени. «Если под Волоколамском великую роль сыграла дивизия генерал-майора И.В. Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад в решающие бои за Москву внесла дивизия А.П. Белоборова»⁹.

Армия получила и две танковые бригады, но с небольшим количеством танков, и 58-ю танковую дивизию почти совсем без боевой техники. При всем этом противник имел подавляющее превосходство, особенно в танках и авиации.

Главной же причиной затянувшейся оперативной паузы для группы армий «Центр» стало то, что ее войска находились под непрерывным воздействием контрударов советских войск¹⁰. Г.К. Жуков пытался убедить И.В. Сталина в нецелесообразности их проведения, но безрезультатно¹¹. В соответствии с распоряжением Ставки Западному фронту предписывалось упреждающими ударами сорвать наступление противника. Один из них требовалось «нанести в районе Волоколамска, а другой — из района Серпухова, во фланг 4-й армии немцев»¹².

Генерал Г.К. Жуков был вынужден отдать необходимые распоряжения 16-й и 43-й армиям и передать им все свои резервы. Однако это не привело к существенному изменению в соотношении сил. Оно по-прежнему оставалось в пользу противника. Это заставило К.К. Рокоссовского отказаться от второго эшелона, ликвидировать 13 противотанковых районов, уменьшить состав резерва. В итоге сократилась глубина оперативного построения армии и была существенно ослаблена противотанковая оборона. Для выполнения требований И.В. Сталина

К.К. Рокоссовский был вынужден начать атаку во фланг и тыл 4-й танковой группе еще до подхода выделенных ему резервов¹³.

Времени на подготовку удара было недостаточно (одна ночь), поэтому перегруппировка и развертывание выделенных для этого войск закончилась лишь к рассвету 16 ноября. Утром танковая, стрелковая и четыре кавалерийские дивизии нанесли удар на правом фланге армии. Контрудар 16-й армии совпал по времени с началом немецкого наступления против центра и левого фланга армии. Таким образом, 16-я армия на одном из своих флангов вела наступательные, а на другом оборонительные действия.

Контрудар 16-й армии представлял собой практически неподготовленное наступление на противника, изготовившегося к нанесению своего удара и имевшего превосходство в живой силе и артиллерии в 2,4-3 раза, а в танках — в 10 раз. Это был первый бой частей фронтового резерва, еще недостаточно сплоченных. На первых порах, пользуясь неожиданностью, войскам удалось даже вклиниться километра на три в расположение немецких войск. Но в это время они начали наступление на всем фронте армии. Нашим выдвинувшим вперед частям пришлось поспешно возвращаться. Действуя на открытом пространстве, кавалерийские части нередко в упор расстреливались артиллерийским и пулеметным огнём противника, что привело к большим потерям и значительно ослабило оборону. «В результате контрудара 58-я танковая дивизия потеряла 139 танков (70,2% их общего числа) 17-я кавалерийская дивизия — 75% своего личного состава, а продвинулись они всего на 3-4 км»¹⁴.

Особенно было тяжело конной группе Л.М. Доватора. Враг наседал на нее со всех сторон. Лишь благодаря своей подвижности и смекалке командира конники вырвались и избежали полного окружения.

15 ноября начался поистине кульминационный период кампании 1941 г. Он не был продолжительным. С начала возобновления немецкого наступления на Москву 15-19 ноября до перехода Красной армии в контрнаступление 5-6 декабря. Но именно за это время сила германских соединений, наступавших на Москву, основанная на их численном превосходстве, профессионализме германских солдат и офицеров,

была превзойдена стойкостью советских воинов и экстренными мерами военно-политического руководства по мобилизации ресурсов на отпор врагу.

Произведя перегруппировку, подтянув новые части и пополнив участвовавшие уже в боях соединения, 16 ноября немецко-фашистские войска группы армий «Центр», возглавляемые фон Боком, перешли в наступление и сражение развернулось на широком фронте от Калинина до Тулы. На севере главный удар наносился полосе 30-й и 16-й армий и правого крыла 5-й армии. (Волжское водохранилище, железная дорога Москва- Можайск), на юге в полосе 50-й армии (Тула, Новомосковск в направлении на Каширу).

На фронте 35-40 км наступали четыре танковые, одна моторизованная и одна пехотная дивизия противника, общей численностью до 400 танков, поддержанные авиационной группой «Восток», совершавшей свыше 200 самолетовылетов в сутки¹⁵.

На левом фланге, в районе Волоколамска, атака на 316-ю дивизию и курсантский полк началась при поддержке сильного артиллерийского и минометного огня и налетов бомбардировочной авиации. Всю эту картину К.К. Рокоссов-

Рис. 8. Бутылки с зажигательной смесью, гранаты.

ский с А.А. Лобачевым наблюдали с НП командира 316-й дивизии генерала И.В. Панфилова. Командующий отмечал: «В этом бою командир дивизии управлял войсками уверенно, твердо, с умом»¹⁶.

В 316-й дивизии после октябрьских боев почти не осталось средств противотанковой обороны. Основной удар танковой армады пришелся по 4-й и 6-й стрелковым ротам 2-го батальона 1075-го стрелкового полка, оборонявшегося у разъезда Дубосеково и деревни Петелино. Обе роты проявили себя стойко, отбив несколько атак с помощью гранат и бутылок с зажигательной смесью, подбив при этом 24 танка¹⁷. Рис. 8.

Не дав передышки нашим бойцам, противник бросил в бой ещё 30 боевых машин. Перевес сил был явно на стороне наступавших. Политрук Клочков обратился к бойцам со знаменитыми ныне словами: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!». В неравном бою один за другим гибли герои. Так, тяжело раненный политрук Василий Клочков со связкой гранат бросился под вражеский танк и уничтожил его¹⁸.

Также 16 ноября по позициям 1077-го стрелкового полка удар нанесла авиация, после чего противник попытался овладеть позициями. Умелыми действиями первые атаки были отражены. Затем враг ввел в бой 20 танков и пехоту. Гранатами и бутылками с горючей смесью, и огнем в упор из противотанковых ружей панфиловцы подбили 14 танков.

Четыре часа длился бой у разъезда Дубосеково. Герои-панфиловцы остановили 50 вражеских танков, прорвавшихся к Волоколамскому шоссе¹⁹. Бой героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково явился образцом стойкости и мужества. Продвижение противника было задержано, что дало возможность другим частям дивизии занять и подготовить новые оборонительные позиции.

16 ноября в донесении И.В. Сталину командующий Западным фронтом Г.К. Жуков писал: «За проявленную отвагу в боях, за стойкость, мужество и героизм всего личного состава в борьбе с фашистами ходатайствую о присвоении 316-й сд звания гвардейской дивизии и награждении ее орденом Красного Знамени».

Ожесточенные бои на Волоколамском-Истринском направлении продолжались и в последующие дни. Противник прорывался к Ново-Пе-

тровскому. Двумя группами танков, преодолев оборону 50-й и 53-й кавалерийских дивизий, он вышел на рубеж Покровское, Гряды²⁰.

17 ноября противник продолжал наступление, вводя все новые части. Холода сковали болота, и теперь немецкие танковые и моторизованные соединения получили свободу действий. Вражеское командование стало использовать танки вне дорог. В ответ штаб армии применил маневр кочующими батареями и отдельными орудиями, и танками. Борьбе с «бродячими» танковыми группами очень помогали саперы. Передвигаясь на машинах, они ставили на пути врага мины и фугасы.

Противнику удалось значительно потеснить правофланговые части 5-й армии, введя дополнительные силы, быстро продвинувшись в образовавшийся между армиями разрыв. Возникла угроза выхода 16-й армии во фланг. Противник устремился к шоссе Волоколамск - Москва. В этот критический момент вступила в дело прибегавшая 78-я стрелковая дивизия А.П. Белобородова. Ей была поставлена задача контратаковать рвущиеся к шоссе немецко-фашистские войска. А.П. Белобородов быстро развернул свои полки, и они двинулись в атаку. Противник был смят, отброшен. Этот умелый и внезапный удар спас положение.

18 ноября погиб на своем наблюдательном пункте генерал И.В. Панфилов. Всего несколько часов не дожидаясь Иван Васильевич до радостного момента - дивизия, которую он так славно водил в бои, получила звание гвардейской. Уже 18 ноября дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую и она была награждена орденом Красного Знамени. Постановлением ГКО от 23 ноября 1941 г. 8-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено его имя.

В ходе трёхдневных боев немецкое командование убедилось, что на Волоколамском направлении ему не прорвать оборону. Продолжая здесь наносить удар за ударом и по 2-3 километра в сутки, тесня наши части, оно начало готовить прорыв южнее Волжского водохранилища.

На клинском направлении быстро сосредоточивались вражеские войска. Угроза с севера усиливалась. Нажим на левое крыло армии, где были пущены в дело все наши резервы, не прекращался. Все это заставило думать о мерах, которые бы улучшили положение наших войск.

К этому времени бои в центре и на левом крыле 16-й армии шли в 10-12 километрах западнее Истринского водохранилища.

Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляла прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно можно было, по мнению генерала К.К. Рокоссовского (Рис. 7), организовать прочную оборону. Он доложил замысел командующему фронтом и просил его разрешить отвести войска за Истринский рубеж, не ожидая пока противник силою отбросит туда обороняющихся. Ко всему сказанному выше командующий армией добавил то, что войска понесли большие потери в людях и технике.

Командующий фронтом не принял во внимание просьбы К.К. Рокоссовского и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

Командующий армией считал вопрос об отходе на Истринский рубеж чрезвычайно важным и не согласился безропотно с решением командующего фронтом. Генерал К.К. Рокоссовский обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову. В телеграмме ему обстоятельно мотивировали своё предложение. Спустя несколько часов получили ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и, что он, как начальник Генерального штаба, его санкционирует.

Зная Бориса Михайловича по службе в мирное время, Генерал К.К. Рокоссовский был уверен, что ответ, безусловно согласован с Верховным Главнокомандующим. Во всяком случае, он ему известен.

Не успели еще все войска 16-й армии получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова. «Войсками фронта команду я. Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков.»²¹

Нанесение контрударов армиями Западного фронта в первой половине ноября негативно сказалось на их обороноспособности. На проведение контрударов были брошены все резервы Западного фронта. До 20 ноября генерал Г.К. Жуков был лишён возможности оперативно парировать удары врага и эффективно влиять на ход сражения. Когда же резерв был восстановлен, немцы уже обошли оба фланга 16-й армии, создав угрозу ее тылу и захвата Клина.

Для организации противодействия противнику генерал К.К. Рокоссовский послал в Клин своего заместителя генерал-майора Ф.Д. Захарова. Но сил для задержания наступавших вражеских войск оказалось мало. Это были малочисленные 126-я стрелковая дивизия, очень слабая 17-я кавдивизия, 25-я танковая бригада, имевшая 12 танков, причем только четыре из них - Т-34. Подвергшиеся удару немцев части 30-й армии — 107-я дивизия числом около трехсот человек и 58 танковая дивизия, не имевшая танков, были отброшены и рассеяны. Собрав все, что только можно, товарищ Ф.Д. Захаров все же организовал оборону самого города.

На Солнечногорском направлении враг, оттеснив курсантский полк, обошел Истринское водохранилище и, овладев Солнечногорском, начал продвижение на юг в сторону Москвы²². Немцам открылись пути не только для обхода Москвы с севера, но и для удара непосредственно по ней.

«Чтобы не подвергать наши войска угрозе окружения, в ночь на 24 ноября их пришлось отвести на следующий тыловой рубеж. После тяжелых сражений 16-я армия отошла от Клина. В связи с потерей Клина образовался разрыв между 16-й и 30-й армиями, который прикрывался лишь слабой группой наших войск»²³ — вспоминал Жуков.

Наиболее опасная обстановка сложилась в районе Ленинградского шоссе. Захватив Солнечногорск, враг двигался к Москве. Резервов у нас не было. Собирали войска, ослабляя оборону на других участках. К этому прибегли и в данном случае. В.И. Казаков задержал под Солнечногорском снятые с Истринских позиций и предназначавшиеся было под Клин 289-й и 296-й противотанковые полки, а также 138-й пушечный полк. Они уже развернулись и заняли позиции. Туда же была направлена кавалерийская группа Л.М. Доватора, усиленная двумя танковыми батальонами и двумя батальонами пехоты панфиловцев.

Командование фронта изменило задачу, поставленную командующим армией, и они должны были не обороняться у Солнечногорска, а наступать и выбить противника из города. Наступление на Солнечногорск началось поспешно. Три кавалерийские дивизии пытались охватить врага, засевшего в городе с юго-запада и с юго-востока. Первое время дело пошло успеш-

но. Генерал И.А. Плиев с присущей ему энергией и стремительностью разгромил силами своей дивизии в Сверчково, Селищево и Мартыново 240-й пехотный полк немцев. Остальные наши части также несколько продвинулись вперед, но затем были остановлены и отброшены на исходное положение. Кавалеристы, поддержанные небольшим количеством танков и истребительно-противотанковой артиллерией, действовали решительно. Они атаковали неприятеля в спешенных боевых порядках. Многие населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Но силы были неравными и к ночи пришлось прекратить безуспешные попытки опрокинуть врага. Большие потери понесла конница от ударов немецко-фашистской авиации. К утру 25 ноября соединения и части этой группы перешли к обороне.

«Для сдерживания противника до подхода резервных соединений в район Клина и Солнечногорска были брошены три оперативно-инженерные группы, созданные по приказу Ставки за счёт объединения саперных и инженерных батальонов. Саперы разрушали Ленинградское шоссе и дороги, шедшие от него на восток, взрывали мосты, устанавливали мины и фугасы, устраивали завалы»²⁴. Общими усилиями наступление дивизий Гёпнера из района Солнечногорска было задержано на пять суток.

Чтобы лишить германские войска возможности располагаться в населенных пунктах, Ставка ВГК 17 ноября 1941 г. обязала «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40-60 км в глубину от переднего края и на 20-30 км вправо и влево от дорог». При вынужденном отходе наших частей «уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»²⁵. «К 25 ноября было сожжено полностью или частично 53 населенных пункта»²⁶.

Основные усилия фон Бок сосредоточил в полсе наступления 4-й танковой группы. 24 и 25 ноября ее соединения приступили к форсированию реки Истра. Полки 78-й стрелковой дивизии полковника А.П. Белобородова, сдерживающие врага на рубеже 3-4 км к западу от г. Истры, обеспечив отвод соединений 16-й армии отошли. Чтобы задержать гитлеровцев, командование армии распорядилось открыть водоспуски Ис-

тринского водохранилища. Водяной поток высотой около 2,5 метра устремился вниз по долине Истры на 50 км. Уровень воды в водохранилище резко упал. Лед перестал выдерживать тяжелые автомашины. Немецкое командование вынуждено было на несколько часов отложить форсирование Истры²⁷.

Тем не менее, 26 ноября участок обороны в районе Истринского водохранилища был уже в руках захватчиков. Бой за город продолжался день и всю ночь, борьба шла за каждую улицу, каждый дом. Новоиерусалимский монастырь трижды переходил из рук в руки. Однако Истру удержать не удалось²⁸.

В результате немецкие соединения вышли на ближние подступы к Москве. Бои шли уже в районе дачных посёлков. Окружение столицы отошло уже на второй план, германское командование жаждало поскорее ворваться в ее кварталы и добить советские части на городских улицах. Участок боевых действий северо-западнее Москвы стал решающим. Немцы стремились открыть себе путь к столице по важнейшим транспортным магистралям с твердым покрытием. Захват Истры, Клина, Солнечногорска, казалось, позволялись исполнить задуманное.

На клинском направлении дело усложнялось. Генерал Ф.Д. Захаров объединил все части, находившиеся в том районе. В его группе войск были 17-я кавалерийская, 126-я и 133-я стрелковые дивизии, полк училища имени Верховного Совета РСФСР и 25-я танковая бригада, (вернее сказать, то, что осталось от этих соединений). У противника же, как было установлено в ходе боев, на дмитровско-яхромском направлении действовали части 6-й и 7-й танковых дивизий, 23-я и 106-я пехотные дивизии, а с 1 декабря здесь появились и части 1-й танковой дивизии.

Конечно, остановить массу немецко-фашистских войск, устремившихся к Дмитрову и Яхромю, группа Ф.Д. Захарова не могла. Отходя с тяжелыми боями от рубежа к рубежу, войска под его командованием, вынуждали противника останавливаться, разворачиваться и пробивать себе дорогу. В десятидневных боях, оказываясь иногда в окружении, прорываясь и нанося врагу удары с фронта и с тыла, воины группы, как и все защитники Москвы, воодушевлялись одним желанием – уничтожить любыми способами как

можно больше гитлеровцев. В боях на этом направлении особо отличились кремлевские курсанты и стрелковый полк 133-й дивизии, которым командовал полковник Н.Н. Мультан.

Отходя с боями, приходилось переносить командный пункт армии ближе к Москве. Не успели даже обосноваться в Льялово, как на северо-восточной окраине села развернулся бой с немецкими танками. В нем пришлось участвовать всем, кто находился в этом районе, в том числе и некоторым офицерам штаба армии. Выручил нас дивизион 85-мм противотанковых пушек. Артиллеристы подбили несколько танков, и атака захлебнулась.

Под свист и разрывы снарядов пришлось из Льялово убраться и перейти в Крюково. В этих условиях К.К. Рокоссовский с удовлетворением наблюдал педантичную и уверенную работу начальника штаба 16-й армии генерала М.С. Малинина. Аппарат управления войсками был гибок и чуток как никогда.

В связи с выходом фашистских войск в Льялово командующий фронтом удовлетворил нашу настойчивую просьбу и прислал на усиление армии одну танковую бригаду, очень малочисленную, но с опытным командиром Ф.Т. Ремизовым, затем — стрелковый полк, отдельный кавалерийский, противотанковый полки. Сам этот перечень свидетельствует, что и командование фронта резервов уже не имело.

Получив подкрепление от Г.К. Жукова, войска по его приказу предприняли попытку контрудара по ворвавшейся в район Льялова вражеской группировке. Большого успеха не достигли, но продвижение противника на некоторое время задержали.

Командующий фронтом делал все возможное, чтобы хоть немного подкрепить ослабевшие войска, но при этом не втягивать в бой по частям прибывающие стратегические резервы. Они решением Ставки стягивались к Москве, к районам наибольшей опасности. Для этого требовались строгий расчет и огромная выдержка.

Восточнее Клина остановить немцев не удалось. Под натиском 3-й танковой группы соединения и части, действовавшие на левом фланге 30-й армии, отходили к северу. На ее стыке с 16-й армией образовался разрыв, через который вражеские части развили наступление в направлении канала Москва—Волга. В ночь на 28 ноября

они захватили мост через канал у Яхромы и образовали плацдарм на восточном берегу.

29 ноября в состав войск правого крыла Западного фронта переданы из резерва Ставки ВГК 1-я ударная армия (генерал-лейтенант В.И. Кузнецов) и 20-я армия (генерал-майор А.А. Власов); усилены свежими частями за счет других армий фронта и Московской зоны обороны 30-я и 16-я армии. Г.К. Жуков сразу же ввел их в сражение между 30-й и 16-й армиями. Контрударом части сил 1-й ударной армии прорвавшаяся через канал Москва-Волга в районе Яхромы группировка противника была отброшена на западный берег. Активные действия 20-й армии сковали врага на рубеже, проходившем через Красная Поляна.

В то же время 4-я танковая усилила давление на 16-ю армию и потеснила ее части. 30 ноября противник занял посёлок Красная Поляна, подойдя к столице на пушечный выстрел. Днём и ночью шли бои на территории современного аэропорта Шереметьево, железнодорожной станции Крюково, Дедовска (14 км юго-восточнее Истры)²⁹.

Особенно опасная обстановка создавалась в 16-й армии в районах Крюкова и Нахабина, где сильно ослабленные боями 8-я, 9-я гвардейские и 19-я стрелковые дивизии вели поистине героическую борьбу с главными силами 4-й танковой группы противника³⁰. К исходу дня, когда фашисты заняли посёлок Красная Поляна, их отделяла от Кремля расстояние в 30 км, от Владыкина (северная граница города тех лет) — 18 км, и от МКАД в районе Лианозово (современной границы столицы) — 12 км³¹. При таком удалении противника Москва могла превратиться в объект разрушения вражеской артиллерией.

«Ночью это было в конце ноября — Рокоссовского вызвал к ВЧ на КП Крюково Верховный Главнокомандующий. Он спросил, известно ли мне; что в районе Красной Поляны появились части противника. И какие принимаются меры, чтобы их не допустить в этот пункт. Сталин особенно подчеркнул, что из Красной Поляны фашисты могут начать обстрел столицы крупнокалиберной артиллерией. К.К. Рокоссовский доложил, что знает о выдвижении передовых немецких частей севернее Красной Поляны и подтянул сюда свои силы с других участков. Верховный Главнокомандующий информировал меня, что Ставка распорядилась об усилении этого участка

и войсками Московской зоны обороны»³².

Вскоре начальник штаба фронта В.Д. Соколовский сообщил о выделении из фронтового резерва танковой бригады, артполка и четырех дивизионов «катюш» для подготовки нашего контрудара. К участию в нем штаб армии привлек ещё два батальона пехоты с артиллерийским полком, два пушечных полка резерва Ставки.

Сбор и организация войск для столь важного дела были возложены на генерала И.В. Казакова и подполковника Г.Н. Орла. Они немедленно отправились в Черную Грязь, где находился вспомогательный пункт управления. Туда же вслед за ними выехал и генерал К.К. Рокоссовский. Затягивать организацию контрудара было нельзя. Все делалось на ходу. Войска, прибывшие форсированным маршем в район Чёрной Грязи, получали задачу и, не задерживаясь, занимали позиции.

С утра началось наступление. Наши части, поддержанные сильным артиллерийским огнём и мощными залпами «катюш», атаковали врага, не давая ему закрепиться. Противник сопротив-

лялся ожесточенно, переходил в контратаки. Однако к исходу дня немцы были выбиты из Красной Поляны и отброшены на 4-6 километров к северу. Совместно с частями 16-й армии в этом бою участвовали войска Московской зоны обороны.

Только успели разделаться на этом участке фронта, исключив возможность обстрела Москвы тяжелой артиллерией, как осложнилась обстановка на Солнечногорском направлении. Здесь действовали 7-я и 8-я гвардейские дивизии, один полк 354-й дивизии, кавкорпус Доватора и 20-я кавалерийская дивизия. Противник потеснил эти войска на рубеж Клушино, Матушкино, Крюково, Баранцево. Все, что возможно, К.К. Рокоссовский ввел в бой и на этом участке. Однако оставлять КП армии в Крюково было нельзя. Снаряды и мины рвались на улицах. На северной окраине наши отбивались от немецких танков. Самолеты врага бомбили оборонявшихся. Из Крюково КП армии передислоцировалось на новое место.

В этом бою приняла участие и наша авиация. Впервые с начала войны, отмечал К.К. Рокоссовский, ему пришлось увидеть такое сравнительно большое количество самолетов. Действовали они весьма активно. Правда, численное превосходство в воздухе над полем боя оставались на стороне врага.

Последним усилием врагу удалось ещё потеснить левый фланг 16-й армии до рубежа Баранцево, Хованское, Петровское, Ленино. И на этом он выдохся. Здесь боролись с немецкими войсками две дивизии — 18-я стрелковая и 78-я. Оба соединения уже заслужили звание гвардейских. Бывшая ополченская дивизия стала под командованием П.Н. Чернышова 11-й гвардейской, а 78-я под командованием А.П. Белобородова — 9-й гвардейской.

Войска Западного фронта вели активную оборону, нанося удары по наступающему противнику. Части 3-й танковой группы не выдержали контратак 1-й ударной армии, вынуждены были отойти. 4-я танковая группа, встретив упорную оборону 20-й и 16-й армий, также не смогла продвинуться к Москве. Напряжение бои разгорелись за Красную Поляну, станцию Крюково (Рис. 9) и село Рождествено (3 км западнее Дедовска).

4 декабря обстановка под Москвой достигла наивысшего напряжения. Наступательные

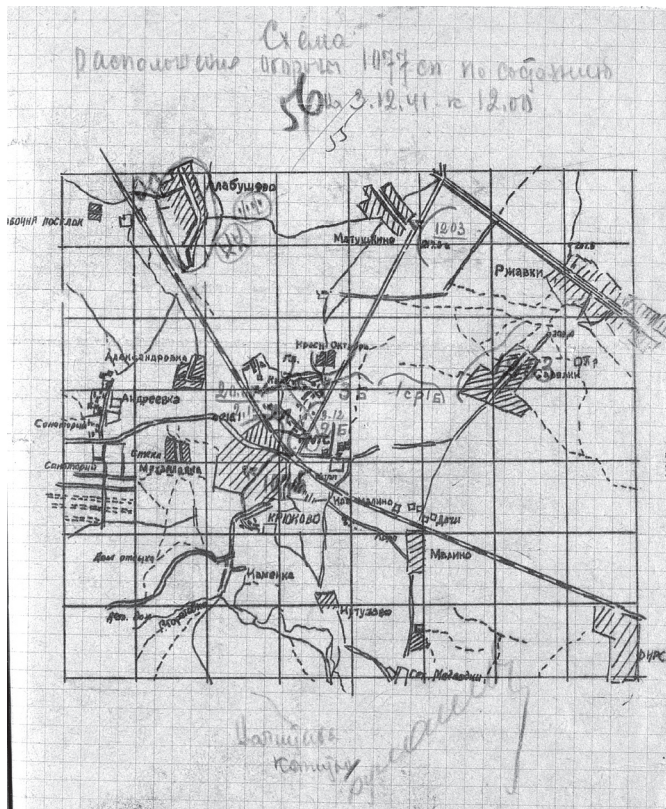

Рис. 9. Схема расположения обороны 1077 стрелкового полка 8 гвардейской стрелковой дивизии по состоянию на 12.00 3 декабря 1941 г. ЦАМО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 9. Л. 56.

возможности противника иссякли. На ряде участков фронта немцы, не выдерживая контрударов советских войск, откатывались на исходные позиции или переходили к обороне без приказа своего командования. 16-я армия, удерживая занимаемые рубежи, наносила удары в направлении Крюково, Шеметово, Рождествено. При этом 8-я гвардейская стрелковая дивизия с приданными ей 159-м полком 7-й гвардейской стрелковой дивизии и 1-й гвардейской танковой бригадой вела ожесточенный уличный бой в Крюкове. Бой шел за каждый дом. К 17 часам дивизия заняла юго-восточную окраину Крюкова и вела борьбу за западную окраину поселка.

«За двадцать дней второго наступления противник продвинулся на 80-90 км севернее Москвы и на 110 км к югу от нее. К 5 декабря противник был окончательно остановлен в 15-20 км

от главного рубежа Московской зоны обороны (современной границы Москвы)»³³. В этот день фон Бок отдал распоряжение командующим 4-й армией, 4-й и 3-й танковыми группами начать подготовку к возможному отходу.

Советские войска сумели остановить мощную немецкую группировку буквально у стен столицы, укротив вражеский «Тайфун». Завершился оборонительный период Московской битвы. План окружения и захвата советской столицы потерпел провал. Противник под Москвой был остановлен окончательно. Главную тяжесть в борьбе с врагом на западном и северо-западном направлении несла 16-я армия Западного фронта.

Однако угроза столице оставалась: враг находился рядом с ней. Необходимо было отбросить его как можно быстрее. К решению этой задачи и готовилась Красная Армия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Рокоссовский К.К. *Солдатский долг*. - М., 1972. С. 54.
- 2 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В 12 т. - М., 2012. Т. 3. С. 53-54.
- 3 Рокоссовский К.К. *Солдатский долг*. - М., 1972. С. 60.
- 4 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В 12 т. - М., 2011. Т. 1. С. 176.
- 5 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В 12 т. - М., 2012. Т. 3. С. 56.
- 6 Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*. В 2-х т. - М., 2009. Т.2. С. 18.
- 7 Там же. С. 63-64.
- 8 Рокоссовский К.К. *Солдатский долг*. - М., 1972. С. 65.
- 9 Там же. С. 74.
- 10 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. *военно-исторические очерки*. Кн. 1. С. 250.
- 11 Жуков Г.К. *Указ соч.* Т. 2. С. 29-30.
- 12 ЦАМО. Ф. 158. Оп.5916. Д. 64. Л. 84-87.
- 13 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. *Военно-исторические очерки*. Кн. 1. С. 240-241.
- 14 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. *Летне-осенняя кампания 1941 г.* С. 280.
- 15 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В 12 т.- М., 2012. Т. 3. С. 68.
- 16 Рокоссовский К.К. *Солдатский долг*. - М., 1972. С. 79.
- 17 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В 12 т. - М., 2011. Т. 1. С. 188.
- 18 Там же. М. 2012. Т.3 С. 68.
- 19 Документальный фонд Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации. Д. 8/225. Л. 5-6.
- 20 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 218. Л. 111.
- 21 Рокоссовский К.К. *Солдатский долг*. М., 1972. С. 84.
- 22 Битва за столицу. *Сборник документов*. Т. 1. С. 120-121.
- 23 Жуков Г.К. *Указ. Соч.* Т. 2, С. 34.
- 24 *Московская битва в хронике фактов и событий*. - М., 2004. С. 217.
- 25 *Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год*. Т. 16 (5-11). С. 259.
- 26 ЦАМО. Ф. 326. Оп. 5045. Д. 1. Л. 62-63.
- 27 Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 118. Л. 54.
- 28 Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 219. Л. 392-393.
- 29 Там же.. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 19. Л. 357. *Разгром немецко-фашистских войск под Москвой*. С. 92.
- 30 *Разгром немецко-фашистских войск под Москвой*. - М., 1964. С. 117.
- 31 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В 12 т. - М., 2012. Т. 3. С. 84.
- 32 Рокоссовский К.К. *Солдатский долг*. - М., 1972. С. 95.
- 33 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. В 12 т. - М., 2012. Т. 3. С. 85.

*Евгений Петрович Абрамов,
Россия, Санкт-Петербург,
Военный институт (инженерно-технический) Военной академии
материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева,
профессор, доктор исторических наук, доцент*

Советская морская пехота на фронтах Великой Отечественной войны

Историческая память нашего народа оценивает Великую Отечественную войну как своего рода национальный символ огромной государственной важности, а ее итоги и последствия как выдающееся событие в истории нашего Отечества и всего мира.

Эта война была для советского народа и его Вооруженных Сил самым драматическим, но вместе с тем и героическим временем.

Наиболее ярко это проявилось в боевой деятельности подразделений, частей и соединений морской пехоты, в которых слитое воедино чувство национальной гордости и любви к Родине сопровождалось небывалым взлетом духовных сил.

Сражающаяся морская пехота – 240 это потрясающая картина героической боевой деятельности полумиллиона моряков на фронтах Великой Отечественной войны.

Как известно, основной задачей флота на протяжении всей войны являлось содействие сухопутным войскам на приморских направлениях, где особую роль сыграла морская пехота, чей вклад в победу в Великой Отечественной войне до сих пор должным образом не оценен.

В годы войны на сухопутных фронтах сражались около 500 тысяч моряков, или в переводе на организационно-штатную структуру сухопутных войск около 60 стрелковых дивизий.

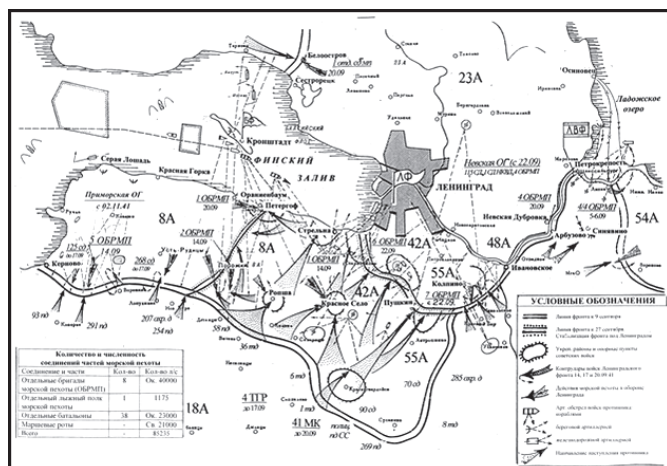
Во время войны существовали три разновидности морской пехоты: соединения и части морской пехоты, в наибольшей степени соответствовавшие предназначению этого рода сил флота; морские стрелковые бригады и, наконец, соединения и части сухопутных войск, не имевшие в своих названиях слов «морская» или «морской», но укомплектованные в основном моряками.

Во время войны на различных фронтах в составе объединений и соединений сухопутных войск, флотов и флотилий в разное время сражались одна дивизия, 19 бригад, 14 полков и 36 батальонов морской пехоты общей численностью свыше 200 тыс. чел.¹

Основным предназначением этих соединений и частей являлись действия в составе морских десантов, противодесантная оборона побережья и оборона важных военно-морских баз и островов.

Значительную роль сыграла морская пехота в битве за Ленинград. Формирование ее частей и соединений началось летом 1941г.²

Всего на Балтийском флоте в годы войны были сформированы: одна дивизия, девять бригад, четыре полка и 9 батальонов морской пехоты, общая численность которых с учетом маршевых подразделений и пополнений составила свыше 100 тыс. человек.

Морская пехота в обороне Ленинграда в 1941 г.

Сосредоточение крупных сил морской пехоты в ходе стратегической обороны на главных операционных направлениях - Ленинградском (около 100 тыс. чел.), Сталинградском (около 100 тыс. чел.), Кавказском (около 40 тыс. чел.), а также в обороне военно-морских баз: Таллина (около 16 тыс. чел.), Севастополя (около 75 тыс. чел.), и др. дало возможность не только обеспечить устойчивость приморских стратегических флангов советско-германского фронта и сковать значительные силы противника, но и удержать такие важные в стратегическом отношении города, как Ленинград, Москва и Сталинград.

Устойчивость обороны Ленинграда, особенно в начале блокады, в значительной степени определялась невиданным мужеством и стойкостью восьми отдельных бригад морской пехоты, для формирования которых Балтийский флот, только в сентябре направил 44700 человек.

Одной из основных задач морской пехоты в первом периоде войны стала оборона военно-морских баз.

Стойкость и героизм проявили морские пехотинцы в обороне Либавы, Таллина, Моонзундских островов, полуострова Ханко, Заполярья, мужественно обороняли Ленинград, Одессу, Севастополь, Керчь, Новороссийск, Туапсе.

В те трудные дни рождалась немеркнущая слава советской морской пехоты.

В обороне Таллина в августе 1941 года важную роль сыграла 1-я особая бригада морской пехоты Балтийского флота, единственное соединение этого рода сил, ставшее боевым ядром обороны главной базы флота.

Навсегда останутся примером мужества, стойкости и отваги морские пехотинцы 4-й отдельной бригады морской пехоты, сражавшиеся на знаменитом «Невском пятачке».

Введённая в бой 11 сентября 1941 года эвакуированная из Таллина и не успевшая доукомплектоваться 1-я отдельная бригада морской пехоты несмотря на отсутствие артиллерии и нехватку стрелкового оружия отразила попытки ударной группировки противника схода овладеть Красным Селом, которое несколько раз переходило из рук в руки³.

В героической летописи Великой Отечественной войны особое место занимает Ораниенбаумский плацдарм, где из 60 км общей линии обороны 50 км занимали морские пехотинцы 2-й и 5-й отдельных бригад, 1-го особого лыжного полка и нескольких отдельных частей морской пехоты⁴. Именно здесь родилось название «Малая земля», которое нашло своё продолжение под Новороссийском и на полуостровах Среднем и Рыбачьем, где героически сражались соединения и части морской пехоты Черноморского и Северного флотов.

Для действий на суше в годы войны Северный флот сформировал три бригады, два полка и семь батальонов морской пехоты⁵.

Важное значение имело создание в июле 1942 года Северного оборонительного района (СОР) численностью около 32 тыс. чел., основу которого составляли три бригады и несколько отдельных частей морской пехоты. Боевая деятельность такого особого объединения флота на полуостровах Среднем и Рыбачьем значительно укрепила оборону войск Карельского фронта и способствовала успешному освобождению Заполярья в 1944 году⁶.

Более трех лет в суровых условиях горно-тундровой местности морские пехотинцы героически защищали северные рубежи.

Нельзя переоценить роль морской пехоты Черноморского флота в обороне Одессы, Севастополя, Новороссийска, Туапсе, Кавказа и в придании устойчивости южному стратегическому флангу сухопутного фронта.

Железная стойкость морской пехоты Черноморского флота, в составе которой сражалось шесть бригад, девять полков, несколько отрядов и 22 батальона морской пехоты, явилась одной из важнейших причин срыва «весеннего» наступления немецких войск 1942 года.⁷

Мужество и стойкость проявили в обороне Одессы три полка и шесть отрядов морской пехоты.

Одной из наиболее ярких и героических страниц истории Великой Отечественной войны явилось участие морской пехоты Черноморского флота в обороне Севастополя.

На протяжении восьмимесячной героической обороны города соединения и части морской пехоты сражались на самых ответственных участках, сыграв значительную роль в сковывании трехсоттысячной группировки противника, что не позволило ей принять участие в наступательной операции немецких войск на южном направлении.

После прорыва немецких войск группы армий Листа на Северный Кавказ соединения и части морской пехоты приняли активное участие в обороне Военно-Морской базы Новороссийска, Туапсе и Черноморского побережья Кавказа⁸.

Наиболее сложным способом боевого применения морской пехоты в годы являлись морские десанты.

Всего в годы Великой Отечественной войны флоты и флотилии высадили 125 десантов, в которых участвовало более 250 тыс. чел. Морская пехота принимала непосредственное участие в 74 десантах, причем в 49 из них она действовала самостоятельно⁹.

В первом периоде войны был высажен 31 тактический десант и проведена Керченско-Феодосийская стратегическая десантная операция с высадкой стратегического десанта в составе двух армий Закавказского фронта и частей морской пехоты Черноморского флота.

В передовом отряде основного десанта в Феодосии с катеров высадился хорошо подготовленный штурмовой отряд 9-й бригады морской пехоты в количестве 300 чел., который также овладел плацдармом на берегу, обеспечив успешную высадку соединений и частей 44-й армии¹⁰.

Особого внимания заслуживают действия высаженного 3 февраля 1943 года в ходе десантной операции в районе Станичка штурмового отряда майора Ц.Л. Куникова. Отряд численностью всего 250 человек был сформирован из лучших морских пехотинцев-добровольцев Новороссийской ВМБ, защитников Одессы и Севастополя, участников Керченско-Феодосийской операции. Только ему, предназначавшемуся для высадки в демонстративном десанте, удалось захватить и удержать плацдарм 300 на 400 м.¹¹

В Новороссийской десантной операции 1943 года, явившейся составной частью Новороссий-

ско-Таманской стратегической операции войск Северо-Кавказского фронта, проведенной совместно с Черноморским флотом, значительную роль сыграла морская пехота. Так, основную боевую силу оперативно- тактического десанта составили 255-я обрмп и 393-й обмп, героические усилия которых по захвату и удержанию плацдармов в Новороссийске способствовали успешному наступлению восточной и западной сухопутных группировок 18-й армии, в т.ч. наступавшей с Малой земли 83- обрмп¹².

В ноябре 1943 года с целью овладения Керченским полуостровом была проведена Керченско-Эльтигенская десантная операция.

Особый героизм, мужество и высокое боевое мастерство проявил высаженный рано утром 1 ноября в районе Эльтигена 386-й обмп под командованием майора Н.А. Белякова¹³.

Успешно сражался, продвинувшись на 900 м, батальон майора С.Т. Григорьева 255-й обрмп. В районе Еникале первыми на берег высадились штурмовые группы 369-го обрмп.

К 8 ноября на «Огненной земле» Эльтигена в составе группировки, насчитывающей 3699 человек, сражались 618 морских пехотинцев 386-го обрмп и штурмового батальона 255-й обмрп.

В Крымской стратегической наступательной операции отличились 83-я и 255-я отдельные стрелковые Краснознаменные бригады морской пехоты, сыгравшие важную роль в освобождении Крымского полуострова.

23 июня 1944 года на побережье Ладожского озера в устье р. Тулокси был высажен оперативно-тактический десант в составе 70-й омсрб с задачей отрезать пути отхода Олонецкой группировки противника и воспрепятствовать подходу к ней резервов. В самые критические часы боя на плацдарм была высажена 3-я обрмп с зенитно-артиллерийским полком и гаубичной батареей. В ходе боевых действий на берегу десант не допустил подхода противника к линии фронта, а его основные силы были вынуждены отступить.

Десантом в бессмертие называют высаженный 26 марта 1944 года Николаевский десант в составе отряда десантников под командованием старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского из 384 отдельного батальона морской пехоты Героя Советского Союза майора Ф.Е. Котанова.

Против горстки морских пехотинцев было брошено три пехотных батальона, четыре танка, четыре орудия и два миномёта, применены отравляющие вещества. Десантный отряд отразил 18 атак, уничтожил около 700 солдат противника,

два танка и четыре орудия. Всем 67 участникам десанта, павшим и живым, было присвоено звание Героев Советского Союза.

В честь выдающегося подвига морских пехотинцев старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского ученые-астрономы назвали одну из малых планет «Ольшания» и увековечили ее в Международном каталоге малых планет под номером 2319.

Нельзя не вспомнить об уникальной системе боевой подготовки морских пехотинцев штурмового отряда, разработанной его командиром майором Ц. Куниковым.

Учеба была тяжёлой и изнурительной, но никто не роптал и не сетовал на трудности. Все понимали, «чем больше пота в учёбе, тем меньше крови в бою». Это несколько перефразированное суворовское правило в годы войны стало определяющим в боевой подготовке морских пехотинцев, которые осваивали хождение по скалистому берегу с завязанными глазами, учились стрелять на звук, метать ручные гранаты из любых положений.

Особого внимания заслуживают диверсионные десанты морской пехоты Северного флота.

В состав диверсионных десантов в основном выделялись наиболее подготовленные и хорошо вооружённые разведывательные подразделения и части, отдельные роты автоматчиков бригад морской пехоты (морских стрелковых бри-

гад), а также разведывательные отряды Северного оборонительного района и штаба Северного флота. При этом численность диверсионных десантов составляла от нескольких десятков до нескольких сот человек. Наиболее успешно действовали в тылу противника сводные разведывательные отряды, включавшие в себя подразделения и части разведчиков и автоматчиков соединений морской пехоты, а также саперные подразделения.

Блестящим образцом эффективного боевого применения морской пехоты в составе диверсионного десанта в оперативной глубине обороны противника явилась операция по уничтожению двух немецких батарей на мысе Крестовом, осуществлённая сводным разведывательным отрядом под командованием капитана И.П. Барченко-Емельянова, удостоенного вместе с еще тремя разведчиками отряда звания Героя Советского Союза.

Ушли в историю годы Великой Отечественной войны, но живут овеванные легендами подвиги славной морской пехоты. Они живы в памяти людей, в боевых традициях армии и флота, в названиях улиц, кораблей и судов, в памятниках и обелисках, в кинолентах, книгах и песнях. Современная морская пехота Российского флота свято хранит боевые традиции морских пехотинцев Великой Отечественной войны и с честью их преумножает¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамов Е.П. *Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.* СПб.: Судостроение. 2005. С.10.
2. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) Ф. 1767. Оп. 1.Д.1. Л.1; Ф.1715. Оп.1.Д.1.Л.1;Ф.1848. Оп.1.Д.1.Л.1;Ф.1875. Оп.1.Д.2.Л.1;. Центральный военно-морской архив (ЦВМА).Ф.979.Оп.19.Д.1Л.1;Ф 3252.Оп.021724. Д.40.Л.5;Ф.9.Д.27553.Л.21;Д.8776.
3. Смирнов Н.К. *С корабля- в бой // Легендами овеванная. Морская пехота в боях за Родину.* Л.,1975.С. 17.
4. Ржанов В.М. *Героями были все// Легендами овеванная. Морская пехота в боях за Родину.* Л.,1975.С. 56.
5. *История флота Государства Российского/ В.П. Зиманин/и др./ М. Терра,1996. Т. II. С.517-519.*
6. Центральный Военно-морской архив (ЦВМА).Ф.280.Д.16985,Л.1-5;Л.3.
7. Там жеФ.10. Д.17717Л.14.
8. ЦАМО РФ.Ф. 1890.Оп.1.Д.3.Л.3;Ф 2055.Оп.1.Д.2.Л.1-8.
9. Абрамов Е.П. *Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.* СПб.: Судостроение. 2005.С.17.
10. Павлович Н.Б. *Развитие тактики Военно- Морского флота.* М., 1990.Ч.IV. С.609.
11. Кошда В.И. *Атакуют морская пехота.* Краснодар,1980.С.39,40; Борзенко С.А. *Пятьдесят огненных строк.*М., 1982. С.116-120.
12. Центральный Военно-морской архив (ЦВМА).Ф.137.Д.32707..Л.6,8-93; Борзенко С.А. *Десантники // Морской сборник.* 1970.1944.; №4.С.61-73.
13. Там же. Ф. 137. Д.3786. Л.1; Ф.243.Д.34708.Л.146-149; Д. 24035. Л.5.
14. ЦАМО РФ. Ф.1767.Оп.1.Д.1.Л.14 ;Ф 1874.Оп.Л.8.

*Вреж Михайлович Арутюнян,
Россия, Санкт-Петербург, академик Академии военных наук,
председатель от Вооруженных Сил Российской Федерации
«Центра исследования военной истории» СПбГУ,
почетный работник Высшего профессионального образования
Российской Федерации,
профессор, кандидат исторических наук*

Сталин с Гитлером ни разу не встречался, а вот лорд Чемберлен и Даладье лично приезжали в Мюнхен к Гитлеру на поклон. (Кто и зачем зло искажает правду истории)

«Новый мировой порядок будет строиться против России, счет России и на обломках России», – Збигнев Бжезинский, бывший помощник президента США по национальной безопасности.

Время перелистывает страницы истории Второй мировой – Великой Отечественной войны. И чем дальше от нас уходят ее даты, тем яростнее становится фальсификация и идеологическая борьба. Почему

Нам хотят «доказать», что именно Запад в лице США и Великобритании выиграл Вторую мировую войну. Что фашизм понёс наказание за свои злодеяния, а вот Россия, как правопреемница СССР несущая «равную долю ответственности за развязывание Второй Мировой войны», до сих пор не «покаялась» и не наказана. Приняты громкие резолюции ОБСЕ и Европарламента, приравнивающие СССР к фашистской Германии.

Так, 19 сентября 2019 года Европарламент принял резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы», внесенную Польшей и прибалтийскими государствами. Хорошо известно, что эта резолюция была принята с подачи ОБСЕ, принявшего аналогичный доку-

мент еще 3 июля 2009 года. В резолюции Европарламента содержится резкая критика политики руководства СССР в канун Второй мировой войны. Что же ставится в вину Советскому Союзу?

В качестве главной претензии Европарламент выдвигает тезис, что Вторая мировая война была спровоцирована Германией и СССР, подписавшими пакт «Молотова-Риббентропа».

Думаю, надо ответить на этот кардинальный вопрос, выдвигаемый Евросоюзом. Во-первых, сказать, почему был подписан так называемый пакт «Молотова – Риббентропа». Ведь именно он является «краеугольным камнем» – то есть главным аргументом во всех обвинениях против СССР. И во-вторых, и это очень важно, внести ясность, а были ли аналогичные пакты (договоры) подписаны с Гитлером Европейскими демократиями. Или Советский Союз был единственным государством, кто подписал договор «аж с самим Гитлером»? И в-третьих, если подобные договоры и пакты были подписаны ведущими государствами Европы, то уточнить, когда – до или после Советского Союза.

Если проанализировать широко известные документы кануна Второй мировой, то без

особых усилий мы увидим, что «высокоморальный» Запад задолго до Советского Союза **«напорегонки»** заключал договоры и пакты и с Гитлером, и с Муссолини.

Но, игнорируя исторические реалии, современные евродемократы, чтобы «сгустить краски», приводят и иные «убийственные», с их точки зрения, факты. Так, они с пафосом вещают, что накануне Второй мировой (в 1939–1940 годах) сформировалось два блока: **Антигитлеровская коалиция** – Англия, Франция и США – и противостоящий ей **фашистский блок**, куда, якобы, входили Германия, Италия, СССР (?) и Япония. Разумеется, и эти измышления аргументируются тем же наличием пакта от 23 августа 1939 года.

Лживое мифотворчество дошло до утверждений, что, оказывается, нападение Гитлера на СССР было всего лишь превентивной мерой. Иначе Сталин первым напал бы на Германию. (Смотри «аргумент»: выступление Сталина перед выпускниками Военных академий 5 мая 1940 года).

Но для широких масс в Европе и в мире таких подтасовок вполне достаточно, чтобы «разоблачить агрессивные планы Советов». Я остановился на так называемых, «убийственных, неопровержимых аргументах», приведенных Европарламентом и ОБСЕ в своих обвинительных резолюциях.

Чтобы дать емкие ответы и доказательно разоблачить явную, неприкрытую фальсификацию, предлагаю, насколько это возможно в рамках краткой научной статьи, конкретно проанализировать приведенные так называемые «убийственно-позорные» факты из предвоенной истории СССР.

Итак, по порядку. Главным, «краеугольным камнем» в обвинении СССР Евросоюз и ОБСЕ считают заключенный 23 августа 1939 года так называемый пакт (договор) «Молотова-Риббентропа», который будто бы привел к развязыванию Второй мировой войны. Соответственно, по утверждению Европы, этот аргумент дает ей полное право утверждать, что Советский Союз наряду с гитлеровской Германией является первопричиной, зачинщиком Второй мировой войны!

Предлагаю ответить на вопрос. А действительно ли Советский Союз был единственным «аморальным» государством, заключившим аж с самим Гитлером договор о ненападении.

А вот высокоморальная Европа, очевидно, была «целомудренна» и ничего подобного не совершала.

Действительно, 23 августа 1939 года был заключен договор между СССР и Германией «О ненападении», по настоянию Берлина, к нему прилагался «секретный протокол». Интересно, а как вели себя Западные демократии?

Широко известно и документально подтверждено, что «высокоморальный» Запад заключал договоры с Гитлером и Муссолини задолго до Советского Союза

И началось это сразу же после прихода Гитлера к власти. Не является секретом то, что Гитлер, уже начиная с 1933 года, стал методично нарушать условия Версальского мира и активно готовиться к внешней экспансии. Чтобы не обременять себя какими-либо обязательствами, Германия в этом же году вышла из Лиги Наций (некий предвоенный аналог ООН).

И как показывает историческая практика, именно Великобритания и Франция – страны победительницы в Первой мировой, возглавили фронт пособников Гитлера в области милитаризации. Почему эти страны активно способствовали вооружению фашистов, вопреки решениям Версаля? Цель такой политики ясна: использовать гитлеровскую Германию и ее пособников как таран против Советского Союза при сохранении статус-кво на Западе. Гитлер, как показала история, в полной мере воспользоваться этим попустительством. Он с одобрения Англии и Франции откровенно игнорировал все Версальские ограничения. [3, с. 70].

Чтобы не быть голословным, считаю необходимым подтвердить данный тезис конкретными фактами и документами.

Сегодня ни у кого нет сомнений, что в современном Евросоюзе основным «забойщиком» инициатив по огульному обвинению Советского Союза (читай России), безусловно, является Польша, а также, как образно выразился наш Президент, «подхрюкивающие» ей страны Балтии, Украина, Грузия и Большой брат из-за океана.

После окончания Второй мировой войны в мировом общественном мнении и историографии целенаправленно продвигалась идея, что в 1930-е годы Польша была первой жертвой фашистской агрессии. С трибуны 70-й сессии ООН Президент Польши Анджей Дуда сказал

буквально следующее: «На рассвете 1 сентября 1939 года вторжение нацистской Германии обрушилось на мою страну, 17 сентября 1939 года был нанесен удар с другой стороны, СССР атаковал Польшу, и Польша исчезла с карты...». Господин президент просто «забыл» сказать, что ни одного метра польской территории в границах, установленных на востоке «Линией Керзона» по итогам Первой мировой, Красная Армия не заняла. Она лишь вернула захваченные польскими агрессорами при помощи Антанты в годы Гражданской войны Западную Украину и Западную Белоруссию.

Даже в 2019 году президент Польши считает необходимым для себя подчеркнуть: «Для сегодняшней Европы США – гарант безопасности, а Россия – источник угрозы новой войны». [4, с. 6].

А действительно ли Польша была жертвой? А может, наоборот, именно она была одним из инициаторов развязывания войны? И больше всех «подхрюкивала» Гитлеру? Документы это подтверждают безоговорочно. Обратимся к ним.

Как только Гитлер пришел к власти, Польша тут же, грубо игнорируя договор 1932 года с Советским Союзом, подписанный на пять лет, буквально «побежала» в объятия к фашистам. Приведем хорошо известные историкам факты.

Первой европейской страной, которая подписала договор с гитлеровской Германией, была именно Польша. Уже **26 января 1934 года** в Берлине польский посланник Юзеф Липский и министр иностранных дел Германии Константин фон Нейрат подписали пакт «Пилсудского-Гитлера» «О неприменении силы между Германией и Польшей» (иное название «Договор о ненападении между Германией и Польшей») сроком сразу на 10 лет. [5, с. 69-70].

Некоторое время спустя в том же 1934 году между Польшей и Германией был подписан и «секретный протокол». Отметим, что вот уже почти 90 лет его скрывают в анналах польских архивов. Но известно немало доказательств его существования.

Приведем некоторые из фактов, безусловно, свидетельствующих о наличии этого документа.

Во-первых, в течение весны-лета 1934 года, в период совместной борьбы Германии и Польши против создания системы коллективной безопасности, имело место сближение этих двух стран. С советской стороны данную систему

продвигали нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов и глава французского МИДа Л. Барту.

После убийства 9 октября 1934 года министра иностранных дел Франции политическая атмосфера в Европе стала накаляться. В дипломатических кругах заговорили о неизбежной войне.

Во-вторых, в октябре-начале ноября 1934 года германские и польские дипломатические представительства с одной и с другой стороны были возведены в ранг посольств.

В-третьих, в 1933–1934 гг. Польша совершила резкий внешнеполитический кульбит и перевернулась в фашистский лагерь. Отдаление Польши от СССР и Франции, даже несмотря на польско-советский договор 1932 года, несомненно, означает, что она получила «железные» гарантии от Гитлера. Действительно, с чего вдруг Польша так осмелела после подписания пакта с Гитлером? Осмелела настолько, что сломя голову бросилась разрушать антигитлеровские механизмы безопасности в Европе? Что за подобную политику могли пообещать немцы? Эти вопросы еще тогда ставили во всех без исключения европейских столицах, подозревая наличие секретных германо-польских договоренностей, прилагавшихся к пакту от 26 января 1934 года.

Известно, что в обстановке растущей агрессии фашистской Германии СССР прилагал огромные усилия, чтобы создать антифашистский блок. Большая дипломатическая работа проводилась с Францией, Великобританией, Чехословакией.

И Советскому Союзу удалось заложить основу антифашистского блока. 2 мая 1935 года в Париже был принят советско-французский договор «О взаимной помощи» сроком на пять лет. Одновременно с договором был подписан, протокол уточняющий порядок оказания взаимопомощи. [6, с. 309-312].

16 мая 1935 года в Праге был подписан советско-чехословацкий договор «О взаимопомощи»; [7, с. 180].

Но на польско-советский договор от 1932 года начиная с 1933 года рассчитывать уже не приходилось.

Именно Польша первая в Европе 26 января 1934 года подписала «Пакт Пилсудского-Гитлера» (другое название «Договор о ненападении между Германией и Польшей») сроком на 10 лет. Когда 19 октября 1933 года Германия вышла из Лиги Наций, Рейх оказался

в международной изоляции. И интересы Германии на международной арене представляла именно Польша.

Польша продемонстрировала свою близость не только к фашистам, но и к милитаристской Японии: 8 июля 1934 году в Польшу с трёхдневным визитом для ознакомления с состоянием её военной подготовки прибыл брат японского императора принц Коноэ, который привёз Пилсудскому письмо от бывшего военного министра Японии генерала Араки. Занимая этот пост, Араки активно выступал в 1932 году за начало военных действий против СССР. Японский военный сообщал о намерении напасть на Советский Союз, используя в качестве повода Северо-Маньчжурскую железную дорогу, но жаловался на слабость японской авиации, из-за чего войну пришлось бы отложить до марта-апреля 1935 года. Несмотря на это, Араки предложил: «Если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации». [8, с. 176 - 180]. Разумеется, цель была ясна: совместная агрессия против СССР с Запада и Востока. Япония, как известно, в это время готовилась к провокациям на Хасане и Халхин-Голе.

Перечисленные выше документальные доказательства безоговорочно подтверждают, что Польша была ближайшим другом и союзником как фашистской Германии, так и милитаристской Японии. Приведу один очень известный факт, о котором поляки предпочитают сегодня не вспоминать.

Общеизвестно, что когда умер польский диктатор маршал Юзеф Клеменс Пилсудский (12 мая 1935 года), в Рейхе был объявлен траур! Геринг прибыл в Краков и шел за гробом в первом ряду, рядом с семьей. В Берлинском кафедральном соборе Гитлер заказал мессу и лично присутствовал во главе высшего руководства Рейха, а на сцене находился пустой гроб. По всему было понятно, что фюрер потерял близкого друга.

А когда немецкие войска захватили Польшу, то в Кракове в кафедральном соборе святых Станислава и Вацлава, где был погребен Ю. Пилсудский, был выставлен немецкий почетный караул. [9, с. 242 - 245].

Сегодня личный друг Гитлера Пилсудский – очень уважаемая в Польше фигура. Память о нем широко увековечена – его именем названа парадная площадь в центре Варшавы, где установлен его памятник. В городе Кракове на площади, через которую проходит улица Пилсудского, установлено два памятника маршалу.

Что касается политики лидера демократической Европы – Великобритании, то она не только искала дружбы с Гитлером, но и всемерно способствовала вооружению фашистов с целью использовать Германию для «борьбы с коммунистической угрозой» – СССР.

18 июня 1935 года было подписано Англо-германское морское соглашение. В своих воспоминаниях У. Черчилль пишет: «Морское соглашение фактически было равносильно согласию Великобритании на нарушение военных статей Версальского договора. Германо-польский пакт позволил нацистам сосредоточить внимание сначала на Австрии, а затем на Чехословакии, что имело губительные последствия для этих несчастных стран. Он временно ослабил связи между Францией и Польшей и помешал развитию солидарности между государствами Восточной Европы. Теперь, когда он сослужил Германии свою службу, его отбросили односторонним актом. Тем самым Польшу поставили в известность, что теперь она включена в зону потенциальной агрессии». [10, с. 162].

Более емкой и точной характеристики и быть не может. То есть, сам сэр У. Черчилль подчеркивает, что именно с благословения Великобритании началась откровенная милитаризация фашистской Германии.

Но и это далеко не все: уже 16 апреля 1938 года между Англией и другим фашистским государством – Италией, подписывается договор «О дружбе и сотрудничестве».

Очевиден вывод, что Лондон, а вслед за ним и Париж делают все, чтобы крепко подружиться с Гитлером. Главная цель этой дружбы, повторимся, – направить основной удар фашистской Германии против СССР. Гитлер об этом откровенно заявлял в своей программной книге «Майн кампф».

Именно благодаря тотальному попустительству, а точнее, всемерному подталкиванию Гитлера к походу на Восток, лидерами европейских демократий был дан карт-бланш фашистам, и они воспользовались им в полной

мере. Обращает на себя внимание, что буквально накануне подписания демократической Англией очередного договора «О дружбе и сотрудничестве» с фашистской Италией, Гитлеру позволили 12 марта 1938 года спокойно осуществить аншлюс Австрии (с нем. дословно – присоединение).

29-30 сентября 1938 года, задолго до подписания пакта Молотова – Риббентропа, происходит главный дипломатический позор европейских демократий: состоялась Мюнхенская сделка.

Характерно, что Англия и Франция в лице своих высших руководителей премьер-министров Невилла Чемберлена и Эдуара Даладье лично возглавили делегации своих стран и приехали в Германию, в Мюнхен – в фашистское логово, чтобы совместно с Гитлером и Муссолини решить судьбу суверенного европейского государства – Чехословакии. Кстати, чехословацкая делегация к столу переговоров не была допущена. Ее просто проинформировали после подписания документа.

Совместным ультиматумом Англии и Франции к Чехословакии у страны было отторгнуто в пользу Германии 20 процентов всей территории, 25 процентов населения, 50 процентов тяжелой промышленности...

По прибытии в Лондон, Чемберлен, размахивая над головой текстом договора, восклицал: «Я привез вам вечный мир». Хорошо известно, что «вечный мир» продлился менее полугода. 15 марта 1939 года Чехословакия была полностью оккупирована Гитлером. [1, с. 456 - 457].

Но об этом сегодня ОБСЕ и Евросоюз как-то совершенно «забыли» и не хотят вспоминать.

6 декабря 1938 года – между демократической Францией и фашистской Германией, теперь уже окончательно, был подписан договор о ненападении. [2, с. 334-335]. (Историки прекрасно знают, что первая попытка Франции и Англии заключить договор с фашистами была предпринята еще 15 июля 1933 года. Был подготовлен «Пакт согласия и сотрудничества». Но он не вступил в силу из-за настойчивого протеста французской общественности.

Что касается наших «соседей» Латвии и Эстонии, они также помчались в Берлин на поклон к Гитлеру, и 7 июня 1939 года в Берлине было подписано два договора «О ненападении» с Эстонией и с Латвией [11, с. 51].

Сегодня, спустя более 80 лет после начала Второй мировой войны, Европарламент и ОБСЕ обвиняют СССР в том, что он заключил «аморальный» пакт Молотова–Риббентропа «аж самим Гитлером» и тем самым способствовал развязыванию мировой войны.

Но никому не хочется вспоминать, что именно Советский Союз был последней страной, которая после пяти лет безуспешных попыток добиться создания антигитлеровского союза с Англией и Францией был вынуждена признать, что это невозможно. Не вдаваясь в детали, лишь подчеркнем лишь общеизвестные факты. Англичане и французы откровенно торпедировали все инициативы СССР по созданию единого антифашистского блока. Советский Союз предложил правительствам Англии и Франции заключить тройственный союз о взаимной помощи, то есть, все же создать антифашистский блок и защитить себя. Но все пять лет (1934 – 1939 гг.) неоднократные попытки Советского Союза наталкивались на стену непонимания и решительно отвергались.

Выше мы уже отмечали, что в середине 30-х годов СССР подписал четкие договоренности с Францией и Чехословакией, в том числе, предусматривающие и механизм реализации договоренностей в случае угрозы внешней агрессии. Однако под совместным давлением Лондона и Берлина эти договоры были аннулированы. [12, с. 24].

Понимая, что кризис неизбежен, 17 апреля 1939 года именно СССР предложил Англии и Франции провести переговоры с целью подписания конкретных антифашистских договоренностей. Чтобы успокоить общественное мнение в своих странах, Англия и Франция согласились прислать свои делегации в Москву. Но, как показала практика, это была лишь профанация переговоров. На самом же деле переговорный процесс, даже в этих условиях, всячески тормозился. Обе делегации получили конкретные инструкции ни в коем случае не подписывать какие-либо обязывающие договора. (Прибытие и состав делегаций – это отдельная позорная история.)

Видя, что политические переговоры буксуют и не принесут каких-либо результатов, СССР предложил провести конкретные военные переговоры. Они проходили в Москве с 12 по 21 августа 1939 года. Однако из-за деструктивной

позиции Англии и Франции и военные переговоры потерпели крах. Оценивая политику Лондона, даже У. Черчилль, ярый антисоветчик, был вынужден признать: «Однако даже сейчас не может быть сомнений в том, что Англии и Франции следовало принять предложение России и провозгласить тройственный союз». [13, с. 163]. Но почему же этого не было сделано?

Причина проста. Ближайший друг и главный помощник Н. Чемберлена (будущий премьер-министр) Г. Вильсон в июле 1939г. в разговоре с немецким дипломатом Вольтатом (фонограмма разговора сохранилась в архиве) цинично подчеркивал: «Переговоры в Москве – это только отвлекающие маневры, это резерв на случай, если нам не удастся добиться главного – договориться с Германией по всем интересующим стороны вопросам. Если мы договоримся с немцами, то все гарантии Польши, которые Англия дала, все гарантии Румынии, которые Польша дала, и сами эти переговоры в Москве будут отодвинуты в сторону, и мы будем решать все европейские дела и вопросы с вами. Ну, если захотят французы к этому примкнуть и итальянцы, тем лучше». [14, с. 247]. Более откровенно о позиции так называемых Европейских демократий сказать невозможно.

Сталин достоверно знал, что Н. Чемберлен ведет секретные переговоры с Германией, а контакты с СССР использует для их прикрытия. Он понимал, что надо предпринимать конкретные меры, чтобы не дать втянуть себя в войну против объединенного Запада и Японии.

Сегодня, после рассекречивания архивов, достоверно известно, что англичане и французы были готовы объединить усилия с фашистами для нападения на СССР не только в 1939 году, но даже в 1944 и 1945 годах. (См. план «Рэнкин» и Операция «Немыслимое»). До 1998 года правительство Великобритании категорически отрицало существование подобных планов. Документы хранятся в национальном архиве Великобритании) [15 с. 164 - 168].

В своём выступлении в Палате общин У. Черчилль прямо предупреждал: «Мы окажемся в смертельной опасности, если не сможем создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное сотрудничество с Советской Россией». [16 с. 298].

Однако высшее руководство правящей кон-

сервативной партии Великобритании считало иначе. В своем дневнике заместитель министра иностранных дел Великобритании Александр Кадоган записал: «Премьер-министр (Чемберлен) заявил, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами». [17 с. 35]. Лозунг консерваторов в то время был: «Чтобы жила Британия, большевизм должен умереть». Другой альтернативы в арсенале Великобритании не было.

И лишь спустя пять лет (1934 – 1939), убедившись окончательно, что Запад категорически отвергает создание антифашистского блока в союзе с СССР, Советский Союз был вынужден 23 августа 1939 года подписать так называемый «пакт»-договор «О ненападении», кстати, по инициативе Берлина. Именно иезуитская политика «европейских демократий» не позволила создать антифашистский блок. Только в этих условиях СССР, заботясь о своей безопасности, был вынужден пойти на подписание Договора «О ненападении» от 23 августа 1939 года.

Руководство нашей страны прекрасно понимало, что, говоря о жизненном пространстве, Гитлер всегда имел в виду восточные территории – а именно СССР. У Сталина никогда не было каких-либо иллюзий насчет захватнических планов Гитлера.

Так какова была цель Советского Союза в подписании этого договора? Во-первых, не допустить объединения усилий фашистов и их сателлитов в агрессии против нашей страны. А для этого надо было «вбить клин» между фашистами и их искренними сторонниками в Европе. И во-вторых, это очень важно, советское руководство понимало, что в 1939 году СССР не был готов к большой войне против фашистской Германией, а тем более против объединенной Европы.

Выдающейся победой Советской дипломатии явилось то, что подписание Пакта «Молотова-Риббентропа» было полной неожиданностью для Японии и привело к правительственному кризису. Сначала было заключено временное соглашение, а 13 апреля 1941 года был подписан «Пакта о нейтралитете между СССР и Японией», который соблюдался всю войну. Безусловно, это было выдающееся достижение советской дипломатии. Война для СССР началась не в 1939 году, а в 1941. Были и другие преимущества.

Но есть еще один очень важный вопрос, на который необходимо дать логичный, аргументированный ответ. Почему Евросоюз так хочет дискредитировать СССР (читай Россию)? Чего он хочет в конечном итоге добиться?

Из вышесказанного однозначно ясно, что абсолютное большинство европейских государств в годы Второй мировой войны были сторонниками и пособниками фашистов на фронте и в тылу. Значит, если Гитлер виноват, то и они, около 90 процентов государств, ныне члены Евросоюза, тоже виноваты.

Из сказанного следует вывод, что Европе сегодня, чтобы обелить себя, надо любыми методами «доказать», что Советский Союз, как тоталитарное государство, виновен в развязывании Второй мировой войны так же, как и гитлеровская Германия. Ведь иначе абсолютное большинство европейских государств будут вынуждены признать, что именно они вместе с Гитлером развязали мировую бойню и активно, деятельно помогали фашистам в их человеконенавистнических деяниях.

Между тем сам фюрер открыто назвал агрессию против СССР «общеевропейским походом против большевизма». И это было действительно так. Вместе с Гитлером против СССР выступила, по сути, вся Европа того времени: Румыния, Венгрия, Италия, Финляндия, Франция, Дания, Словакия, Хорватия, Испания, Голландия и другие. Если некоторые страны и не участвовали непосредственно в нападении, то ковали фашистское оружие в тылу.

Помимо задачи обелить себя, есть и сверхзадача: вычеркнуть из памяти современных поколений ту решающую роль, которую сыграл в спасении человечества от «коричневой чумы» XX века Советский Союз, принесший на алтарь победы ни с чем не сравнимые огромные жертвы.

Мы прекрасно знаем давние и весьма эффективные приемы фальсификации: «самый лучший вид обороны – это нападение». К сожалению, и в наше время довольно действенны беспроектные геббельсовские утверждения: «чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят», «многократно повторенная ложь становится правдой». Арсенал лжи и клеветы весьма широк.

Чего же добивается Запад и его союзники, тратя огромные деньги и ресурсы?

Во-первых, поставить знак равенства между идеологией фашизма и социализма (коммунизма). Хотя это невозможно. Например, идеологией СССР был интернационализм. А у фашистов – расовая теория. Людей делили на арийцев – высшая раса, англосаксов – высокоразвитая популяция; славяне, в том числе русские, – это унтерменши (недочеловеки). И «неполноценные» народы, которые не имеют права на жизнь – это евреи и цыгане.

Во-вторых, «доказать», что и СССР, и фашистская Германия несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны.

В-третьих, судить Россию международным судом по «полной программе», вследствие чего добиться следующих целей:

- лишить Россию (как правопреемницу СССР) места постоянного члена в Совете безопасности ООН, поскольку, якобы, СССР все эти годы занимал его незаконно;

- заставить Россию под давлением политических и экономических санкций США и Европы вернуть «незаконно оккупированные» территории: Восточную Пруссию (Калининградскую область) – ФРГ; Курильские острова – Японии; Карелию, Выборг – Финляндии;

- безоговорочно вернуть Крым Украине, прекратить поддержку Новороссии, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровья;

- обязать Россию выплатить странам Балтии и Польше более 150 млрд. долларов «за многолетнюю оккупацию».

В мае сего года журнал «Шпигель» опубликовал статью министра иностранных дел ФРГ Хайко Мааса и директора Института современной истории Андреаса Виршинга. Они подчеркнули: «Германия единственная несет ответственность за развязывание страшной бойни 20 века»... Кто ставит это под сомнение, «тот пытается превратить историю в инструмент и раскалывает Европу».

Однако сегодня даже объективная позиция немцев не в силах поставить заслон всем фальсификациям. Каждый из нас прекрасно понимает, что пересмотр истории Второй мировой войны – это не про прошлое, а про наше настоящее. И мы, безусловно, должны разоблачать фальсификаторов всех мастей. Следует при этом занимать только наступательную позицию. Тогда ложь и черные технологии будут бессильны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская военная энциклопедия в 8 томах/ т.5. - М., 1978. - С. 456 - 457.
2. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937-1939 гг. в 2-х тт. т. 1, - М.: 1981. - с. 334-335.
3. Черчилль, У. Вторая мировая война. Том I/Надвигающаяся буря Часть первая. От войны к войне (1919-1939 годы); Глава восьмая. Вызов и реакция на него (1935 г.)
4. Газета «Коммерсантъ» - №157 - 2019 - 2 сентября. - С. 65.
5. Климовский, Д.С. Зловещий пакт (Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия). - Минск, 1968. - С. 69-70.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 18. - М., 1973.- С. 309-312.
7. Советская историческая энциклопедия. Том 13 - М., 1971, с. 180
8. Польско-Японская дружба против СССР в 30-х гг. в кн. Пыхалов, И.В. Великий оболганный вождь. Ложь и правда о Сталине. - СПб., 2010.- С. 176-180
9. Матвеев, Г.Ф. Пилсудский.- М., 2008. С. 242 - 245.
10. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1 том I. М., 1991. С. 162
11. Дюков А. Р. «Пакт Молотова-Риббентропа» в вопросах и ответах. М., 2009. С. 51
12. Мартиросян А.Б. Мифы пакта Молотова - Риббентропа. Накануне 23 августа 1939 г. - М., 2009. С. 24
13. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1 Том 1 - М., 1991. - С. 163.
14. Гаспарян А.С. Неизвестные страницы Великой Отечественной Войны. М., 2012. С. 247;.
15. Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С.164 - 168.;
16. 1939 год: Уроки истории // АН СССР. Ин-т всеобщей истории; - М., Мысль, 1990. С.508.;
17. Жухрай (Мироненко) В.М. Загадка 37 года. М., 2011 С. 23.

*Олег Евгеньевич Ащеулов,
Россия, Москва, Институт
российской истории Российской академии наук,
научный сотрудник, кандидат исторических наук*

Роль артиллерии 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской стратегической наступательной операции

Январское наступление 1945 года войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, начатое на Висле, вошло в историю как Висло-Одерская стратегическая наступательная операция.

К началу января 1945 года немецкими войсками и населением было подготовлено семь оборонительных рубежей, эшелонированных на глубину 300-500 км. Никогда еще в ходе Второй мировой войны немецкое командование не создавало столь глубокой, насыщенной инженерными сооружениями обороны. Для повышения ее устойчивости, особенно в противотанковом отношении, широко использовались реки Висла, Бзура, Равна, Радомка, Нида, Пилица, Варта, Нотець, Обра, Одер и другие. В систему оборонительных рубежей включались подготовленные к длительной обороне многочисленные города, такие, как Модлин, Варшава, Радом, Кельце, Краков, Лодзь, Быдгощ, Познань, Шнейдемюль и другие, представлявшие мощные опорные пункты и узлы сопротивления.

Особые надежды гитлеровское командование возлагало на Померанский вал и Мезеритцкий укрепленный район, подготовленные еще до войны вдоль польско-германской границы. Достаточно сильным являлся рубеж обороны по

реке Одер, в систему которого входили модернизированные старинные крепости и мощные узлы обороны: Кюстрин, Франкфурт-на-Одере, Глогау, Бреслау, Ратибор и другие.

Эти мероприятия были хорошо известны высшему военному руководству Советского Союза, а также офицерам и солдатам Красной Армии. Например, 14 января 1945 года, оценивая немецкие оборонительные сооружения на Висле, газета «Правда» писала следующее: «Учитывая печальный опыт прошлых лет, гитлеровцы приняли все меры для укрепления своих позиций, противостоящих советским войскам. Противник непрерывно совершенствовал свою оборону. На смену укреплениям полевого типа приходили инженерные укрепления долговременного характера, оборона развивалась в глубину, насыщалась огневыми средствами всех видов. Именно такой характер носила она и здесь, западнее Сандомира... Сталь и бетон, противотанковые препятствия, минные поля, проволочные заграждения, волчьи ямы, ловушки - все это нужно было преодолеть наступающим».

Гитлер и его окружение полагали, что в случае вынужденного оставления позиций на Висле, отходившие войска и выдвигаемые резервы будут последовательно занимать следующие

оборонительные рубежи. Такой метод ведения обороны должен был, по замыслу гитлеровского командования, обескровить советские войска и надолго затянуть войну.

Следует отметить, что Гитлер недооценивал силы советских войск и масштабы надвигающейся для нацистской Германии катастрофы.

По данным разведки, Германский генеральный штаб сухопутных сил оценивал превосходство русских в пехоте соотношением 11:1, в танках – 7:1, в артиллерии – 20:1. Было приблизительно определено и время начала наступления советских войск.

Доклады начальника генерального штаба Г. Гудериана и его опытных специалистов, занимавшихся вопросами разведки, относительно начавшегося явного сосредоточения превосходящих русских сил Гитлер считал «величайшим блефом со времен Чингисхана», попросту не желая видеть размеров грозящей опасности. Он также полагал, что имевшиеся на восточном фронте резервы смогут остановить прорвавшиеся советские войска. Все попытки Гудериана создать на Восточном фронте более мощный заслон неизменно разбивались о неизменную позицию Йодля и Гитлера. Ради справедливости все же следует отметить, что Гудериан пользовался уважением Гитлера. Гудериан являлся одним из немногих людей в руководстве третьего Рейха, который осмеливался напрямую спорить с фюрером и отстаивать свою точку зрения. Гитлер ценил своего начальника генерального штаба за профессиональные качества и прямоту.

Так, на очередном совещании Гитлер сказал начальнику генерального штаба сухопутных сил Германии Г. Гудериану: «Восточный фронт никогда не имел столь много резервов, как сегодня. Это ваша заслуга. Я благодарю Вас за это». Гудериан, который более трезво оценивал сложившуюся на тот момент обстановку, возразил: «Восточный фронт – как карточный домик. Стоит прорвать фронт в одном единственном месте, рухнет весь фронт, ибо резерв в двенадцать с половиной дивизий для фронта такой громадной протяженности очень и очень мал!». Последующие события доказали, что Гудериан был прав.

Теперь перейдем непосредственно к планированию артиллерийской подготовки и последующего артиллерийского наступления 1-го Белорусского фронта. Следует подчеркнуть, что

в этом направлении была проделана большая работа. В планах артиллерийского обеспечения Висло-Одерской операции детально определялись ее задачи по каждому периоду наступления, решалась проблема массирования огня артиллерии на направлениях главных ударов фронтов и армий. План артиллерийской подготовки отличался простотой и был легко выполнен.

Еще в ноябре 1944 года были изданы директивы Ставки ВГК командующим фронтами о подготовке и проведении операции, получившей впоследствии название Висло-Одерской. Согласно им, Ставка ВГК приказывала иметь на участке прорыва 1-го Белорусского фронта не менее четырех артдивизий и создать плотность от 240 орудий и минометов калибром от 76-мм и выше на один километр фронта.

Для выполнения этой задачи 1-й Белорусский фронт имел в своем распоряжении мощные артиллерийские соединения и части. К началу Висло-Одерской стратегической наступательной операции 1-й Белорусский фронт располагал двумя артиллерийскими корпусами, шестью артиллерийскими дивизиями прорыва, 40 отдельными артиллерийскими бригадами, 7 отдельными артиллерийскими полками, двумя отдельными артиллерийскими дивизионами, 9 истребительно-противотанковыми бригадами, 7 отдельными истребительно-противотанковыми полками, 10 отдельными минометными бригадами, 13 отдельными минометными полками, одной гвардейской минометной дивизией, четырьмя отдельными гвардейскими минометными бригадами, 11 гвардейскими минометными полками, пятью гвардейскими минометными дивизионами, 9 зенитными артиллерийскими дивизиями, 56 зенитными артиллерийскими полками, 8 отдельными зенитными артиллерийскими дивизионами.

Согласно архивным материалам, к 11 января 1945 года артиллерия 1-го Белорусского располагала следующим артиллерийским вооружением: 9505 полевых орудий (включая 2490 противотанковых орудий калибра 45-57 мм), 1676 зенитных орудий, 7595 минометов и 1114 машин реактивной артиллерии.

К указанному в таблице количеству орудий, минометов и машин реактивной артиллерии следует прибавить и артиллерийские средства,

находившиеся в составе 1-й армии Войска Польского. К началу операции 1-я армия Войска Польского находилась в оперативном подчинении 1-го Белорусского фронта и имела 702 полевых орудия (в том числе 230 противотанковых), 104 зенитных орудия и 738 минометов. Таким образом, всего армия Войска Польского располагала 1544 орудиями и минометами.

Подготовка артиллерийского удара в преддверии масштабного наступления советских войск была тщательно спланирована. Был проведен анализ предыдущих наступательных операций Красной Армии. Например, в отличие от Сталинградской наступательной операции, артиллерийская подготовка разрабатывалась по двум вариантам – оптимистическому и пессимистическому. Так, по первому варианту руководство 1-го Белорусского фронта планировало артиллерийскую подготовку атаки в виде мощного 25-минутного огневого налета всей артиллерии по переднему краю с одновременным подавлением важнейших целей на глубине до 6-8 км. Затем в бой шли так называемые батальоны «особого эшелона» или, попросту говоря, «штрафные батальоны». Затем предусматривалась артиллерийская поддержка атаки передовых батальонов одинарным огнем валом в течение 60 минут. При этом каждый атакующий батальон должен был поддерживаться огнем артиллерийских или минометных полков и минометами стрелковых частей. Одновременно с этим остальная артиллерия по плану должна была перенести огонь в глубину обороны противника (от 2 до 8 км). В случае успешных действий передовых батальонов и захвата ими первой позиции, артиллерийская подготовка по полному графику отменялась, и в бой без паузы вводились главные силы дивизий первого эшелона.

Второй, пессимистический вариант предусматривал следующее. Если передовые батальоны терпели неудачу, то тогда должна была начаться артиллерийская подготовка атаки главных сил общей продолжительностью 70 минут. Из них 20 минут отводилось на огневой налет, 30 минут – на подавление и разрушение и снова 20 минут на огневой налет. Поддержка атаки планировалась методом двойного огневого вала на глубину до трех километров, а артиллерийское сопровождение

пехоты и танков при бое в глубине обороны – сосредоточенным и массированным огнем на глубину до 5-6 км.

Следует отметить, что наличие двух вариантов позволяло артиллерии заблаговременно подготовиться к решению огневых задач в зависимости от исхода разведки боем и сократить время, необходимое для открытия огня.

Нельзя не сказать о трудностях организации войскового тыла на Магнушевском и Пулавском плацдармах. При их незначительных размерах на первом располагались 23 дивизии и 5348 стволов артиллерии, на втором – 16 дивизий и 3324 ствола (в обоих случаях без зенитных установок и гвардейских минометов). На участках прорыва максимальная плотность артиллерии достигала 282 ствола на километр фронта. 8-я гвардейская армия имела полосу наступления около 7 километров по фронту, в которой на глубине до 5 километров размещалось 75-80 артиллерийских полков, то есть на квадратный километр площади приходилось 2,5-3 артиллерийских полка.

В своих мемуарах В.М. Жагала также отмечал по данному поводу: «Артиллерии на плацдармах было так много, что не хватало места для ее размещения. В силу этого на одну огневую позицию вставляли целые артиллерийские полки. Орудия ставились одно к одному, на сокращенных интервалах. Это было новое за время войны в построении боевых порядков артиллерии при проведении артиллерийского наступления». Конечно, такая скученность частей была небезопасной. Поэтому вся артиллерия выводилась на огневые лишь накануне артподготовки. До этого часа на позициях находились лишь пристрелочные орудия.

Не следует также забывать о том огромном количестве боеприпасов, которое предстояло доставить работникам тыла к огневым позициям артиллерии. Впоследствии в своих мемуарах начальник тыла 1-го Белорусского фронта Н.А. Антипенко вспоминал свои ощущения перед началом артподготовки: «Я подумал: завтра с рассветом начнется битва. Предстоит выбросить на противника 53 тысячи тонн боеприпасов, которые мы с таким трудом завезли на плацдармы... Так неужели начальник тыла фронта не может быть там, где в этот час решается успех прорыва и судьба всей наступательной операции?». И действительно, следует отметить ежедневный

труд работников тыла, которые часто под бомбежками и артиллерийским огнем противника доставляли на передовые необходимое количество боеприпасов для успешного проведения операции. Если задуматься: какую ценность имеют пушки без снарядов и солдаты без еды и патронов? В итоге продолжительной и напряженной работы органов тыла к началу операции во фронтах были созданы значительные запасы боеприпасов и горючего. Обеспеченность артиллерийскими боеприпасами составляла в среднем от трех до шести боекомплектов. При этом наиболее обеспеченными были крупные калибры, что объяснялось их особой ролью при взломе сильно укрепленной вражеской обороны, а также наличием в глубине укрепленных районов и крепостей.

Следует отметить, что немецкое руководство тоже изучало организацию советских артподготовок и пыталось снизить их эффективность.

В своих воспоминаниях К.К. Рокоссовский, в частности, заметил следующее: «Раньше не раз случалось, что противник еще до нашей артподготовки отводил свои войска в глубину, чтобы мы израсходовали боеприпасы по пустому месту. Сейчас он вряд ли пойдет на это. У него сильные позиции, изобилующие опорными пунктами и долговременными укреплениями с фортами, правда, старого типа, но хорошо приспособленными к обороне. Добровольный отход противника с этих позиций только облегчил бы нам задачу. И он, конечно, не решится их покинуть».

Действительно, в ряде случаев немецкому командованию удавалось таким образом снизить эффективность артподготовки советских войск до минимума. Отдельные генералы вермахта намеревались поступить также и в начале Висло-Одерской операции. Но здесь неожиданно определенную «помощь» оказал советским артиллеристам сам Гитлер.

Предоставим слово Г. Гудериану, занимавшему в 1944-1945 году пост начальника генерального штаба сухопутных сил нацистской Германии: «Фронтовые командиры требовали, чтобы примерно в 20 км в тылу от переднего края первой полосы обороны возводились для ведения крупных сражений сильные, тщательно замаскированные и занятые войсками позиции. Далее, они желали получить инструкции по обороне, которые давали бы им право непосредственно перед

началом артиллерийской подготовки противника отходить своими основными силами на вторую полосу обороны, оставляя на первой лишь небольшое прикрытие. Такой маневр сделал бы артиллерийскую подготовку ее совершенно напрасной, свел бы на нет все продолжительные приготовления противника к разворачиванию своих сил, заставил бы его натолкнуться на хорошо подготовленный рубеж обороны и отступить. Нет сомнения, что это требование было вполне обоснованным. Я изучил его и доложил Гитлеру. Он вышел из себя и совершенно отказался мириться с таким положением, когда без боя хотели оставить территорию глубиной в 20 км. Гитлер приказал создавать главную линию сопротивления в 2-4 км от переднего края обороны». К счастью советских войск, приказ Гитлера был выполнен. Забегая вперед, отметим, что уже после прорыва советских войск на Висле Гитлер понял свою ошибку, но исправить ее было уже нельзя.

Эти уловки немецкого командования учитывало и советское военное руководство. Командующий 8-й гвардейской армией В.И. Чуйков впоследствии писал, что он сам предложил начать артиллерийскую подготовку ранним утром, чтобы противник не успел отойти на вторую и третью позиции. Об этом свидетельствуют следующие строки его мемуаров: «Мы изучили режим на первой позиции противника. Ночью гитлеровцы размещают в первой траншее больше, чем в другое время, живой силы и огневых средств, а часов в 10 утра по московскому времени отводят лишних людей, и в первой траншее остаются лишь наблюдатели и дежурные подразделения. Поэтому я предложил нашу двадцати пятиминутную артиллерийскую подготовку начать не позже 9 часов утра, чтобы первым же огневым налетом накрыть вражеских солдат, пока они не ушли в тыл». Доподлинно узнать, кто был автором вышеуказанного плана артиллерийской подготовки 1-го Белорусского фронта, сейчас невозможно. Но эти строки В.И. Чуйкова свидетельствуют о том, что немецкие попытки обмануть советских артиллеристов потерпели провал.

Напомним, что наступление советских войск на Висле началось 12 января 1945 года в 5 часов по московскому времени с удара частей 1-го Украинского фронта с Сандомирского плацдарма. Наступление войск 1-го Белорус-

ского фронта началось 14 января 1945 года одновременно с магнусшевского и пулавского плацдармов. Толщина снежного покрова была довольно глубокой, а видимость – практически нулевой. В этот момент началась полномасштабная артиллерийская подготовка, в которой приняли участие до трехсот орудий на километр фронта. То есть расстояние от одного орудия до другого было всего три или четыре метра..

Вследствие нелетной погоды огневое поражение противника первоначально осуществлялось только артиллерией. В 8.30 был произведен мощный 25-минутный огневой налет, после которого штрафные батальоны атаковали вражеские позиции. Артиллерия фронта за период подготовки атаки израсходовала более 365 тыс. снарядов и мин общей массой 5450 т., из них 825 т или 15 процентов приходилось на долю реактивной артиллерии. В течение последующих 60 минут обеспечения боя штрафных батальонов противник оказывал незначительное огневое сопротивление, которое немедленно подавлялось массированным артиллерийским огнем. Слабое сопротивление с немецкой стороны свидетельствовало о том, что уже в первом 25-минутном огневом налете система огня противника была подавлена на глубину до 7 км, управление было нарушено, вследствие чего в течение последующего часа немецкие части и соединения не смогли оказать организованного сопротивления. В результате к исходу 60-минутного периода штрафные части четырех армий достигли 3-4 линий траншей. Иная ситуация сложилась в полосе наступления 61-й армии. Там штрафные батальоны успеха не имели, поэтому артиллерия полностью выполнила весь график артподготовки.

Об исключительной роли артиллерии в этом наступлении несколько позднее ярко написала на своих страницах газета «Правда»: Наступление наших войск в Польше характеризовалось прежде всего массированным применением артиллерии. Сосредоточение сотен стволов на один километр фронта прорыва дает убедительное представление о мощи артиллерийского огня. Артиллерия явилась главной ударной силой в наступательных боях последних дней. Полковые пушки и 305-миллиметровые гаубицы, «Катюши» и крупнокалиберные минометы составляли

единый хорошо слаженный ансамбль...».

По словам командующего 1-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенанта Н.К. Попеля, начальник артиллерии 1-го Белорусского фронта генерал Н.М. Пожарский был похож на «дирижера огромного симфонического оркестра, только палочку ему заменяли рации и телефонные аппараты, выстроившиеся в ряды, а симфония, которой он дирижировал, была не только слышна, но и видна». Да и само описание артподготовки 1-го Белорусского фронта дано Н.К. Попелем, обладателем очевидного литературного таланта, живописно и необычно: «Змеи огненного вала, изогнувшись, прыгнули вперед. Короткий приказ - и они оттянулись немного обратно, прогладив полосу траншей. Огонь как бы отплясывал там, над головами врагов, повинаясь приказам Пожарского, прорывавшимся сквозь этот дьявольский грохот. Все небо расчертили полосы пламени – это эрэсы выжигали уцелевшие объекты. Потом смертоносное пламя мгновенно перелетело дальше, и в ту же секунду тысячи солдат поднялись и побежали вперед. Их «ура» не слышно, оно смешалось с ревом снарядов, с фантастическим танцем огня, пожирающим все на их пути».

Когда отдельные вражеские батареи пытались открыть огонь, их тотчас подавляли. Так, например, в районе Зайончкув стояла вражеская 105-миллиметровая четырехорудийная батарея. Только она открыла огонь по наступающим советским батальонам, как ее тотчас засек взвод звуковой разведки 810-го отдельного разведывательного дивизиона. Данные были немедленно переданы артдивизиону 152-миллиметровых орудий 24-го арtpолка. В течение нескольких минут он выпустил по вражеской батарее около 200 снарядов, и она прекратила свое существование.

Артиллерийский огонь в полосе наступления 1-го Белорусского фронта также произвел ошеломляющее действие на противника. Характерное состояние противника после артподготовки дает следующий эпизод в воспоминаниях Н.К. Попеля. В штаб В.И. Чуйкова привели командира немецкого батальона. Немец был совершенно подавлен, его руки висели, как плети, глаза блуждали. Было видно, что он еще не пришел в себя от огневого удара советской артиллерии. На допросе он показал следующее: «Наступление

было неожиданным. То есть, не то чтобы совсем неожиданным. Командование все время нас успокаивало: русские истощены, увязли на флангах, в Венгрии и Восточной Пруссии. Но ведь мы ветераны, воюем шесть лет и кое-что сами понимаем. Чувствовали: что-то будет, что-то будет... Даже в нашей армейской газете об этом писали. Но когда и, главное, с какой мощью – вот этого мы не знали! О боже мой, боже мой! У вас не артиллеристы, а настоящие дьяволы. Первыми залпами они нарушили все управление дивизией! Уже к концу артподготовки наша пехота побежала».

Один из взятых в плен командиров корпусов противника заявил, что 14 января русские применили замечательный тактический прием: проводилась мощнейшая артиллерийская подготовка на всем фронте наступления, но в этой линии огня были как бы оставлены коридоры, по которым русская пехота в ходе артиллерийской подготовки прорвалась к позициям и штурмом взяла их.

Огневой удар настолько потряс и деморализовал гитлеровские части, что они уже не смогли оказать существенного противодействия начавшемуся наступлению. Немецкий генерал К. Типпельскирх в своих воспоминаниях так отозвался о роли огневого удара советской артиллерии: «Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану». То же самое утверждал и бывший на тот момент начальник генерального штаба Г. Гудериан: «Группа армий «А» ввела в бой резервы для нанесения контрудара. Они были подтянуты ближе к линии фронта по личному приказу Гитлера, ближе, чем это было предусмотрено приказом генерал-полковника Гарпе. Последствием такого вмешательства явилось то, что резервы еще до начала контрнаступления были накрыты огнем во время артиллерийской подготовки русских и очень сильно потрепаны».

Следует отметить и еще один момент, который часто упускается из виду. Если бы Г.К. Жуков не сократил артиллерийскую подготовку на Висле и

не сэкономил этим около 30 тысяч тонн боеприпасов, то даже при хорошо работающих коммуникациях у наступающих советских войск возникли бы серьезные проблемы со снабжением.

С рассветом 15 января в полосе наступления 1-го Белорусского фронта началась мощная сорокаминутная артиллерийская подготовка, а в 9 часов войска вновь двинулись вперед. Противник использовал ночь, чтобы подтянуть резервы и уплотнить боевые порядки на своей третьей позиции. В междуречье Пилицы и Радомки он ввел в бой 19-ю и 25-ю танковые дивизии. Однако мощный артиллерийский удар советских войск и организованная атака пехоты и танков сломили сопротивление немецких войск. Они начали отходить с третьей позиции на линию железной дороги Варка – Радом. На преследование противника, а также на необходимое перемещение артиллерии ушло около трех часов.

Артиллерия, непосредственно сопровождавшая передовые танковые и стрелковые подразделения, неотступно следовала за их боевыми порядками и своевременно оказывала им необходимую поддержку. В условиях дымки и ограниченной видимости отдельные орудийные расчеты вплотную приближались к неприятельским опорным пунктам и прямой наводкой в упор расстреливали врага. Наряду с этим для ликвидации уцелевших опорных пунктов и узлов сопротивления широко применялся маневр огнем артиллерии с целью массирования его по важнейшим объектам атаки. В ряде случаев артиллерия сокрушала сопротивление противника в течение нескольких минут.

Так, неожиданно серьезным препятствием для продвижения 9-го и 26-го гвардейского корпусов 5-й ударной армии оказался полустанок Грабув, превращенный фашистами в мощный узел сопротивления.

Командующий артиллерией 5-й ударной армии генерал-майор артиллерии П.И. Косенко приказал сосредоточить по нему огонь трех артиллерийских бригад: 180 орудий в течение пяти минут выпустили по вражескому узлу сопротивления 1150 снарядов. Когда наши части подошли к полустанку, там стоял подбитый бронепоезд, были разрушены все укрепления. Наступавшая пехота после этого мощного огневого налета смогла легко захватить этот населенный пункт.

В другом случае бригадам 1-й танковой армии мешал сильно укрепленный пункт противника около полотна железной дороги. В.И. Чуйков, наблюдавший за ситуацией, так ее описывал: «Сейчас бы сильный огневой удар, за ним рывок пехоты и танков – и все решилось бы в нашу пользу. Солнце уже садилось. Светлого времени оставалось около часа. За этот час необходимо во что бы то ни стало разгромить вражеский опорный пункт». На счастье В.И. Чуйкова и несчастье оборонявшегося немецкого гарнизона, показалась колонна машин. Это выдвигалась на боевые позиции целая бригада новых реактивных минометов – 36 пусковых установок, снаряженных боеприпасами и готовых к залпу. Обрадованный В.И. Чуйков сразу пустил «катюши» в дело: «Командир бригады тут же получил от меня задачу, и спустя 20 минут был дан залп такой мощности, от которого оставшиеся в живых гитлеровцы долго не могли прийти в себя. Наши части пошли вперед. Еще двадцать минут – и они, сломив ослабевшее сопротивление, перевалили за полотно железной дороги. За ними двинулись авангардные колонны 1-й гвардейской танковой армии. Прорыв на всю глубину тактической обороны был завершен».

Генерал пехоты К. Типпельскирх впоследствии охарактеризует сложившееся положение, как трагичное: «К вечеру 15 января на участке от реки Нида до реки Пилица уже не было сплошного, органически связанного немецкого фронта. Грозная опасность нависла над частями 9-й армии, все еще оборонявшимися на Висле у Варшавы и южнее. Резервов больше не было».

Итогом двух первых дней наступления 1-го Белорусского фронта стал прорыв двух полос немецкой обороны. В районе магнусhevского плацдарма глубина прорыва достигла 30 км, а в районе пулавского плацдарма – целых 50 (!) км. Темпы наступления советских войск приняли стремительный характер, которому могли бы позавидовать теоретики «блицкрига». Среднесуточный темп наступления танковых и механизированных соединений 1-го Белорусского фронта составлял около 50 км в сутки, а общевойсковые соединения двигались со средним темпом 30 км в сутки! Напомним, что такие темпы наступления держали в условиях зимы и при наличии многочисленных долговременных укреплений противника.

В ходе наступления частям 1-й гвардейской танковой армии нередко приходилось вести бои с сильными заслонами (особенно в населенных пунктах), выставленными противником на пути продвижения подвижных групп. Особенно упорное сопротивление враг оказал в г. Коло – важном опорном пункте, находившемся на пути движения 8-го гвардейского механизированного корпуса. С помощью полков 41-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады заслон противника в этом городе был сбит, и части корпуса получили возможность продолжать наступление. При вводе в прорыв 1-й гвардейской танковой армии 15 января 1945 года 41-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада была изъята из 8-й гвардейской армии и придана 21-й механизированной бригаде, действовавшей на фланге 8-го механизированного корпуса.

Анализ применения артиллерии 1-го Белорусского фронта в Висло – Одерской операции позволяет подвести следующие краткие итоги.

Результаты наступления советских войск в Висло-Одерской операции впечатляют. Уже 17 января 1945 года войсками 1-го Белорусского фронта была взята Варшава, 19 января советские танки вошли в г. Любень, а концу 22 января передовые части 1-й гвардейской танковой армии вышли к окраине г. Познань. 25 января Познань была окружена советскими войсками. Таким образом, всего за 10 суток наступления советские части вышли на рубеж Быгдоц-Познань, выполнив тем самым директиву Ставки верховного главнокомандования от 28 ноября 1944 г.

Огневая деятельность артиллерии 1-го Белорусского фронта и ее результаты характеризуются следующими цифрами: За первый день боя было выпущено 1259800 штук боеприпасов, что составило 1360 железнодорожных вагонов. За три дня боев было израсходовано 2081960 единиц или 2132 вагона боеприпасов. Для сравнения отметим, что в последующих боях с 17 по 31 января 1945 года артиллерией 1-го Белорусского фронта было израсходовано «всего» 599840 единиц боеприпасов, что составляло 679 железнодорожных вагонов.

Об эффективности артиллерийского огня убедительно свидетельствовал ряд следующих

фактов. С продвижением частей 1-го Белорусского фронта было произведено обследование отдельных районов, подвергшихся огневому воздействию артиллерии. В результате было обнаружено большое количество разрушенных блиндажей и ДЗОТов. Траншеи на значительном протяжении были полностью обвалены, находившаяся в них живая сила противника уничтожена. Пленные показывали, что только в период артподготовки многие немецкие подразделения были уничтожены, а значительная часть понесла потери на 50-60 процентов.

Результаты обследования также показали, что материальная часть всех действующих батарей противника, подвергшихся огневому воз-

действию, на 70 процентов оставлена, брошена панически отступающими врагами. Общие потери, понесенные противником от огня артиллерии за первый день боя, составили: танков – 7, артиллерийских батарей – 27, отд. орудий – 57, мин. батарей – 120, пулеметов – 541, живой силы – до 6000. Разрушено: ДЗОТ – 120, блиндажей – 180, НП – 66. Подавлено: артиллерийских батарей – 190, отдельных орудий – 55, мин. батарей – 126, отдельных минометов – 27, пулеметов – 351.

Данные цифры свидетельствуют о весомой роли артиллерии 1-го Белорусского фронта в успехе советских войск в ходе Висло-Одерской стратегической наступательной операции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Правда», 14 января, 1945 год.
2. Типпельскирх, К. История Второй мировой войны. - М., 2004. - С.685.
3. Гудериан, Г. Воспоминания солдата. - Смоленск, 1999. - С.532.
4. ЦАМО РФ. Ф. 132-Ф. Оп.2642. Д.41. Л.277-278.
5. ЦАМО РФ, Там же.
6. ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2338. Д. 106. Л. 1-3.
7. ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2338. Д. 106. Л. 3.
8. Антипенко, Н.А. На главном направлении. - М., 1967.- С.211.
9. Жазала, В.М. Расчищая путь пехоте. - М.,1985. - С.195.
10. Антипенко, Н.А. Указ.соч.С.222.
11. Рокоссовский, К.К. Солдатский долг. - М., 2002. -С.296.
12. Гудериан, Г. Указ. соч.С.517.
13. Чуйков, В.И. Конец третьего рейха. - М., 1973. -С.100.
14. ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп.2374. Д.337. Л.70.
15. «Правда» 17 января 1945 года.
16. Попель, Н.К. Впереди-Берлин! - М., 2001. - С. 161.
17. Казаков, В.И. Артиллерия, огонь! - М.,1975. - С.194.
18. Там же. С. 166.
19. Там же. С. 195.
20. Типпельскирх, К. История Второй мировой войны. -М., 2004. -С.686.
21. Гудериан, Г. Указ. соч. С. 535.
22. Казаков, В.И. Артиллерия, огонь! -С.201.
23. Чуйков, В.И. Указ. соч.- С.107.
24. Там же. С. 108.
25. Типпельскирх, К. История второй мировой войны, -С.687.
26. ЦАМО РФ. Ф.233. Оп.2317. Д.82. Л.41.
27. Там же. Л.43.

*Тимофей Александрович Балыко,
Россия, Щелково, учитель истории МАОУ СОШ №16,
аспирант богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*

Концепция священной войны Русской православной церкви и преодоление раскола между государством и духовенством СССР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

С момента утверждения православия на территории российского государства, которое официально произошло в 988 году в момент принятия крещения князем Владимиром, патриотизм достаточно быстро стал важнейшей частью учения Русской православной церкви.

Как пишет один из исследователей, уже в первом политическом трактате Руси «Слово о законе и благодати», созданном именно представителем Церкви – митрополитом киевским Илларионом в XI в., наряду с рассмотрением сложных религиозно-политических проблем представлена идея величия родной земли.

Уже к XV веку православная символика попадает на русские знамена, а русское царство через текст монаха Филофея вырабатывает знаменитую концепцию «Москва – Третий Рим», согласно которой Русская православная церковь предстаёт как наследница единой христианской церкви, подчёркивается её особый статус в соответствии с византийской моделью священной симфонии властей – духовной и светской, а московское царство представляется Богоизбранным преемником Римской империи.

Эта патриотическая, по примеру Византии, концепция союза Церкви и государства была ведущей в России идеологией до революции 1917 года. Так, например, во время Первой мировой войны после объявления Германией войны России 19 июля 1914 года, русский царь Николай II в манифестах от 20 и 26 июля о вступлении России в войну среди причин участия России в невиданном дотоле европейском конфликте назвал защиту единоверных православных братьев-славян. Начало войны вызвало патриотический подъем, захвативший в первые практически все слои российского общества. В городах, рабочих поселках, крупных селах проходили патриотические манифестации, шествия, христианские молебны о даровании победы над вероломным врагом. Особенно мощные патриотические манифестации прошли в столице Российской империи – Санкт-Петербурге, где царь Николай II первым из мобилизуемых воинов торжественно принял присягу – на Евангелии, тем самым обозначив священный характер данной войны.

Стоит отметить, что, признавая и утверждая патриотизм, Русская православная церковь не поддерживает идеи национальной

исключительности, стремления к росту и благоденствию одного народа в ущерб другим. Это искаженный, ложный патриотизм, ведущий к национальной замкнутости и межэтнической вражде. Здесь нет ничего общего с христианским патриотизмом, который никогда не замыкается на исключительной любви к своему, родному, отвергая все чужое, иностранное.

Православные богословы считают, что стремление народа к самовыражению есть стремление выполнить предназначение, определенное Божьим замыслом: «Народы, как и люди, неповторимы. Дарования Божии каждому из них определяют его роль и место в истории человечества». Поэтому патриотизм не уменьшает и не умаляет любви к другим народам. Наоборот, осознание своей непохожести, индивидуальности способствует наиболее полному раскрытию идеи народа, что является особым служением, обязанностью перед всем человечеством. Любой народ – это самостоятельный духовный организм, который находится в постоянном изменении и развитии. Этот организм преобразовывается и обогащается за счет лучшего, созданного другими народами.

Эта позиция имеет древнее подтверждение. Еще в IV веке христианский, православный мыслитель Амвросий Медиоланский замечал: «Справедливость же требует, чтобы мы прежде всего любили Бога, затем Родину, далее родных и, наконец, всех (остальных) людей. Учительницей в этом случае является сама природа, так как с самого начала сознательной жизни, когда (в нас) только что начинают проявляться чувства, мы уже любим жизнь, как дар Божий, любим родственников, а затем равных нам (по положению), с которыми мы желали бы составить сообщество...». В дальнейшем богословие знает еще множество схожих утверждений.

Для России ситуация с патриотическим союзом церкви и государства резко изменилась в 1917 году – после прихода к власти партии большевиков (Ленин, Троцкий, Зиновьев, позже – Сталин).

Первые два месяца после прихода к власти большевиков советские власти не обращали внимания на церковь, и лишь с января 1918 года приступили к активным действиям. 18 января 1918 года большевики предприняли попытку насильственного захвата крупного монастыря Русской православной церкви – Александро-Невской лавры в Петрограде. Попытка захвата переросла в столкновение между революционными матросами и верующими.

В ответ на антицерковные действия большевиков патриарх Тихон 19 января 1918 года выпустил Послание об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной, в котором указывалось на то, что «гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины», «безбожные властелины тьмы века сего», а верные чада церкви призывались «не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое либо общение», противостоять им «силою веры вашей, вашего vlastного народного вопля». Архипастыри и пастыри призывались патриархом «звать чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной». И хотя открыто патриарх, провозгласивший этим посланием анафему (отлучение от церкви) гонителям веры, не говорил, что именно советская власть воздвигла гонения на церковь, не говорил, что именно против действий советского правительства надо вставать на защиту церкви, было件нятно, что «безбожными властелинами тьмы века сего» названы большевики.

«Советское руководство, конечно же, знало о выступлении Тихона. Газеты «Известия», «Правда», «Социал-демократ», «Красная газета» и другие разразились в его адрес гневной критикой. Издания убеждали читателей, что единственная причина появления воззвания – это стремление «тунеядцев-попов» сохранить свои богатства».

Раскол между церковью и советским государством далее только увеличивался, большевики однозначно начали разрывать многовековой священный союз между властью и православием.

Уже в Декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении Церкви от государства, а государства от школы» 23 января 1918 года было указано, что «религиозная клятва или присяга отменяется», «действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями», «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается», «все церковные и религиозные общества не пользуются никакими субсидиями от государства», «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью», а все «имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».

Иными словами, Церковь в России с приходом власти большевиков в 1917 году не только

в один момент оказалась без любой поддержки государства, но и ее лишили имеющейся материальной собственности, а также запретили заниматься воспитанием молодого поколения через школы, что ранее было для России естественной и незыблемой нормой, государство порвало все связи и контакты с церковными структурами, которые существовали в России ранее, оставив при себе лишь небольшую группу управляемых церковных обновленцев, поддерживающих религиозную политику советской власти.

Если с 1917 года антицерковная политика большевиков во многом носила избирательный характер, касалась в первую очередь изъятия материальных ценностей церкви и борьбы с церковными общероссийскими лидерами и авторитетами, а после окончания Гражданской войны в 1922 году даже несколько ослабла, то с 1929 года, после прихода к власти И.В. Сталина, политика СССР в отношении религии изменилась, был принят более жесткий курс. Пропаганда начала отходить на второй план, уступая место репрессиями против верующих и борьбой с религиозными организациями. С 1929 года началась активная конфискация храмов и их имущества. В то же время были выпущены указы президиума ВЦИК СССР «О религиозных организациях», которые запрещали проводить религиозную деятельность где-то вне стен храмов.

В середине 1930-х годов начали массово снимать колокола с колоколен церквей. Данные действия вызывали протест населения, нередко приводили к крестьянским бунтам, вылившимся в открытые конфликты между властью и духовенством. Начались массовые аресты священников, противостоящих насильственному закрытию храмов и организующих на их защиту верующих людей.

Максимального накала политика советского государства, направленная на уничтожение Русской православной церкви, достигла в 1937-1938 гг., в период большого террора. По статистике Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР, в этот небольшой период по политическим мотивам было осуждено 767 397 чел., из них 386 798 чел. расстреляно.

В одном только 1937 году «с августа по ноябрь было арестовано 31 359 церковников и сектантов, из них митрополитов и епископов 166, попов 9 116, монахов 2 173, «церковно-сектантского кулацкого актива» 19 904. Из этого количества было осуждено к расстрелу 13 671 человек, из них епископов 81, попов 4 629, монахов 934, «церковно-сектантского кулацкого актива»

– 7 004». В 1939 году на свободе осталось всего лишь несколько епископов Русской церкви, остальные либо были расстреляны, либо находились в тюрьме.

Характер политики, проводимой большевиками по отношению к Церкви в 1917-1937 гг. четко определен Программой РКП (б) – Российской коммунистической партии большевиков, принятой на VIII съезде в марте 1919 г. Эта политика предполагала, что необходимо содействовать фактическому освобождению масс от религиозных предрассудков и организовывать самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду. На деле же антирелигиозная пропаганда, не возымевшая результатов, была заменена на антирелигиозный террор. Так продолжалось до начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года, когда войска вермахта перешли границу СССР и открыли Восточный фронт Второй мировой войны.

22 июня 1941 года, в первый день Великой Отечественной войны, ещё до первого военного обращения к народу И. В. Сталина, руководивший на тот момент Русской церковью местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) выступил с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором писал:

«Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу».

По всей стране в православных храмах начали проводить сбор денежных средств для Красной Армии, а 30 декабря 1942 года митрополит Сергей (Страгородский) призвал верующих начать сбор средств на сооружение танковой колонны имени Святого Дмитрия Донского, русского князя, освободившего Московскую Русь от тотального ига Золотой Орды в 1380 году.

«Верующие и священнослужители активно принимали участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях Советского Союза. В начале лета 1942 года через партизанские подпольные отряды практически каждому священнослужителю на оккупированных территориях было передано послание епископа Сергея «К верным чадам

Русской православной церкви». Местоблюститель Патриаршего Престола призывал верующих оказывать помощь партизанской борьбе с врагом государства: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрерывного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизанам, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению из фашистского плена».

Учитывая необходимость подъема патриотизма и консолидации советского народа для борьбы с фашистской оккупацией, с 1942 года руководство СССР стало существенно менять свою религиозную политику. Начали публиковать приветствия митрополита Сергия и других религиозных деятелей. Один из лидеров Русской православной церкви митрополит Николай (Ярушевич) был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний, то есть церковь была допущена к работе в государственной структуре. Началось освобождение священников из ГУЛАГа. Возобновились посвящения в епископы. Прекратил свое существование Союз воинственных безбожников. 4 сентября 1943 года глава советского государства И. Сталин впервые встретился с главой Русской Православной Церковью - митрополитом Сергием. А уже 8 сентября на разрешенном властями Архиерейском Соборе местоблюститель Патриарха митрополит Сергей был избран Патриархом. В Соборе приняли участие 19 архиереев. Это был первый Собор Русской православной церкви после 1918 года. Многих из них доставили в Москву на военных самолетах, двоих – прямо из лагерей ГУЛАГа.

Отношения церкви и советского государства курировала созданная в 1943 году специальная структура – Совет по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров СССР, его возглавил кадровый сотрудник Народного Комиссариата Государственной Безопасности СССР в звании полковника Г.Г. Карпов, все время руководства новой структурой он продолжал оставаться сотрудником органов государственной безопасности. Союз Русской православной церкви и силовых структур российского государства, прерванный в 1917 году большевиками В.И. Ленина, был восстановлен, а раскол между Церковью и государством преодолен.

«Момент в истории Русской православной церкви был исторический. Правительство, допуская избрание патриарха, открытие приходов и духовных школ, откровенно признавало несбы-

точность большевистских планов полного разгрома церкви и устранения ее из жизни народа. По существу, были заключены условия своего рода «конкордата», который в основном государственная власть соблюдала вплоть до начала хрущевских гонений», – пишет по этому поводу церковный историк В. Цыпин.

Возникает вопрос, какие точки соприкосновения, сборки были найдены для преодоления раскола между государством и духовенством в СССР в период Второй мировой войны. Это удалось узнать из возобновившегося с 1943 года официального издания Русской православной церкви – журнала Московской Патриархии – одного из важных источников по истории Русской церкви в период войны 1941-1945 гг.

Во-первых, точкой, позволивший преодолеть раскол церкви и государства, стал патриотизм. С первого номера журнала Московской Патриархии одна из основных тем, которая в нем затрагивалась, касалась патриотической работы церкви, Патриарха, священников. О патриотизме сказано в преамбуле самого первого номера журнала, где сообщалось о том, что печатное издание будет содержать «патриотические выступления Святейшего Патриарха и других церковных деятелей». Курс церкви на защиту Отечества можно отследить в каждом номере журнала военного периода.

Приведем несколько цитат церковных иерархов 1943 года.

Митрополит Сергей (Страгородский): «Так и наши танки, думал я, не Бог знает, какая это могла быть помощь нашему русскому воину и воинству, но это было наше благословение, это был знак того, что Церковь не оставляет воинов и на поле брани, что она их благословляет и готова участвовать с ними в самых боях, чтобы добиться освобождения нашей Святой Руси от нашествия иноплемеников. Мы все-таки собрали больше 8 миллионов на это».

Митрополит Алексей (Симанский): «Нравственными условиями успеха воинского оружия являются: твердая вера в Бога, благословляющего справедливую брань; религиозный подъем духа; сознание правды ведомой войны; сознание долга пред Богом и родиной. Это источник неисчерпаемый, никогда не идущий на убыль, источник веры с порывом покаяния, исправления жизни, желания чистоты нравственной. Он питается и возгревается молитвами, подвигами и – вместе – в них находит свое выражение. Он и производит и в народе и в войске то истинное воодушевление, которое является залогом!

верной победы, ибо при таком настроении народ побежден быть не может».

Митрополит Николай (Ярушевич): «А сейчас священная задача стоит перед нашей героической армией и армиями всех свободолюбивых народов — объединенными усилиями навсегда выжечь из тела земли зловонный нацистский гнойник. И мы свято верим: близок день, когда это будет. Каждый из нас, на своем жизненном посту, должен всеми мерами помочь скорейшему осуществлению этого благородного, святого дела».

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий): «Германский народ, более тысячи лет считавшийся христианским народом, народ, родивший Лютера, Гете, Канта и Гегеля, Гельмгольца и Вирхова, явил всему миру, народам-братьям во Христе и народам нехристианским неслыханно страшное лицо варвара, топчущего ногами св. Евангелие, вторично распинающего Христа. Как нам теперь проповедовать Евангелие любви и братства людям, не знающим Христа, не видящим дьявольское лицо немца, числящегося христианином? Пусть карающая Десница Божия скорее опустит свой грозный меч над главой извергов рода человеческого и да сбудется над ними правда евангельских слов: «Взявший меч, от меча погибнет».

19 епископов: «Русская Православная Церковь обращается прежде всего к вам, братья-воины христиане, сражающиеся сейчас в армиях всех союзных с нами стран. С крепкой верой в сердце, в твердом убеждении в правоте своего дела, с ясным сознанием, что эта война — война идейная, война подвига, война за угнетенных, война за спасение вековых святынь, — с этой верой идите, во имя Господа, восстановить захваченные врагом земли, освободить поработанные им народы, прекратить его беспримерные злодеяния, «сказать узникам: выходите, и тем, которые во тьме: откройтесь».

Православная Церковь зовет и вас, христиане всех союзных стран, работающих на оборону родных земель от общего, врага, удесятерить свои силы для помощи фронту, для полной победы над гитлеровскими полчищами.

Она призывает христиан всех стран, временно оккупированных Гитлером, всеми возможными средствами помогать в тылу врага общему делу спасения угнетенных народов, в уверенности, что близок час победы и освобождения от фашистского ига.

Она просит христиан всех стран слиться в общей молитве пред Господом о даровании скорейшей победы в этой исторической кровавой битве во имя торжества христианских и обще-

человеческих идеалов над несущим всему миру гибель фашизмом».

Русская церковь в 1943 году не только поддержала борьбу советского правительства и Красной Армии против фашизма, но и придала этой войне статус войны священной, религиозной.

Во-вторых, точкой, позволивший преодолеть раскол церкви и государства, стала церковная идея о богоданности вождя И.В. Сталина.

Послание Патриарха Сергия к 26-й годовщине Советского государства: «Итак, пред началом нового государственного года поусерднее помолимся о Богохранимой стране нашей и о властях ее во главе с нашим Богоданным Вождем...».

Митрополит Николай (Ярушевич) «Верховный вождь страны и Красной Армии»: «И наш народ, с неистощимым мужеством вынося все тяготы, связанные с войной, вместе с нашими воинами-богатырями ни на одну минуту не ослабевал и не ослабевает в своей крепчайшей уверенности в конечной победе, потому что армию ведет в бой на врага Иосиф Виссарионович Сталин — любимейший вождь нашего народа, гениальный Верховный Главнокомандующий нашего воинства, Богом поставленный на свой подвиг служения нашей Родине в эту годину испытаний. Все наши победы организованы и осуществлены его военным гением. Вся напряженная работа страны в тылу для дела скорейшей победы имеет источником своего воодушевления дорогое каждому советскому человеку имя вождя страны и армии». Глава Русской православной церкви митрополит Сергей в своей телеграмме на имя И.В. Сталина ко дню 25-летия советского государства (7 ноября 1942 г.) был выразителем чувств всех православных русских людей, когда сказал: «Сердечно и молитвенно приветствую в Вашем лице богоизбранного вождя наших воинских и культурных сил, ведущего нас к победе над варварским нашествием, к мирному процветанию нашей страны и к светлому будущему ее народов».

Несмотря на то, что три-четыре года до этого государство осуществляло массовый террор против епископов, священников и верующих, лидер советского государства И.В. Сталин был наделен Церковью качеством богоизбранности.

В сложный, критический для советского государства момент отказ от конфликта с Церковью привел к важной поддержке с ее стороны. Провозгласив священную войну и наделив руководителя государства религиозными функциями, Русская церковь вернулась к той позиции, которую привыкла занимать в период военных действий русского государства на протяжении многовековой истории России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горожанина М.Ю. Русская Православная Церковь и укрепление национальной безопасности царской России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. №4/2. С.15-16.
2. Реснянский С.И. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 47.
3. Першина Ю.В., Еремина Т.Ю. Цивилизационный подход к развитию идей патриотизма в России в XX – начале XXI. Учебно-методическое пособие. Киров, 2009. С.81-82.
4. Галушкина А.Ю., Емельянычева Е.С., Майоров А.С., Шимица М.А. Оценка вселенского и национального в христианстве современными православными богословами // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/01/19111> (дата обращения: 27.03.2020).
5. Шишкин Н., игумен. Святоотеческая концепция патриотизма // Вестник Ярославской духовной семинарии. Вып. 1. 2019. С.17.
6. Соколов А. В. Послание патриарха Тихона от 19 января 1918 года: печать, распространение, первая реакция советской власти // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23). С.17-18.
7. Там же. С. 153-157.
8. Соколов А. В. Послание патриарха Тихона от 19 января 1918 года: печать, распространение, первая реакция советской власти // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23). С.19.
9. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Сайт Конституции Российской Федерации Информационно-правового портала «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 17.01.2020).
10. Овчинников М.Е., Рязанов Э.А. Конфликт Советской власти и церкви // Вестник современных исследований. 2018. № 12.3 (27). С. 269.
11. Овчинников М.Е., Рязанов Э.А. Конфликт Советской власти и церкви // Вестник современных исследований. 2018. № 12.3 (27). С. 270.
12. Хаустов В.Н. Органы НКВД и репрессии против Церкви // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 43.
13. Курляндский И.А. Власть и религия в годы Большого террора(1937-1938 гг.) По новым архивным документам // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 270.
14. Курляндский И.А. Власть и религия в годы Большого террора(1937-1938 гг.) По новым архивным документам // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 273.
15. Мартышин О.В. Государство и религия (эпоха советской власти) // Государство и право. 2013. № 8. С. 36.
16. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М., 1942. С.3-4.
17. Лескин Д., прот. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Поволжский вестник науки. 2019. № 4 (14). С.9.
18. Карпенкова Т.В., Никулин М.В. Духовно-нравственные источники победы советского народа в Великой Отечественной войне // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 1 (18). С. 105-113. С.106.
19. Лескин Д., прот. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. Поволжский вестник науки. 2019. № 4 (14). С.10.
20. Гераськин Ю.В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-4 (60). С. 45.
21. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. 1700-2005. М., 2010. С.464.
22. От редакции // Журнал Московской Патриархии. 1943. №01. С.3.
23. Сергей (Страгородский), митр. О деятельности Церкви за два года отечественной войны // Журнал Московской Патриархии. 1943. №01. С.7-9.
24. Алексей (Симанский), митр. Долг христианина пред Церковью и родиной в эпоху отечественной войны // Журнал Московской Патриархии. 1943. №01. С.9-13.
25. Николай (Ярушевич), митр. Киев // Журнал Московской Патриархии. 1943. №04. С.16-24.
26. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Кровавый мрак фашизма // Журнал Московской Патриархии. 1943. №04. С.24-26.
27. Обращение к христианам всего мира// Журнал Московской Патриархии. 1943. №01. С.14.
28. Сергей (Страгородский), патр. Послание 26-й годовщине Советского государства // Журнал Московской Патриархии. 1943. №03. С.4.
29. Николай (Ярушевич), митр. Верховный вождь страны и Красной Армии // Журнал Московской Патриархии. 1944. №01. С. 13-15.

*Евгений Васильевич Бей,
Россия, Москва,
Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
научно-исследовательское управление,
докторант, кандидат исторических наук*

Противостояние в Арктике в годы Второй мировой войны

Во время Второй мировой войны на сухопутных территориях и морях Арктики разворачивались не менее упорные и ожесточенные сражения, чем на европейских театрах военных действий.

Учитывая стратегическую важность арктического направления и стремясь обеспечить за собой его выгоды, Германия в 1940 году напала и оккупировала Норвегию, овладела ее аэродромами и портами на берегах Норвежского и Баренцева морей. Этим агрессивным актом Германия стремилась занять, в первую очередь, важные стратегические позиции как по отношению Англии, с которой она находилась в состоянии войны, так и по отношению Советского Союза, против которого готовила нападение. Это вторжение позволило Гитлеру использовать территорию Норвегии и Финляндии как плацдармы для нападения на СССР, непосредственно угрожать советскому Заполярью и Ленинграду, а также занять положение, «нависающее» над правым флангом западных фронтов Красной армии.

Перед началом осуществления плана «Барбаросса», Гитлер, напутствуя своих генералов, подошел к большой настенной карте и показал указкой на Мурманск. Это был единственный незамерзающий порт СССР, из которого по стратегически важной Кировской железной дороге в

Советский Союз могли поступать военные грузы из Великобритании и США. Более того, из Мурманска советская 14-я армия могла нанести удар по Петсамо и никелевым рудникам.

Для захвата Кольского полуострова на арктическом театре военных действий была сконцентрирована армия «Норвегия» под командованием генерал-полковника Н. фон Фалькенхорста в составе 3-го финского армейского корпуса, 36-го германского армейского корпуса и горного корпуса «Норвегия».

Срок начала наступательной операции против Советского Союза с финской территории был по времени назначен более поздний, чем срок начала наступления на главном германском фронте. Германскому генеральному штабу пришлось пойти на это, несмотря на понимание отрицательных сторон такой отсрочки, состоявших в потере тактической внезапности.

Под прикрытием финской пограничной полосы германские и финские соединения армии «Норвегия» сосредоточились и развернулись для наступления на территорию Советского Союза с основной задачей – выйти на мурманскую железную дорогу и овладеть портом Мурманск. Армия включала: 97 тыс. человек, 1 037 единиц орудий и минометов, 106 танков, а также часть сил 5-го воздушного флота и Военно-морских сил Третьего рейха.

Им противостояла советская 14-я армия, занимавшая оборону на Мурманском и Кандалакшском направлениях, под командованием генерал-лейтенанта В.А. Фролова. Армия состояла из четырех дивизий, включая одну танковую (в качестве резерва). Эта армия обороняла границу от Ухты до побережья Северного Ледовитого океана. С моря 14-ю армию прикрывали корабли и авиация Северного флота под командованием контр-адмирала А.Г. Головки.

Операция по захвату Мурманска под кодовым названием «Чернобурая лиса» делилась на несколько этапов. Во время первого – операция «Северный олень» – в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. немецкая 2-я горнострелковая дивизия и 3-я горнострелковая дивизия из состава горного корпуса «Норвегия» вторглись в район Петсамо (Финляндия), где располагались никелевые шахты и захватили его. 36-му корпусу было приказано осуществить операцию «Песец» по захвату Кандалакши. Но основной успех операции зависел от того, сумеют ли немцы оккупировать базу советского Северного флота в Полярном.

Советские войска готовились к обороне:

14–15 июня 1941 г. 122-я стрелковая дивизия из состава 14-й армии по приказу командующего Ленинградским военным округом М.М. Попова выдвинулась к государственной границе;

17 июня Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов после завершения учений Черноморского флота оставил для него готовность № 2 (режим, при котором менее половины артиллерийских постов, бнеобходимых для отражения атак противника, находятся в состоянии немедленного реагирования). В тот же день в 18:30 оперативную готовность № 2 объявил и Северный флот;

19 июня подводные лодки флота были рассредоточены из Полярного по губам Оленья, Тюва, Мотка. В тот же день на подходах к Кольскому заливу были выставлены две линии корабельного дозора;

по приказу командования 19 июня к границе начали выдвигать 1-ю танковую дивизию;

21 июня по тревоге подняли 52-ю стрелковую дивизию, которая дислоцировалась в Мурманске, Мончегорске и Кировске;

21 июня в 23:50 Н.Г. Кузнецов приказал флотам перейти на оперативную готовность № 1 (немедленные ответные действия);

в ночь на 22 июня к границе перебросили два полка и разведывательный батальон 14-й стрелковой дивизии.

В 3:00 часа утра 29 июня начался новый этап операции «Чернобурая лиса» – «Платиновая лиса», и немецкие войска перешли границу СССР.

Войска наступали по трем направлениям: 3-й финский корпус двигался из района Суомуссалми–Кусамо на Лоухи; 36-й немецкий корпус – из района Кемиярви через Саллу на Кандалакшу, и немецкий горно-стрелковый корпус «Норвегия» из района Петсамо на Мурманск. «Но «лево-фланговый кулак» так никогда и не обрушился ни на Мурманскую железную дорогу, ни на Мурманск, – вспоминал бывший начальник штаба 20-й («Лапландской») горной армии Г. Хельтер. – Условия местности и жестокий противник, знакомый с ней и привычный к ее климату, превозмогли волю и возможности немецкой «Лапландской армии». Мурманская железная дорога и порт Мурманск остались в руках русских. В ходе войны этим путем к ним попало огромное количество военных материалов из Америки».

На Мурманском направлении в атаку пошли фашистские горнострелковые дивизии – 40-й и 112-й танковые батальоны, имевшие четырехкратное преимущество над 95-м стрелковым полком 14-й стрелковой дивизии. Советские войска отступили, не выдержав натиска. Однако сопротивление гарнизона 23-го укрепрайона на полуостровах Рыбачий и Средний гитлеровцам сломить не удалось. Врага отбили благодаря мощным укреплениям и береговым батареям. К концу июня 52-я стрелковая дивизия закрепилась на реке Западная Лица и весь следующий месяц отбивала все попытки немцев форсировать водную преграду. В это же время на правом фланге держали оборону части 14-й и 186-й стрелковых дивизий.

Важную роль в обороне сыграли десанты морской пехоты Северного флота. По предложению Военного Совета флота 6 июля корабли высадили десант в составе стрелкового батальона (520 чел.) на восточный берег губы Западная Лица, чтобы поддержать силы 52-й стрелковой дивизии. 14 июля был также высажен полк и отряд моряков (1 600 чел.) для поддержки обороны этого участка. С середины июля командование Северного флота начало систематические

высадки диверсионных десантных отрядов на южное побережье Мотовского залива.

После неудавшейся летней кампании 1941 г., германскому командованию стало ясно, что «блицкриг в Арктике» сорван. Немецкая армия не выполнила ни одной из поставленных задач, после чего перешла к выполнению «лишь оборонительных функций». Более или менее крупномасштабных боевых действий в полосе 14-й армии не велось вплоть до осени 1944 г.

С лета 1942 г. фашисты активно бомбили Мурманск. Самым страшным днем для города стало 18 июня – ни до, ни после этого не было столь массированных налетов немецкой авиации на город. В этот день на город обрушилось 12 000 бомб, а огонь уничтожил в городе больше 600 деревянных зданий. Американец А. Пирсон, осуществлявший в Мурманске контроль за поставками по ленд-лизу, отмечал в дневнике: «На нас сбрасывают бомбы утром, днем и ночью. Мы переживаем по 14 бомбежек в день. Я подсчитывал налеты – в течение тридцати восьми дней нас бомбили 168 раз, после этого я бросил записывать. Здание, в котором мы жили, сотрясалося каждый раз, когда бомбили город». По количеству и плотности нанесенных по Мурманску бомбовых ударов среди советских городов он уступает лишь Сталинграду.

Немецкая авиация регулярно наносила удары по Кировской железной дороге, но, невзирая на это, по образному выражению Г. Хельтера – «не смогла ее расплавить». Необходимая Красной армии связь с большой землей не прервалась, а по Кировской железной дороге по-прежнему шли составы.

Значительную помощь соединениям Красной армии и Военно-морского флота СССР оказывали жители Севера. Проходило активное всеобщее военное обучение населения. Формировались народное ополчение, истребительные батальоны, санитарные дружины, соединения местной ПВО. В 1942 г. были организованы многочисленные партизанские отряды: «Советский Мурман», «Большевик Заполярья», «Буревестник», «Полярник», «Большевик», «Сталинец», «Красное знамя», «Боевые друзья», «Мстители» и др. В период стабильности линии Карельского фронта партизанские отряды своими непрерывными активными действиями на оккупированной территории Карело-Финской ССР и самой

Финляндии сковывали и отвлекали большие резервы и разведывательно-диверсионные группы противника, предназначенные к выброске в тылы для диверсионных действий на коммуникациях и в частности на Кировской железной дороге. Находясь под давлением партизанских отрядов, финское командование с очевидным испугом указывало: «Нужно уделять большое значение борьбе с партизанами. Особенно важно поэтому, чтобы солдаты фронтовых, а тем более тыловых частей не ходили по одному и (что еще опаснее) без оружия. Не надо забывать, что партизаны одеты в штатское платье, а иногда и в нашу форму. Так, один раз русский отряд задержал наших солдат, которые, не поняв, в чем дело, сдали им винтовки».

После начала Великой отечественной войны между СССР и Великобританией было подписано соглашение о совместных действиях против Германии. Союзники приняли решение о предоставлении Советскому Союзу помощи вооружением. В свою очередь, СССР брал на себя обязательства по поставкам в США и Англию сырья для военного производства. Для транспортировки грузов был выбран северный путь через арктические воды в порты Мурманска и Архангельска. Здесь в полной мере проявилась стратегическая роль этих портовых городов, а также еще раз подтвердилось исключительное значение советского арктического сектора и Северного морского пути (СМП) для страны в целом. Первый союзный конвой «Дервиш» пришел в Архангельск уже 31 августа 1941 г. Конвои прижимались к кромке полярных льдов, и все же подвергались яростным атакам авиации противника. Всего за время Великой Отечественной войны в Мурманск и Архангельск пришло 42 союзных конвоя (722 транспорта), из Советского Союза отправлено 36 конвоев.

Если союзные конвои всегда имели на переходе охранение из боевых кораблей (западнее меридиана о. Медвежий американских и английских, восточнее – советских), то серьезных мер по защите трассы СМП восточнее Новой Земли долгое время не предпринималось. Советские транспорты, осуществлявшие перевозки грузов и снабжение полярных станций, ходили без охранения, радиопереговоры велись открыто. Эти обстоятельства самым серьезным образом проявились в 1942 г., когда германское

командование обратило пристальное внимание на советские перевозки в Карском море.

Чтобы пересечь морские сообщения, немецко-фашистское командование в августе 1942 г. направило туда несколько подводных лодок и «карманный линкор» «Адмирал Шеер». Операция получила кодовое название «Страна чудес». Задачей тяжёлого крейсера являлся перехват советских военных кораблей и транспортов, шедших с востока на запад (экспедиция особого назначения – ЭОН-18, организованная с целью усиления Северного флота за счёт Тихоокеанского), и нарушение коммуникаций по трассе СМП. Немецкое командование, плохо представляя условия арктических походов, допустило ошибку в расчётах движения ЭОН-18, которая в момент прохода «Шеера» в Карское море находилась ещё у берегов Чукотки. Но только по стечению обстоятельств удалось избежать прямой атаки «Шеера» на другой караван транспортных судов и ледоколов, который шёл в направлении с запада на восток. Анализ судовых журналов крейсера показал, что немцы знали местоположение каравана, вели авиаразведку и радиоперехват. Только из-за недостаточной осведомлённости немцев о ледовой обстановке «Адмирал Шеер» в преследовании каравана зашёл в тяжёлые льды, а выбираясь из них, встретился с ледокольным пароходом «Александр Сибиряков». Начался бой тяжёлого крейсера со слабо вооружённым пароходом, закончившийся гибелью «Сибирякова». Благодаря героизму экипажа советского судна местоположение немецкого рейдера было рассекречено. Крейсер изменил курс и пошёл на о. Диксон, где находился Штаб морских операций западного сектора Арктики. И снова благодаря героизму экипажей пароходов, стоявших на рейде, и бойцов небольшой батареи на берегу защитникам Диксона удалось сорвать высадку вражеского десанта. «Адмирал Шеер» произвёл бомбардировку Диксона и ушёл из Карского моря, по пути подойдя к Земле Франца-Иосифа, где несколько позже, в 1943–1944 гг., работала немецкая гидрометеорологическая станция «Кладоискатель».

После атаки «Адмирала Шеера» был принят ряд мер для обеспечения охраны внутренних конвоев. Немцы в свою очередь отказались от посылки надводных кораблей в Карское море, но постоянно терроризировали трассу СМП ата-

ками подводных лодок. Одна из тяжёлых потерь случилась в августе 1944 г., когда немецкая подводная лодка U-365 атаковала конвой БД-5 в составе судна «Марина Раскова», на борту которого было 417 человек экипажа, смена зимовщиков на полярных станциях и тральщиков Т-114, Т-116, Т-118. Подводные лодки противника действовали в западном секторе Арктики до самого окончания Великой Отечественной войны. Их действия причинили ущерб транспортному флоту, но не смогли оборвать морские коммуникации в Арктике.

В сентябре 1944 г., после выхода Финляндии из войны, перед Ставкой Верховного Главнокомандования вновь встала задача по разгрому 20-й горной армии и освобождения захваченных противником районов, в том числе и возвращённой Советскому Союзу Печенгской области. Стратегическое положение группировки немецко-фашистских войск на Севере значительно ухудшилось – они лишились поддержки финских войск и кратчайших сообщений с Германией через финскую территорию.

Опасаясь удара советских войск, немецкое командование 7 сентября начало последовательный отвод своих сил с ухтинского, кестеньгского и Кандалакшского направлений в Северную Норвегию. На мурманском направлении противник продолжал оставаться на занимаемых рубежах, рассчитывая удержаться в этом районе с тем, чтобы обеспечить пути для отходящих войск с других направлений, а также максимально использовать никелевые разработки и базы.

К началу операции оборонявшийся на мурманском направлении 19-й горный корпус «Норвегия» имел в своем составе 6-ю и 2-ю горно-стрелковые дивизии, 388-ю пехотную бригаду. На перешейке полуострова Средний оборонялась дивизионная группа «Норд» в составе 603-й и 193-й пехотных бригад и других частей. На полуострове Варангер располагались части 210-й пехотной дивизии. Перед началом операции в район Петсамо прибыла самокатная бригада «Норвегия». Для усиления корпуса перебрасывалась одна дивизия из состава 18-го горного корпуса. Всего группировка противника на мурманском направлении насчитывала более 50 тыс. человек.

Этим силам противостояла 14-я армия Карельского фронта и Северный оборонительный

район Северного флота. 14-я армия к началу операции имела: три стрелковых корпуса (131, 99 и 31 СК) в составе восьми стрелковых дивизий, два легко-стрелковых корпуса (126 и 127 ЛСК) в составе пяти стрелковых бригад и другие части общей численностью около 100 тыс. человек. Северный оборонительный район (СОР), занимавший оборону полуостровов Рыбачий и Средний, включал две бригады морской пехоты (12 и 63 БрМП), три отдельных пулеметно-артиллерийских батальона, один пушечно-артиллерийский полк (104 ПАП) и два артиллерийских дивизиона береговой артиллерии (ИЗ и 145 ОАД), всего 14 750 человек.

В связи с тяжелыми поражениями на центральных участках советско-германского фронта и в Прибалтике немецкое командование вынуждено было ослабить свои воздушные и морские силы в Заполярье, перебросив часть кораблей и вспомогательных судов в Балтийское море. К 1 октября общее количество самолетов на аэродромах Северной Норвегии и Северной Финляндии уменьшилось до 136. Наступательные действия 14-й армии обеспечивала 7-я воздушная армия в составе 790 боевых и 66 вспомогательных самолетов. Таким образом советское командование имело превосходство, необходимое для успешного проведения наступательной операции в сильно пересеченной местности и трудных природных условиях Заполярья.

7 октября 1944 г. советское командование отдало приказ совместным силам 14-й армии Карельского фронта и Северного флота к проведению Петсамо-Киркенесской операции. По замыслу Верховного Главнокомандования, соединениям флота следовало действовать на морском и приморском направлениях. Задачей авиации Северного флота, подлодок, торпедных катеров и эсминцев являлось не допустить эвакуации германских войск морем. На приморском направлении боевым частям и соединениям Северного оборонительного района под командованием генерал-майора Е.Т. Дубовцева следовало прорвать немецкую оборону на перешейке полуострова Средний, захватить дорогу на Петсамо и воспрепятствовать отходу германских войск. После этого предстояло наступление на Печенгу в тесном взаимодействии с частями 14-й армии.

Намечалась также высадка морского десанта в тылу обороняющегося противника на берега

губы Малая Волоковая, на норвежское побережье под Киркенесом и в порту Лиинахамари (Мурманская область). Советским войскам требовалось войти в Петсамо и Луостари, где находился 19-й горнострелковый корпус вермахта, а затем наступать на Киркенес в Северной Норвегии.

Организация командования была определена приказом командующего флотом № 0048/оп от 8 сентября 1944 г. Общее руководство действиями флота на морском и приморском направлениях осуществлял лично адмирал А.Г. Головкин (в документах назывался командующим операцией). Ему непосредственно подчинялся командующий группой сухопутных и десантных войск – командующий СОР генерал-майор Е.Т. Дубовцев.

Два дня шли ожесточенные бои, после чего соединения и части 14-й армии сумели прорвать немецкую оборону, форсировали реку Титовку и продолжили наступление на главном направлении. Деморализованный силой удара на суше противник, 9 октября принял решение об отводе своих войск, что ослабило оборону побережья. Немцы, стремясь спасти остатки своих разгромленных соединений и отвести их в Северную Норвегию, оказывали упорное противодействие и одновременно уничтожали важные объекты и ценное оборудование. В ночь на 11 октября, опасаясь окружения, противник, прикрываясь заслонами, начал отход с полуострова Средний, а с рассветом части СОР развернули наступление по всему фронту.

15 октября войска 14-й армии овладели городом и портом Петсамо. Успешная высадка десанта в порту Лиинахамари, а также действия частей СОР на восточном и западном побережьях залива оказали существенное содействие армии в решении этой задачи. В период 15–25 октября производилось перебазирование основных частей и учреждений вновь сформированной Печенгской военно-морской базы в Лиинахамари.

25 октября три советские дивизии под прикрытием морского десанта вошли в Киркенес, освобождая улицу за улицей в ходе ожесточенных боев с немецким арьергардом. К полудню над дымящимися руинами города развевался советский флаг – это был первый норвежский город, освобожденный от немецкой оккупации. Изгнанием немецких войск из Киркенеса и выходом на рубеж Нейден – Наусты советская 14-я

армия и Северный флот выполнили свои задачи в операции.

Советская земля была очищена от врага, однако большинству немецких частей тогда удалось уйти, что было связано с операцией «Северное сияние». Еще 3 октября Гитлер одобрил план этой операции, предусматривавшей организованный отвод 20-й горной армии из Лапландии. Все же отход с боями этой «непобежденной армии», как прозвали ее сами немцы, стоил им столько же жизней, сколько они потеряли во время операции «Чернобурья лиса». Немецкой армии в Заполярье удалось спастись потому, что силы СССР и союзников были максимально задействованы на других фронтах.

Ожесточенные сражения, разыгравшиеся в ходе Великой Отечественной войны в заполярных районах, показали большое стратегическое значение этого направления для враждующих

сторон. В СССР оно было подчеркнуто также решением советского правительства об учреждении специальной медали «За оборону Советского Заполярья» (медалью награждали всех участников обороны Заполярья – военнослужащих Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, а также лиц из гражданского населения, принимавших непосредственное участие в обороне). В тяжелых условиях севера советскими войсками были проведены крупные оборонительные и наступательные операции, в том числе такие, как Тихвинская, Выборгская и Петсамо-Киркенесская. Упорная борьба в те годы шла и в Северной Атлантике. Советский флот совместно с флотами союзников осуществлял перевозки стратегических грузов и военной техники, нарушал коммуникации противника у берегов Норвегии, обеспечивал оборону Мурманска и других важных объектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Манн К., Йоргенсен К. Война в Арктике. Боевые операции немецких войск на Крайнем Севере. 1939–1945. М., 2010. С. 72
2. Согласно финской конституции, Финляндия могла начать наступательную войну только с согласия Сейма. Финский Генеральный штаб не был уверен в том, что Сейм даст свое согласие на эти действия, ввиду последствий недавней Советско-финской зимней войны. Сосредоточение и развертывание немецких войск в Финляндии требовало так много времени, что заблаговременное проведение этих мероприятий угрожало сохранению в тайне общего плана и внезапности наступления на главном советско-германском фронте. Наступление главной финской армии под командованием фельдмаршала Маннергейма должно было быть согласовано с операциями германской группы армий «Север», наступавшей из Восточной Пруссии.
3. Беляев Д.П. История открытия и освоения Арктики. М., 2019. С. 193.
4. Бурков Г.Д. Война в Арктике. М., 2014. С. 15.
5. Хельтер Г. Армия в Арктике. Операции немецкой «Лапландской армии». М., 1954. С. 14.
6. Беляев Д.П. Указ. соч. С. 196.
7. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1959. Т. 1. С. 114, 116.
8. Хельтер Г. Указ. соч. С. 92.
9. Цит. по: Бурков Г.Д. Указ. соч. С. 83–84.
10. Хельтер Г. Указ. соч. С. 90.
11. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1998. Том 20 (9). С. 583.
12. Там же.
13. Егоров Г.М. Фарватерами флотской службы. М., 1985. С. 207.
14. Филин П.А., Емелина М.А., Савинов М.А. Военно-стратегическое значение Северного морского пути: исторический аспект // Военно-исторический журнал. 2019. № 7. С. 11.
15. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне. С. 309–310.
16. Там же. С. 310–311.
17. Беляев Д.П. Указ. соч. С. 212.
18. Манн К., Йоргенсен К. Указ. соч. С. 176, 185.

*Алексей Николаевич Белков,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
заместитель начальника отдела, подполковник*

Периодическая печать русских антисоветских вооруженных формирований в годы Великой Отечественной войны: причины успехов и неудач

Великая Отечественная война была самым кровопролитным конфликтом в истории нашей страны. Исход этого противостояния решался не только на полях сражений, но и на идеологическом фронте. При этом в битве за умы и сердца людей враг использовал коллаборационистов из числа граждан Советского Союза и белоэмигрантов. Они разбирались в «особенностях русской души», знали объективные недостатки «страны Советов» и потому были гораздо эффективнее своих немецких кураторов. (Рис. 1)

Положение усугублялось тем, что в некоторых районах временно оккупированной территории СССР некому было противостоять коллаборационистской пропаганде¹. В других не всегда на должном уровне была организована или вообще не проводилась политико-воспитательная работа. Данные факторы способствовали усилению вражеской пропаганды². Также необходимо учитывать, что газеты и журналы в то время были одним из главных источников информации как для гражданского населения, так и для военнослужащих. Следовательно, при их помощи можно было манипулировать сознанием различных социальных групп. В этом свете периодическая

печать русских антисоветских вооруженных формирований является ярким образцом приемов и способов, применявшихся против СССР в ходе психологического противоборства в годы Второй мировой войны.

Подготовка к нападению на Советский Союз военно-политическим руководством нацистской Германии велась не только в военном отношении, но и в информационном. Основным пропагандистским лозунгом, прикрывавшим неприглядные цели «расширения жизненного пространства», был «крестовый поход против большевизма». Именно он стал оправдательным доводом для многих из тех, кто пошел на службу к нацистам.

Нерешенные противоречия Гражданской войны, внутренние проблемы и недовольство советской властью, а также просчеты руководства СССР и командования РККА, приведшие к большому количеству военнопленных – совокупность всех этих факторов создала идеологическую базу для возникновения различных антисоветских вооруженных формирований. Эти соединения, численностью не превышавшие уровня дивизии, использовались главным образом в

Рис. 1 Пропагандист РОА проводит агитационную работу в лагере для военнопленных.

Рис. 2 Командир РОНА Б.В. Каминский с немецкими офицерами по время совместной антипартизанской операции.

антипартизанских действиях и в пропагандистских целях. (Рис. 2) Заявления о формировании «русского правительства» и его «вооруженных сил» долгое время были лишь уловками.

Однако во всех русских антисоветских вооруженных формированиях немецкими кураторами было санкционировано создание различных пропагандистских структур. Кроме того, в ряде этих соединений функционировали собственные печатные издания, которые, несмотря на контроль со стороны немецких компетентных органов, имели определенную автономию. Отношения между пропагандистскими органами и печатью в каждом отдельном случае были индивидуальны, как и степень контроля со стороны немцев. Это было обусловлено спецификой того или иного воинского формирования, а также человеческим фактором.

Как показало проведенное исследование, в Русском корпусе обе эти структуры существовали без отношений подчиненности, но в тесном взаимодействии друг с другом. В РННА и РОНА редакции печатных органов данных соединений находились в непосредственном подчинении соответствующих политических управлений. Кроме того, в «бригаде Каминского» политуправление и выпускаемая им печать напрямую контролировались немецкими военными органами пропаганды, находившимися в пункте дислокации штаба РОНА (г. Лепеле Витебской области [ныне в Республике Беларусь]).

В ходе сравнительного анализа было выявлено, что газеты трех данных антисоветских воору-

женных формирований создавались и функционировали на совершенно разных принципах. Это объясняется рядом факторов: во-первых, спецификой организации и несения службы самих соединений; во-вторых, особенностями целевых аудиторий; в-третьих, разным опытом личного состава редакций печатных изданий.

Так, печать Русского корпуса имела много схожего с эмигрантской и дореволюционной периодикой. (Рис. 3) Газета РННА в работе использовала методику армейской и дивизионной прессы Красной армии. Печатный орган РОНА по форме напоминал советскую районную газету. Такие особенности объясняются имевшимся жизненным и профессиональным опытом сотрудников редакций и читательской аудитории, на которую данные издания были рассчитаны.

Проведенный анализ подшивок рассматриваемых изданий наглядно демонстрирует, что основным предназначением газет Русского корпуса было информационное обеспечение соответствующего соединения. Печатный орган РОНА, помимо аналогичной задачи, предназначался и для психологического воздействия на партизан и гражданское население, находившееся в зоне ответственности «бригады Каминского» (Рис. 4). Газета РННА имела в качестве основной функции воспитательную, но и она реализовывалась, в том числе, через информирование личного состава соединения. (Рис. 5)

Указанные печатные издания были достаточно эффективны, т. к. смогли мотивировать значительную часть военнослужащих

Рис. 3 Первая полоса одного из номеров газеты «Ведомости Охранной Группы».

соответствующих антисоветских вооруженных формирований на борьбу вплоть до окончания войны. Естественно, периодическая печать была не единственным средством пропаганды, воздействовавшим на личный состав. Однако в то время пресса была одним из самых действенных инструментов по степени психологического влияния на человека.

Оценивая результативность работы данных газет, необходимо учитывать специфику рассмотренных вооруженных формирований и ту информационную обстановку, в которой они функционировали. Так, Русский корпус в основном был сформирован из представителей белоэмигрантской среды, воспитанных в антисоветском духе, что дает основания говорить о высокой степени мотивированности военнослужащих данного соединения. (Рис. 6) Личный состав Корпуса действовал на территории оккупированной Сербии и практически не подвергался информационному воздействию со стороны партизан И.Б. Тито, против которых воевал. Следовательно, печать Русского корпуса функционировала в

Рис. 4 Фрагмент первой полосы одного из номеров печатного органа РОНА «Боевой путь».

Рис. 5 Первая полоса одного из номеров газеты РОНА «Родина».

благоприятной среде и не встречала серьезного противодействия.

Военнослужащие РОНА набирались из числа бывших красноармейцев и офицеров РККА в лагерях для военнопленных. Перед ними был небогатый выбор: остаться выживать в нечеловеческих условиях или согласиться служить в

Рис. 6 Командир Русского корпуса генерал-лейтенант Б.А. Штейфон, май 1943 г.

Рис. 7 Присяга в РОНА. Осинторф, 1942 г.

данном антисоветском вооруженном формировании. (Рис. 7) Поэтому многие рассматривали такой переход на службу к врагу как способ выйти из-за колючей проволоки. То есть мотивированность солдат и офицеров РОНА изначально была достаточно низкой. При этом они находились в непосредственном соприкосновении с партизанами и регулярно подвергались психологическому воздействию с их стороны при помощи листовок и связных³. Из чего следует, что печатный орган соединения работал в условиях информационного противоборства с аудиторией, которую нужно было еще заинтересовать. Однако даже по оценкам советского подполья, от 30 до 45 процентов личного состава РОНА верили в идеи, пропагандировавшиеся в соединении⁴, в том числе, и через газету.

РОНА первоначально создавалась из антисоветски настроенных граждан, затем в нее было мобилизовано местное население призывного возраста и отобраны кадры в лагерях военнопленных для замещения командных должностей. К моменту создания печатного органа соединения было передислоцировано в связи с отступлением немцев и вновь пополнено за счет антисоветских формирований и мобилизации. Поэтому морально-психологическое состояние личного состава «бригады Каминского» было представлено широким спектром настроений: от идейных противников советской власти до тех,

кого в соединении «удерживали силой». Кроме того, военнослужащие РОНА вели активные антипартизанские действия. В свою очередь «лесные солдаты» отвечали «каминцам» не только в боестолкновениях, но и на «идеологическом фронте», пытаясь их «распропагандировать». То есть печатный орган «бригады Каминского» функционировал в условиях информационного противоборства и был рассчитан на аудиторию с разной степенью мотивации. Однако, несмотря на отдельные случаи перехода на сторону партизан, большинству солдат и офицеров РОНА были привиты антисоветские взгляды, и они продолжили свою службу на стороне врага даже после гибели Б.В. Каминского и расформирования его «армии» («каминцы» стали основой для создания 1-й дивизии ВС КОНР).

Тем не менее к 1944 году общая военно-политическая обстановка во Второй мировой войне складывалась не в пользу нацистской Германии и ее союзников. Это не позволило реализовать достаточно высокий потенциал периодической печати указанных антисоветских вооруженных формирований.

Как показало исследование, работа периодической печати самого известного антисоветского вооруженного формирования – Русской освободительной армии (РОА) была организована иным образом. Это объясняется тем, что она не была армией в классическом понимании

Рис. 8 Военнослужащие различных антисоветских вооруженных формирований на курсах пропагандистов РОА в Дабендорфе.

Рис. 9 Генералы Ф.И. Трухин, Г.Н. Жиленков, А.А. Власов, стоят полковники В.В. Поздняков, И.К. Сахаров на Конференции, посвященной созданию КОНР в зале «Европа-хауз». Берлин, 18 ноября 1944 года.

данного термина, а представляла собой лишь несколько учебно-лагерных и пропагандистских структур, сформированных из военнопленных. (Рис. 8) Следует отметить, что эти формирования были достаточно эффективными, что показывают как немецкие отчеты об их работе, так и то внимание, которое им уделяли советские спецслужбы, партизанская агентура и органы контрпропаганды для нейтрализации их деятельности.

Первоначально указанные структуры немецким военно-политическим руководством использовались исключительно в пропагандистских целях. Однако, изменение обстановки на фронте вынудило их санкционировать создание реальной политической организации, которая должна была выглядеть как правительство в изгнании и его армия. Эта структура получила громкое название «Комитет освобождения народов России», а его воинские формирования официально именовались Вооруженными силами КОНР. (Рис. 9) При этом общеупотребительное наименование «РОА» так же использовалось, как остались и соответствующие нарукавные знаки на форме личного состава этого антисоветского вооруженного формирования.

Проведенное исследование показало, что высокий потенциал пропагандистских структур «власовской армии» не был реализован в полном объеме из-за успехов Красной армии и поражения Германии на фронтах Второй мировой войны. Кроме того были и другие причины, сыгравшие негативную роль. Среди них можно

выделить три основных. Во-первых, из-за отсутствия полного доверия генералу А.А. Власову и его окружению со стороны военно-политического руководства Третьего рейха. Во-вторых, по причине слишком запоздалого перехода от пропагандистских обещаний к их реальному воплощению со стороны немецких кураторов по отношению к «русским союзникам» в лице РОА и его «командования». И, в-третьих, вследствие отсутствия политической гибкости и некоторой самоизоляции самих «власовцев», не позволивших им объединить вокруг себя все антисоветские силы, действовавшие на подконтрольной нацистам территории.

В результате исследования было выявлено, что со временем в структурах «власовской армии» была сформирована разветвленная система периодической печати (см. приложение №1). Первоначально эти издания предназначались для разложения и деморализации советских солдат и офицеров с целью мотивировать их сдаться в плен или перейти на сторону врага. Однако изменение обстановки на советско-германском фронте не позволило реализовать данный замысел в полном объеме. В связи с этим печать РОА была переориентирована на информационное обеспечение антисоветских вооруженных формирований и «восточных батальонов», укомплектованных русскоязычными «добровольцами».

Проведенный анализ биографий сотрудников редакций периодической печати «власовской

армии» свидетельствует, что большинство из них были до войны гражданами СССР и имели опыт службы в РККА. Это позволило им достаточно эффективно акцентировать внимание целевой аудитории на объективных недостатках, имевших место в Советском Союзе, и в более доступной форме излагать «свои» идеи солдатам и офицерам Красной армии. Именно эти качества личного состава военных редакций «власовской» печати использовали немецкие кураторы, в том числе привлекая их для выпуска фальсифицированных изданий РККА и участия в психологических операциях.

Исследование архивных материалов и периодических изданий антисоветских вооруженных формирований позволяет сделать заключение, что сотрудники редакций периодической печати РОА использовали три основных пропагандистских приема для комплексного воздействия на целевую аудиторию. Первый – пропаганда тезиса неизбежной победы в «борьбе с большевизмом». Второй – представление «власовского» движения и коллаборационизма в целом в позитивном свете, в первую очередь, через показ массовости сторонников данных «идей». И третий – показ в образе «кровавых палачей» руководство СССР и его органы внутренних дел с целью запугивания читательской аудитории.

Соответствующая печать была сформирована и после создания КОНР и его вооруженных сил. Она возникла на базе реорганизованных периодических изданий РОА, с опорой на опыт предыдущей работы (см. приложение №2). В редакции изданий ВС КОНР набирались сотрудники с учетом их пропагандистского и журналистского опыта в РОА и других аналогичных структурах гитлеровской Германии.

Сравнительный анализ периодических изданий позволяет сделать вывод, что система печати ВС КОНР стала полноправным преемником аналогичных органов РОА. В них использовались схожие психологические приемы и отстаивались те же «идеалы». А так как работа данных газет и журналов была организована с учетом имевшихся ошибок и наработок в данной области, она имела высокий пропагандистский потенциал. Хотя он не был реализован в полном объеме из-за поражения нацистской Германии и ее союзников в войне.

Таким образом, периодическая печать русских антисоветских вооруженных формирований представляла собой уникальное явление в отечественной истории. Она совмещала традиции русской дореволюционной, эмигрантской, советской и нацистской прессы. Ее основным предназначением было информационное обеспечение соответствующих соединений и частей. При этом в отдельных случаях она осуществляла морально-психологическое воздействие на личный состав РККА, партизан и население временно оккупированной территории. Данная печать имела достаточно высокий пропагандистский потенциал, так как она создавалась людьми, знавшими особенности «русской души» обладавшими объективными сведениями о Советском Союзе и его вооруженных силах. Однако этот потенциал не был реализован из-за ряда основных причин. Во-первых, это несоответствие между пропагандистскими заявлениями и реальной обстановкой. Во-вторых, отсутствие полного доверия между «русскими союзниками» и их немецкими кураторами. В-третьих, действие советской контрпропаганды. В-четвертых, поражение Германии на фронтах Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дюков А.Р. «Локотское самоуправление» как инструмент нацистской оккупационной политики // Дюков А.Р. Ликвидация враждебного элемента: Националистический террор и советские репрессии в Восточной Европе. М., 2017. С. 418.
2. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1090. Л. 24об.
3. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 853. Л. 86.
4. Там же. Л. 85об., 87, 88.

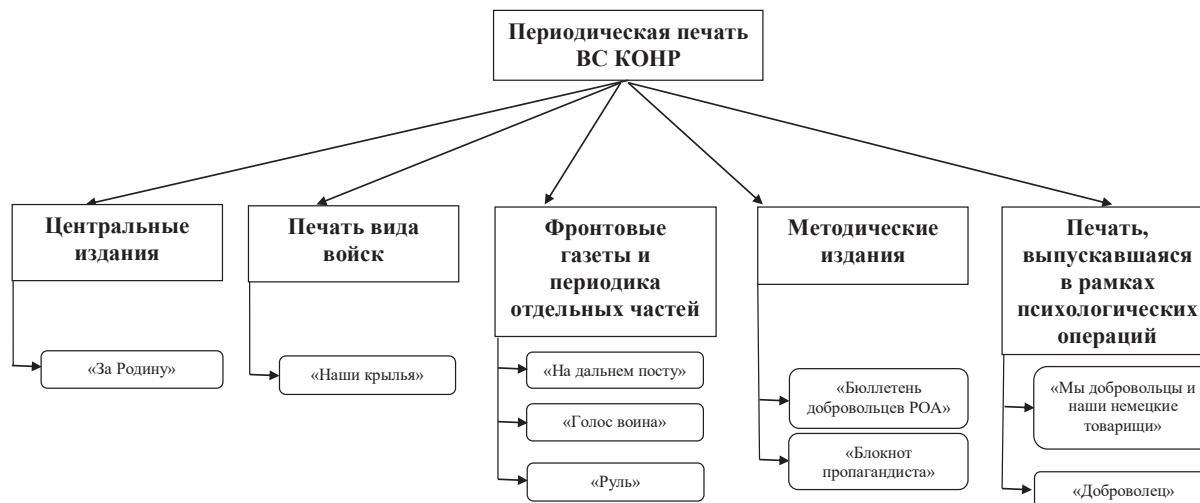
Приложение 1

Система военно-пропагандистских периодических печатных изданий
Русской освободительной армии (1942–1944 гг.)

Приложение 2

Структура периодических печатных изданий
Вооруженных сил Комитета освобождения народов России
(14.11.1944 – 9.05.1945)

*Дмитрий Александрович Белов,
Россия, Москва,
Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник, кандидат исторических наук,
президент Международного благотворительного
фонда «Сталинградская битва»;*

*Евгений Петрович Воробьев, Россия, Москва,
Московский государственный технический университет
гражданской авиации, доцент, кандидат исторических наук*

«Сталинград в истории Великобритании, 1942-1945»: первые итоги и перспективы международного выставочного проекта

Под таким названием в 2019 году началась реализация международного выставочного проекта командой специалистов фонда «Сталинградская битва» (г. Волгоград). Цель нашего проекта – напомнить целевой аудитории (жителям Великобритании) место, которое занимал Сталинград как факт общественно-политической жизни Великобритании в годы Второй мировой войны. Данная статья посвящена одной из малоизученных и забытых страниц истории британо-советских отношений. Речь идет об интересной «точке соприкосновения» в нашей общей военной истории - фандрайзинговых кампаниях сбора пожертвований, организованных в 307-ми населенных пунктах Великобритании для жителей Сталинграда в 1943-1944 гг. С другой стороны, в связи с текущим состоянием отношений с Великобританией, проект, направленный на поиск таких «точек», будет способствовать развитию культурных связей, формированию адекватных взаимных представлений друг о друге и конкретному проектному наполнению движения городов-побратимов, так как именно Сталинград и английский Ковентри с 1944 г. являются первыми городами-основателя-

ми этого инструмента «народной дипломатии».

Учитывая социальную значимость и политическую актуальность проекта, получена поддержка представительства «Россотрудничество» в Великобритании и финансирование Фонда президентских грантов¹.

Для достижения цели проекта среди жителей Великобритании объявлен конкурс «We helped Stalingrad» («Мы помогли Сталинграду!»). Приз – бесплатная поездка в Волгоград семи самых активных участников проекта осенью 2020 г. Победителем станет только тот житель Великобритании, который найдет дополнительный материал об оказании Сталинграду жителями его родного города или поселка гуманитарной помощи в годы войны, проверив факт сбора пожертвований по базе данных нашего сайта проекта – <https://stalingrad-uk.com>.

Фактически этот проект начался благодаря удивительной находке.

Волгоград. 1968 год. С момента переименования Сталинграда в Волгоград прошло семь лет. Всё, что напоминает в архитектурном облике города наследие И.В. Сталина, снесено. В куче строительного мусора шофер областной больни-

цы Васильев замечает массивные хорошо сколоченные доски. Вытащив находку, он обнаруживает средневековое изображение герба города Нит (Neath) Западного Уэльса и три покрытые следами окисления медные пластины с текстами на английском, русском и, как потом выяснилось, уэльском языках. Надпись на русском языке гласит: «Эта палата оборудована на средства, пожертвованные жителями города и района Нит, Западный Уэльс, Великобритания, во славу божью и как дань закаленным сердцами защитникам Сталинграда, память о непоколебимом мужестве которых никогда не умрет. 1944»².

Доска была передана им в дар в местный музей. Ей присвоили инвентарный номер, но находка никогда не только не покидала фондохранилище, но и не выставлялась. Мы никогда не узнаем, почему шофер больницы решил, что обнаруженная мемориальная доска, висевшая когда-то у входа в одну из больничных палат, представляет важную историческую ценность. Но с этим явно не было согласно руководство больницы, иначе доска не оказалась бы на мусорной свалке. Тем не менее, благодаря этому человеку, выяснилось, что эта находка является практически единственным вещественным доказательством инициативы простых англичан, пожелавших сразу после окончания Сталинградской битвы отправить гуманитарную помощь жителям Города-героя в 1943-1945 гг. и внести свой скромный вклад в его восстановление. Так 18 лет назад было положено начало новому историческому исследованию, результатом которого стал, в том числе, данный проект.

Сотрудники библиотеки того самого города Нит (Уэльс) на запрос о наличии сведений в местной прессе о вкладе жителей этого небольшого городка в восстановление Сталинграда были крайне удивлены. «Где Нис, а где Сталинград?» – скептически писали они. Но через несколько дней поисков они с нескрываемой гордостью (!) – впоследствии при продолжении поисков в этом направлении такая реакция стала обычной – сообщили о наличии статей в местной газете «Neath Guardian» со словами благодарности супруги премьер-министра страны Клементины Черчилль за присланные жителями г. Нис 2.000 фунтов стерлингов в «Фонд помощи России», который она возглавляла. Теперь стало ясно, что на эти деньги в 1943 г. было куплено медицинское оборудование именно для Сталинграда³.

Оказалось, что инициатива жителей города Нит принять участие в оказании помощи жителям разрушенного Сталинграда была одной из первых в стране. Жители многочисленных городов и поселков с февраля 1943 г. начали отправку пожертвований, первоначально направляя их в самый крупный фонд страны – «Фонд помощи России» Британского Красного Креста Клементины Черчилль.

Дополнительный импульс этому стихийному движению придал подаренный У. Черчиллю Сталиным документальный фильм «Сталинград» (режиссер, лауреат Сталинской премии Л. Варламов), прошедший в английских кинотеатрах под названием «The Stalingrad Story». Теперь англичане визуально смогли понять трагедию гражданского населения города и цену победы.

Поскольку впервые получателем стихийно поступавших со всех уголков страны пожертвований обозначали теперь не СССР, что до этого соответствовало обычной практике при маркировке пункта назначения, а жители Сталинграда, специально в мае 1943 г. был основан новый специализированный фонд, получивший название «Сталинградская больница» (Stalingrad Hospital Fund). Основателем фонда стал настоятель Кентерберийского собора, председатель Объединенного комитета помощи Советскому Союзу (Joint Committee for Soviet Aid) Хьюлетт Джонсон. В основании фонда принимал активное участие его друг, советский посол в Великобритании известный дипломат Иван Михайлович Майский.

Началом работы нового фонда стало официальное обращение видных общественных и политических деятелей страны, опубликованное в газете «Таймс»: «Мы все осознаем значение битвы за Сталинград. Мы все понимаем, что победа была достигнута страданием и героическими подвигами населения города. Объединенный комитет помощи Советскому Союзу ставит своей целью собрать деньги, достаточные для строительства новой больницы для Сталинграда. Мы призываем весь наш народ откликнуться на это обращение и принять участие в сборе средств. Созданная на собранные нами средства больница будет выражать благодарность британского народа защитникам Сталинграда, внесшим огромный вклад в достижение окончательной победы Объединенных наций»⁴.

В статье указывалось, что стоимость одной медицинской койки составляет 150 фунтов стерлингов. Авторы письма выразили надежду, что требуемая сумма – 75.000 фунтов стерлингов – будет собрана к 22 июня 1943 г.

Под этим официальным обращением ко всему британскому народу, которое перепечатали многие газеты страны, свои подписи поставили видные общественные и политические деятели страны: председатель Объединенного Комитета помощи Советскому Союзу, настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон, известный политический деятель Дэвид Ллойд-Джордж (в прошлом – один из организаторов военной интервенции в Россию, теперь же, по словам советского посла И.М. Майского, большой друг СССР), герцог Атолл, лорд Литтон, председатель федерации горняков Уилл Лоутер, известный лечащий врач правящей верхушки Англии лорд Хордер, королевский врач доктор Дж. Г. Хертц, советник по подготовке кадров в Министерстве труда Великобритании Каролина Хэзелетт, известный журналист А. Дж. Каммингс, председатель Объединенного профсоюза машиностроителей Джек Таннер, сэр Фредерик Гауланд Хопкинс, награжденный в 1929 г. Нобелевской премией за достижения в области медицины, мать троих сыновей -погибших летчиков леди Рейчел МакРоберт и др.

На сегодняшний день удалось собрать доказательства участия в кампаниях оказания гуманитарной помощи Сталинграду жителей 307-ми городов и поселков Великобритании. Каждое пожертвование общественной, профсоюзной организации или частного лица сопровождалось выдачей специального сертификата. Анализ 650-ти сертификатов с текстом послания говорит о том, что посылаемое оборудование для новой больницы в Сталинграде воспринималось англичанами как «скромный символ вечной благодарности защитникам города», оно служило «символом чувства восхищения» их героизмом и неразрывной дружбы двух стран. Битва за Сталинград оценивалась ими как «поворотный пункт в мировой борьбе за человеческую жизнь и свободу». Героическая оборона города, по ряду высказываний, вернула надежду всему миру, она была «светящимся маяком для угнетенного человечества», возле которого были заложены семена победы над фашизмом. Для многих

мысль о пережитых сталинградцами страданиях и проявленном ими героизме при обороне города помогла перенести лишения войны. В некоторых посланиях высказываются слова искреннего сочувствия, пожелания скорой победы и мысль о готовности приложить все старания на поддержание англо-советских союзнических отношений во время и после войны⁵.

Наиболее крупные пожертвования в фонд «Сталинградская больница» поступили от рабочих предприятий, профсоюзов, Комитетов англо-советской дружбы, Обществ культурных связей с СССР, женских организаций, частных лиц и жителей городов Ковентри, Лондона и его пригородов, Бирмингема, Бертон-апон-Трента, Саутпорта, Дагенхэма, Данди, Глазго, Бристоля, Бишопс-Стортфорда и упомянутого выше Нита.

Свой вклад внесли и британские ученые с мировым именем. В архиве Королевского общества (Royal Society) руководителю проекта удалось обнаружить уникальные документы, рассказывающие об инициативе британских ученых, пожелавших основать в знак «выражения британским народом неизменной благодарности защитникам Сталинграда, внесших огромный вклад в окончательную победу Объединенных Наций» фонд лаборатории Сталинградской больницы (Stalingrad Hospital Laboratory Fund). Инициаторы создания фонда - 23 ученых. На митинге Президент Королевского колледжа хирургов Альфред Уэбб-Джонсон призвал немедленно вносить средства в фонд. Пожелания успешной работы новому фонду направили бывший посол Великобритании в СССР Стаффорд Криппс, председатель Парламентского и Научного комитетов И. Скот. Благодарность всем, кто участвовал в сборе средств для нового фонда, высказал представитель Советского Красного Креста в Великобритании проф. С.А. Саркисов. К 19 июля 1943 г. руководство нового фонда получило большое количество просьб от филиалов Ассоциации научных работников с просьбой организовать сбор средств для лаборатории в каждом научном институте, фирме и правительственном учреждении. Всего фонд британских ученых собрал 4500 фунтов стерлингов (на 50 процентов больше первоначально намеченной суммы). Примечательно, что в архиве Королевского общества сохранились банковские чеки, подписанные тремя лауреатами Нобелевской премии⁶.

Удивление вызывает бережное отношение потомков участников этих событий, передававших из поколения в поколение важный для них документ – билет на благотворительный вечер танцев, организованный 17 сентября 1943 г. в Манчестере сталинградским фондом британских ученых. Этот и другие документы семейных архивов являются украшением выставки и каталога проекта.

Со всех уголков страны в Фонд «Сталинградская больница» стекались средства, полученные от организации благотворительных балов, футбольных матчей, концертов и вечеринок, распродаж и аукционов. Пожертвования поступали от посетителей кинотеатров, церковных приходов, владельцев небольших магазинов.

Подводя итоги проделанной работе, председатель Объединенного Комитета помощи СССР отмечал, что отклик британцев на Обращение Комитета значительно превзошел самые оптимистичные ожидания. Х. Джонсон в отчетном документе подчеркнул, что «энтузиазм тех, кто вносил деньги, равнялся энтузиазму тех, кто изготовлял оборудование для госпиталя. Рабочие, выполнявшие заказы на его производство, гордились доверенной им работой. Их лозунг был: «Только самое лучшее для Сталинграда». Целью фонда был сбор 75.000 фунтов стерлингов. Собрано было в три раза больше ранее запланированной суммы: 223.837 фунтов стерлингов и 18 шиллингов»⁷.

Взносы в фонд поступали со всех частей Великобритании и Ирландии, из-за границы, из доминионов и воинских частей. Одно пожертвование, упаковка которого носила явные следы пребывания в воде, надпись на которой едва можно было разобрать, поступило от команды подводной лодки. В кампании сбора средств приняли участие рабочие фабрик и заводов, домохозяйки, школьники, крупные и мелкие торговцы, военнослужащие.

Интересно, что десять лет назад в Волгоградской областной клинической больнице № 1 (на территории которой и была обнаружена в 1968 г. мемориальная доска города Нита) при операциях всё ещё использовались инструменты лондонской фирмы «Mayer and Phelps». В целом разрушенный до основания Сталинград получил лишь малую часть грузов, размещать высококачественное оборудование в полуподвалах

(целых зданий в городе практически не сохранилось) не имело никакого смысла.

Конечно, даже с учетом этих нюансов, вклад англичан в восстановление медицинской сети Сталинграда выглядит скромным, но с самого начала эта гуманитарная помощь рассматривалась английской стороной как нечто большее, чем просто стремление выразить свои симпатии или чувства восхищения, сочувствия по отношению к великому и доблестному союзнику. Участием в этой кампании британцы стремились продемонстрировать гражданскому населению СССР понимание значения и цены победы, достигнутой под Сталинградом в годы Второй мировой войны.

Доказательством жизнестойкости восприятия Сталинграда как ключевого события всей войны служат удивительные примеры сохранения в семейных и корпоративных архивах Великобритании документов и свидетельств участников этих событий.

В этом смысле данный проект на выставке «Сталинград в британской истории» демонстрирует представителям разных поколений британских посетителей огромную дистанцию в британском обществе между восприятием и оценкой событий под Сталинградом за последние 75 лет. Этот разрыв лег в основу концепции и послания выставки, которая открылась в здании «Россотрудничество» (г. Лондон, февраль 2020 г.) и в музее г. Сент-Олбанса (март 2020 г.). Выставка успешно прошла экспертизу, исходя из жестких требований, которые предъявляются руководством музея к таким проектам. Она соответствует трем из пяти основных принципов, которыми, согласно стратегии развития музея, руководствуются при принятии решения. По просьбе директора музея, проявившего заинтересованность в реализации проекта, после торжественного открытия выставки руководителем проекта была прочитана лекция на английском языке для первых посетителей выставки. Музей взял на себя весь комплекс работы по рекламе проекта в СМИ и соцсетях⁸, а местная городская радиостанция Verulam не только предоставила прямой радиоэфир команде проекта, но и стала его официальным партнером⁹. Университет Варвик направил официальное письмо с просьбой организовать осенью гостевую лекцию и продемонстрировать выставку для студентов, изучающих

русский язык как иностранный. Готовность и заинтересованность в выстраивании партнерских отношений инициировала Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького, с сотрудниками которой была разработана и открыта выставка в новом для команды проекта виртуальном формате¹⁰. Московский государственный технический университет гражданской авиации – наш стратегический партнер по международному проекту «Сталинград в судьбе Франции» (2018 г.) – любезно предоставил свои площади для русскоязычного варианта выставки, которая была торжественно открыта в 2020 году.

Проект в настоящий момент реализован на 50 процентов. Адаптация проектной деятельности к условиям пандемии и освоение новых цифровых форматов работы с целью достижения заявленных количественных и качественных результатов проекта одобрены и приняты грантооператором, предоставившего дополнительные средства для реализации второго этапа проекта¹¹.

Осенью 2020 г. планируется его завершение после проведения «круглого стола» с участием победителей конкурса «Мы помогли Сталинграду», открытия передвижной выставки в Москве, Волгограде и в городе-побратиме Ковентри, в соответствии с договоренностями с мэром города и главным стратегическим партнером проекта «Ассоциацией международной дружбы Ковентри» (Coventry Association of International Friendship).

По мнению Посла России в Великобритании А.В. Келина, «...выставка «Сталинград в британской истории» посвящена не столько истории Сталинградского сражения, сколько именно партнерству и солидарности народов двух стран... Дружеские отношения, установившиеся между жителями городов наших двух стран, являются наглядным примером эффективной работы института общественной дипломатии... В этом году мы отмечаем 75-летие нашей общей победы над

фашизмом, и проведение выставки «Сталинград в британской истории» является прекрасной возможностью почтить память тех, кто сражался и отдал жизнь за победу над фашизмом и нашу с вами свободу. Сегодня это особенно важно на фоне непрекращающихся попыток фальсифицировать историю...»¹². Также на открытии выставки была зачитана речь представителя королевской семьи в графстве Хартфордшир, что в музейной практике является редким событием¹³. Директор «Россотрудничества» РФ в Лондоне А. Чесноков также отметил важность проекта и рассказал о реакции английских посетителей на эту выставку, когда она демонстрировалась в здании «Россотрудничества» в Лондоне месяцем ранее¹⁴.

Проект имеет все основания успешно развиваться и после официального завершения. Для его продолжения в долгосрочной перспективе при проведении научно-исследовательской работы в британских музеях руководителем проекта получены от обладателей авторских прав письменные разрешения на «вечное использование» (!) материалов выставки, имеется договоренность об использовании материалов проекта представительством «Россотрудничества» РФ в Великобритании. Окончательные итоги проекта можно будет подвести в декабре 2020 г. после всестороннего анализа отзывов посетителей, музейщиков, представителей городских властей, вузов, музеев Великобритании и России.

Полученный командой проекта опыт показывает широкие перспективы популярной за рубежом практики, направленной на развитие отечественными и зарубежными музеями, библиотеками, университетами совместных (!) с некоммерческими организациями партнерских форм реализации социально-значимых проектов, направленных на увеличение туристической привлекательности, узнаваемости бренда организации, расширение международных контактов, получение дополнительного финансирования проектной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Официальная карточка проекта (Заявка №18-2-003682), победившего в конкурсе Фонда президентских грантов - <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=EEC74B26-A021-4AD6-8585-E404A3494269> . (Дата обращения: 22.05.2020).

2 Волгоградский государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» (далее – ВГМЗБ). – Инв. № 10514.

3 Neath Guardian. 1943. 22 Jan., 5 Feb., 26 Feb., 15 Oct.

4 Times. 1943. 29 May.

5 Полный список всех сертификатов пожертвований опубликован на специальной странице сайта проекта. Он составлен на основании изданного в 1945 г. в двух экземплярах двухтомного альбома британского фонда «Сталинградская больница», хранящегося в фондах Британской библиотеки и Волгоградского историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва». - <https://stalingrad-uk.com/database/> (Дата обращения: 22.05.2020).

6 Фонд 93 HD Президента Королевского общества (далее - Royal Society) с 1940 г. по 1945 г. Генри Дейла (Henry H. Dale). Royal Society. 93 HD/51.6.18-19, 24; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17, Оп. 125, Д. 246, Л.Л. 113-117, 121-123.

7 Сталинград в истории Великобритании, 1942-1945: каталог международного историко-просветительского проекта / под общ. ред. Белова Д. / Авт.-сост.: Белов Д., Бунин А. [и др.] – Волгоград: ОАО "Альянс «Югполиграфиздат», 2020.- С. 54.

8 Официальный пресс-релиз Музея г. Сент-Олбанса с программой мероприятий по проекту «Сталинград в британской истории» - <https://www.stalbansmuseums.org.uk/index.php/whats-on/stalingrad-british-history> ; <https://afisha.london/en/event/stalingrad-in-british-history-1941-1945/> ; <https://afisha.london/en/event/stalingrad-in-british-history-1941-1945/> . (Дата обращения: 22.05.2020).

9 <https://www.radioverulam.com/audio-clip/dmitry-belov-russian-historian-tells-us-about-stalingrads-link-with-great-britains-exhibition-at-st-albans-museum-and-gallery-in-february-2020/> - Радиопрограмма "Stalingrad in the History of Great Britain, 1942-1945" с участием руководителя проекта, Президента Фонда «Сталинградская битва» Д. Белова на радиостанции 92,6FM Radio Verulam (Великобритания, г. Сент-Олбанс, 15 октября 2019 г.). (Дата обращения: 22.05.2020).

10 Материалы Международной интерактивной виртуальной выставки «Сталинград в истории Великобритании, 1942–1945» на канале - https://youtu.be/mOOatrA_SPQ (Дата обращения: 22.05.2020).

11 Аналитический отчет Международного благотворительного фонда «Сталинградская битва» по первому этапу реализации проекта «Сталинград в истории Великобритании, 1942-1945» (Заявка №18-2-003682). - <https://cloud.mail.ru/public/hWc6/44xKuiDU>

12 Официальный текст «Приветствия Посла России в Великобритании А.В.Келина по случаю открытия в музее Сент-Олбанса выставки «Сталинград в британской истории». Речь зачитывает Первый секретарь Посла России в Великобритании Илья Ерофеев (г. Сент-Олбанс, 28 февраля 2020 г.) - <https://cloud.mail.ru/public/2ZSW/2E9knwHAm> ; <https://cloud.mail.ru/public/HFsy/FrCGcW5F1> (Дата обращения: 22.05.2020).

13 Зачитывание директором музея приветственной речи представителя королевской семьи в графстве Хартфордшир (г. Сент-Олбанс, 28 февраля 2020 г.)- <https://cloud.mail.ru/public/LXBk/43RtAVF4W> (Дата обращения: 22.05.2020).

14 Приветственная речь директора представительства «Россотрудничество» в Великобритании Антона Чеснокова (г. Сент-Олбанс, 28 февраля 2020 г.) - <https://cloud.mail.ru/public/Ai1M/48prN8aw1>

*Евгений Александрович Блинков,
Россия, Москва, ГБОУ «Школа № 1362»,
руководитель музея боевой славы
2-й дивизии народного ополчения
Сталинского района города Москвы,
кандидат биологических наук*

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в экспозиции и фондах школьного Музея боевой славы 2-й дивизии народного ополчения г. Москвы

Собрания военно-исторических музеев отражают военную историю страны, развитие военного искусства, историю отдельных родов войск и видов вооружений. В состав собраний входят коллекции оружия, военной техники и приборов, форм одежды, знамён, медалей, фото- и кинодокументов, карт, комплексы личных вещей и документов.

Военно-исторические музеи ведут научно-исследовательскую работу, широкую научно-просветительскую деятельность, направленную на формирование чувства патриотизма, интереса к героической истории своей страны.

Основные этапы и события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. довольно полно освещены в экспозициях государственных и муниципальных военно-исторических и краеведческих музеев. Но есть огромное количество ведомственных музеев, среди которых – музеи учебных заведений, в т.ч. школьные. В них, как правило, собрано множество уникальных материалов по истории конкретного воинского подразделения, предприятия, ведомства или населённого пункта. Такие музеи будут интересны

прежде всего специалистам и потомкам тех людей, о которых имеются те или иные материалы в фондах данного музея. Важна их функция в познании и мотивации к изучению школьниками, студентами и другими посетителями истории малой родины и своих земляков.

Количество военно-исторических (в т.ч. школьных) музеев значительно выросло в 1950-1970-е годы. В 1960-х годах в школе № 434, в старом здании которой летом 1941 года располагался штаб 2-й дивизии народного ополчения (ДНО) Сталинского района г. Москвы, был создан музей боевой славы. Инициатором создания музея и его бессменным руководителем на протяжении 40 лет была учитель русского языка и литературы Зоя Семёновна Евтеева. В сборе материалов активное участие принимали ветераны дивизии, преподаватели и учащиеся школы.

В экспозиции музея – вооружение, военная амуниция, личные вещи, награды ополченцев, их биографии, фотографии, документы и письма. Стенды и витрины рассказывают о формировании дивизии и её боевом пути, участии в Московской битве, о воинах-ополченцах дивизии.

Рис. 1. Экспозиция «Подвиг Москвы. 1941-1945» в рекреации

Рис. 2. Экспозиция в рекреации, посвящённая В. С. Шаландину

Рис. 3. Основная экспозиция музея

Рис. 4. Основная экспозиция музея

Фонды пополняются и по сей день. Проводятся экскурсии, мероприятия, ведётся исследовательская работа, организуются поездки по боевому пути дивизии и памятным местам. Ключевой темой музея является отображение боевого пути 2-й дивизии народного ополчения через призму судеб её воинов.

В октябре 2016 года музей открылся в новой экспозиции (после двухлетнего капитального ремонта школы). Площадь музейного помещения сократилась практически вдвое. В связи с этим было принято решение разместить общую информацию о Великой Отечественной войне в рекреации четвертого этажа, а экспозицию непосредственно по истории 2-й дивизии народного ополчения – в помещении музея (кабинет № 419). Большинство документальных и архивных материалов находятся в фондах музея.

12 октября 2019 года Российским военно-историческим обществом в отгороженной части рекреации четвертого этажа открылась новая экспозиция. Классический подход к комплектованию музейной экспозиции в ней сочетается с использованием мультимедийной техники: размещение тачскринов и плазменного экрана позволяет посетителям ознакомиться с дополнительной информацией, более глубоко раскрывающей общую тему, а проекция кадров военной хроники усиливает эмоциональное впечатление от увиденного, придает важный смысловой акцент.

Согласно концепции, музей боевой славы 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы на базе школьного здания ГБОУ Школы №1362 на ул. Благуша, д.6, стр.1 (современный номер учебного заведения и адрес расположения музея) должен стать культурным, информационно-аналитическим центром, который совместит в себе музейные функции и одновременно выступит как место памяти. Экспозиция объединяет в себе классические подходы к музейному делу и новаторские методы выставочной деятельности с максимально эффективным использованием возможностей современной мультимедийной техники.

Общий концептуальный подход призван связать воедино военно-исторический аспект музея с разнообразными судьбами людей, попавших в ополчение. Экспозиция имеет своей целью оказать эмоциональное воздействие на посетителей разных возрастов.

Рис. 5. Тематическая зона «Московская квартира 1940-х годов»

Рис. 6. Тематическая зона «Школа»

Основой экспозиции музея в настоящее время служат подлинные предметы, принадлежавшие ополченцам и их семьям, а также предметы, найденные на полях сражений, копии документов из архивов.

Рекреация всего этажа оформлена как зал боевой славы. Представленные здесь материалы дают возможность экскурсоводам обратиться к истории и ключевым событиям Великой Отечественной войны, показать на примерах конкретных людей вклад каждого советского человека в общую Победу. Основные задачи:

1) рассказать о ключевых событиях Великой Отечественной войны и о вкладе Москвы и её жителей в Победу над немецко-фашистскими захватчиками (рис. 1);

2) показать разные направления деятельности на фронтах;

3) рассказать о подвиге В.С. Шаландина (рис. 2).

В планах добавить экспозицию об учителях и учениках школы, ушедших на фронт, создать стенд по истории школьного музея и «стену Памяти» с фотографиями воинов 2-й ДНО.

Экспозиция музея представлена в двух залах:

➤ основное помещение музея (кабинет № 419);

➤ интерактивная экспозиция о школе, москвичах – жителях нашего района и как их судьбы переплелись с историей 2-й дивизии народного ополчения (новое помещение, бывшее частью рекреации 4 этажа).

Основная экспозиция школьного музея (рис. 3, 4) отражает историю формирования и боевой путь 2-й дивизии народного ополчения, формировавшейся в июле 1941 года на территории бывшего Сталинского района города Москвы.

Рис. 7. Тематическая зона «Ополченцы»

Рис. 8. Тематическая зона «Источники новостей»

Рис. 9. Тематическая зона «Война»

Основные разделы:

I. История 2-й дивизии народного ополчения.

1. Формирование дивизии.
2. Переход в лагерь в Химках, пополнение из Клина и Высоковска.
3. Строительство Можайской линии обороны.
4. Строительство укреплений на реке Вязьма.
5. Переход на Днепр.
6. Операция «Тайфун».
7. Прорыв из окружения.
8. Выход из окружения, приказ о расформировании дивизии, кто воевал дальше и какие имел награды.

II. Сохранение памяти.

1. История создания и развития музея:
 - 3. С. Евтеева и школьники;
 - ветераны дивизии;
 - региональная общественная организация содействия сохранению памяти воинов 2-й стрелковой дивизии народного ополчения Москвы (создана потомками ополченцев и активно работает при музее).

2. Памятные места и доски.

3. Конференции (сборники, программы), публикации.

III. Витрины для временных экспозиций и выставок.

В основной экспозиции представлены материалы об ополченцах 2-й дивизии (фотографии, письма, автобиографии, личные вещи), газеты военных лет. Дополнительные материалы и оригиналы некоторых документов хранятся в архиве музея. Также в витринах размещены находки, привезённые с полей Богородицкого, Пекарёва, Доманова, Фёдоровки, Бухонова. В музее имеется открытая экспозиция солдатских шлемов и других артефактов, собранных на полях бывших сражений 2-й ДНО.

В музее собрана большая библиотека книг и подборка статей из журналов и газет, в которых есть сведения о дивизии и её воинах. Также в оцифрованном виде имеется большой фото- и видеоархив и подборка фрагментов из книг, журналов и газет.

Основные разделы интерактивной экспозиции школьного музея:

1. Тематическая зона «Московская квартира 1940-х годов» (рис. 5).

2. Тематическая зона «Школа» (рис. 6).

Стилизована под довоенный класс советской школы.

3. Тематическая зона «Ополченцы» (рис. 7).

Документальные фотографии, в виде плёнки наклеенные на окна, цитаты из писем, воспоминаний и книг в межоконных проёмах, 3 витрины с персональными комплексами предметов, принадлежавших бойцам 2-й ДНО.

4. Тематическая зона «Источники новостей» (рис. 8).

Рассказывается о газетах, радио и киножурналах.

5. Тематическая зона «Война» (рис. 9).

В витрине, оформленной в стиле долговременной огневой точки, расположен комплекс предметов, посвящённый боевым действиям начального периода Великой Отечественной войны. Он состоит из экспонатов как найденных на местах сражений 2-й ДНО, так и из типовых предметов военной амуниции и оружия. Кроме того, в витрине представлены личные вещи командира 2-й ДНО генерала Владимира Романовича Вашкевича, ветеранский выпел 2-й ДНО и памятная доска, висевшая на старом здании школы № 434.

6. Тематическая зона «Битва за Москву».

Повествует о вкладе героических действий Московского народного ополчения в Битву за Москву. Дополнена тацскринами, на одном из

которых в интерактивной форме представлен боевой путь 2-й ДНО, а на другом – цифровая книга Памяти 2-й ДНО.

Музей является центром патриотического образования и воспитания учащихся ГБОУ Школы № 1362. Работа школьников в музее расширяет их кругозор, помогает в изучении и усвоении знаний по истории Родины, способствует развитию познавательных интересов, интереса к поисковой работе, на примере подвига ополченцев в Битве за Москву незаменимо способствует развитию патриотических чувств, любви к Отчизне, уважительного отношения к ветеранам и участникам боевых действий. Программа развития музея предусматривает мероприятия по усилению противодействия искажению и фальсификации истории Отечества.

В музеях и книгах о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. про 2-ю дивизию народного ополчения, формировавшуюся в июле 1941 года в Сталинском районе города Москвы, информации практически нет. В школьном же музее собрано огромное количество материалов по истории дивизии. Этим и ценны музеи образовательных учреждений, предприятий и иных организаций, т.к. они хранят намного больше информации про конкретных бойцов и боевой путь определённых воинских подразделений. Основная работа таких музеев – пропаганда боевых и трудовых традиций народа. Они помогают расширять знания людей об историческом прошлом и настоящем нашей Родины, воспитывать патриотизм и чувство уважения к её истории.

*Надежда Юрьевна Бринюк,
Россия, Санкт-Петербург,
Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
научный сотрудник, кандидат исторических наук;*

*Эдуард Львович Коршунов,
Россия, Санкт-Петербург,
Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации, начальник отдела*

Специальные мероприятия по обеспечению безопасности воинов Красной армии, служебных животных, населения и экономики страны на завершающем этапе Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В обширной историографии Великой Отечественной войны, подвига советского народа в 1941–1945 гг. по-прежнему имеют место лакуны, связанные, прежде всего, со специфичностью некоторых мероприятий, проводимых специальными родами войск (специальными службами) в годы войны, либо отдельные публикации размещаются в профильных изданиях, малыми тиражами. Но надо признать, что опыт работы некоторых из них может быть востребован в современных условиях.

Одним из критериев успеха в ведении военных действий является снижение военных потерь. Из определения «потери военные»¹ мы возьмем для рассмотрения людские потери, потери животных, причем, небоевые² (понесенные в небоевой обстановке).

Одной из действенных мер, способствующих снижению потерь войск, помимо главного – достижения успеха в бою (операции), разведка. В наиболее широком толковании войсковая разведка и разведка местности – это одно из важнейших мероприятий по боевому (оперативно-

му) обеспечению войск, добывание сведений (выделено нами. – Авт.) о противнике и местности с целью организации боя (операции), оценки степени влияния условий местности на расположение и боевые (военные) действия своих войск и войск противника³. Главными требованиями к разведке выдвигались: своевременность, непрерывность и достоверность сведений. В приказе народного комиссара обороны № 195 от 1 мая 1943 г. было указано: «Изучать противника, улучшать разведку – глаза и уши армии, помнить, что без этого нельзя бить противника наверняка».

Применительно к целям статьи мы рассмотрим мероприятия разведки (наблюдения), надзора (контроля), выполняемые специальными службами (санитарной, ветеринарной), специальными родами войск (химическими), а также, в качестве примера, Государственной карантинной инспекцией. Рис. 1.

Одним из мероприятий Главного военно-санитарного управления⁴ была **санитарная (медицинская) разведка** – добывание сведений о санитарно-гигиеническом и

Рис. 1. Начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии генерал-полковник медицинской службы Смирнов Ефим Иванович

Рис. 2. Начальник Военно-санитарного управления Ленинградского фронта генерал-лейтенант медицинской службы Верховский Давид Наумович

противоэпидемиологическом состоянии территории предстоящих боевых действий, районов размещения своих войск и войск противника, районов тыла и т.д. Она устанавливает санитарно-гигиеническое и эпидемиологическое состояние водоисточников и водоснабжения, населенных пунктов, жилищ, наличия заразных заболеваний среди населения и пр.⁵ На завершающем этапе войны медицинская служба решала серьезные задачи санитарно-гигиенического и противоэпидемического обеспечения войск. Санитарно-эпидемическое состояние действующей армии в этот период ухудшилось. На ряде фронтов отмечалось повышение заболеваемости дизентерией, тифом. Опасным для войск являлось состояние освобожденных от оккупации районов. Тяжелые бытовые условия, голод, отсутствие медицинской помощи в ряде районов приводили к распространению инфекционных болезней. Возникла угроза заноса этих болезней в войска. Требовались широкие предупредительные мероприятия в войсках и среди местного населения. Медицинская служба выполнила огромный объем работы. Проводились массовые профилактические прививки среди личного состава войск, осуществлялся строгий контроль за водоснабжением, исключались контакты военнослужащих с населением в неблагополучных в санитарно-гигиеническом и эпидемическом отношении районах. Широкие оздоровительные мероприятия проводились среди местного насе-

ления. Благодаря четкой организации и успешному проведению широкого комплекса противоэпидемических мероприятий войска действующей армии были ограждены от распространения инфекционных болезней и возникновения массовых эпидемий. Рис. 2.

Случаи пренебрежения санитарно-эпидемиологическими нормами выявлялись и пресекались самым строгим образом. Так, например, в приказе и. о. заместителя командующего войсками – начальника тыла Ленинградского фронта генерал-майора интендантской службы Новоселова от 26.10.1944 г. № 079 «О желудочно-кишечных заболеваниях в 38-м офицерском полку» указывался факт госпитализации 99 человек по причине невыполнения основных кулинарно-технологических требований, неправильного хранения скоропортящихся продуктов, грязного содержания овощегаготовительного цеха и пр.⁶ Рис. 3.

Не оставался в стороне от указанных мероприятий контроль и обеспечения безопасности

Рис. 3. Старший лейтенант Б. Зайчик после снятия пробы пищи разрешает ее раздачу личному составу. Стоит (справа) повар – красноармеец А. Николаев

Рис. 4. Начальник Военно-ветеринарного управления Красной армии генерал-лейтенант ветеринарной службы Лекарев Василий Михайлович

Рис. 5. Начальник ветеринарной службы Ленинградского фронта генерал-майор ветеринарной службы Лянда Юлий Авраамович

войск в небоевых условиях и командующий войсками фронта Маршал Советского Союза Л. А. Говоров. Так, в приказе войскам Ленинградского фронта от 19.04.1945 г. № 067 «О недочетах в материально-бытовом обслуживании и обеспечении бойцов и офицеров, находящихся на переднем крае обороны и в боевых порядках» отмечалось:

«Проверкой, проведенной начальником тыла фронта в период 4–8 апреля с. г. выявлен ряд недочетов в материально-бытовом обслуживании и обеспечении бойцов и офицеров, находящихся на переднем крае обороны и в боевых порядках⁷ <...> Санитарно-гигиеническое обслуживание бойцов не везде удовлетворительное. Помывка личного состава в бане в 306, 376 сд и в 21 гсд (1[-я] Ударная армия) производится нерегулярно, дезкамеры и бани в частях 306 сд отсутствуют, ввиду чего у отдельных бойцов обнаружена вшивость. Вшивость также обнаружена у отдельных бойцов 16 Литовской и 65 гсд. Имеются случаи помывки бойцов в бане без замены белья (2[-й] батальон 324 сп, 329 ап 77 сд). В 64 сп 21 гсд большинство бойцов не стрижено и не брито, имеются отдельные нестриженные и небритые бойцы и в 530 сп 156 сд. Ощущается недостаток в бритвенных приборах и машинках для стрижки. В 417 сд установлено 32 случая заболевания бойцов чесоткой.

В 37 сд 2[-е] блюда не готовились, меню-раскладки в течение 3 дней не составлялись, пища

доставлялась в молочных бидонах, в холодном виде, в то время, как в спец[иальных] подразделениях имеются термоса. Во многих подразделениях 21 и 37 сд чай не готовился и на передний край не подавался. Дежурные по пищеблокам не назначаются (306, 357, 344 сд). Проба пищи снимается нерегулярно <...> Санитарное состояние пищеблока неудовлетворительное (1[-й] и 2[-й] батальоны 1152 сп 344 сд, 2[-й] дивизион 943 ап 376 сд). Во всех частях санитарный надзор за водой, употребляемой в пищу, осуществляется неудовлетворительно, водоисточники не проверены, не охраняются и вода не хлорируется...»⁸

Командующий войсками фронта приказал: Военным советам армий принять меры к немедленному устранению всех выявленных проверкой недочетов и наказать виновных в плохом материально-бытовом обслуживании личного состава переднего края обороны; о принятых мерах по устранению недочетов донести 30 апреля 1945 г. через начальника тыла фронта⁹. Рис. 4, Рис.5.

Военно-ветеринарное управление Красной армии¹⁰ организовывало **ветеринарно-санитарный надзор** – систему мероприятий ветеринарной службы по предупреждению распространения заразных заболеваний среди животных, а также развития среди людей болезней, переходящих от животных на человека. Одной из задач ветеринарно-санитарного надзора являлось определение состояния здоровья скота, предназначенного для убоя...¹¹

Так, в приказе войскам Ленинградского фронта от 26.03.1945 г. № 045 «О недочетах в сбережении конского состава и нарушениях в проведении мероприятий по борьбе с инфекционной анемией в частях 36-й запасной стрелковой дивизии и мерах к их устранению» указывалось:

«Проверкой начальника ветеринарной службы фронта состояния конского состава частей 36[-й] запасной стрелковой дивизии (78, 48 зсп, ПРБ) установлено:

Чистка лошадей плохая (особенно в 78 зсп, где до 70% грязных лошадей). В результате, в 78 зсп установлен уже случай заболевания чесоткой. Предметов конухода недостает в 78 зсп (щеток, водопойных ведер, торб, попон) и в 48 зсп (попон). Ковка у многих лошадей старая, неудовлетворительная (в 78 зсп до 19%). Содержание лошадей в ряде подразделений плохое,

в конюшнях грязно, навоз сваливается вблизи конюшен (78 зсп). Конюшенная документация ведется плохо (48 зсп), не уставная (78 зсп). Красноармейцы-повозочные часто меняются и в результате этого имеется обезличка в уходе, сбережении и эксплуатации лошадей.

Мероприятия по борьбе с инфекционной анемией начаты несвоевременно, проводятся неполно, нарушаются. Так, в 48 зсп заболевание инфекционной анемией было установлено 15 января сего года, а проведение мероприятий начато только 6 февраля сего года. При этом приказ по части был отдан лишь 12 февраля и то только в отношении одного подразделения, другое же подразделение, где также имелось заболевание, в приказе не упомянуто и необходимых мероприятий в нем не проводилось. Пом[ощник] командира 48 зсп по МТО майор Тясто, игнорируя доклад ст. ветеринарного фельдшера лейтенанта ветслужбы Рыбакина, перевел 15 здоровых лошадей из благополучных по инфекционной анемии подразделений в неблагополучное, чем сорвал мероприятия по локализации инфекционной анемии (нарушение приказа НКО № 131-1939 г.). В 78 зсп при поездках на продсклад и пр. на лошадях неблагополучного по инфекционной анемии подсобного хозяйства не принимаются меры, гарантирующие от контакта с лошадьми благополучных подразделений (нарушение п. 38 приказа НКО № 131-39 г.).

Рис. 6. Оказание ветеринарной помощи на фронте

Указанное свидетельствует, что в 36[-й] запасной стрелковой дивизии не принимаются надлежащие меры по сбережению конского состава и быстрой локализации и ликвидации инфекционной анемии...»¹² Рис. 6.

В приказной части документа предписывалось: 1. Немедленно устранить все отмеченные недочеты и обеспечить уставное содержание, уход и сбережение конского состава, не допуская обезлички. С виновных в нарушениях сбережения лошадей взыскать; 2. Обеспечить правильное и полное проведение мероприятий по борьбе с инфекционной анемией...¹³

Дивизионный ветеринарный врач 36-й запасной стрелковой дивизии майор ветеринарной службы Сиземский, а также помощник командира 48-го запасного стрелкового полка по МТО майор Тясто получили взыскания.

Другой пример, в приказе войскам Ленинградского фронта от 31.03.1945 г. № 051 «Об усилении контроля за выпуском на довольствие войск мяса и мясопродуктов» генерал-лейтенант Веревкин-Рахальский, в целях обеспечения довольствия войск доброкачественным мясом и мясопродуктами¹⁴ и предупреждения возможных, особенно в летний период, желудочно-кишечных токсикоинфекций, потребовал:

«1. Строго и неукоснительно выполнять требования приказа Заместителя Народного комиссара обороны СССР № 0246-44 г. и приказа начальника тыла Красной армии № 025-44 г.

2. Категорически запретить убой животных на мясо на территории в/частей и подсобных хозяйств (в том числе и Военторга) и производить таковой только на бойнях и Мясокомбинатах, обеспеченных ветеринарным надзором. Всех нарушающих этот порядок привлекать к строгой ответственности.

3. На довольствие личного состава войск, в том числе и в офицерские столовые, допускать только мясо и мясопродукты, имеющие клейма или соответствующие справки ветнадзора. Офицерам медицинской службы контролировать и следить за недопущением в пищу туш (мяса, мясопродуктов), не имеющих клейм или справок ветнадзора.

Рис. 7. Начальник Главного военно-химического управления Красной армии генерал-лейтенант артиллерии Аборенков Василий Васильевич

Рис. 8. Начальник Химического отдела Ленинградского фронта генерал-майор технических войск Власов Александр Григорьевич

4. Командирам частей и учреждений обеспечить надлежащую, согласно требованиям санитарного надзора, транспортировку мяса и мясопродуктов и их хранение.

5. Начальникам тыла армий: а) До 20 апреля 1945 года организовать проверку ветеринарного и санитарного состояния боен, мясокомбинатов и мясопромышленных предприятий Мясокомпрома, Заготскота, Областных и Городских Советов, Военторга и т. п.), снабжающих войска мясом и мясопродуктами, в том числе в/части и в/учреждения, не входящие в состав армий, но расположенные на территории армии. Проверку произвести с обязательным участием представителей ветеринарной и санитарной служб армии. Через начальников гарнизонов принять меры к устранению обнаруженных при проверке недочетов и приведению указанных боен, мясокомбинатов и мясопромышленных предприятий в надлежащее ветеринарное и санитарное состояние... б) Установить систематический ветеринарный и санитарный контроль за всеми бойнями, мясокомбинатами и мясопромпредприятиями (Мясокомпрома, Заготскота, Областных и Городских Советов, Военторга и т. п.), а также базами и складами, снабжающими войска (в том числе и офицерские столовые) мясом и мясопродуктами. При осуществлении контроля обращать особое внимание на обязательную трихоскопию¹⁵ всех туш свиней и диких кабанов.

6. Интенданту фронта и соответственно начальнику Военторга фронта в пятидневный срок представить начальнику ветеринарной службы фронта списки всех боен, мясокомбинатов, мясопромпредприятий, баз и складов Мясокомпрома, Заготскота, Областных и городских Советов, Военторга и т. п., обеспечивающих части и учреждения фронта (в том числе и офицерские столовые) мясом и мясопродуктами, с указанием их месторасположения, для установления систематического ветеринарно-санитарного контроля»¹⁶. Рис. 7, рис. 8.

Главное военно-химическое управление¹⁷ Красной армии в системе противохимической защиты войск и объектов организовывало химическую разведку и химическое наблюдение, причем, не только силами химических войск, но и с широким привлечением нештатных органов (подготовленных в химическом отношении отделений, расчетов). **Химическая разведка** – специальный вид разведки, имеющий целью установить наличие и тип отравляющих веществ в воздухе, на местности или на различных объектах¹⁸.

Первым серьезным сигналом об угрозе химического нападения явились секретные документы германского главного командования о подготовке германскими войсками широкого применения отравляющих веществ в войне против СССР, захваченные нашими войсками вместе с химическим имуществом 2-го батальона 52-го химического минометного полка противника в боях 15 июля 1941 г. западнее Ситня в районе Пскова. Рис. 9.

Кроме того, по данным разведки было известно, что в составе наступающих войск 18-й армии противника имеется значительное количество минометного вооружения и отдельные химические минометные части. Захватом пленных и осмотром трупов солдат противника в июле и августе 1941 г. было установлено, что вражеские войска в достаточной мере обеспечены индивидуальными средствами ПХЗ. Исходя из общей обстановки, сложившейся на Ленинградском фронте, а также, руководствуясь требованиями приказа НКО № 0285 от 13.08.41 г.¹⁹, были сформулированы основные цели разведки противника в химическом отношении:

Вскрыть подготовку противника к химическому нападению, своевременно обнаружить подвоз эшелонов БОВ водным или железнодорожным транспортом.

Установить группировку и направление действий химических минометных частей противника.

Выявить мероприятия, проводимые германским командованием по противохимической защите своих войск, и готовность их к ПХЗ.

Выявить организацию химической службы германской армии.

Установить пункты размещения химических складов и баз противника, характер и количество хранящихся в них химических средств.

Выявить обеспеченность войск противника средствами ПХЗ.

Захватить штабные документы, средства химического нападения и противохимической защиты противника.

Ввиду того, что противник в ходе боевых действий против наших войск с 1941 по 1945 гг. не применял БОВ, перечисленные выше цели разведки противника в химическом отношении являлись основными в течение всего периода действия Ленинградского фронта. И только с момента прекращения непосредственного соприкосновения с противником с декабря 1944 г. на Ленинградском направлении цели химической разведки были изменены и сформулированы в новом виде, оставаясь прежними лишь для Курляндского направления:

Доразведать на освобожденной от противника территории наличие химических складов, баз, химических школ и курсов.

Изучением захваченных документов, трофейных химических образцов и опросом ранее захваченных пленных уточнить: наличие и ха-

актер химических средств противника; организацию химической службы противника; порядок и степень обеспечения войск противника средствами ПХЗ; наличие и мощность заводов, производящих БОВ, средства химического нападения и противохимической защиты; степень химической подготовки войск противника.

Уточнить организацию и состояние химслужбы финской армии.

Конкретные задачи химической разведки составлялись на основании общих задач войск фронта, указаний ГВХУ КА, разведданных о противнике в химическом отношении, добытых в ходе боевых действий, информации и заявок, поступающих от войск и населения²⁰.

В качестве примера разведывательных мероприятий, осуществленных специалистами химической службы Ленинградского фронта в целях предупреждения поражения советских граждан боевыми химическими веществами, приведем поиски немецкого склада отравляющих веществ в районе Ручьи (северо-восточнее Усть-Луга) в апреле – июне 1945 г.

7 июня 1945 г. на имя заместителя начальника штаба Ленинградского фронта генерал-майора П.Г. Тихомирова поступил доклад заместителя начальника химического отдела фронта подполковника П.С. Шустрова «О результатах разведки по выявлению химического склада ОВ противника в районе Ручьи, Усть-Луга»:

«Доклаживаю, что по сообщению Военного отдела СНК Эстонской ССР от 14.3.45 г. немецкое командование в ноябре – декабре 1943 г. якобы завезло один эшелон ОВ в мелких баллонах и зарыло его глубоко в землю, в роще, на территории с. Ручьи в 30–35 км. от Усть-Луга.

С целью проверки указанного факта с 26.03 по 1.04.45 г. в районе Ручьи офицерами Специальной Фронтовой Испытательной Химической лаборатории²¹ Л[енинградского] ф[ронта] ст. техником-лейтенантом Ралко и ст. лейтенантом Златогурским была произведена разведка местности, а также опрошено местное население, работавшее в этом районе в период временной оккупации его немцами. Наличие глубокого снежного покрова не позволило тщательно разведать мест-

Рис. 9. Определение отравляющих веществ во фронтовой химической лаборатории

ность, а показания жителей не подтвердили наличия склада ОВ или каких-либо земляных работ по его закопке. Было установлено, что по побережью Лужской губы вдоль жел[езно-]дор[ожного] полотна, включая ст. Летняя, в период немецкой оккупации располагалась запретная зона, куда местное население не допускалось²².

Вторичной разведкой указанного района в период с 14 по 18 мая 1945 г., произведенной офицерами хим[ической] лаборатории и 3-го отд[ельного] батальона хим[ической] защиты, тщательным осмотром местности с раскопками в район запретной зоны, вдоль жел[езной] дор[оги] на общей площади 12 кв. клм. наличие предполагаемого хим[ического] склада не установлено²³.

Одновременно было дано задание начальнику хим[ического] отдела 8-й армии по уточнению через Военный отдел СНК Эст[онской] ССР пункта расположения оставленного противника хим[ического] склада.

По донесению НХО 8-й армии полковника Марукина²⁴ им была опрошена в г. Таллин гр[ажданка] Лигман, являющаяся единственным источником указанного сообщения Военного отдела СНК Эст[онской] ССР. Гр[ажданка] Лигман дала сбивчивые и неясные показания по вопросу местонахождения склада, ссылаясь на полученные сведения из разговора с обер-ефрейтором 523[-го] тяжелого арт[иллерийского] дивизиона Гюмберг Зехлке и подтвердить подлинность своих сообщений не может²⁵.

Полученные разведданные не позволяют установить наличие и расположение оставленного противником хим[ического] склада»²⁶.

В настоящее время существует термин «фито-санитарный надзор» — вид государственного контроля на государственной границе, комплекс мероприятий, осуществляемых в пунктах пропуска через государственную границу органами специальной службы в целях защиты территории Российской Федерации от проникновения в страну карантинных и других опасных возбудителей болезней растений, сорняков, вредителей растений²⁷.

* * *

В Российской империи первый закон по карантину растений был издан в 1873 году. В 1931 г. в СССР была создана карантинная служба²⁸ при Народном комиссариате земледелия СССР. В том же году был утверждён первый перечень карантинных болезней и вредителей, а в 1935 г. — карантинных сорняков.

Карантинные мероприятия осуществлялись не только в мирное, но и в военное время. Так,

приказанием И. О. заместителя командующего войсками — начальника тыла Ленинградского фронта генерал-майора П.И. Новоселова 17.01.1945 г. было объявлено Постановление СНК СССР от 30.12.44 г. № 1753 о мероприятиях по недопущению заноса на территорию СССР из других стран опасных вредителей, болезней и злостных сорняков сельскохозяйственных растений. Командование потребовало:

«1. Запретить войсковым частям, учреждениям и отдельным военнослужащим завозить свежий картофель, корнеплоды, семена овощных культур, трав и кормовых корнеплодов, а также посадок материала плодово-ягодных культур на территорию СССР из Финляндии, Румынии, Чехословакии, Югославии, Польши и Германии.

2. При передислокации войсковых частей разрешить картофель и корнеплоды брать войсковым частям с места отправления, из указанных стран, только для обеспечения в пути следования до границы СССР. Потребность в овощах и картофеле на дальнейший путь следования в СССР заменять крупами, которые брать в достаточном количестве с места отправления.

3. В случае возникшей потребности допускать карантинных инспекторов Наркомзема СССР²⁹ производить карантинные осмотры: а) зернофуражных продуктов и овощей, привозимых из указанных в п. 1-м стран в СССР. Осмотр производить в местах погрузки их или в местах выгрузки на территории СССР; б) зернофуражных продуктов, взятых на путь следования войсковыми частями и учреждениями при переезде их через границу СССР. Работу по осмотру организовать таким образом, чтобы не иметь задержек в пути»³⁰.

Командиры войсковых частей и начальники учреждений были предупреждены о строгом соблюдении указанных карантинных правил.

* * *

Весьма строго каралась добыча рыбы путем глушения взрывчатыми веществами, которая также нередко приводила к небоевым потерям воинов армии и флота. **Контроль** в этом случае осуществлялся командирами соединений и воинских частей, военными комендантами, военной прокуратурой, органами Рыбнадзора. Нередко на подобные случаи обращали внимание и командующие фронтами и армиями, их заместители по тылу³¹. Но это уже тема для отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Потери военные / Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 2007. С. 566.
- 2 Небоевые потери за период Великой Отечественной войны составили 555 500 человек // Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М.: Вече, 2009. С. 51.
- 3 См.: Разведка (войсковая), Разведка маршрутов, Разведка местности / Словарь основных военных терминов. – М.: Воениздат, 1965. С. 193.
- 4 Главное военно-санитарное управление Красной армии – центральный орган управления военно-медицинской службой в СССР ведет свою послереволюционную историю с 1917 года. В годы войны на ГВСУ было возложено руководство всей деятельностью военно-медицинской службы и прежде всего организация медицинского обеспечения Действующей армии, руководство эвакуацией раненых и больных, организация лечебной помощи, санитарного надзора и мероприятий по противоэпидемическому и санитарно-химическому обеспечению Красной армии. Руководил ГВСУ в 1939–1947 гг. генерал-полковник медицинской службы Ефим Иванович Смирнов. См. подробнее: Главные победы военных врачей. Военные врачи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [Краткий историко-биографический справочник] / Под общей ред. А.А. Будко. – СПб.: Военно-медицинский музей МО РФ, 2016. 868 с., ил.
- 5 Санитарная (медицинская) разведка / Словарь основных военных терминов. – М.: Воениздат, 1965. С. 204.
- 6 Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации – Архив Военно-Морского Флота (далее – АВМФ). Ф. 596. Оп. 43. Д. 114. Л. 64, 64 об. Типографский экземпляр.
- 7 См. подробнее: Полевое размещение войск. История и современность // Полевое размещение войск: опыт организации и уроки истории / [Андреев В.П., Андриянов А.И., Баблев С.В. и др.; ред. совет: Басик И.И. (общ. ред.) и др.]; Воен. акад. Ген. штаба Вооруж. Сил Рос. Федерации, Науч.-исслед. ин-т (воен. истории). – СПб.: Аврора, 2015. С. 155–305.
- 8 АВМФ. Ф. 596. Оп. 44. Д. 25. Л. 70, 70 об. Типографский экземпляр.
- 9 Там же.
- 10 Военно-ветеринарное управление Красной армии – центральный орган, осуществлявший общее руководство военно-ветеринарной службой, создан в 1918 г. в виде коллегии для руководства Главным ветеринарным управлением старой армии. Во время войны и после нее (1941–1955) его возглавлял генерал-лейтенант ветеринарной службы Василий Михайлович Лекарев. См. подробнее: Военной ветеринарии Вооруженных Сил 300 лет. – М., 2007. 464 с.
- 11 Ветеринарно-санитарный надзор / Энциклопедический медицинский справочник для военных фельдшеров. – М.: Воениздат, 1953. С. 151.
- 12 АВМФ. Ф. 596. Оп. 44. Д. 25. Л. 52, 52 об. Типографский экземпляр.
- 13 Там же.
- 14 См. подробнее: Полевое питание // Полевое размещение войск: опыт организации и уроки истории / [Андреев В.П., Андриянов А.И., Баблев С.В. и др.; ред. совет: Басик И.И. (общ. ред.) и др.]; Воен. акад. Ген. штаба Вооруж. Сил Рос. Федерации, Науч.-исслед. ин-т (воен. истории). – СПб.: Аврора, 2015. С. 232–251.
- 15 Трихиноскопия – трихинеллоскопия, исследование мяса на трихинеллез путём выявления в нём личинок трихинелл. Согласно ветеринарным правилам обязательной Т. подвергают мясо свиней (старше трёхнедельного возраста), кабанов, барсуков, медведей и других всеядных и плотоядных, используемое на пищевые цели. Трихинеллы в мясе не погибают при варке, заморозке, засолке, копчении и прочих видах обработки, поэтому такое мясо подлежит уничтожению. При попадании в организм человека вызывает тяжелое заболевание вплоть до летального исхода.
- 16 АВМФ. Ф. 596. Оп. 44. Д. 25. Л. 53, 53 об. Типографский экземпляр.
- 17 Главное военно-химическое управление Красной армии было образовано согласно приказу НКО СССР от 13.08.1941 г., и, согласно положению, ведало подготовкой, боевым использованием и снабжением химическим вооружением всех родов войск Красной армии. С 1942 г. и до конца войны во главе управления находился генерал-лейтенант артиллерии В.В. Аборенков. См. подробнее: Войска радиационной, химической и биологической защиты. 100 лет. – М., 2018. 711 с.
- 18 Химическая разведка / Словарь основных военных терминов. – М.: Воениздат, 1965. С. 239.
- 19 Приказ НКО СССР от 13.08.1941 г. № 285 «О реорганизации войск химической защиты Красной армии».
- 20 См. подробнее: Химическая разведка / Химические войска Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2010. С. 86–100.
- 21 О деятельности СФИХЛ см. подробнее: Коршунов Э.Л. Военные химики в Петропавловской крепости. 1941–1945 годы / Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 21. Исследования и материалы. – СПб.: ГМИ СПб, 2011. С. 164–183.
- 22 ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1238. Д. 174. Л. 24. Подлинник. Автограф.
- 23 ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1238. Д. 174. Л. 25. Подлинник. Автограф.
- 24 Марукин Федор Александрович (1909–?).
- 25 ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1238. Д. 174. Л. 26. Подлинник. Автограф.
- 26 ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1238. Д. 174. Л. 23. Подлинник. Автограф.
- 27 Пограничный словарь. – М.: Академия Федеральной ПС РФ. 2002. Электронный ресурс. <https://rus-border-dict.slovaronline.com/1274-Фитосанитарный%20контроль> (дата обращения: 15.05.2020).
- 28 5 июня 1931 г. при Наркомземе СССР была организована единая карантинная служба. В 1934 г. была организована Центральная карантинная лаборатория, находившаяся в непосредственном подчинении Сектора внешнего и внутреннего карантина Наркомзема СССР (в 1939–1945 гг. – Сектора карантина сельскохозяйственных растений Наркомзема СССР).
- 29 Наркомзем СССР (Народный комиссариат земледелия СССР) – государственный орган, ответственный за планирование и руководство сельскохозяйственным производством СССР.
- 30 ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1238. Д. 173. Л. 7. Заверенная копия.
- 31 АВМФ. Ф. 596. Оп. 44. Д. 25. Л. 104, 104 об. Типографский экземпляр; и др.

*Анатолий Андреевич Будко,
Россия, Санкт-Петербург,
ФГБУКИ «Военно-медицинский музей»
Министерства обороны Российской Федерации,
директор музея, доктор медицинских наук, профессор*

«Каждый возвращенный в строй воин —
это наша победа»...

Советская медицина в годы Великой Отечественной войны

22 июня 1941 года началась самая жестокая, масштабная и кровопролитная война в истории нашего Отечества. Тяжелейшие испытания выдержала наша Родина в этот период. Все тяготы и лишения военного времени, горечь поражений и радость побед делили со всей страной и медицинские работники. С первых дней страна теряла убитыми и ранеными тысячи людей, в их числе — огромное количество квалифицированных военных, тех, кто умел воевать и защищать свою Родину. И перед государством встала проблема быстрого и качественного пополнения военных, обладающих высокими профессиональными навыками и владеющих современной боевой техникой. В этих условиях для укрепления военной мощи государства необходимо было обеспечить возвращение в строй раненых и больных опытных солдат. Медицинской службе страны пришлось решать задачи государственной важности — вернуть в строй максимальное число раненых и больных; уменьшить число небоевых потерь, предотвратить вспышки массовых инфекционных заболеваний; вернуть к полноценной жизни уволенных из рядов Вооруженных Сил

по ранению или заболеванию. Это было весьма сложно, но эти важнейшие государственные задачи медицинская служба с честью выполнила. За весь период войны через лечебные учреждения действующей армии и тыла прошло более 22 млн военнослужащих и вольнонаемных, из них свыше 17 млн пораженных в боях и заболевших продолжили сражаться против врага. В строй вернулись 71,7 процента раненых и 86,7 процента больных — опытных обстрелянных бойцов¹. Исполнив свой профессиональный долг, военные и гражданские медики внесли неоценимый вклад в общую Победу над врагом.

В период войны наиболее ярко проявился государственный характер отечественной медицины. Именно объединение усилий гражданского, которое было переориентировано на нужды военного времени, и военного здравоохранения явилось залогом успеха, достигнутого медициной в Великую Отечественную войну. Грамотная организация лечебно-эвакуационного обеспечения, медицинского снабжения, научно-исследовательской работы, подготовки кадров, проведение эффективных санитарно-противоэпидемических и профилактических мероприятий

явились основой, обеспечившей достижения отечественной медицины во время Великой Отечественной войны.

Во главе центральных органов управления медициной стояли авторитетнейшие и опытные организаторы и ученые. Так, Наркомат здравоохранения СССР возглавлял Г.А. Митерев, который, будучи Уполномоченным Государственного комитета обороны, проделал колоссальный объем работы по координации медицинского обеспечения фронта и тыла. Основная же заслуга в создании действенной системы оказания медицинской помощи в годы войны принадлежала начальнику Главного военно-санитарного управления Красной армии Е.И. Смирнову, чей организаторский талант позволил развернуть и наладить работу всех звеньев медицинской службы. В небывало сложных условиях под его руководством осуществлялись своевременные и эффективные маневры всеми силами и средствами военно-медицинской службы.

Еще в предвоенные годы решением проблем военно-полевой хирургии, военно-полевой терапии, военной токсикологии, физиологии и гигиены военного труда в их теоретическом и прикладном значении занимались специализированные научно-исследовательские военно-медицинские учреждения. С началом войны центр научных исследований переместился в действующую армию. Многие сотрудники научно-исследовательских учреждений, профессора и преподаватели вузов отправились на фронт. Так, из состава большинства кафедр и клиник Военно-медицинской академии и. С.М. Кирова на фронт ушло свыше половины преподавателей и профессоров. Только за первые два года их число превысило 200 человек. Среди личного состава медицинской службы в период войны насчитывалось четыре академика, 22 заслуженных деятеля науки, 275 профессоров, 308 докторов медицинских наук, 558 доцентов, 2 тыс. кандидатов медицинских наук².

Важнейшим элементом, определявшим дееспособность медицины на войне, стала подготовка врачебных кадров для действующей армии. За годы войны было подготовлено и отправлено на фронт 17 445 фельдшеров, 5 762 врача, в том числе 1 815 выпускников Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова^{3,4}.

Выполнение задач государственной важности легло главным образом на плечи медицинского состава страны. В годы войны в Красной Армии находилось более 200 тыс. врачей, 500 тыс. средних медицинских работников, 1 млн санитаров.

Исключительно важную роль в разработке важнейших проблем медицинского обеспечения Вооруженных Сил играл высший научно-методический орган военно-медицинской службы – Ученый медицинский совет (УМС) при начальнике ГВСУ КА Е.И. Смирнове. Он был учрежден приказом наркома обороны СССР № 231 от 26.07.1940 г. В него вошли 26 человек, в том числе крупные деятели военной медицины и гражданского здравоохранения: академики Н.Н. Аничков, Н.Н. Бурденко, Е.Н. Павловский, А.Д. Сперанский, профессора М.Н. Ахутин, Т.Е. Болдырев, В.И. Воячек, С.С. Гирголав, А.Д. Сперанский, Н.Н. Еланский, Н.И. Завалишин, П.А. Куприянов, Е.И. Смирнов, В.Н. Шамов, Д.А. Энтин и др.

За время войны УМС собирался на пленумы четыре раза. Материалы пленумов и секций по вопросам лечебно-эвакуационного, санитарно-гигиенического и противоэпидемического обеспечения Красной армии рассылались на фронты, в округа и армии для практической реализации на местах.

Большую роль в успешной работе медицинской службы играло создание института главных специалистов фронтов, армий, эвакуационных пунктов. На руководящие должности были назначены выдающиеся военные медики, имевшие огромный опыт работы в боевых условиях: Н.Н. Бурденко – главный хирург Красной армии, С.С. Гирголав и В.Н. Шамов – его заместители, М.С. Вовси – главный терапевт, И.Д. Ионин – главный инфекционист, Ф.К. Кротков – главный гигиенист, А.А. Васильев – главный патологоанатом, Н.А. Вишневский – главный окулист, Г.Г. Куликовский – главный оториноларинголог, И.Ф. Жордания – главный гинеколог. Профессора М.Н. Ахутин, Е.А. Бок, Н.Н. Еланский, И.А. Криворотов, П.А. Куприянов, В.И. Попов стали главными хирургами фронтов. В Военно-морском флоте были назначены: главный хирург – И.И. Джанелидзе, главный терапевт – А.Л. Мясников, главный эпидемиолог – А.Я. Алымов, главный гигиенист – В.И. Шестов.

Значимый успех работы медицинской службы в годы Великой Отечественной войны был достигнут благодаря разработанной и реали-

зованной на практике под руководством Е.И. Смирнова системе этапного лечения раненых и больных с эвакуацией их по назначению. В феврале 1942 г. на заседании 5-го пленума Ученого медицинского совета Е.И. Смирнов изложил основные принципы единой военно-полевой медицинской доктрины: единое понимание принципов хирургической и терапевтической работы в военно-полевых условиях; наличие единых взглядов на методы профилактики и лечения поражений и заболеваний; преемственность в выполнении медицинских мероприятий на различных этапах эвакуации; ведение краткой, четкой медицинской документации, обеспечивающей преемственность и последовательность в проведении лечебно-эвакуационных мероприятий. На этом же пленуме Е.И. Смирнов сформулировал главные задачи, стоящие перед военно-медицинской службой: вернуть в строй не менее 75 процентов раненых; свести к минимуму летальность на этапах эвакуации; свести к минимуму инвалидность среди раненых; не допустить эпидемических вспышек в войсках⁵.

Главной причиной гибели раненых на поле боя, наряду с несовместимыми с жизнью травмами, являлись шок и кровопотеря. Поэтому важнейшим условием успеха был временной фактор, а именно, своевременное, как можно более быстрое оказание первой медицинской помощи, первой врачебной и квалифицированной медицинской помощи.

Оказание первой медицинской помощи и вынос раненого осуществляли санитарные инструкторы, санитары и санитары-носильщики, которые через 2-3 боя сами получали ранение или погибали. Не случайно их труд был приравнен к ратному подвигу солдат и офицеров Красной Армии. В приказе народного комиссара обороны «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу» № 281 от 23 августа 1941 г., предписывалось представлять к награждению санитаров и санитаров-носильщиков за вынос раненых с поля боя с их оружием: за вынос 15 человек, представляли к медали «За боевые заслуги» или «За отвагу», 25 человек – к ордену «Красной Звезды», 40 человек – к ордену «Красного знамени», 80 человек – к ордену Ленина⁶.

На полковых медицинских пунктах шла первичная сортировка раненых по виду и тяжести

ранений. Те, у кого были легкие ранения, получив врачебную помощь на месте, возвращались в подразделения и продолжали выполнять свой воинский долг. Остальных, нуждавшихся в более квалифицированной, медицинской помощи, чаще всего хирургической, отправляли в медсанбаты. Именно оттуда начиналась эвакуация по назначению. Следующим этапом были полевые подвижные госпитали: хирургические, терапевтические инфекционные, госпитали легкораненых, сортировочно-эвакуационные.

В ходе военных действий было сформировано 6 тыс. госпиталей на 1 914 130 коек (с 22 июня 1941 г. по 25 ноября 1944 г.)⁷.

Значительно снизила смертность и процент осложнений среди тяжелораненых организация специализированной хирургической помощи воинам, раненым в голову, шею и позвоночник; раненым в грудь, живот и таз; раненым в бедро и крупные суставы, а специализированная помощь для легкораненых создала возможность в короткие сроки возвращать в строй миллионы обстрелянных бойцов.

По донесениям фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий, санитарные потери за годы войны составили более 18 млн. человек, в том числе более 15 млн. раненых, контуженных и обожженных, 3 млн. заболевших и более 90 тыс. обмороженных⁸. Однако, даже в тяжелейший для нашей страны 1941 г. санитарная служба Красной Армии возвращала в строй ежемесячно от 100 до 200 тыс. человек⁹.

На войне судьба раненого во многом зависела не только от своевременности оказания медицинской помощи, но и от качества ухода за ними в лечебных учреждениях. Забота о раненых легла на плечи женщин-медиков, воевавших наравне с мужчинами. Среди фронтовых врачей женщины составляли 41 процент, среди военных хирургов – 43 процента, медицинских сестер – 100 процентов, санитарных инструкторов и санитарок – 40 процентов.

Нельзя не отметить важную роль военно-санитарных поездов, которые перевезли более 80 процентов раненых и больных, обеспечив их эвакуацию из госпитальных баз фронта в тыловые госпитали страны. Объем железнодорожных перевозок из фронтового района в тыл страны составил более 5 миллионов человек, для чего потребовалось около 12 тысяч поездов.

К числу достижений медицинской службы в Великую Отечественную войну относится и продуманная система противоэпидемической защиты, благодаря которой удалось предотвратить развитие массовых эпидемий в войсках, в тылу и на освобождаемых территориях. Для сохранения благоприятной санитарно-эпидемической обстановки большое значение имели разработанные отечественными учеными вакцины: вакцины против туляремии; сыпнотифозная вакцина; поливакцина. Были разработаны и успешно применены прививки против столбняка с помощью столбнячного анатоксина. Только против сыпного тифа за период 1942–1944 гг. было привито 18 млн человек¹⁰. Благодаря грамотной работе специалистов профилактической медицины заболеваемость кишечными инфекциями и брюшным тифом была сведена к минимуму. Так, если в 1941 г. было проведено 15 миллионов прививок против брюшного тифа, то в 1943 г. – 20 миллионов. Большой объем работы был проделан в области медицинского контроля за состоянием здоровья личного состава, санитарного надзора за водоснабжением, питанием и размещением войск в полевых условиях. Особо следует отметить создание действенной системы банно-прачечного и дезинфекционного обслуживания.

Во время войны огромную роль играла служба крови. К 1944 г. в стране насчитывалось 5,5 млн. доноров. Было произведено 7 млн. трансфузий. Количество переливаний крови к числу лечившихся в армейских и фронтовых госпиталях в 1945 г. по сравнению с 1941 г. возросло примерно в 2,5 раза, а в полковых и дивизионных медицинских пунктах, более чем в 10 раз. На основе крови изготавливали сухую плазму, кровозамещающие жидкости и другие препараты. Бесперебойная система заготовки и доставки донорской крови (около 1 700 тонн консервированной крови) позволила сохранить тысячи жизней¹¹.

В тяжелейшие военные годы было сделано немало значительных открытий в изучении и методах лечения разного вида ранений, травматического шока, применения сульфамидных препаратов, антибиотиков и т.п. Благодаря активной хирургической тактике и массовому применению профилактической вакцинации, анаэробная инфекция наблюдалась лишь у 1% раненых, столбняк – у 0,6-0,7%. Особая роль в организации хирургической работы при-

надлежала Н.Н. Бурденко – главному хирургу Красной армии, основоположнику отечественной нейрохирургии. Его научные работы легли в основу разработки учения о лечении ран, профилактики и лечения шока, раневых инфекций. По его инициативе в борьбе с раневыми инфекциями стали применять антибиотики – пенициллин и грамицидин.

Все богатство знаний и опыта, полученные отечественной медициной в военные годы, послужили основанием для создания в 1944 году Академии медицинских наук (АМН) СССР. Образование АМН СССР продемонстрировало то внимание, которое государство придавало нуждам медицинской науки, военному и гражданскому здравоохранению.

Общегосударственное значение имело также решение проблемы снижения уровня инвалидности среди раненых и больных. В условиях резкого уменьшения людских ресурсов в стране, снижение уровня инвалидности позволяло увеличивать как количество боеспособных солдат и офицеров, так и количество трудоспособного населения для народного хозяйства. Уже в ноябре 1941 года СНК РСФСР принял специальное постановление «О мероприятиях по трудовому устройству и обучению инвалидов Отечественной войны». В марте 1943 г. 27 эвакуационных госпиталей НКЗ РСФСР были реорганизованы в специализированные госпитали восстановительной хирургии, а 14 мая 1943 года был подписан приказ НКЗ СССР № 235 «Об организации специализированной лечебной помощи инвалидам Отечественной войны», согласно которому предписывалось создавать специальные отделения для восстановительного лечения инвалидов войны при 12 клиниках медицинских институтов¹². В результате проведенных мероприятий более 80 % инвалидов войны смогли вернуться к полноценной трудовой деятельности.

Безусловно, успешная работа медицинской службы во время Великой Отечественной была обусловлена многими факторами, но самыми основными были героизм и профессионализм медицинских работников.

Во время войны отдали свою жизнь или пропали без вести 84793 медика, из них 5319 врачей, 9198 средних медицинских работников, 22723 санитарных инструктора, 47553 санитар и санитар-носильщика¹³. В боях за Родину

погибли 532 воспитанника и работника Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. До 88 процентов общих потерь приходилось на передовое звено медицинской службы, действовавшее на поле боя,

За самоотверженный труд, мужество и героизм более 116 тысяч человек личного состава военно-медицинской службы и 30 тысяч тружеников гражданского здравоохранения были награждены орденами и медалями Советского Союза, 45 медицинских работников удостоены высшей степени отличия – звания Героя Советского Союза¹⁴. За выдающиеся заслуги удостоены звания Героя Социалистического Труда главный хирург Красной Армии генерал-полковник медицинской службы Н.Н. Бурденко, главный хирург ВМФ генерал-лейтенант медицинской службы Ю.Ю. Джанелидзе, начальник Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова генерал-полковник медицинской службы Л.А. Орбели. 13 военных медиков награждены полководческими орденами, 18 стали кавалерами ордена Славы трех степеней. Высшим знаком отличия Международного Комитета Красного Креста – медалью Флоренс Найтингейл отмечены 44 медицинские сестры.

Для сохранения и обобщения уникального военного опыта отечественной медицины 12 ноября 1942 года в Москве был основан Музей военно-медицинской службы Красной Армии (ныне Военно-медицинский музей), где наряду с собственно музейными предметами (натурные экспонаты, патологоанатомические препараты, фотоматериалы, рисунки, схемы, муляжи, модели, предметы медицинского оснащения и т.д.), собирались документы военно-медицинской службы, объединенные в последующем в специальный архив музея (более 60 млн). На его базе был создан 35-томный труд «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». По Постановлению Совета Министров

СССР от 27 марта 1946 г. № 664 труд сотрудников музея был приравнен к труду научных сотрудников Академии медицинских наук СССР.

Тем самым был подведен итог кропотливой и героической деятельности медиков, трудившихся и сражавшихся за независимость нашей Родины, а опыт военной медицины и гражданского здравоохранения по возвращению раненых и больных воинов приобрел мировое признание.

Известный полководец маршал Советского Союза И.Х. Баграмян после завершения войны оставил следующую запись в книге отзывов Военно-медицинского музея МО СССР: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом. Для нас, ветеранов Великой Отечественной войны, образ военного медика останется олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности».

Сохраняя память о защитниках Отечества, о военных и гражданских медиках, которые своим самоотверженным трудом приближали Победу, Военно-медицинский музей – Музей медицины России и военно-медицинской службы – создает и представляет для широкой аудитории экспозиционно-выставочные, научно-исследовательские, издательские и мультимедийные проекты, которые способствуют военно-патриотическому воспитанию населения. Среди наиболее значимых выставочных проектов 2020 года следует отметить открытие Музея памяти жертв нацизма, Музея военно-медицинской службы Красной армии, целый комплекс выставок в различных регионах Российской Федерации (Санкт-Петербургу, Москва, Гороховец и пр.). Сохраняя прежние формы, музей ищет и новые способы представления своей богатой коллекции, которая пополняется все новыми материалами, связанными с историей Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Главные Победы военных врачей. Военные врачи в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: [Краткий историко-биографический справочник] /Под общей ред. А.А. Будко. – СПб.: ВММ, 2017. – С. 8.

2 Алексанян И.В., Кнопов М.Ш. Научная работа военных врачей в годы Великой Отечественной войны // Пробл. соц. гиг. и истории мед. 1996. – № 3. – С. 32–35.

3 Филиал ЦАМО РФ Ф. 1. Оп. 47166. Д. 532. Л. 20.

4 Филиал ЦАМО РФ Ф. 1. Оп. 47166. Д. 533. Л. 121-123.

- 5 Труды пятого пленума ученого медицинского совета при начальнике Главного военно-Санитарного управления Красной Армии 26-28 февраля 1942 г. М.: Медгиз, 1942. – 255 с.
- 6 Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Сборник документов и материалов / Под ред. М.И. Барсукова, Д.Д. Кувшинского. М.: Медицина, 1977. – С. 3-39.
- 7 Филиал ЦАМО РФ Ф. 1, Оп. 47168. Д. 9. Л. 3.
- 8 Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. – С. 240.
- 9 Крутов В.С. и др. Роль медицинской службы в восполнении боевых потерь в личном составе в годы войны // Воен.-мед. журн. 1995. – № 4. – С. 4-7.
- 10 Филиал ЦАМО РФ Ф. 1. Оп. 47497. Д. 698. Л. 233.
- 11 Вишневский Н.А. Советские медики в дни Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Л.: Знание, 1990. – С. 21
- 12 Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – С. 302-304
- 13 Комаров Ф.И., Лобастов О.С. Основные итоги и уроки медицинского обеспечения Советской Армии в годы Великой Отечественной войны // Воен.-мед. журн. 1990. – № 5. – С. 8.
- 14 Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Л.: Медицина, 1985. – С. 292.

Юлия Тиграновна Вартанян,
Россия, Санкт-Петербург, Российский
государственный архив Военно-Морского Флота,
главный специалист

Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда (1941-1945 гг.)

С началом Великой Отечественной войны работа Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР была полностью перестроена. Архив *«разделил участь Ленинграда и ленинградцев»*¹.

Постановлением Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ЦК ВКПб) и Совета Народных Комиссаров СССР (СНК СССР) *«для руководства эвакуацией населения, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей»*² 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации. Через три дня 27 июня правительство приняло постановление *«О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»*.

В соответствии с этим постановлением наиболее ценные документы и научно-справочный аппарат ЦГАВМФ СССР отправили в эвакуацию в г. Чкалов (Оренбург), куда 16 июля 1941 году в *«командировку»* сроком на 14 дней для сопровождения груза с архивными материалами поехали пять сотрудников архива – М.Я. Дуклер (научный работник) (Рис. 1), Д.М. Зиневич (начальник отдела древних фондов), Н.А. Максимов (старший научный работник), научные работни-

ки Т.А. Иванова и Н.Г. Эйдинова³. Вместе с фондами архива были вывезены и описи ЦГАВМФ⁴.

Позднее 28 августа 1942 года приказом № 066 (Рис. 2) начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области *«в целях правильной организации работы и более целесообразного использования сотрудников Ленинградских гос[ударственных] архивов, находящихся в г. Чкалове»* была образована единая группа архивистов во главе с начальником отдела военно-морского архива А.М. Заковой⁵. Требования к работе этой группы предъявлялись жёсткие: работа по единому плану, утверждённому начальником Архивного отдела УНКВД ЛО по представлению начальника группы, ежемесячные, *«не позднее 5-го числа последующего месяца»* отчёты о проделанной работе, принятие самых строгих мер к трудовой дисциплине. Задачей группы было обеспечение сохранности документальных материалов ленинградских архивов, находящихся в Чкалове⁶.

На основании приказа начальника УНКВД ЛО № 193 от 29 июня 1941 г. Архивный отдел УНКВД ЛО объявил приказ о переходе директоров центральных и областных архивов и их

заместителей, а также директора Историко-архивного техникума (в документе – Техникум) и Реставрационных мастерских с 3 июля на казарменное положение. Отлучаться из служебного помещения возможно было лишь с разрешения начальника Архивного отдела УНКВД ЛО. Согласно секретному приказу по Архивному отделу Управления НКВД Ленинградской области от 4 августа 1941 г. с 5-го августа личный состав ленинградских архивов, в том числе ЦГАВМФ СССР, обязан был приступить к *«практическим тренировкам»* в противогазах по утверждённому календарному расписанию *«с таким расчётом, чтобы производительность работы ни в какой мере не снижалась»*. Рекомендовалось после доведения нормы работы в противогазах до двух часов *«совершенствовать результаты и продолжать проведение тренировок»* каждую неделю по вторникам с 11 до 13 часов ⁷.

По журналу учёта прихода на работу и ухода сотрудников ЦГАВМФ (Рис. 3), начиная с июня 1941 года можно проследить, как постепенно уменьшалось количество людей в архиве: они уходили воевать, уезжали в эвакуацию. Из 68 штатных сотрудников осталось всего 17, т.к. в первые военные месяцы по мобилизации или добровольно на фронт ушли 13 человек, причём четыре человека *«до сих пор»* находились на содержании архива. Были и те, кого уволили по сокращению штатов (15 человек – *«как малоценных и по возрасту»*). Кроме семерых эвакуированных в Чкалов, ещё пять человек было эвакуировано *«вследствие слабого состояния здоровья»* ⁸.

С 1 января 1942 года *«в виду уменьшения объёма работ в архиве и необходимостью сократить в связи с этим на период военного времени штаты сотрудников»* все отделы архива были сведены в один. Начальником объединённого отдела стала А.М. Закова *«без изменения в окладе содержания»*; она же была заместителем начальника архива ⁹.

Как и во всех архивах Ленинграда, в ЦГАВМФ СССР была создана группа самозащиты местной противовоздушной обороны (МПВО). Уже 23 июня 1941 года *«в связи с введением угрожаемого положения по г. Ленинграду»* приказом по Архивному отделу УНКВД ЛО № 141 было установлено *«круглосуточное групповое дежурство бойцов группы самозащиты на всех объ-*

ектах ПВО центральных, областных архивов и Историко-архивного техникума, имеющих эти формирования» ¹⁰.

По условиям военного времени все формирования МПВО переводились на казарменное положение. *«Неуклонной задачей»* каждого бойца и командира была высокая дисциплина, *«сознательность»* и четкое и беспрекословное выполнение боевых приказов. Начальником группы из 54-х сотрудников ЦГАВМФ СССР, входившей в унитарную команду Архивного управления НКВД ЛО стала М.Я. Дуклер, позже в июле 1941 г. *«ввиду выезда на новое место работы»* (т.е. в связи с эвакуацией) её сменил А.А. Вилькес. Бойцы жили по строгому расписанию дня ¹¹.

Разумеется, необходимо было продумать вопросы сохранности документов архива в условиях войны. Архивный отдел УНКВД ЛО дал ЦГАВМФ задание срочно *«перебросить с верхних этажей в нижние все ценные архивные материалы»*. Из-за невозможности подобрать на это время рабочую силу, начальник ЦГАВМФ Н.В. Жмакин приказал на срок с 1 ноября 1941 по 1 января 1942 года перевести 19 сотрудников архива *«на физическую работу»* ¹².

В документах периода самой первой блокадной зимы 1941 – 1942 гг. всё чаще встречаются записи о болезнях, отпусках сотрудников *«за свой счёт»* и увольнениях *«ввиду слабого состояния здоровья»*. Согласно докладу Н.В. Жмакина, в первом полугодии 1942 года в Ленинграде *«создалась крайне неблагоприятная обстановка для плановой работы: холод в архиве, отсутствие света, систематическое недоедание сотрудников, граничащее с острым голодом, приведшее к серьёзным заболеваниям почти всех работников архива (дистрофия, сердечные заболевания, цинга и пр.), снизившие до возможного предела силу их труда»*. Темпе-

Рис. 1 Дуклер М.Я.

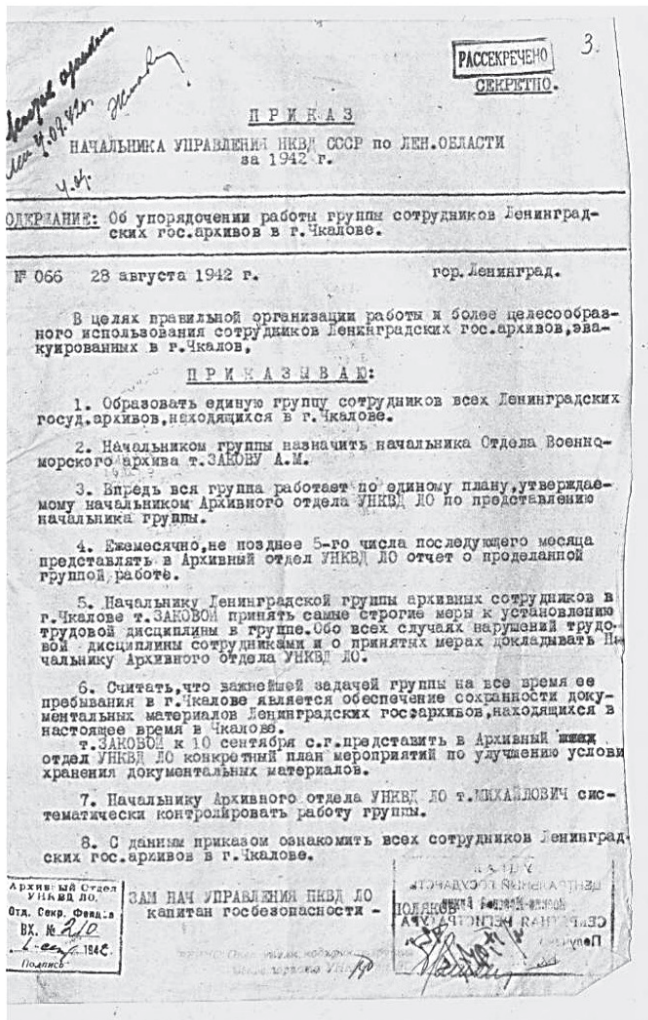

Рис. 2 Приказ начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области № 066 от 28 августа 1942 г. «Об упорядочении работы группы сотрудников Ленинградских государственных архивов в г. Чкалове» // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 5. Д. 185. Л. 3.

ратура в помещениях понизилась до 7 – 8 градусов ниже нуля, в сильные морозы даже до 10-ти; к тому же с наступлением холодов прекратился подъём воды сначала на второй, а потом и на первый этаж, (водопровод был восстановлен полностью только в 1943 году). Архив «погрузился в темноту», а в отпуске керосина, свечей или чего-то подобного УНКВД отказал¹³.

За время блокады Ленинграда от голода погибли шесть сотрудников ЦГАВМФ СССР – и.о. научного сотрудника А.А. Вилькес, машинистка секретного отдела Н.А. Данкова, подсобный рабочий Ф.П. Павлов, заведующая секретным читальным залом профорг С.Е. Плотникова и старший архивно-технический сотрудник секретного отдела П.М. Поромов, сотрудник «по счетам»

(т.е. по договору) Сазонов¹⁴. РГАВМФ чтит память сотрудников, сохранивших архивные документы в годы блокады. 7 февраля 2020 года в административном здании архива на Миллионной улице, д. 36 была торжественно открыта мемориальная доска¹⁵.

Расшатанное здоровье сотрудников стало «большим тормозом» в работе. Н.В. Жмакин считал важной заботу о сохранении вверенных ему кадров любыми средствами; сам он был вынужден лечиться в госпитале так как его состояние грозило «окончательно» вывести его из строя. Только в декабре 1942 года начальник архива смог вернуться к своим обязанностям. По состоянию здоровья в Чкалов были эвакуированы сотрудники М.Н. Варфоломеев и А.М. Закова¹⁶.

Находясь на казарменном положении, все работники архива (за исключением начальника, дворника и подсобного рабочего) получали продовольственные карточки 2-й категории, «по которым выдача продуктов из магазина в декабре 1941 г. и первые два месяца 1942 г. почти не производилась», а ведь из-за тяжёлых и опасных условий труда люди «стали непрерывно болеть»¹⁷.

Согласно штатной расстановке наличного состава ЦГАВМФ СССР по состоянию на 16 мая 1942 года в архив работало 19 человек. Из них в Ленинграде – 14 и 5 – в эвакуации в г. Чкалов. Ещё 9 должностей оставались вакантными. Для привлечения в архив новых сотрудников Н.В. Жмакин 17 июня 1942 г. направил письмо в радиоцентр с просьбой делать в течение двух дней (два раза утром и два – вечером) объявления о вакансиях в архиве (Рис. 4). Требовались машинистка, научные работники (с историческим образованием), архивно-технические работники, комендант, ночной сторож. Поиски нового бухгалтера ни к чему не приводили, поскольку «на 400 рублей, без предоставления удовлетворительного питания» никто на эту должность идти не хотел¹⁸.

Во второй половине февраля 1942 года с наступлением сильных холодов работу пришлось перенести из здания архива в бомбоубежище, где было теплее, но с точки зрения удобства рабочих мест – теснее. Здесь проводились лишь подсобные работы – выделенная из фондов макулатура просматривалась на предмет «выделения из неё всего полезного материала – папок,

В условиях войны принципиально важным становился вопрос дисциплины и контроль за её соблюдением. Отступления от правил жёстко пресекались. Прежде всего это касалось сотрудников-бойцов группы самозащиты. Например, старшая архивно-техническая работница А.А. Вилкина «за оставление поста и спанье» получила выговор и была лишена очередного увольнения с предупреждением об увольнении и отдаче под суд при повторном нарушении. В декабре того же года выговор получила архивно-техническая сотрудница Н.В. Маркова. Оказалось, что с переводом на казарменное положение она стала заниматься мелкими кражами продуктов у своих товарищей. Чистосердечное раскаяние и желание исправиться за счёт коллектива смягчили наказание, но впредь за подобные проступки было решено «увольнять и отдавать под суд, не принимая во внимание никакие ослабляющие вину обстоятельства»²⁴.

Даже такая «мелочь», как опоздание с обеда, считалась серьёзным нарушением. Когда было «замечено», что установленный часовой перерыв используется рядом сотрудников больше положенного времени, вышел приказ об обязательной с 1 ноября 1941 г. регистрации возвращения с обеда. Отсутствие такой отметки рассматривалось как прогул, «со всеми вытекающими отсюда последствиями»²⁵.

Не оставались без внимания и бытовые вопросы. 19 февраля 1942 г. вышло решение Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся «Об ответственности за уклонение от выполнения работ по уборке квартир, комнат, общежитий, домов, дворов, улиц и мест общего пользования от снега, мусора и нечистот». Наказание «в административном порядке» предусматривало лишение свободы сроком до шести месяцев или штраф до трёх тысяч рублей. Приказом начальника ЦГАВМФ СССР № 9 от 5 марта 1942 г. жильцам дома № 36 по улице Халтурина объявлялось, что всех нарушителей будут привлекать к ответственности — «административному взысканию через исполком Дзержинского райсовета депутатов трудящихся»²⁶.

Однако далеко не всегда проблемы возникали из-за чьей-то лени. Согласно отчёту от 3 января 1943 г. о выполнении ЦГАВМФ СССР производственного плана за декабрь 1942 г. «в связи

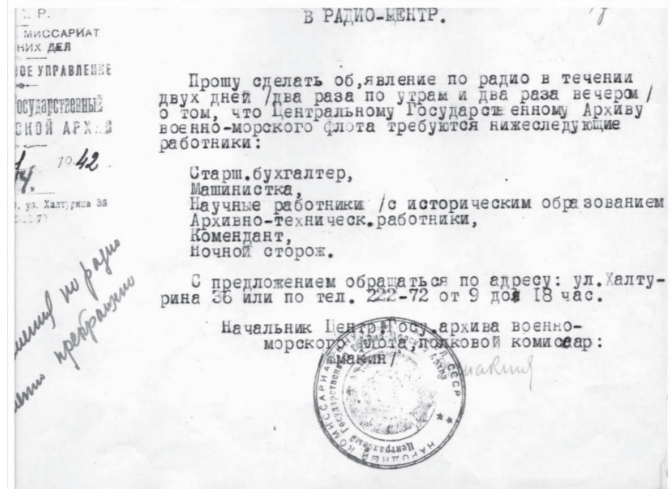

Рис. 5 Письмо Н.В. Жмакина в радиоцентр с просьбой сделать объявление о вакансиях в ЦГАВМФ СССР. 17 июня 1942 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 2. Д. 246. Л. 17.

с большим снегопадом пришлось много внимания уделять как в рабочее, так и во вне рабочее время уборке снега», с которой маленький коллектив справлялся с большим трудом: «Между тем, т.к. военно-морской архив расположен на правительственной трассе, милиция не с чем не считается и требует немедленной уборки территории, грозя всевозможными карами. Нанять же рабочих со стороны не представляется никакой возможности. Поэтому в ущерб выполнения производственного плана всем без исключения сотрудникам пришлось самым интенсивным образом работать на снегу и затратить на это 26 рабочих дней»²⁷.

Несмотря на тяжёлые условия военного времени ЦГАВМФ СССР продолжал принимать документы. В сентябре 1942 года архив обратился к заведующему Книжным магазином Военторга КБФ с просьбой отобрать печатный материал (брошюры, листовки, плакаты, карикатуры, воззвания, обращения, листовки, лозунги и т.д.), изданные за время войны на темы «Военные моряки в борьбе с немецкими оккупантами» и «Зверства немцев во временно захваченных ими советских районах». Вёлся точный учёт поступивших периодических изданий. Например, за первый квартал 1943 года в архив поступило 276 номеров многотиражных газет частей и кораблей Краснознамённого Балтийского флота (КБФ) (пятнадцать названий), а также 186 брошюр, 23 плаката, 44 экземпляра листовок, обращений и лозунгов, 10 экземпляров фотоснимков, 21 экземпляр фотогазет и открыток²⁸.

7 мая 1943 г. СНК СССР издал постановление № 493 от «Об инструкциях по учету ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам». В соответствии с ним, а также и с приказом НКВД СССР № 369 от 21 мая 1943 г., Управление НКВД ЛО в приказе № 308 от 3 июля 1943 г. «Об учёте ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками учреждениям, предприятиям, хозяйствам и строительству УНКВД ЛО» предписывало всем подчинённым ему *«предприятиям, хозяйствам и строительству»* производить учёт ущерба, причинённого врагом и *«расходов, вызванных эвакуацией и реэвакуацией организаций, их подразделений, материально-имущественных средств, сотрудников и членов их семей»*. В Ленинграде с этой целью приказом начальника УНКВД ЛО № 1 от 8 июня 1943 г. была образована комиссия из семи человек – начальников и сотрудников ленинградских архивов во главе с начальником Центрального государственного исторического архива П.З. Цивлиной²⁹.

В составленном комиссией в июле 1943 года Акте о материальном ущербе, причинённом Центральному государственному архиву Военно-Морского Флота в Ленинграде, зафиксированы серьёзные повреждения здания на ул. Халтурина, д. 36. Сумма на восстановление требовалась внушительная – *«для ликвидации повреждений»* здания – 66.440 рублей. *«В различной степени»* оказались повреждены 2000 дел, представляющих *«исключительную историческую ценность»* (дела Адмиралтейств-коллегии XVIII века по истории зарождения русского военно-морского флота, об участии флота в Первой мировой (*«империалистической»*) и Гражданской войнах); они требовали реставрации на сумму 25000 рублей. Всего материальный ущерб составил 345.007 рублей 80 копеек.³⁰

После снятия блокады Ленинграда был поднят вопрос о реэвакуации материалов из Чкалова, поскольку в это время военная обстановка существенно изменилась. Начальник ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинский в докладной записке (написана приблизительно в конце 1944 года) заместителю Народного комиссара внутренних дел СССР С.Н. Круглову просил разрешения начать

реэвакуацию архивных документов, отмечая, что вывезенные документы хранятся в помещениях, которые обеспечивают лишь временную сохранность, а выполнение планов работ в архивах Ленинграда тормозиться отсутствием документов и справочных материалов. Реэвакуация для ЦГАВМФ СССР, как и для всех центральных государственных архивов страны, стала одной из основных задач в 1945 г.³¹

Приказом начальника Архивного отдела УНКВД ЛО № 70 от 1 августа 1944 г. для подготовки к приёму документов из эвакуации с 3 августа во всех государственных архивах и самом Архивном отделе был введён удлинённый рабочий день - с 9 до 19 часов *«с часовым обеденным перерывом по установленному графику»* - для всех сотрудников, кроме технического персонала (уборщиц, дворников и т.д.). Для реэвакуации оставшихся материалов по распоряжению Архивного отдела УНКВД ЛО в феврале 1945 года в командировку в Чкалов *«на срок свыше месяца»* была отправлена заместитель начальника ЦГАВМФ СССР по научной части А.М. Закова. НКВМФ СССР предоставил архиву 15 вагонов, *«из которых одна теплушка»*³².

В «Справке об итогах работы Центральных государственных архивов СССР в 1945 году и стоящих перед ними основных задачах на 1946 год» в первой половине 1945 года отмечалось, что случаев пропажи или гибели документов не установлено, и все материалы прибыли в Москву и Ленинград *«в подавляющем большинстве своём в удовлетворительном состоянии»*. Так процесс реэвакуации был полностью завершён³³.

Сотрудники ЦГАВМФ СССР вместе с сотрудниками из других архивов, подчинёнными Архивному отделу УНКВД ЛО, занимались шефской работой в госпитале № 919. Они ухаживали за больными и ранеными, проводили лекции, беседы на патриотические темы. Например, в 1944 году - «Суворов», «Александр Невский», «Отечественная война 1812 г.», «О Красной армии», «Героическая оборона Ленинграда в изображении художественной литературы» и т.д. В госпитале устраивались читки газет и художественное чтение книг. На собранные архивистами средства для госпиталя покупались книги, различные бытовые и канцелярские принадлежности и даже музыкальные инструменты, патефонные пластинки и домино³⁴.

После тяжёлой зимы 1941 – 1942 гг. произошло «оживление» в работе читального зала ЦГАВМФ СССР. Во втором полугодии 1942 года его посетили 17 исследователей, занимавшихся в основном историей кораблей (минные заградители «Марти», «9 января» и другие), а также по истории крепости Кронштадта и историческим темам (гибель «Стережущего», «Моонзундская операция» и другие). Было наведено 38 справок (из них 16 – секретных). В 1943 году посетителей стало существенно больше – 101 человек (305 посещений). Основную их часть составили морские офицеры, писатели, учёные не только из Ленинграда, но и других городов – Кронштадта, Москвы, Самарканда, Ярославля. Их интересовали темы как связанные с историческим прошлым («Развитие военно-морского судного управления в дореволюционной России», «Участие флота в Семилетней войне»), так и с текущими событиями войны («Комсомол Балтики в Отечественной войне», «Оборона Ленинграда в Отечественной войне против немецких захватчиков, листовки, воззвания, и плакаты КБФ за период Отечественной войны») ³⁵.

Для сотрудников архива проводились занятия по повышению квалификации. Доктор исторических наук профессор ЛГУ С.Н. Валк в конце 1945 года прочёл лекции на темы «Русский флот при Петре I», «Первая Архипелагская экспедиция и

военно-морское искусство адмирала Спиридова», «Военно-Морское искусство адмирала Ушакова», «Адмирал Макаров и его рассуждения о военно-морской тактике», а также две лекции по палеографии. Два занятия по новым правилам публикации документов Государственного архивного фонда провёл сам Н.В. Жмакин, а его заместитель А.М. Закова – по составлению обзоров ³⁶.

Не прекращалась и работа по выполнению запросов. По запросу Молотовского горисполкома в апреле 1945 года заведующая читальным залом ЦГАВМФ СССР М.Я. Дуклер составила перечень выявленных материалов (их оказалось около 900 машинописных страниц) о жизни и деятельности изобретателя радио А.С. Попова. Старший научный сотрудник М.Н. Варфоломеев провёл работу по выявлению и подбору документов на копирование по теме революционного движения во флоте за 1907 – 1912 гг. для Издательства Военно-морского флота СССР ³⁷.

По итогам работы за 1945 год всем государственным архивам г. Ленинграда предписывалось «*быстрее ликвидировать последствия войны и приступить к нормальной научно-исследовательской работе*» ³⁸.

Преодолению последствий войны и восстановлению в ЦГАВМФ СССР будет уделено всё следующее десятилетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Соловьёв И.Н. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (1724 – 1974 гг.): доклад для Научного совета, посвящённого 250-летию архива. 1974 г. / Справочно-информационный фонд РГАВМФ. № 1425. Л. 21.

2 Цит по: Известия ЦК КПСС № 8, 1990. С. 208.

3 Вместе с центральными архивами Москвы и Ленинграда в Чкаловской области были размещены архивы и музейные коллекции Прибалтики, Украины, Карелии [Т.С. Панина Место эвакуации – Чкаловская область (о сборнике архивных документов) // kotarchive.orb.ru/files/content/publish/chkalo.docx – дата захода – 23 июля 2019 г.].

4 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-5325. Оп. 2. Д. 330. Л. 3 – 6.

5 Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. р-749. Оп. 5. Д. 185. Л. 3.; Закова Анна Марковна (Ханна Мееровна) (1903 – 1974) – заместитель начальника ЦГАВМФ СССР по научной части.

6 РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 5. Д. 185. Л. 3.

7 Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 131; Д. 105. Л. 1, 2.

8 Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 17об., 19об, 20об.; Оп. 3. Д. 39а. Л. 7об, 13, 15об, 22об.; Оп. 5. Д. 109. Л. 4; Оп. 5. Д. 191. Л. 1 – 5; Оп. 3. Д. 39а. Л. 7об, 13, 15об, 22об.

9 Там же. Оп. 3. Д. 39а. Л. 29 – 29об.

10 Там же. Д. 39. Л. 122.

11 Там же. Оп. 5. Д. 118. Л. 7; Оп. 2. Д. 236. Л. 15, 28, 32, 33.

12 Там же. Оп. 3. Д. 39а. Л. 20 – 21об.

13 Там же. Л. 31об.; Оп. 5. Д. 191. Л. 12; Д. 245. Л. 34; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. р-892. Оп. 6. Д. 39. Л. 15.

- 14 РГВМФ. Ф. р-749. Оп. 2. Д. 219. Л. 34, 35а; Оп. 3. Д. 39а. Л. 31; Оп. 5. Д. 218. Л. 5.
- 15 <https://rgavmf.ru/novosti-rgavmf/otkrytie-memorialnoy-doski> - дата обращения 20 мая 2020 г.
- 16 Например, Н.В. Жмакин упоминает, что 28 февраля 1942 г. у него «был сердечный припадок», хотя до этого сердце было совершенно здоровым [РГВМФ. Ф. р-749. Оп. 5. Д. 191. Л. 13.]; РГВМФ. Ф. р-749. Оп. 2. Д. 245. Л. 39; Оп. 5. Д. 191. Л. 12.
- 17 Там же. Оп. 5. Д. 191. Л. 2, 13.
- 18 Там же. Оп. 2. Д. 246. Л. 6 – 7, 8об.
- 19 Там же. Оп. 5. Д. 245. Л. 35 – 36.
- 20 Там же. Л. 35.
- 21 Стенограммы заседаний Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. Ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / ЦГА СПб – СПб.: Издательство «Арт-Экспресс», 2017. С. 96.; РГВМФ. Ф. р-749. Оп. 5. Д. 191. Л. 35 – 36; ЦГА СПб. Ф. р-892. Оп. 6. Д. 42. Л. 2 – 2об.
- 22 РГВМФ. Ф. р-749. Оп. 2. Д. 245. Л. 39.
- 23 Там же. Д. 252. Л. 38.
- 24 Там же. Оп. 3. Д. 39а. Л. 12об., 26об.
- 25 Там же. Д. 19об – 20.
- 26 Там же. Л. 32; Стенограммы заседаний Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. Ноябрь 1941 – декабрь 1942 гг.: сборник документов / ЦГА СПб – СПб.: Издательство «Арт-Экспресс», 2017. С. 325.
- 27 РГВМФ. Ф. р-749. Оп. 2. Д. 268. Л. 1.
- 28 Там же. Д. 250. Л. 5, 11.
- 29 Там же. Оп. 5. Д. 198. Л. 8; Д. 205. Л. 2.
- 30 Там же. Д. 218. Л. 5, 6, 9.
- 31 ГАРФ. Ф. р-5352. Оп. 2. Д. 854. Л. 106, 110.
- 32 РГВМФ. Ф. р-749. Оп. 2. Д. 294а. Л. 23; Оп. 5. Д. 304. Л. 1.
- 33 ГАРФ. Ф. р-5352. Оп. 2. Д. 1217. Л. 47.
- 34 Эвакогоспиталь № 919 (ЭГ – 919) находился в здании Мариинского дворца на площади Воровского (ныне – Исаакиевской), д. 6.
- 35 РГВМФ. Ф. р-749. Оп. 2. Д. 245. Л. 37 – 38; Д. 207. Л. 22.
- 36 ГАРФ. Ф. р-5325. Оп. 2. Д. 1225. Л. 123 – 124.
- 37 Там же. Д. 380. Л. 17 – 19об, 28. Молотов – название г. Пермь в 1940 – 1957 гг. (в честь В.М. Молотова (Скрябина) (1890 – 1986) – председателя правительства СССР в 1930 – 1941 гг.).
- 38 Там же. Д. 1217. Л. 69.

*Михаил Анатольевич Виноградов,
Россия, Москва,
школа № 1797 «Богородская», учитель,
кандидат исторических наук*

Деревня Заполье Можайского городского округа и ее жители в годы Великой Отечественной войны

Можайский район (городской округ), на территории которого возникла и развивалась деревня Заполье, издавна преграждал дорогу ряду захватчиков с запада (литовцам, полякам, французам и немцам). Крестьяне деревни призывались на военную службу в период многочисленных военных кампаний России (Отечественная война 1812 года, Русско-японская война, Первая мировая война и др.)

Самой страшной войной для д. Заполье, как и для всей страны, стала Великая Отечественная. Основным источником информации о жизни деревни в это время являются воспоминания. Детские впечатления Людмилы Викторовны Лариной (Маркеловой), родившейся в 1934 году, и рассказы ее матери Пелагеи Семеновны (1910-2000) позволяют реконструировать время фашистской оккупации и освобождения Красной Армией. Немецкие солдаты вошли в деревню в октябре 1941 года, «до снега» (по более точным сведениям – 13 октября). Группу детей, играющих у дома Добровых, предупредил об опасности престарелый Гавриил Иванович Белоусов (1874-1950). Жертвами обстрела стали партизаны, которые готовили барана, выданного колхозом, у бани Вакумовых (Куликовых). Застигнутые фашистами врасплох, они стали отступать к до-

мам, в сторону леса. Один из них погиб и был похоронен на месте (позднее останки были перенесены в д. Астафьево). Другой партизан, раненый татарин, заполз в дом Маркеловых. Пелагея Семеновна спрятала его на печке, а немцам говорила, что это ее тяжело больной брат. Фашисты его не трогали, боясь заразиться. Похожие истории были нередким явлением в оккупированных районах СССР, что нашло отражение в песне Л.Г. Зыкиной «Помнят люди». Нашедший убежище в доме Маркеловых партизан позже был призван на фронт, где и погиб. Фашистская техника прошла по соседней д. Замошье. В Заполье неприятель забрал весь скот. В январе 1942 года в результате контрнаступления под Москвой окрестности Можайска были освобождены от фашистов. В д. Заполье советский снаряд попал в родовой дом Шуваловых, где находился немецкий штаб. Тела погибших офицеров были быстро вывезены отступающими фашистами. Деревню фашисты не планировали сжигать, об это заранее сообщил один из немцев, пришедший на кухню в дом Маркеловых. Хотя жители к этому готовились. Сразу после освобождения, в доме Маркеловых был организован советский госпиталь для оказания помощи раненым (линия фронта проходила в непосредственной

Рис. 1 Деревня Заполье в 2011 году. Дома Куликовых и Маркеловых

близости). Этот дом, построенный в 1929 году, был наиболее вместительным. Семья Маркеловых жила на кухне, комнаты были заняты ранеными и медперсоналом. Здесь же проходили и операции. У печки, например, лежал человек без рук и ног. Он попросил покурить и, затянувшись несколько раз, скончался. У другого была разбита голова. Дети помогали ухаживать за ранеными. Умерших солдат со временем становилось все больше и больше. Их тела складывали во дворе, примыкавшем к дому. Гора мертвцов пугала детей, и П.С. Маркелова обратилась к командованию с просьбой их похоронить, что и было сделано на опушке леса за участком Добровых. Братская могила, устроенная в 1942 году, была перенесена во время создания мемориала в д. Астафьево. Жители деревни были эвакуированы в д. Васюково, ближе к Рузе. Они выезжали по очереди. П.С. Маркелова не хотела покидать свой дом, но ее уговорили, т.к.

снаряды долетали до деревни. Для временного переселения семье дали три подводы. Находясь в эвакуации, Люся Маркелова посещала школу. Вернувшись весной (во время разлива), жители не узнали свои дома. К примеру, в доме Маркеловых было огромное количество столов и стульев, собранных из всех домов. Здесь, видимо, была организована столовая. Свой сундук Пелагея Семеновна нашла в д. Замошье. В доме Парфеновых (Куликовых) был организован советский штаб, в котором по ночам раздавались звуки, похожие на выстрелы. Местные жители догадывались о происходящем в этом доме. Из деревни бесследно исчез Матвей Дмитриевич Куликов (р. в 1883 г.). Он был старостой деревни, и его заподозрили в содействии фашистам.

Сообщения Л.В. Маркеловой перекликаются с воспоминаниями старейшего уроженца деревни Леонида Ивановича Шувалова (родился в 1925 году). Во время описываемых событий ему

было 16 лет. Он видел, как немцы нанесли удар по нашим партизанам. Одного сильно ранили в плечо, он умер от потери крови и был похоронен на месте трагедии. Другой заполз в дом Маркеловых, где за ним ухаживала хозяйка. Фашисты отняли весь скот у жителей деревни. Для своего штаба фашисты сначала избрали дом Парфеновых, но вскоре перебрались в дом Шуваловых, построенный в 1925 году. Генерал, пять офицеров и денщик расположились в большом зале и двух маленьких комнатах-спальнях. Генерал с русскоговорящей женщиной устроились в спальне с окном. Семье Шуваловых для проживания была отделена кухня. Перед контрнаступлением Красной Армии денщик стал бросать вшей на кровать Марии Лавровны – жены хозяина дома. Она, возмущившись, схватила фашиста за горло. Начавшийся скандал остановил сам генерал. Когда попал снаряд, все немцы были уничтожены. Испугавшись взрыва, Мария Лавровна крестилась на кухне. Семья Шуваловых перешла жить к соседке Ефросинии Ефимовне Белоусовой (родилась в 1889 году). Зайдя в свой дом, Леонид с отцом увидели мертвое тело денщика, накрытое шубой (тела офицеров были вывезены раньше). По полу был разбросан архив, который вместе с телом денщика вскоре исчез – немцы вернулись вторично. М.Д. Куликов, избранный старостой при немцах, ничего плохого не совершил. Видимо, его обвинили в том, что был угнан скот у Семеновых, которые остались без кормильца. Но его в любом случае немцы бы отняли, Матвей Дмитриевич был лишь исполнителем воли фашистов. Трупы наших солдат, скончавшихся в деревенском госпитале, относились за «Аннушкин овин», т.е. за участок Добровых.

До сего дня в деревне находят патронные гильзы, что свидетельствует об интенсивных обстрелах деревни. Судя по клейму некоторых из них (Р186), они были произведены в 1938 году в немецком городе Вольфенбюттель. Заполье не было сожжено фашистами, но соседние смоленские деревни (начиная с д. Подосинки) были преданы огню отступающим в январе 1942 года врагом.

В годы войны возникла проблема с погребением скончавшихся мирных жителей. Условия войны не позволяли решить этот вопрос в соответствии с традициями. Согласно семейным преданиям, мать М.Д. Куликова Анна Мироновна

(рождения 1859 года) была временно погребена у собственного дома. Позднее она была захоронена на кладбище в с. Острицы, к приходу которой издавна относилась соседняя д. Замошье. Зажиточный крестьянин Петр Палладьев (Ладеич), скончавшийся в д. Замошье в годы войны, был похоронен на приусадебном участке. Эта могила сохранилась до наших дней.

Уроженцы и жители деревни отличились на фронтах Великой Отечественной. Хозяин дома Парфеновых – Иван Андреевич Куликов (1905 г.р.) – за должностные правонарушения оказался в штрафном батальоне и погиб в самом начале войны (информация передана его сыном А.И. Куликовым). Федор Иванович Куликов (1898 г.р.) пропал без вести. Его младший брат Василий Иванович (1908-1977) во время фашистской оккупации едва избежал расстрела: немцы приняли его за еврея, но жители деревни отстояли своего земляка. Он был призван в армию в 1943 году. Через год В.И. Куликов «смело и отважно помог расчету уничтожить прямой наводкой огневые точки и живую силу противника», за что был награжден медалью «За отвагу»¹. 10-17 февраля 1945 года в боях за город Цинтен в районе Кенигсберга несмотря на яростные атаки противника его «орудийный расчет уничтожил 2 пулемета, одну пушку и до 50 вражеских солдат и офицеров»². За этот подвиг В.И. Куликов был награжден орденом Славы III степени. Василий Иванович награжден медалями за победу над Германией и Японией. На фронте оказались его двоюродные братья Иван и Михаил. Красноармеец Иван Филиппович Куликов (1906 г.р.), участвуя в боях под Ленинградом, пропал без вести в октябре 1941 года.³ Старшина медслужбы Михаил Филиппович Солнцев (воспитывался в семье тетки Н.Ф. Солнцевой) погиб в возрасте 34 лет 6 мая 1945 года и был похоронен на воинском кладбище г. Эльблонг в Польше⁴. Призванный в армию в самом начале войны, он был удостоен двух орденов. В конце августа 1943 года в боях на территории Орловской области Михаил Филиппович «под сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника вынес с поля боя 26 тяжело раненых бойцов и офицеров с их оружием», за что был награжден орденом Красной Звезды⁵. В январе-феврале 1945 года, действуя в районе Варшавы, он оказал квалифицированную медицинскую помощь более

200 раненым красноармейцам, сержантам и офицерам, нередко вынося их с поля боя вместе с вооружением. За этот подвиг он был удостоен ордена Отечественной войны II степени⁶. Их двоюродный брат Матвей Матвеевич Куликов (1896-1957) в ноябре-декабре 1941 года создавал оборонительные укрепления на подступах к столице, за что был награжден медалью «За оборону Москвы». Его сын Леонид (1924-1943) погиб в июле 1943 года на Курской дуге в возрасте 18 лет⁷. Орденом Красной Звезды был награжден Иван Матвеевич Куликов (1915 г.р.) – сын Матвея Дмитриевича. Будучи заместителем командира по политической части 657 отдельного саперного батальона, он «воспитал прекрасные кадры саперов «...», которые под руководством т. Куликова делали проходы в минных полях противника для танков и пехоты, сопровождали танки в бою, производили минирование в ходе боев»⁸. Его сверстник Василий Сергеевич Куликов, призванный в армию 23 июня 1941 году, пропал без вести в сентябре того же года⁹. Имена Куликовых увековечены на воинском мемориале в селе Поречье Можайского городского округа и включены с фотографиями в проекты «Дорога памяти» и «Бессмертный полк России»¹⁰.

Вклад в Победу внесли и представители рода Белоусовых. Лейтенант административной службы Виктор Васильевич Белоусов, родившийся в деревне в 1905 году, воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. Руководя строительством мостов, он «личным примером и своей неутомимой энергией увлекал и мобилизовывал бойцов на досрочное и высококачественное выполнение заданий командования, чем способствовал своевременному продвижению войск и боевой техники»¹¹. За этот подвиг он был награжден орденом Красной Звезды. Михаил Ильич Белоусов (р. в 1905 г.) летом 1942 г. попал в фашистский плен, но был освобожден¹². Его младший брат Иван Ильич (1913 г.р.) погиб на фронте в марте 1942 года.¹³

В годы Великой Отечественной воевали дети Ивана Потаповича Шувалова (1881 г.р.), в доме которого во время оккупации был немецкий штаб. Сергей Иванович (1905 г.р.) пропал без вести в октябре 1941 года.¹⁴ С.И. Шувалов до войны был председателем местного колхоза им. Фрунзе. Его сын Владимир (1926 г.р.) также был участником Великой Отечественной¹⁵. В.С. Шу-

валов, призванный в армию в 1943 году, был награжден в 1945 году медалями «За отвагу» и «За взятие Кенигсберга». Политрук Алексей Иванович (1907 г.р.) был приговорен к высшей мере наказания в феврале 1942 года.¹⁶ Обстоятельства этого дела в опубликованном документе не раскрываются. Старшина 2-й статьи Василий Иванович (1909 г.р.), призванный в армию в 1941 году, был награжден «Медалью Нахимова» в 1945 году за «отличное обеспечение трюмной группы во время боев и быстрый прием раненых бойцов»¹⁷. Командир 247-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 79-го укрепленного района Николай Иванович Шувалов (1917 г.р.), служащий в армии с 1938 года, с сентября 1941 года находился на передовом рубеже, обороняя Пулковские высоты. На 1 июля 1943 года 55 снайперов-истребителей его батальона уничтожили 1267 фашистов. «Бесстрашный, решительный и энергичный командир» Н.И. Шувалов был удостоен в 1943 года ордена Отечественной войны II степени¹⁸. 15 февраля 1944 года в поселке Конаково «майор Шувалов лично руководил боем, организовал отражение огнем и контратаками группы автоматчиков и перебрасывал в наиболее угрожаемые участки огневые средства с других участков». Противник был отброшен с большими потерями (до 400 человек убитыми и ранеными) и перешел к обороне. За этот подвиг майор Н.И. Шувалов был удостоен ордена Красной Звезды¹⁹. 25 марта того же года Николай Иванович был награжден орденом Александра Невского²⁰. Он вновь лично руководил боем, был контужен, но не покинул поле боя. Этот подвиг подробно освещен в наградном листе: «несмотря на сильный огонь артиллерии, минометов противника и бомбежку авиации, майор Шувалов сумел организовать хорошую систему огня, зарыть в землю личный состав и обеспечить огнеприпасами». В течении пяти суток батальон отбил 20 контратак противника, удержал высоты и нанес врагу большие потери. Леонид Иванович (1925 г.р.), находившийся при родителях в период оккупации в деревне, был призван в армию в конце 1943 года и служил на территории Украины и Польши. В настоящее время Л.И. Шувалов единственный житель, проживавший в деревне в период оккупации и прошедший боевой путь в годы Великой Отечественной.

В декабре 1941 года пропал без вести Яков Сергеевич Семенов, родившийся в Заполье в 1914 году²¹ В том же списке пропавших без вести значатся и представители новых для деревни семей: Тагаков Алексей Николаевич (1899 г.р.), Петр Федорович Ремнев (1914 г.р.), Виктор Семенович Лавров (1926 г.р.)²² Эти семьи поселились в д. Заполье ненадолго. П.Ф. Ремнев был сыном А.Ф. Колабской, занявшей на время пустующий дом Ф.Ф. Куликова. Бежавшие из Белоруссии Тагаковы в 1944 году приобрели дом С.А. Соцкова в д. Замошье.

Уроженцы деревни совершили трудовой подвиг в годы Великой Отечественной войны. Работая в родном колхозе и на военных заводах, они также внесли вклад в победу над фашизмом. Зинаида Матвеевна Куликова (1926-2009), дочь Матвея Матвеевича и сестра Леонида Матвее-

вича, с 15 лет работала на заводе им. Ильича в Москве, занимаясь производством снарядов. Она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Небольшая деревня Заполье, находящаяся на границе Московской и Смоленской областей, причастна к славной военной истории России. В 1941 году, как и в Отечественной войне с французами, она была разорена захватчиками и чудом избежала сожжения. Жители Заполья отличились в обороне Москвы и Ленинграда, Курской битве, освобождении Польши, взятии Кенигсберга и других знаменитых операциях. Гордость деревни – герой обороны Пулковских высот Н.И. Шувалов. Особую роль в борьбе с захватчиками сыграли представители рода Куликовых, населяющие деревню более двух столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 <http://podvignaroda.ru/?#id=32254751&tab=navDetailManAward>

2 <http://podvignaroda.ru/?#id=24785364&tab=navDetailManAward>

3 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50644852>

4 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=86054990>

5 <http://podvignaroda.ru/?#id=17634790&tab=navDetailManAward>

6 <http://podvignaroda.ru/?#id=26200757&tab=navDetailManAward>

7 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75896139>

8 <http://podvignaroda.ru/?#id=10913127&tab=navDetailManAward>

9 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70362600>

10 Дорога памяти : [сайт]. URL.: www.foto.pamyat-naroda.ru. Бессмертный полк России : [сайт]. URL.: www.foto.2020.polkrf.ru.

11 <http://podvignaroda.ru/?#id=26021680&tab=navDetailManAward>

12 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=79074973>

13 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=87657496>

14 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57225015>

15 <http://podvignaroda.ru/?#id=1104487973&tab=navDetailManCard>

16 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51033538>

17 <http://podvignaroda.ru/?#id=50955229&tab=navDetailManAward>

18 <http://podvignaroda.ru/?#id=17274500&tab=navDetailManAward>

19 <http://podvignaroda.ru/?#id=31497662&tab=navDetailManAward>

20 <http://podvignaroda.ru/?#id=30799078&tab=navDetailManAward>

21 <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57225017>

22 Там же.

*Сергей Евгеньевич Виноградов,
Россия, Москва, Центральный музей Вооруженных Сил
Российской Федерации,
старший научный сотрудник, кандидат исторических наук*

Ленинградский завод «Большевик» в изготовлении и ремонте морского артиллерийского вооружения накануне и во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Обуховский завод – предприятие-гигант, один из крупнейших и известнейших производственных оборонных центров России, за его более чем 150-летнюю историю вписал немало ярких страниц в историю отечественного оборонного комплекса. В 1922-1992 гг. завод носил созвучное эпохе название «Большевик» и под этим именем вошёл в историю национальной индустрии вооружений советского периода. Особенно тяжёлый и героический период деятельности предприятия пришёлся на время Великой Отечественной войны, когда в годы блокады Ленинграда завод стал, по сути, прифронтовым производством, но практически ни на один день не прекратил работу для фронта, для Победы.

Завод создавался в середине XIX в. как перерабатывающее металлургическое и машиностроительное предприятие на основе инновационных отечественных технологий производства стали. «Товарищество Обуховского сталелитейного завода» было основано 16 мая 1863 г. российскими предпринимателями П.М. Обуховым, Н.И.

Путиловым и С.Г. Кудрявцевым. Талантливый учёный-металлург, горный инженер П.М. Обухов открыл новый метод тигельного производства литой стали. Артиллерийские орудия, изготовленные из этой стали, по качеству значительно превосходили зарубежные аналоги, в том числе, и знаменитые «крупновские пушки».¹

К началу XX в., благодаря отличному качеству обуховской стали, на заводе наряду с изготовлением артиллерийских орудий, было налажено производство массовое производство артиллерийских орудий для армии и флота, снарядов, орудийных станков, броневых плит для кораблей, ружейных стволов, разнообразного инструмента. В 1872 г. завод первым в России освоил производство стали по методу Г. Бессемера, а затем по методу Сименса-Мартена. В 1910 г. впервые в стране освоена выплавка электроугли, ацетиленовая сварка и резка металла, а через год – пневматическая клепка.² За полвека существования Обуховский завод вооружил артиллерией весь флот России и почти половину её сухопутной армии, выпустив со дня основания

по 1 июля 1912 г. 13 203 орудия разных калибров (от 37 до 406 мм). За это время им было произведено на 180 млн. руб. различной, преимущественно военной продукции.³

Венцом предреволюционной деятельности завода стало массовое производство наиболее крупнокалиберных и мощных в то время морских орудий калибра 305 мм (вес 51 т), которые шли на вооружение линкоров и морских крепостей. Для массового развёртывания их производства с целью обеспечения армии и флота вооружением новейшего типа завод на рубеже 1910-х гг. был капитально реконструирован, для чего ему были отпущены многомиллионные правительственные ассигнования.⁴

Всего таких орудий завод изготовил 198 шт., по мере освоения производства изделия понижая цену (с 152 до 107, а затем до 102 тыс. руб.).⁵ Многие десятки этих замечательных пушек ко времени Великой Отечественной войны состояли на вооружении РККФ и в 1941 – 1944 гг. громили врага под Севастополем и Ленинградом.

В годы Первой мировой войны завод, не ослабляя деятельности по выполнению заказов флота преимущественно на морские орудия и снаряды, подключился к снабжению вооружением сухопутной армии. Его новой специализацией стали полевые орудия и гаубицы, броневые автомобили, бронешитки для пехоты и миллионы снарядов и шрапнелей. Численность работающих выросла кратно. Так, если в 1911 г. на заводе работало 3700 чел., а в предвоенном 1914 г. 5500 чел, то уже к концу 1915 г. их численность возросла до 15 800 чел.⁶

С середины 1917 г., в связи с катастрофическим положением с подвозом топлива, сталелитейное производство на заводе встало.⁷ 22 декабря 1917 г. остановился весь завод, начался расчёт работающих. В годы Гражданской войны завод был частично пущен в ход, производился ремонт артиллерии, начался выпуск тракторов. Численность работающих достигла 2000 чел.

В 1922 г. завод был переименован в «Большевик». Его металлургические и машиностроительные мощности оказались востребованы и в наступившую новую историческую эпоху. Оборонная специализация предприятия была сохранена. В июле 1929 г. Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) приняло специальное постановление о создании металлургической базы на

заводе «Большевик».⁸ Однако последствия послереволюционной разрухи ещё долго давали о себе знать. 31 июля 1929 г. Бюро обкома заслушало руководство завода о причинах неудовлетворительной работы по расширению военного производства. В принятом решении указывалось: «Учитывая огромное значение металлургии завода, как основной базы для дальнейшего развёртывания военного производства, считать коренной задачей – добиться получения у себя высококачественных сталей».⁹

Ведущая металлургическая специализация предприятия наряду с сохранением основных дореволюционных кадров машиностроителей позволила ему вновь стать крупнейшим советским центром оборонной индустрии. С 1926 г. завод начинает специализироваться на производстве танков. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. здесь были спроектированы и построены опытные образцы танков Т-18, Т-19, Т-20, Т-24 и ТГ-5.¹⁰ Начали освоение производства танка Т-26 (изначально английский проект, кардинально модифицированный в СССР), спроектированы и построены 3-башенный средний танк Т-28 и 5-башенный гигант Т-35.

С середины 1930-х гг. выпуск танков на «Большевике» был свёрнут. Именно артиллерийское производство предприятия осталось основной его специализацией, причём к морским калибрам добавились сухопутные. В 1929 г. в Артиллерийском КБ (АКБ) завода была спроектирована и в 1931 г. принята на вооружение под индексом Б-4 203-мм гаубица особой мощности («Сталинская кувалда»). Её серийное производство начато на заводе в 1932 г. На основе этой удачной установки были созданы 152-мм «орудие большой досягаемости» Бр-2 и 280-мм мортира Бр-5. В ходе советско-финляндской войны 1939-1940 г. для сокрушения финских железобетонных укреплений на Карельском перешейке было применено 142 гаубицы Б-4 из состава АРГК. Сотни этих орудий в 1941 – 1943 гг. приняли участие в защите СССР, весной 1945 г. громили форты Кёнигсберга и доты Берлина.¹¹

В предвоенные годы «Большевик» оставался лидером производства морских артсистем. На заводе активно обновляли крупнокалиберные 305-мм орудия линкоров, развернули производство 180-мм орудий для крейсеров советского поколения.¹² Производились опытные работы

по адаптации стволов особо тяжёлых морских орудий (расточка калибра до 368 мм, вес 84 т) на железнодорожном ходу (вес всей системы 450 т) для сверхдальней стрельбы.¹³

Отдельной крупной специализацией завода стало производство крупнокалиберных артиллерийских снарядов (180-406 мм), существовавшее до революции, но утраченное в советское время. Решение о его воссоздании было принято в 1933 г.¹⁴ Для этого на «Большевики» было сформировано «Специальное снарядное бюро» (ССБ). Его усиленными трудами к 1935 г. удалось получить удовлетворительные образцы новых, никогда ранее не изготавливавшихся снарядов (180- и 356-мм бронебойные), устранить ряд дефектов производственного характера и ввести усовершенствования в технологический процесс производства снарядов.¹⁵

В 1934-1940 гг. на заводе были спроектированы и развёрнут серийный выпуск морских артсистем Б-1 (180 мм), Б-13 (130 мм), Б-24 (100 мм), Б-28 (100 мм). В 1937 г. спроектировано 406-мм орудие Б-37 для перспективных линкоров типа «Советский Союз», переданное для изготовления на сталинградский завод «Баррикады». Вес ствола с затвором этого гигантского орудия составлял 128 т.

С 1938 г. завод «Большевик» состоял в Наркомате вооружений. С середины 1930-х гг. проводилось упорядочение его производственных мощностей в направлении дальнейшей специализации. В 1933 г. бывший крупный цех по сборке огромных орудийных башен для линкоров был расчищен и перепрофилирован в станочный. На конец 1934 г. завод располагал четырьмя мартеновскими печами суммарной мощностью 87 тыс. т стали, четырьмя прессами усилием в 7500, 3000, 1500 и 800 т.¹⁶ Планами реконструкции завода предусматривалось создание специальной мастерской для ремонта производственных станков и оборудования, увеличение числа и мощности мартеновских печей, с разделением сталелитейного цеха на фасонное литье и болваночное.¹⁷ Одной из новых его специализаций стало изготовление огромных поковок роторов турбин для боевых кораблей и электростанций.¹⁸

Начало войны в июне 1941 г. жёстко переориентировало работу завода на наиболее насущные нужды обороны, отложив все не первоочередные работы, в т.ч. опытно-конструкторские

разработки новых образцов артиллерийского вооружения и техники. Все работы по реконструкции завода прекратились. Было законсервировано строительство новой ТЭЦ, основной деятельностью становилось производство боеприпасов, ремонт артсистем, бронепоездов и паровозов. Наряду с выполнением производственных заданий началась подготовка к эвакуации наиболее ценного оборудования. Так, из прокатного цеха вывезли мелкосортный «Стан 350», из литейного – 8-тонную электропечь, из кузнечного – пресса усилием 800 и 1500 т. В термическом цехе демонтировали снарядно-закалочный участок, но эвакуировать его полностью не удалось. Оставшееся на заводе уникальное гидравлическое оборудование для закалки снарядов погибло от попаданий снарядов и бомб.¹⁹

С начала сентября 1941 г. Ленинград оказался в блокаде, фронт приблизился к заводу на расстояние нескольких километров. Начались регулярные авианалёты, артиллерийские обстрелы. В условиях отсутствия подвоза катастрофически быстро истощались запасы топлива, цеха вставали один за другим. В конце ноября 1941 г. из-за отсутствия мазута стали мартеновские печи, прекратился выпуск стали. Из добровольцев был сформирован 14-й Отдельный рабочий батальон завода «Большевик» (400 чел.), ушедший на фронт.²⁰

В декабре завод сжёг остатки топлива и в начале января 1942 г. встал. Запись в дневнике рабочего С.М. Боронина от 24 января 1942 г.: «...Цеха представляют жалкую картину. Где обычно кипит жизнь, где снуют люди, там сегодня абсолютная тишина и мёртвый покой. Всё покрыто инеем. Агрегаты стоят. Мёртвый завод и несколько можно его теперь воскресить».²¹ Даже в эти апокалипсические дни в лаборатории завода продолжались работы по получению сплава с высоким удельным весом для противотанковых снарядов и пуль.

С середины осени самым страшным врагом стали голод и холод. Большинство рабочих из тех, кто не был призван в РККА, перешли на казарменное положение. За зиму сожгли всё, что можно было сжечь. Грелись и разогревали блокадную похлёбку из чёрных сухарей прямо на полу цехов, используя в качестве топлива промасленные деревянные шашки пола («торцы»). Переживший на заводе зиму 1941/1942 гг. ра-

бочий Д.Г. Скипакий писал: «Смерти не боялись. Все к ней были готовы. Смерть приходила тихо и мгновенно. Желали только тепла и хлеба».²² Только в паросиловом цеху зимой от голода умерло 227 человек из 400 по штату.

Из списочного на 1 июля 1941 г. состава рабочих к 6 февраля 1942 г. в цехах осталось 20 – 30%, в восьми основных цехах умер 431 человек. Несмотря на тяжелейшие условия, в термическом цехе была создана конвейерная цепочка по термообработке снарядов и мин, обеспечивающая ежесуточную обработку около 1000 шт.²³

Приход тепла в апреле 1942 г. застал завод на ремонте. Начали оживать цеха. Первым начал круглосуточно работать чугунолитейный цех, где отливались корпуса миномётных мин. В связи с остановкой гигантов ленинградской металлургии – Ижорского и Кировского заводов – «Большевик» оказался единственной в городе базой обеспечения промышленности металлургическими полуфабрикатами. С мая 1942 г. начал работать сталефасонный цех, где теперь значительный процент бригад состоял из женщин. Была запущена трехтонная электропечь для отливки деталей 160-мм миномётов. Организовали ковку и штамповку снарядов калибра 85 и 130 мм. Летом завод наладил отливку траков для тяжёлых танков КВ, что позволило организовать их доделку и ремонт на Кировском заводе.²⁴

Своеобразие работы ленинградской оборонки в 1942 г. состояло в том, что большинство предприятий не имело постоянного плана, а выполняло отдельные заказы Военного Совета Ленинградского фронта в координации с горкомом ВКП(б). Для этого из последних резервов выделялись материалы, металл, топливо и т.п.²⁵

Демонтаж и эвакуация оборудования на заводе «Большевик» продолжилось и в 1942 – 1943 гг. В начале августа 1942 г. на завод прибыли уполномоченные ГКО для отбора, демонтажа и отправки через Ладожское озеро на Урал и в Сибирь нескольких тысяч единиц металлообрабатывающего, кузнечно-прессового и др. оборудования. Оно направлялось для расширения действующих на Востоке и создания новых заводов по выпуску вооружения.²⁶ На оставшихся мощностях продолжалась штамповка на прессах снарядов. В 1942 г. кузнечный цех выпустил 950 т поковок, прокатный 2746 т проката. В 1942 – 1943 г. заводом было освоено производство

реактивных снарядов М-28 (280 мм), их выпуск достиг 5000 шт.²⁷

Темп работ на заводе нарастал. 21 августа 1943 г. на «Большевике» вступила в строй мартеновская печь (единственная в городе), в сентябре запустили вторую, в декабре – третью. Эти печи начали давать сталь для снарядов. К концу года завод возобновил изготовление морских артсистем Б-13 и Б-24, лейнеров для орудий калибра 130, 152 и 180 мм, осваивал производство новой 152-мм артсистемы Б-59А. Было развернуто производство морских 130-мм фугасных снарядов.

Весной 1943 г. заводское АКБ спроектировало новую 100-мм противотанковую пушку БС-3, рабочие чертежи передали на Пермский завод. Производство развернули также на ленинградских заводах «Большевик» и «Арсенал». За 1943 г. металлургические цеха завода произвели мартеновской стали – 5880 т, электростали – 1860 т, сталеπροката – 8900 т, поковок и штамповок – 3100 т, стального фасонного литья – 825 т.²⁸ В течение 1944 г. завод в целом преодолел последствия катастрофической зимы 1941/1942 гг. и вернулся в строй ритмично действующих оборонных предприятий Ленинграда.

Подводя основные итоги деятельности завода «Большевик» накануне и во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., следует в первую очередь отметить, что металлургическое и машиностроительное предприятие-гигант, создававшееся в дореволюционную эпоху как принципиальный поставщик вооружений для флота, осталось таковым же и при Советской власти. Его огромный индустриальный и интеллектуальный потенциал, несмотря на ощутимые потери периода революционных потрясений и разрухи начала 1920-х гг., был сохранён и значительно развит в период пятилеток 1930-х. Это позволило предприятию успешно разрабатывать, апробировать и массово производить все основные виды военно-морских вооружений и своевременно обеспечить советский ВМФ современными боевыми средствами накануне суровых испытаний 1940-х гг. В годы блокады, годы суровых испытаний, лишений и потерь, оказавшись в нечеловеческих условиях, инженеры и рабочие «Большевика» на пределе человеческих возможностей продолжали ремонтировать артиллерийское вооружение для армии и флота, бронепоезда и военную

технику. Они дали фронту тысячи орудий, сотни тысяч необходимых, как воздух, артиллерийских и ракетных снарядов, миномётных мин.

И сегодня в очередной раз капитально модернизированный завод-труженик, завод-воин, завод-победитель продолжает вахту в боевом

строю. Он является одним из важнейших системообразующих компонентов производственного объединения «Алмаз – Антей», чья высокотехнологичная оборонная продукция мирового уровня в лишнем подтверждении её репутации не нуждается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 125 лет Обуховскому заводу // Судостроение. 1998, № 4. С. 57.
- 2 Подробнее см.: Виноградов С.Е. «Электросталь уже вполне завоевала все права на существование»: модернизация сталелитейного производства на Обуховском заводе Морского ведомства в 1910 г. // Военно-Исторический Журнал. 2019, № 11. С. 39 – 43.
- 3 Каптерев Н.А. Обуховский сталелитейный завод. – СПб: Т-во Голике и Вильборг, 1913. 76.
- 4 Подробнее см.: Виноградов С.Е. Модернизация Обуховского сталелитейного завода в целях обеспечения производства крупнокалиберной морской артиллерии в 1908 – 1911 гг. // Клио. Журнал для учёных. 2019, № 10 (152). С. 138 – 144.
- 5 Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 401. Оп. 1. Д. 184. Л. 420.
- 6 Фальков А.М. Государственно-монополистический капитализм в военной судостроительной промышленности. Дисс. ... к.и.н. – Л, 1960. С. 7.
- 7 Российский Государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2097. Оп. 3. Д. 356. Л. 14 – 18.
- 8 Центральный Государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 1. Д. 154. Л. 119.
- 9 Щерба А.Н. Военно-промышленный комплекс г. Ленинграда в 1930-е годы. Дисс. ... к.и.н. – СПб, 1996. С. 65.
- 10 Российский Государственный Военный архив (РГВА). Ф. 31811. Оп. 1. Д. 245. Л. 241– 245.
- 11 Энциклопедия отечественной артиллерии. – Минск: Харвест, 2000. С. 743 – 746.
- 12 РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 41. Д. 124. Л. 171.
- 13 РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 41. Д. 197. Л. 250.
- 14 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8418. Оп. 9. Д. 56. Л. 17 – 22.
- 15 РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 41. Д. 38. Л. 70 – 55.
- 16 РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 41. Д. 63. Л. 111 – 156.
- 17 РГАВМФ. Ф. р-360. Оп. 2. Д. 303. Л. 139 – 149.
- 18 Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933 – 1937). Сборник документов. – М, 2011. С. 75 – 78.
- 19 Ахметшин А.Д., Виноградова Н.А., Завидов В.И. и др. Обуховский завод. 150 лет во славу Отечества. 1863 – 2013 гг. – СПб: ООО «Береста», 2013. С. 217.
- 20 Розанов М.Д. Обуховцы. – Л: Лениздат, 1965. С. 463.
- 21 Цит по: Ахметшин А.Д., Виноградова Н.А., Завидов В.И. и др. Обуховский завод. С. 232, 233.
- 22 Там же. С. 216.
- 23 Там же. С. 231.
- 24 Там же. С. 239.
- 25 Лосик А.В., Щерба А.Н. Военная промышленность Санкт-Петербурга – Петрограда - Ленинграда – Санкт-Петербурга как важнейшая региональная часть отечественного оборонного комплекса в условиях Российской империи, Советской и современной России: XX в. – начало XXI в. Историографический очерк // Клио. Журнал для учёных. 2011, №6 (57). С. 81.
- 26 Ахметшин А.Д., Виноградова Н.А., Завидов В.И. и др. Обуховский завод ... С. 241.
- 27 Лосик А.В., Щерба А.Н. Военная промышленность Санкт-Петербурга – Петрограда - Ленинграда ... С. 80.
- 28 Ахметшин А.Д., Виноградова Н.А., Завидов В.И. и др. Обуховский завод ... С. 246, 247.

Парвин Фахраддинович Гёзалов,
Азербайджан, Баку,
Общественная организация «По защите исторических памятников,
архитектурного и культурного наследия», член Правления,
первый заместитель Председателя, доктор философии по истории

Героизм бойцов национальных дивизий Азербайджанской ССР в освобождении европейских городов

Считаю, что 2020-й год является важной исторической вехой для каждого гражданина бывшего СССР и потомков бойцов, сражавшихся в годы Великой Отечественной Войны. В этом году исполняется 75 лет со дня Великой Победы, и это не просто цифра, это священная память о тех, кто отдал свои жизни и здоровье ради нас всех и мира во всем мире.

22 июня 1941 года Германия без объявления войны вторглась в пределы Советского Союза. В тот же день в Баку состоялся многотысячный митинг трудящихся. После окончания митингов и собраний, прошедших в городах и сёлах Азербайджана, колонны рабочих, колхозников и интеллигенции направлялись в военные комиссариаты, настаивая на отправке в действующую армию. В РККА было призвано около 600 тысяч жителей Азербайджанской ССР, из которых более 350 тысяч погибли. Свыше 40 тысяч человек, в том числе девушки, в начале войны подали заявление в Военный комиссариат Азербайджанской ССР с просьбой отправить их добровольцами на фронт. В течение первых десяти дней войны в одном Дзержинском районе Баку 1200 женщин-работниц, домохозяек и учащихся подали заявление с просьбой зачислить их в санитарные дружины и отправить на фронт (23). (Рис.2, 26).

Массы добровольцев записывались в народное ополчение. К 4 июля в городе Баку в народное ополчение записалось 75 тысяч человек, в Кировабаде — 10 тыс., в Нахичеванской АССР — 7 тыс. В течение 1941 года в целом по Азербайджанской ССР в народное ополчение вступили 186,7 тысяч человек (22).

Свыше ста тысяч выходцев из Азербайджана за отвагу и мужество, проявленные в борьбе против фашистских захватчиков, были награждены орденами и медалями СССР, более ста были удостоены звания Героя Советского Союза, причем сорок три воина Героя по национальности были азербайджанцами. Одними из первых получили Золотую Звезду Героя Ази Асланов, Ибрагим Мамедов, Гафур Мамедов. (Рис.9,10,11).

В годы войны Азербайджан был главным поставщиком на фронт нефти и нефтепродуктов, имел огромное стратегическое значение.

1 февраля 1942 года по указанию ГКО во всех регионах тыла Центральное справочное бюро при Совете по эвакуации провело перепись прибывшего из угрожаемой зоны СССР населения. Согласно данным переписи, в Закатальский, Ждановский, Имишлинский и Пушкинский районы Азербайджанской ССР было эвакуировано 2745 человек, среди которых 114 русских, 65 украинцев, 2545 евреев, 13 поляков, а также армяне, татары, молдаване и грузины. К 1 февраля

Рис.1. Взятие Берлина, 1945 год.

1942 года в Городской и Дзержинский районы Баку было эвакуировано, согласно переписи, 387 русских, 386 евреев, 168 украинцев, 73 армян, 5 грузин, 7 азербайджанцев, 11 поляков, 8 татар, а также представители других народов (25).

В Азербайджанской ССР было сформировано 87 батальонов и 1123 отряда самообороны, а также пять национальных стрелковых дивизий. 416-я Таганрогская дивизия, 77-я Симферопольская дивизия, 223-я Белградская дивизия, 402-я дивизия, 396-я дивизия - это части и соединения, личный состав которых в значительной степени был укомплектован уроженцами Азербайджана. Они с боями прошли от предгорий Кавказа до Прибалтики, Восточной Европы и Берлина. Так, в составе 416-й дивизии насчитывалось 11050 азербайджанцев, 291 русский, 225 армян, 110 грузин, 99 украинцев и представителей других национальностей. В личном составе 223-й Белградской дивизии удельный вес азербайджанцев составлял 86,1 процента (24).

223-я стрелковая дивизия была сформирована в составе Закавказского военного округа приказом Наркома обороны СССР № 0104 от 14 октября 1941 года на основании постановления ГКО СССР № 795сс от 14 октября 1941 из сокращае-

мого контингента тыловых учреждений фронта (на базе 168-го запасного стрелкового полка). Первоначально дислоцировалась в Сумгаите. Формирование частей соединения проходило на территории Азербайджанской ССР в районе Губа – Сарван – Чархы – Кусары – Девечи. Директивой Ставки ВГК № 170005 от 2 января 1942 года переброшена в район Махачкалы. (16)

Директивой НКО СССР № Орг/2/534 от 3 февраля 1942г. 223-я дивизия была преобразована в азербайджанскую национальную дивизию. В действующую армию она поступила 15 мая 1942 года (с преобразованием Закавказского Военного округа во фронт). Директивой Ставки ВГК № 170441 от 07 июня 1942 года дивизия была включена в состав 44-й армии, развертываемой в районе Махачкалы для прикрытия Бакинского направления (17).

Директивой Ставки ВГК № 170536 от 30 июля 1942г. дивизии приказано занять Дербентские и Самурские позиции, а директивой № 170628 от 29.09.1942 — участок по южному берегу Терека. В конце ноября 1942 года 223-я дивизия сменяет части первого эшелона и до 1 декабря 1942 года обороняет рубежи от Каспийского моря до Гудермеса. В рамках наступательной

Рис. 2 (б) Слева-направо: Мирджавадова Бекюк-Ханым, Байрамова Сакина, Дадашева Таура, Баблева Рахима, Расулова Ася.

фазы Битвы за Кавказ дивизия участвовала в Моздок-Ставропольской (до 24 января 1943) и Тихорецко-Ейской (с 24 января до 4 февраля 1943) наступательных операциях. Затем соединение с 9 февраля до 16 марта 1943 года участвует в Краснодарской наступательной операции. 1 июня 1943 года дивизия вместе с другими соединениями 46-й армии передана в состав Юго-Западного фронта. 23 июля 1943 года дивизия вновь выведена в резерв Ставки ВГК, но уже 7 августа 1943 года возвращается в действующую армию. Соединение участвует в Донбасской наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943), а затем – в битве за Днепр, с 23 октября до 23 декабря 1943 (18).

После завершения битвы за Днепр соединение участвует в Днепровско-Карпатской операции по освобождению Правобережной Украины (рис.12). Первоначально (до конца февраля 1944 года) дивизия в составе 57-й армии 2-го (с 22 февраля 1944) 3-го Украинского фронта) удерживает плацдарм на правом берегу реки Ингулец, а затем участвует в Березнеговато-Снигирёвской (5-18 марта 1944) и Одесской (26 марта – 14 апреля 1944 года) наступательных операциях.

По завершении освобождения Правобережной Украины дивизия до августа 1944 года находится в позиционной обороне, а затем принимает участие в освобождении Молдавии – Кишинёвско-Измаильской операции (20-29 августа 1944), Румынии и Болгарии. (Рис.5, 8).

В сентябре 1944 года соединение было перегруппировано на болгаро-югославскую границу и приняло участие в освобождении Югославии. В ходе Белградской наступательной операции 28 сентября – 20 октября 1944 года части 223-й стрелковой дивизии вместе с другими соединениями 57-й армии, 46-й армии, Дунайской военной флотилии и силами Народно-освободитель-

ной армии Югославии 20 октября 1944 года вступили в Белград. За отличие при освобождении города дивизии присвоено почётное наименование «Белградская» (18).

По окончании Белградской операции дивизия участвует в освобождении Венгрии. В рамках Будапештской наступательной операции соединение было задействовано в Секешфехервар-Эстергомской операции (20 декабря 1944 – 13 февраля 1945), в ходе которой был создан внешний фронт окружения Будапешта. После взятия венгерской столицы дивизия в составе 46-й армии 2-го Украинского фронта приняла участие в наступлении на Вену (13 марта – 15 апреля 1945 года). В рамках Венской наступательной операции 223-я стрелковая дивизия участвует в Дьерской операции (13 марта – 4 апреля) 1945 года и непосредственно в штурме австрийской столицы с 4 по 15 апреля 1945-го года. За отличие при освобождении Вены дивизия награждена орденом Красного Знамени. В конце войны дивизия приняла участие в Братиславско-Брновской операции (25 марта – 5 мая 1945 года), освободив ряд районов Чехословакии.

Приказом командующего войсками Закавказского военного округа от 22 февраля 1942 года начинается формирование 416-й стрелковой дивизии со штабом в городе Уджары в Азербайджанской ССР. В составе дивизии 1054-й и 1374-й стрелковой полки были сформированы в Агдаме, 1373-й полк в Геокчае, 1368-й полк – в Сумгаите (7).

В день 22-й годовщины установления Советской власти в Азербайджане, 28 апреля 1942 года, в жизни личного состава дивизии произошло радостное событие – солдаты принимали военную присягу. По-особому торжественно звучали слова красноармейской клятвы. Считаю,

что именно в этот знаменательный было день 416-й дивизии вручено Боевое знамя! Приказом Ставки Верховного Главнокомандующего, 7 июня 1942 года 416-я дивизия была передана в состав 44-й армии и переброшена на Северный Кавказ в район Леваша, Гуниб, Ботлих (14).

Прибыв на Северный Кавказ, дивизия занимает оборону на правом берегу реки Сулак у Чир-Юрта и Акай-Тала Дагестанской АССР. 26 ноября 416-я дивизия сменяет на рубеже Ново-Леднев-Капустино 69-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию и тут же вступает в соприкосновение с противником.

В ноябре 1942 года 416-я азербайджанская стрелковая дивизия особо отличилась на Ачикулакско-Моздокском направлении. Приказом от 20 ноября 1942 г. командиру дивизии полковнику Т.А. Алыярбекову было присвоено звание генерал-майор. (Рис.4). 26 ноября, сменив части 63-й Кавказской кавалерийской дивизии, 416-я стрелковая дивизия, входившая в состав 44-й армии, впервые вступила в бой с гитлеровскими захватчиками на рубеже сел Новоледнев и Капустино. До 30 ноября дивизия вела оборонительные бои с превосходящими силами противника. Командование Северной группы войск Закавказского фронта включило 416-ю стрелковую дивизию в ударную группировку (1). 416-я азербайджанская стрелковая дивизия, перейдя 2 декабря в наступление из района северо-восточнее станицы Ищерская, в тот же день овладела с. Новоледнев силами 1373-го стрелкового полка под командованием С. Масина.

1363-й и 1374-й стрелковые полки 416-й стрелковой дивизии (соответственно под командова-

нием – майоров А. Джабарова и В.А. Мацкевича) совместными усилиями выбили фашистов из с. Капустино.(14) 2 и 3 декабря полки 416-й стрелковой дивизии, преодолевая яростное сопротивление противника, продолжали наступление. В боях в районе Моздока отличились многие воины 416-й азербайджанской стрелковой дивизии. Примером для всех бойцов 1374-го стрелкового полка, особо отличившегося в боях за с. Капустине, служили бакинцы – парторг полка Дадашев, комсорг полка Алекперов, заместитель командира батальона капитан Сулейманов (15).

Отмечая героизм воинов 416-й азербайджанской стрелковой дивизии, Ф.Е. Боков подчеркивает: «За лаконичными словами «дивизия с честью решила свою задачу» стоит массовый героизм красноармейцев, командиров и политработников». Успешные боевые действия, мужество и героизм воинов 416-й азербайджанской стрелковой дивизии в первых наступательных боях были отмечены командующим Закавказским фронтом генералом армии И. В. Тюленевым. За храбрость и высокие боевые качества, проявленные в боях у станицы Ищерская, 144 солдата и офицера дивизии были награждены боевыми орденами и медалями (18).

18 августа 1943 года 416-я дивизия в составе 44-й армии Южного фронта переходит в наступление на укрепления противника в районе сёл Русское и Берестово. 27 августа 416-я дивизия прорвала оборону врага, продвинувшись вглубь территории противника до 20 км и создала условия для продвижения главных сил. В течение суток, освободив населённые пункты Богачёвка, Мокрый Чалтырь, Васильевка, Петропавловка, Степной, Черниговский, дивизия вышла к Миусскому заливу, тем самым завершив окружение Таганрогской группировки противника. В 5 часов утра 30 августа 416-я дивизия, состоявшая на 90 процентов из азербайджанцев, при поддержке 6-й гвардейской танковой бригады вошла в Таганрог и улицу за улицей очистила город от немцев. За освобождение Таганрога 416-й дивизии было присвоено почётное наименование «Таганрогская». Из приказа Верховного Главнокомандующего: «В честь победы под Таганрогом сегодня, 30 августа, в 19 часов 30

Рис.2. Медперсонал 416-й стрелковой дивизии, слева- направо: старший сержант Яхьява Назакет, Дарья Шарибарденко, А.Абасова и Р.Ахмедова.

Рис.4. Командир 416-й стрелковой дивизии, генерал-майор Тарлан Алябеков.

Рис.9. Ази Ахад оглы Асланов (1910 - 24 января 1945) - советский военачальник, гвардии генерал-майор танковых войск, дважды Герой Советского Союза.

минут столица нашей Родины Москва салюет нашим доблестным войскам, освободившим Ростовскую область и город Таганрог, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий (21). Солдатам дивизии была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего. Многие бойцы и командиры 416-й дивизии, отличившиеся при прорыве «Миус-фронта» и штурме Таганрога, были удостоены высоких наград.

После освобождения Таганрога 416-я стрелковая дивизия совершила 35-километровый марш и заняла позиции в районе населённых пунктов Екатериновка и Ново-Григорьевка. Перед дивизией была поставлена задача – прорвать оборону частей 3-й горно-егерской дивизии противника, удерживавшей важный кальмиусский рубеж, прикрывавший подступы к городу Мариуполю. Наступление началось 7 сентября 1943 года. В ходе двухдневных ожесточённых боев дивизия во взаимодействии с другими соединениями прорвала оборону противника по фронту на 8-9 километров и на глубину 12-14 километров. В боях при прорыве кальмиусского рубежа обороны было уничтожено до 4000 солдат и офицеров противника. Получив пополнение из Азербайджана численностью 1500 бойцов, дивизия выбила немцев из района Константиновки и вышла к реке Молочная. В течение ночи, с 14 на 15 октября, во взаимодействии с 54-м стрелковым корпусом штурмовые части дивизии форсировали реку Молочную и захватили плацдарм на её бе-

регу. С 15 по 20 октября части дивизии участвуют в тяжёлых боях по расширению плацдарма. 23 октября 416-я дивизия освободила город Мелитополь, в ходе боёв 416-я дивизия совместно с другими соединениями разгромила 111-ю и 336-ю пехотные дивизии Вермахта. За боевые заслуги в освобождении Мелитополя дивизия была награждена орденом Красного Знамени, а всему личному составу объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

Участвуя в Одесской наступательной операции, 29 марта 416-я дивизия освободила районный центр — Березанку, а на следующий день сёла Червону Украину и Нечаянное. 5 апреля 416-я стрелковая дивизия совместно с другими частями 5-й ударной армии переходит в наступление с целью освобождения Одессы. 10 апреля 1944 года Одесса была полностью освобождена от немецкой оккупации. В боях за Одессу 416-й дивизией было взято в плен более 2 тысячи солдат и офицеров противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР за освобождение Одессы дивизия была награждена орденом Суворова II степени, а более 500 бойцов были награждены медалями и орденами (19).

Утром 21 апреля 1945 года 416-я дивизия одной из первых ворвалась в окраины Берлина. (Рис.1). В тот же день 416-я дивизия штурмует город Штраусберг. 30 апреля штурмовые отряды 416-й дивизии прорвались к Щлоссплацу перед дворцом кайзера Вильгельма. 1 мая части 1373-го и 1374-го полков 416-й дивизии штурмуют опорного пункта противника – дворец кайзера Вильгельма. Одним из первых в здание ворвался батальон под командованием капитана Хейрулла Гюльмамедова. Штурмовая группа под командованием старшего лейтенанта Вахаба Османова с боями пробивается на верхние этажи и на крышу здания. В 3 часа дня 1 мая старший лейтенант Вахаб Османов и младший сержант В. Алексеенко водрузили над дворцом кайзера Вильгельма красный флаг. Ночью с 1-го на 2-е мая бойцы 416-й дивизии овладели зданием комической оперы и, продолжая наступление в сторону Бранденбургских ворот, с тыла штурмовали Рейхсбанк и после нескольких часов боя полностью овладели имперским банком. Бойцы 1373-го полка, наступая в сторону Бранденбургских ворот, занимают бывшее здание советского посольства в Берлине. Начальник политотдела 416-й дивизии полковник Рашид Меджидов

(Рис.13,14) водрузил красное знамя над зданием. Совместно с другими частями 416-я дивизия занимает Берлинский университет и здание Министерства внутренних дел. Ранним утром 2 мая бойцы 1373-го полка вышли на Маризенплац. Бойцы Мамедов, Ахмедзаде, Бережной и Андреев под руководством лейтенанта А. Меджидова водрузили красный флаг победы над Бранденбургскими воротами (рис.3.). Вскоре после этого у Бранденбургских ворот был проведён митинг. Член Военного Совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф.Е. Боков писал в сво-

их мемуарах: «Первым выступил генерал В.П. Зюванов. Он с большим подъемом говорил о подвигах наших воинов при штурме Берлина и о великом значении победы: «Последний выстрел в историческом сражении за Берлин, – сказал генерал, – прозвучал здесь, у Бранденбургских ворот, и этот выстрел сделали сыны азербайджанского народа. Память о героях штурма столицы фашистской Германии будет жить в веках. Мы с вами – счастливые люди, участники битвы и живые свидетели того, как победоносно завершилась война...» (2).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Боков, Ф. Е. Бессмертный подвиг сынов Азербайджана/ Краткий военно-исторический очерк о боевых действиях 416-й стрелковой дивизии/ В.Е. Боков.- Баку: Азербайджаниздат, 1971. - 202 с.
2. Там же, с.18
3. Ибрагимбейли, Хаджи Мурат. Крах Эдельвейса и Ближний Восток/ Хаджи Мурат Ибрагимбейли. –М.: Наука, 1977., - 319 с.
4. Там же, С.58
5. Мадатов, Г.А. Азербайджан в Великой Отечественной войне/Г.А. Мадатов. – Баку: Элм, 1975. - 403 с.
6. Там же, С. 89
7. Зейналов, Р. 416-я Таганрогская / Р. Зейналов, Л. Бородецкий. – Баку: Книжное издательство, 1969. - 256 с.
8. Там же, С.5
9. Там же, С.23
10. Ибрагимбейли, Хаджи Мурат. Крах Эдельвейса и Ближний Восток/ Хаджи Мурат Ибрагимбейли. – М.: Наука, 1977. - С.45
11. Ибрагимбейли, Хаджи Мурат. Крах Эдельвейса и Ближний Восток/ Хаджи Мурат Ибрагимбейли. – М.: Наука, 1977. - С. 25.
12. Ибрагимбейли, Хаджи Мурат. Крах Эдельвейса и Ближний Восток/ Хаджи Мурат Ибрагимбейли. –М.: Наука, 1977. - 319 с.
13. Там же, С. 45, С.30.
14. Боков, Ф. Е. Бессмертный подвиг сынов Азербайджана/ Краткий военно-исторический очерк о боевых действиях 416-й стрелковой дивизии/ В.Е. Боков.- Баку: Азербайджаниздат, 1971.- С. 25-26
15. Там же, С. 34-35
16. Мехтиева, Б. М. 223-я Краснознаменная Белградская/Б.М. Мехтиева. — Баку: Азернешр, 1983. - 286 с.
17. Там же, С. 189
18. Там же, С. 161
19. Там же, С. 176
20. Мадатов, Г.А. Азербайджан в Великой Отечественной войне/Г.А. Мадатов. – Баку: Элм, 1975. - С. 204
21. Приказ Верховного Главнокомандующего 30 августа 1943 года № 5, <http://grachev62.narod.ru/stalin/orders/chapt005.htm>
22. Мадатов, Г.А. Азербайджан в Великой Отечественной войне/Г.А. Мадатов. – Баку: Элм, 1975. - С.25
23. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 6. — М.: Воениздат, 1952. - 290 с., С.208
24. Там же, С. 177
25. Там же, С. 192
26. Мадатов, Г.А. Азербайджан в Великой Отечественной войне/Г.А. Мадатов. – Баку: Элм, 1975. - 403 с.
27. Там же, С. 56
28. Там же, С. 148.

*Лариса Семеновна Гончарова,
Россия, Белгород
ГБУК «Белгородский государственный историко-художественный
музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление»,
старший научный сотрудник*

На земле опаленной. Экспозиция Белгородского государственного историко-художественного музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление»

*Те бои – как мера нашей силы.
Потому она и дорога,
Насмерть прикипевшая к России
Курская великая дуга...*

Герой Советского Союза М.Ф. Борисов

История Белгородчины на протяжении многих веков тесно связана с крупнейшими событиями военной истории нашей страны. В июле 1943 г. на просторах курских, орловских и белгородских степей, Харьковской и Сумской областей состоялось одно из решающих сражений Великой Отечественной и Второй мировой войн, в финале которого нацистская Германия и её союзники потерпели катастрофу, которая повлекла за собой неминуемое поражение. И это кровопролитное, бескомпромиссное, гигантское столкновение Красной Армии и вермахта, вошедшее в мировую историю под названием Курской битвы, явилось одним из важнейших этапов на пути к победе.

Сражение на Огненной дуге продолжалось 50 дней, с 5 июля по 23 августа 1943 года. По напряженности, динамичности, интенсивности, накалу борьбы, промежуточным и конечным резуль-

татам оно превзошло все предшествующие аналогичные битвы. Территория, на которой велись боевые действия (135 тыс. кв. км), равна территории Греции или таких государств, как Албания, Бельгия, Дания и Нидерланды вместе взятые.

В сражение с обеих сторон были вовлечены огромные людские массы, силы и средства: более 4-х миллионов человек (а это всё население Норвегии и Исландии, включая младенцев и стариков), около 70 тысяч стволов полевой артиллерии, около 13 тысяч танков и другой бронетехники, до 12 тысяч самолетов.¹

4 августа 1987 года в городе Первого салюта Белгороде в канун 44-й годовщины освобождения города от немецко-фашистских захватчиков был открыт музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление», увековечивший подвиг бойцов и командиров Красной Армии, тружеников тыла в судьбоносной битве на Курской дуге. Рис. 1.

РИС. 1 Музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление», г. Белгород.

Место для музея выбрала сама история: он расположен в центре города в парке Победы на берегах реки Везелки, где проходили тяжелые бои в ходе окончательного изгнания врага, на улице героя-танкиста Андрея Попова, первым ворвавшегося в город со своим экипажем 9 февраля 1943 года при первом освобождении города. Преображенский кафедральный собор, возведенный и освященный в честь победы русского воинства в Отечественной войне 1812 года, колокольным звоном поминает воинов, положивших жизнь «за други своя».

Музей был задуман как памятник Победы на Курской дуге. Над созданием крупнейшей в Европе диорамы работали знаменитые мастера единственной в стране орденов Трудового Красного Знамени и Красной Звезды Студии военных художников имени М.Б. Грекова. Это народный художник РСФСР Лауреат Государственной премии СССР им. Т.Г. Шевченко Н. Бут, заслуженные художники России Г. Севостьянов и В. Щербаков, а также художник М. Сычев. Научным консультантом был назначен участник Курской битвы старший научный сотрудник Института военной истории МО СССР полковник Г.А. Колтунов, кандидат исторических наук.²

Диорама запечатлела встречное танковое сражение 12 июля 1943 года в районе железнодорожной станции Прохоровка, переломный момент в боях на южном фланге Курской дуги. Величественная, полная драматизма картина стала

одним из самых масштабных художественных произведений, посвященных Великой Отечественной войне. Рис. 2.

Однако непосвященному посетителю без полной информации о Курском выступе, о стратегической обстановке на фронте и боевых действиях, предшествовавших боям на прохоровском направлении, трудно представить масштабы сражения, место отображаемых на картине событий, историческую роль победы в Курской битве.

В связи с этим с момента открытия диорамы научными сотрудниками велась кропотливая работа по сбору предметов музейного значения среди участников битвы и их близких, выявлению документов в архивах, уточнению научных взглядов на историю битвы. Большую помощь в этом оказали ветеранские организации города и области, советы ветеранов дивизий и армий, музеи Боевой славы средних школ №13, №20 г. Белгорода.

В эти годы первому поколению специалистов музея важно было сформировать уникальное музейное собрание, создать динамичную, интересную для зрителя экспозицию, запечатлевшую исторический вклад и духовный опыт поколения фронтовиков – победителей.

4 августа 1993 года, в дни празднования 50-летия битвы на Огненной дуге и освобождения г. Белгорода, была открыта постоянно действующая военно-историческая экспозиция «На

Рис. 2 Диорама Прохоровского танкового сражения.

Рис. 3 «Встреча в штабе Воронежского фронта генерала армии Н.Ф. Ватутина и генерал-лейтенанта М.Е. Катукова». Сюжетный комплекс.

Рис. 4 Экспозиция «На земле опаленной». Комплекс «Герои оборонительных боев 6 июля 1943 г.».

земле опаленной». Над ее созданием работали директор, научные сотрудники-экспозиционеры в творческом содружестве с художниками Санкт-Петербургского комбината живописно-оформительского искусства – В. Пискуновым, М. Жаком, М. Кудрявцевым, К. Пискуновым.³

Открытие экспозиции в нелегком для всех 1993 году стало важным событием в культурной, общественной жизни региона и, как показала жизнь, одним из исторических точек роста патриотического самосознания.

На открытии экспозиции присутствовали участники Курской битвы – Герои Советского Союза летчик – штурмовик Г.Т. Левин, танкист А.Г. Ачкасов, пехотинец Н.Г. Шеломцев, гвардии старшина медицинской службы Е.С. Катукова, вдова Маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова, руководство области и города, жители и гости города.

Главная идея экспозиции «На земле опаленной» заключается в том, чтобы раскрыть историческую роль Курской битвы - коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, показать массовый героизм и стойкость воинов Красной Армии, представителей разных национальностей.

Цели – сохранение исторической памяти, формирование патриотического сознания молодого поколения и всех посетителей музея.

Экспозиция «На земле опаленной» размещена в двух залах второго этажа музея на площади

1176 кв. метров. Она содержит более 850 экспонатов. В залах экспозиции представлены редкие фотографии, документы по истории битвы, оружие, государственные награды, личные вещи и другие предметы – все они воссоздают облик защитников Отечества.

Масштабные художественные полотна «Подвиг бойцов батальона капитана А. Бельгина» народного художника В.М. Сибирского, многоплановые, включающие несколько сюжетных линий, диптихи «Женщины и война», «Память» и «Освобождение», «Вечный огонь» народного художника РФ А.М. Самсонова, ведущих мастеров Студии имени М.Б. Грекова художественными средствами раскрывают страницы истории белгородского края.

В первом зале – зале Боевой Славы, представлены материалы, знакомящие посетителей со стратегической обстановкой на советско-германском фронте к началу летне-осенней кампании 1943 года, с героическими свершениями советских воинов в оборонительных боях на томаровско-обоянском и белгородско-корочанском направлениях 5 - 23 июля 1943 года, с трудовым подвигом строителей железной дороги Старый Оскол – Ржава.

Экспозиционные комплексы, карты-схемы позволяют по дням проследить динамику тяжелых оборонительных боев на южном фланге Курской дуги.

Здесь собраны материалы о прославленных полководцах и военачальниках Курской битвы

– генерале армии Н.Ф. Ватуине, командующем войсками Воронежского фронта генерал-полковнике И.С. Коневе, командующем Степным фронтом генерал-лейтенанте С.П. Иванове, начальнике штаба Воронежского фронта, командующих армиями М.Е. Катукове, М.С. Шумиллове, П.А. Ротмистрове, А.С. Жадове, командирах и рядовых солдатах.

Особое внимание привлекают сюжетные комплексы – многофигурные композиции «Встреча в штабе Воронежского фронта генерала армии Н.Ф. Ватуина и генерал-лейтенанта М.Е. Катукова», «Командно-наблюдательный пункт 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П.А. Ротмистрова под Прохоровкой» с портретным сходством исторических лиц. Рис. 3.

Тема героизма, ратного подвига – вечно живая, благородная тема. Во все времена и у всех народов существовала традиция почитания и прославления воинов-героев.

А.В. Суворов считал героизм высшим качеством воина. «Возьми себе в образец героя, – писал он, – наблюдай его, иди за ним вслед; поравняйся, обгони, слава тебе».

За доблесть и мужество, проявленные в боях на Курской дуге, высшей награды Родины – звания Героя Советского Союза были удостоены 231 человек; из них 89 – посмертно. Из общего числа Героев Курской битвы в возрасте до 20 лет – 42 человека; от 21 до 25 лет – 88.⁴

6 июля танковая рота гвардии капитана В.А. Бочковского из состава 1-й танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск М. Е. Катукова занимала южные подступы к деревне Яковлево. Десять наших танков по обе стороны Обоянского шоссе вступили в неравный поединок с 70-ю танками гитлеровцев. С воздуха позиции танковой роты непрерывно бомбили группами по 30-50 машин самолеты противника. До 10 часов гвардейцы капитана Бочковского выдерживали натиск врага и уничтожили 17 танков. Но и наши танкисты понесли большие потери.⁵

В строю осталась лишь одна машина гвардии лейтенанта Г.И. Бессарабова, который уничтожил в первый день боя два «тигра», а на следующий день еще три танка.

Танковый экипаж гвардии лейтенанта В.С. Шаландина, командира танкового взвода 1-й гвардейской танковой бригады, подбил два танка «тигр», один средний танк, три ПТО и уничто-

жил около 40 фашистов. Лейтенант В. Шаландин сгорел в танке на том месте, где приказано было держать оборону его взводу, до конца выполнив воинский долг. Это был его первый и последний бой. За отвагу, героизм и мастерство, проявленные в боях, лейтенант В.С. Шаландин посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза.⁶

Герой-танкист похоронен в братской могиле поселка Яковлево. Одна из улиц г. Белгорода носит имя В.С. Шаландина.

В экспозиции представлены фотография В.С. Шаландина, грамота о ему присвоении звания Героя Советского Союза посмертно, открытые письма 19-летнего воина, которые он писал родным, извещение о гибели. Семейные реликвии переданы в музей-диораму его племянницей В.В. Черненко (г. Москва). Рис. 4.

На Курской дуге в боях с врагом отстаивали независимость страны и стали Героями Советского Союза воины разных национальностей: русские – 170 человек, украинцы – 38, белорусы – 4, татары – 4, узбеки – 3, армяне – 2, таджики – 2, евреи – 2, осетины – 2, 1 казах, 1 литовец, 1 дунганец, 1 удмурт.⁷

В воздушных сражениях совершил подвиг лётчик-истребитель 88-го гвардейского истребительного полка старший лейтенант А.К. Горовец, уроженец деревни Мошканы Витебской области. С 1932 года он служил в Красной Армии. В 1935 году окончил Ульяновскую лётную школу. Затем работал в аэроклубе города Шахты Ростовской области. В 1941 году вновь был призван в Красную Армию.⁸

6 июля 1943 года, закончив дежурство близ линии фронта, группа истребителей развернулась на свой аэродром. Горовец увидел позади себя группу Ю-87, которая шла к нашим позициям, передатчик его вышел из строя, и ведущий не слышал предупреждения. Лётчик один ринулся навстречу группе «юнкерсов». Бой шёл уже на небольшой высоте, когда Александр уничтожил девятую машину.⁹

Только тогда Горовец заметил у себя в хвосте «Фокке-вульфы» – четыре истребителя против одного. У советского лётчика не было времени набрать высоту, боеприпасы закончились. Он принял неравный бой. Его самолёт был подбит и врезался в землю в районе хутора Зоринские Дворы.¹⁰

Указом Президиума Верховного Совета от 28 сентября 1943 года Александру Константиновичу Горовцу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

6 июля 1943 года в белгородском небе открыл свой боевой счет прославленный лётчик, будущий трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб. Позже он участвовал в воздушных боях под Харьковом, на Днепре, закончил войну в Берлине. К концу войны на его личном боевом счету 330 боевых вылетов и 62 сбитых вражеских самолёта.

В залах музея представлены работы знаменитых фронтовых корреспондентов Л. Великжанина, А. Капустянского, Ф. Кислова, О. Кнорринга, Я. Рюмкина, скульптурные портреты представителя Ставки ВГК на Курской дуге Маршала Советского Союза Г.К. Жукова работы народного художника РСФСР В. Сони́на, Героя Советского Союза М. Борисова - работа заслуженного художника РСФСР И. Першудчева.

В течение пяти дней продолжались ожесточенные оборонительные бои на белгородском направлении. Гитлеровцам удалось вклиниться вглубь обороны Красной армии на 30-35 км.

Однако противник не терял надежды найти слабое звено в обороне Воронежского фронта и любой ценой прорваться к Курску. 10 июля он перегруппировывает свои силы, концентрируя их на более узком участке фронта, и бросает их к железнодорожной станции Прохоровка.

Командование советских войск принимает решение нанести контрудар силами 5-й гвардей-

ской танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П.А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии генерал-лейтенанта А. С. Жадова, переброшенных сюда со Степного фронта. С 10 июля 1943 года развернулись кровопролитные бои на прохоровском направлении. Комплекс материалов представляет тех, кто сражался и побеждал на Прохоровском поле.

11 июля 1943 г. в районе станции Прохоровка (ныне посёлок Белгородской области) совершил подвиг гвардии сержант М. Ф. Борисов. Одна из батарей артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады была атакована 19 танками противника. В ходе жаркого боя сержант М. Борисов подбил 7 гитлеровских танков, в том числе несколько «тигров». Только после тяжелого ранения и подоспевшей помощи Михаил Борисов прекратил бой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года за мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии старшему сержанту Борисову Михаилу Фёдоровичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Комплекс составляют фотографии, военная форма, книги, скульптурный портрет Героя Советского Союза сержанта М.Ф. Борисова. Рис. 5.

В экспозиции – фотографии, письма к родным командира 32-й танковой бригады, одной из лучших в 5-й гвардейской танковой армии, полковника А.А. Линева. До прибытия в 29-й танковый корпус, с 26 января по 12 октября 1942 года, он занимал должность заместителя командующего Дальневосточным фронтом по автобронетанковым войскам.

Сорокалетний полковник Алексей Алексеевич Линёв возглавил 32-ю танковую бригаду с 8 января 1943 года. Судя по действиям 32-й тбр 12 июля 1943 года под Прохоровкой, Алексей Алексеевич был человеком решительным и целеустремленным, твердо управлявшим соединением. За храбрость в боях он был награжден орденом Отечественной войны I-й степени.¹¹ 26 августа 1943 года полковник А. А. Линёв пал смертью храбрых при освобождении Украины.¹²

Главный Маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров дал высокую оценку воинам Прохоровского сражения: «В тот день не было танкистов, артиллеристов, мотострелков, связистов, которые бы не проявили отваги и боевой

Рис. 5 Экспозиция «На земле опаленной». Комплекс «Подвиг М.Ф. Борисова».

Рис. 6 «Командно-наблюдательный пункт 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П.А. Ротмистрова под Прохоровкой». Сюжетный комплекс.

доблести в схватках с врагом. Все, кто бился в Прохоровском сражении, были настоящими героями».¹³ Рис. 6.

В основу построения экспозиции положен проблемно-хронологический принцип. Это позволило провести группировку и интерпретацию экспозиционных материалов в соответствии с принятой в исторической науке хронологией событий, отразив их во временной последовательности и развитии, в то же время – раскрыть проблемы, имеющие основополагающие значения для раскрытия исторического процесса. Во многом метод размещения был продиктован самой архитектурой здания музея-диорамы.

Содержательная сторона экспозиции неотделима от её формы. Экспозиция исполнена «в обрамлении» железа войны – макетов, фрагментов брони танков и САУ, военной техники, подлинных археологических находок с мест боев.

Экспозиционные витрины стилизованы и вписаны в художественный образ экспозиции. Художественная форма экспозиции, таким образом, обогащает, усиливает эмоциональное и содержательное значение, заключенное в экспонатах.

Художниками найдено цветовое решение экспозиции: зримым, активно воздействующим фоном проходят перед посетителями три основных цвета войны: серый – цвет солдатских шинелей, пыльных фронтовых дорог, черный – цвет гари и дыма, красный цвет – пролитой во имя великой Победы крови.

В настоящее время в военно-историческую экспозицию включены фонодокументы. Экспозиция сопровождается записями песен и стихотворений – спутников Великой Отечественной войны, песен военно-патриотического характера. Для расширения информативности введена система компьютеров с тематическими базами данных.

Таким образом создана эстетически полноценная, эмоционально воздействующая среда. Каждый элемент экспозиции, группы экспонатов и экспозиционные залы в целом получили свое, обусловленное содержанием архитектурно-художественное решение.

В ночь на 19 июля 1943 года на белгородском направлении в наступление включились войска Степного фронта под командованием генерал-полковника И.С. Конева. К 23 июля силами двух фронтов враг был отброшен на рубежи, с которых начинал наступление. На общем фоне развернувшихся летом 1943 года боёв оборонительная операция выглядит как одна из ярчайших и крупных, как переломный момент, приведший фашистскую армию к катастрофе на восточном фронте.¹⁴

Второй зал экспозиции посвящен освобождению г. Белгорода 5 августа 1943 года. Утром 3 августа 1943 года силами Воронежского и Степного фронтов началась Белгородско - Харьковская наступательная операция «Полководец Румянцеv».

В зале размещен комплекс, посвященный И.С. Коневу, командующему войсками Степного фронта; с 1963 года маршал И.С. Конев - Почетный гражданин города Белгорода. Рис. 7. Здесь же размещены материалы, рассказывающие об особо отличившихся при освобождении нашего города 89-й гвардейской и 305-й стрелковых дивизиях, 23-м гвардейском бомбардировочном авиаполке дальнего действия, удостоенных почетного наименования «Белгородских», соединениях, сформированных на майоре М.Г. Боеве, водрузившем знамя над городом, артиллеристе капитане Н.П. Ковтуне. Особое волнение вызывают фотографии фотокорреспондента газеты «Правда» Галины Санько, на которых запечатлен разрушенным некогда цветущий город. В центре зала – орден Отечественной войны 1-й степени – награда города Белгорода за мужество и стойкость, проявленные его жителями в годы

Великой Отечественной войны, и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, грамота Президента РФ о присвоении городу почетного наименования «Город Воинской славы». Рис. 8.

Завершают экспозицию материалы об освобождении г. Харькова 23 августа 1943 года, панно с именами Героев Советского Союза, удостоенных высокого звания за отличие в боях на белгородском направлении битвы.

Музей стал одним из самых посещаемых в Белгородской области. Вниманию посетителей предлагаются временные выставки военно-исторической и художественной тематики. На открытых площадках музея представлена внешняя экспозиция: образцы оружия Победы – артиллерийской, танковой и авиационной техники.

Ежегодно более 120 тысяч белгородцев и гостей города знакомятся с постоянно действующей экспозицией и временными выставками. В разные годы музей посещали первый президент России Б.Н. Ельцин, княгиня Леонидия, глава дома Романовых, дважды Герой Советского Союза Г.Т. Береговой, Маршал Советского Союза Д.Т. Язов, министры культуры РФ М.Е. Швыдкой, А.А. Авдеев, актеры В.С. Лановой, М.И. Ножкин и многие другие. В книге отзывов о посещении

Рис. 8 В зале освобождения г. Белгорода.

музея политики и дипломаты, артисты и учёные, люди старшего поколения и подростки на разных языках мира пишут о том, что их взволновало.

Среди записей есть и такая: «Благодарю судьбу за то, что привела меня в Белгород через 47 лет после первого моего в нем пребывания... Ретроспективно этот приезд придал смысл всей моей долгой и разнообразной жизни. Есть корневое чувство причастности к главным испытаниям Родины. Таинственная гордость – негромкая за то, что все эти 47 лет хромаю не зря. Ваш З.Е. Гердт – актер, 18 марта 1990 г.».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Пронько В. А. Курская битва: история и современность // Курская битва: взгляд через полвека (Материалы областной научно-практической конференции). - Белгород, 1999. - С. 3-19

2 Диорама «Огненная дуга 1987-2012». - Белгород, 2011. - С. 19

3 Там же. С. 24

4 Исаев С.И., Колтунов Г. А. Твои Герои, Курская дуга. - Воронеж, 1990. - С 7

5 Жуков Ю. А. В гостях у капитана Бочковского // Люди сороковых годов. Записки военного корреспондента. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. — М., 1975. -С. 313—331.

6 Бочковский Владимир Александрович // Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 1 /Абаев — Любичев/. -М., 1987.- С. 35

7 Исаев С.И., Колтунов Г. А. Твои Герои, Курская дуга. Воронеж, 1990. С 7.

8 Быков М. Ю. Асы Великой Отечественной. Самые результативные летчики 1941—1945 гг. — М., 2007. - С. 130

9 ЦАМО Ф. 33. Оп. 793756. Д. 150036273. Л. 70-71

10 ЦАМО Ф. 33. Оп. 793756. Д. 11. Л. 472-474

11 ЦАМО Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1629. Л. 12-13

12 Линева Алексей Алексеевич [электронный ресурс] //Режим доступа//http://www.31md.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=481

13 Ротмистров П. А. Стальная гвардия. - М., 1984. -С. 190

14 Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. Соч. С. 181

*Алексей Геннадьевич Гужва,
Россия, Москва, военный историк*

К вопросу о положении на западной границе СССР накануне Великой Отечественной войны

Накануне Великой Отечественной войны на западной границе СССР стал фиксироваться резкий рост разведывательной и провокационной деятельности, что являлось одним из наиболее очевидных признаков возможной агрессии. С марта 1940 г. регулярными и массовыми стали полеты немецкой авиации над советской территорией. Так, 4 апреля 1941 г. в полосе Киевского особого военного округа (КОВО) границу СССР нарушила группа в составе шести немецких самолетов. На основании информации, получаемой от разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, а также от агентурной и войсковой разведки КОВО и Украинского пограничного округа, военные советы округа и армий накануне войны имели достаточно полную картину деятельности немецких войск. В частности, командование верно оценивало характер и цели полетов немецких самолетов-нарушителей, рассматривая их как разведывательные акции. Так, в марте 1941 г. немецкий самолет приземлился на аэродроме в районе Ровно и был взорван собственным экипажем. На месте взрыва нашли катушку с фотопленкой, на которой был снят маршрут на участке Ровно – Новоград-Волынский. 19 июня неподалеку от Кристинополя приземлилось зве-

но немецких самолетов, в которых были найдены карты района Проскурова¹.

Воздушный шпионаж в глубине нашей территории осуществляло специальное авиазвено высотного полета. Из фотоматериалов готовилась фильмотека целей для бомбардировочной авиации. Благодаря воздушной разведке немецкое командование смогло выявить значительное количество аэродромов округа, установить приблизительную численность и тип самолетов, которые на них базировались. В «Памятке о юго-западной части Советской России», изданной 4-м воздушным флотом Германии, содержались обобщающие данные о численности советской авиации. В ней указывалась общее количество самолетов в пяти западных приграничных военных округах на май 1941 г. – 6262².

Архивные документы свидетельствуют, что командование округа и пограничных войск систематически информировали Народный комиссариат обороны о частых нарушениях границы СССР иностранными самолетами и пытались предпринимать меры для борьбы с ними. Так, 18 июня 1940 г. был подписан приказ командующего округом «О запрете полетов авиации», которым предписывалось «к самолетам, появившимся в запретной для полета зоне... приме-

нять меры посадки...». 16 июля приказом «О нарушении государственной границы иностранными самолетами» предусматривалось: «В любом случае попытки нарушения государственной границы обеспечить принятие действенных мер по ликвидации нарушений... чтобы ни один иностранный самолет над нашей территорией не смог бы появиться или уйти безнаказанно»³. На практике ротные и батальонные посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) при нарушениях воздушной границы ограничивались лишь донесениями об этом или поднимали истребительную авиацию с опозданием, поэтому нарушители почти всегда успевали безнаказанно вернуться, тем более, что советские самолеты могли доходить «только до запретной зоны, что была в 20 км от границы».

Конечно, в тех условиях помешать полетам немецких самолетов над территорией СССР могло лишь четкое указание командования сбивать их. Однако такого приказа не было. Наоборот, 29 марта 1940 г. Народный комиссар внутренних дел направил пограничным войскам директиву, в которой указывалось: «При нарушении советско-германской границы самолетами или воздухоплавательными аппаратами огня не открывать, ограничиваясь составлением акта о нарушении государственной границы»⁴.

В апреле аналогичный приказ отдается войскам приграничных военных округов. Исходя из этого, начальник штаба КОВО генерал-лейтенант М. А. Пуркаев на письменный запрос командующего 12-й армией ответил, что огонь по немецким самолетам можно открывать в следующих случаях: по особому распоряжению Военного совета округа; при объявлении мобилизации; при введении в действие плана прикрытия, если при этом не будет особого запрета. Также отмечалось, что «мы огня зенитной артиллерией по немецким самолетам в мирное время не ведем»⁵.

Для ведения воздушной разведки и посадки своих самолетов на советские аэродромы немецкое командование использовало Конвенцию о порядке урегулирования конфликтов и инцидентов на государственной границе между СССР и Германией, заключенное 10 июня 1940 г.⁶ Согласно ст. 5 этому документу, в случаях нарушения линии границы назначалось расследование. Если было доказано, что это произошло вследствие потери ориентирования, неисправ-

ности материальной части и т.п., то лицо, которое перешло границу, следовало вернуть.

Начальник Главного управления пограничных войск 7 апреля 1941 г. направил в НКВД служебную записку, в которой информировал, что немецкие самолеты систематически нарушают границу СССР с территории Румынии. В связи с этим запрашивались разрешение и порядок применения оружия. В тот же день НКВД направил письмо в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) с просьбой дать разъяснения по этому поводу. НКИД ответил, что «протесты о нарушении границы СССР немецкими самолетами необходимо оформлять согласно действующим правилам, на основании Конвенции между СССР и Германией об урегулировании пограничных конфликтов и инцидентов от 10 июня 1940 г., а также сообщать в НКИД для принятия соответствующих мер по дипломатической линии». Начальник пограничных войск НКВД УССР генерал-майор В. А. Хоменко 4 апреля 1941 г. сообщал, что «наличие приказа, а также приказа по линии Красной Армии сводит нашу роль к пассивному наблюдению и заявлению претензий, которые никакого эффективного результата не дают»⁷.

То, что немецкие самолеты не уничтожались накануне войны средствами ПВО округа, объясняется договоренностью между странами, которая четко выполнялась советской стороной. Безусловно, допущение полетов немецкой авиации над советской территорией было серьезной ошибкой. Однако в то время такие действия не подвергались сомнению, лишь бы избежать поводов для обострения обстановки.

Кроме воздушной разведки, в полосе округа КОВО проводилась активная агентурно-разведывательная деятельность. Сопредельная сторона часто забрасывала своих агентов под видом перебежчиков или беженцев, пользуясь тем, что из захваченных стран в СССР эмигрировали целые семьи, спасаясь от нацистских репрессий. «С августа-сентября 1940 г., – свидетельствовал на Нюрнбергском процессе бывший начальник отдела военной разведки «Абвер-1» генерал-лейтенант Г. Пикенброк, – со стороны отдела иностранных армий Генштаба стали значительно увеличиваться разведывательные задачи «Абвера» по СССР. Эти задачи, безусловно, были связаны с подготовкой войны против России»⁸.

Разведка велась на глубину до 150-200 км, а на киевском направлении – до 300-400 км и более. В 1940 г. основная масса прорывов была допущена на западной границе – 7053 человека, что составляло 70 процентов от их общего количества нарушений государственной границы⁹. В предвоенный год на западной границе произошло 235 инцидентов, спровоцированных немецкой стороной. Было задержано около 5 тыс. нарушителей. В первом квартале 1941 г. количество задержанных и уничтоженных пограничниками немецких агентов и диверсантов увеличилось в 15-20 раз, а во втором – в 25-30 раз. При этом советские пограничники отбили более 500 вторжений вооруженных групп противника¹⁰.

Важное значение в деятельности советского командования имело всестороннее изучение обстановки с целью своевременного вскрытия намерений противника. Уже в начале 1940 г. начали поступать сообщения об усиленных военных приготовлениях с немецкой стороны. Однако до середины 1940 г., когда Германия воевала на Западе, широкомасштабных мероприятий у советской границы не проводилось. Положение изменилось со второй половины 1940 г., когда Военному совету округа стало известно, что с 9 по 14 декабря главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич в сопровождении 30 высших офицеров, в том числе генерал-фельдмаршалов В. Листа и В. Рейхенау, совершил поездку вдоль советско-немецкой границы. Истинные цели и причины установлены не были, и считалось, что «он посетил пограничные пункты с целью ознакомления с расквартированием и устройством частей немецкой армии на зимний период». Вместе с тем отмечалось, что после визита началось усиленное строительство и ремонт путей от Германии до нашей границы. Прокладывались новые линии связи, велись работы по строительству и расширению железнодорожных путей и мостов, складов боеприпасов, автобаз и топливных баз. Было возведено около 100 полевых аэродромов и 50 посадочных площадок¹¹. В феврале 1941 г. поступили дополнительные данные, свидетельствующие о подготовке нападения на СССР, которое должно осуществиться не позднее лета 1941 г. В частности, стало известно, что вторжение немецких войск на Британские острова откладывалось до окончания войны против СССР.

Резкое усиление деятельности иностранных разведок в полосе Украинского пограничного округа отмечалось с весны 1941 г. Так с 1 по 25 апреля здесь было раскрыто 3 румынских, 7 венгерских и 20 немецких агентов, которые должны были находиться на советской территории к началу войны, поддерживая постоянную радиосвязь. С апреля 1941 г. непосредственно к границе стали прибывать новые немецкие соединения и части. Наблюдалось массовое строительство разного рода военно-инженерных сооружений. 20 апреля командование Украинского пограничного округа информировало, что полученные данные подтверждают факты подготовки к войне. В конце апреля – начале мая продвинувшиеся вперед части начали строительство траншей, ходов сообщения, наблюдательных пунктов.

С середины мая в сводках начали фиксироваться факты появления на сопредельной территории рекогносцировочных групп, фото и топографическая съемка, проведение измерительных работ на пограничных реках. Тогда же от Главного управления пограничных войск НКВД были получены данные, что вся полоса в непосредственной близости от границы усилена артиллерийскими и пулеметными позициями с законченной организацией телефонной связи между батареями, командными и наблюдательными пунктами. В разведывательном донесении от 10 июня сообщалось, что начало войны немцами планируется на конец месяца, а их тактика строится на внезапности удара.

В последние предвоенные дни нарушения границы СССР со стороны Германии стали повсеместными. Немцы вели себя вызывающе, угрожали нашим нарядам, пытались спровоцировать их на вооруженный конфликт. 18 июня было установлено, что немецкие войска стали занимать исходные позиции, а местные жители выселяются в тыл. С 15 по 20 июня по всей западной приграничной полосе систематически наблюдался подвоз тяжелых орудий и установки их на огневые позиции. В ночь на 22 июня на участке 90-го Владимир-Волынского пограничного отряда границу перешел немецкий фельдфебель. Он рассказал, что наступление начнется в 4 часа утра. Это сообщение сразу было передано в Москву и командованию 5-й армии.

На основании полученной информации Военный совет округа имел достаточно четкое пред-

ставление о сосредоточении войск противника и характере его возможных боевых действий. Все разведывательные данные пограничные войска срочно сообщали НКВД СССР, а командование округа – Генштабу. По мере осложнения обстановки на границе информация передавалась чаще. Так в мае-июне 1941 г. начальник управления пограничных войск УССР дважды в сутки (по состоянию на 9.00 и 19.00 часов) подавал разведывательные сводки лично командующему войсками округа, а начальники пограничных отрядов информировали командующих армиями. Кроме того, была налажена четкая система взаимной информации штабов. Все разведывательные данные обобщались и направлялись в Москву.

Готовясь к отражению возможной немецкой агрессии, командующий войсками КОВО генерал-лейтенант М.П. Кирпонос в январе 1941 г. перевел на казарменное положение более 5 тыс. чел. летно-технического состава ВВС округа, размещая их вблизи аэродромов. Тогда же был отдан приказ держать в снаряженном виде весь неприкосновенный запас артыстрелов, полностью снаряженными ленты станковых пулеметов и 50% дисков к ним и ручным пулеметам.

26 февраля Военный совет КОВО обязал Военные советы 5-й и 6-й армий приступить к подготовке в 141-й и 169-й стрелковых дивизиях двух парашютно-десантных батальонов. Остальные стрелковые батальоны этих дивизий готовить к посадочному десанту. Начиная с апреля 1941 г. осуществлялась передислокация войск из внутренних округов. Прибытие артиллерийских полков и легких танковых батальонов значительно увеличивало боеспособность войск. В апреле-мае 1941 г. из состава округа вглубь страны переводилось большинство военных училищ. Освобождавшаяся территория занималась вновь прибывшими войсками.

29 мая Генштаб принимает решение о формировании 19-й армии, в состав которой передавались все дивизии 34-го и 25-го стрелковых корпусов, которые прибывали из Харьковского военного округа. В соответствии с директивой Народного Комиссара обороны СССР от 12 июня 1941 г. КОВО были переданы 16-я армия в составе 32-го стрелкового и 5-го механизированного корпусов, а также 57-й отдельной танковой дивизии. Войска этой армии должны были сосре-

доточиться на территории округа с 15 июня по 10 июля 1941 г. На практике это происходило с 18 по 27 июня и в связи с началом войны завершено не было¹².

С середины июня 1941 г. началось выдвижение резервов КОВО – 31, 36, 37, 49, 55-го стрелковых корпусов и соединений армий прикрытия государственной границы. Мероприятия проводились на основании директивы командующего округом от 15 июня 1941 г. и осуществлялись под предлогом передислокации на новую лагерную стоянку. Также в округе принимались и другие меры, направленные на дальнейшее повышение боевой готовности войск. Директива от 11 июня 1941 г. требовала от командующих армиями максимально сократить сроки готовности поднимаемых по тревоге воинских частей и перевода их в различные степени боевой готовности¹³. Несомненно, в тех условиях наиболее разумным было бы решение о приведении войск округа в полную боевую готовность. Однако то, что известно и понятно сейчас, в то время не было достаточно ясным даже для Военного совета округа. Предполагали, что война начнется, но не думали, что так быстро. К тому же не могли нарушить запрет И.В. Сталина на ведение боевых действий.

В 2 часа 30 минут 22 июня 1941 г. штаб округа получил приказ НКО СССР в котором говорилось о возможном нападении немцев 22–23 июня и о том, что оно может начаться с провокационных действий. От войск требовалось не поддаваться на провокации. На протяжении ночи 22 июня приказывалось скрытно занять позиции укрепрайонов на границе, части привести в боевую готовность без привлечения приписного состава¹⁴.

За такой короткий срок невозможно было привести войска в полную боевую готовность. В приказе предлагалось скрытно занять позиции укрепрайонов и других мер без особых распоряжений не предпринимать. Поэтому командующие армиями запрашивали командующего округом, а тот – Москву, следует ли армиям выдвигать прикрытия к государственной границе и занимать подготовленные районы обороны.

Несмотря на многочисленные запросы, четкого ответа от командующего округом не было. В этой обстановке командующие армиями приняли решение самостоятельно дать команду

войскам о выполнении плана прикрытия. С получением приказа соединения и части поднимались по тревоге и в момент начала войны только начинали продвижение к границе или находились на марше.

Нерешительное и медленное реагирование на обстановку, сложившуюся в районе государственной границы, привело к тому, что приказ о приведении войск в полную боевую готовность был дан лишь за считанные часы до начала войны. В нем не содержалось исчерпывающих и точных указаний о действии войск в случае начала боевых действий, что привело к нерешительности среди командного состава. Времени для приве-

дения войск в полную боевую готовность было недостаточно. Соединения и части не успели выйти в назначенные районы и полосы обороны, авиация не сосредоточилась на полевых аэродромах, штабы соединений и частей продолжали находиться в пунктах постоянной дислокации. Подразделения противовоздушной обороны не были готовы в полной мере к отражению массированных ударов вражеской авиации. Все это в целом и предопределило дальнейший характер боевых действий, а также стало причиной неудач войск Киевского особого военного округа в начальном периоде войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Хорьков А.Г. Накануне грозных событий // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 5. – С. 43.

2 Там же.

3 Гланц Д. Колосс поверженный. Красная армия в 1941 году // URL: <https://history.wikireading.ru/87687> (дата обращения: 20.04.2020).

4 Центральный пограничный архив ФСБ России. Ф. 14. Оп. 224. Ед.хр. 110. Л.1.

5 Хорьков А.Г. Становище на південно-західній ділянці радянсько-німецького кордону напередодні фашистської агресії // Український історичний журнал. – 1989. – № 12. – С. 20.

6 Дайнес В.О. История России и мирового сообщества. Хроника событий. – М.: Олма-Пресс, 2004. – С. 261.

7 Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941: Сборник документов и материалов. – М.: Наука, 1970. – С. 48.

8 Звягинцев А.Л. Нюрнберг. Главный процесс человечества // URL: <https://document.wikireading.ru/29930> (дата обращения: 20.04.2020)

9 На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. – М.: Граница, 2000. – С. 220.

10 Беляев В. И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 5. – С. 5.

11 Хорьков А. Г. Становище на південно-західній ділянці радянсько-німецького кордону напередодні фашистської агресії. – С. 21.

12 Там же. С. 24.

13 «...Сделать нашу армию, все ее части и подразделения готовыми сокрушить любого врага» // URL: <http://toyarobeda.ru/sdelat-nashu-armiyu-vse-ee-chasti-i-podrazdeleniya-gotovymi-sokrushit-lyubogo-vraga.html> (дата обращения: 15.04.2020).

14 Начальный период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=10638542@cmsArticle (дата обращения: 15.04.2020).

*Галия Александровна Досмухамбетова,
Республика Казахстан, Национальный
военно-патриотический центр
Вооруженных Сил Республики Казахстан,
Военно-исторический музей, начальник научного отделения
научно-исследовательской службы,
кандидат филологических наук, доцент*

Участие казахстанцев в Великой Отечественной войне (на основе экспозиции Военно-исторического музея Вооруженных Сил Республики Казахстан)

Военно-исторический музей Вооруженных Сил Республики Казахстан образован 1 декабря 2015 года Указом Президента РК Н.А. Назарбаева. Он является первым военным музеем на территории Казахстана, находящимся в ведении Министерства обороны Республики Казахстан. Ранее военная история страны отражалась в исторических музеях республики, относящихся к Министерству культуры РК. Среди музееведов бытует мнение, что не стоит отделять военную историю от истории страны, с чем мы тоже согласны, однако, основной целью военного музея является военно-патриотическая работа среди населения, и, прежде всего, военнослужащих и допризывной молодежи, поэтому военные музеи имеют определенную специфику.

С начала открытия музея ведется постоянная работа по наполнению фондов и залов музея экспонатами, отражающими военную историю и военное искусство с древних времен до современности.

Основная цель данной статьи – музейными средствами показать участие Казахстана и казахстанцев в Великой Отечественной войне. В зале

«Войны XX века» создана экспозиция, состоящая из нескольких разделов:

Основные военные операции и битвы периода Великой Отечественной войны, в которых участвовали казахстанцы: Брест, Ленинград, Москва, Сталинград, Курск, Днепр, Европейские страны и Берлин. Экспозиция зала не заканчивается победным шествием по Берлину, так как многие казахстанцы после освобождения Европы продолжили боевые действия и участвовали в разгроме Квантунской армии, в Манчжурской стратегической операции советских войск (9 августа-2 сентября 1945 г.).

Казахстан как надежный тыл: эвакуация промышленности, создание заводов и фабрик, открытие новых месторождений, расширение сельскохозяйственной отрасли, эвакогоспитали, учебные, культурные и научные учреждения, депортация народов в Казахстан и многие другие действия, которые приближали и ковали Победу.

Стена памяти, включающая интерактивные экраны с фамилиями участников войны, погибших за освобождение Родины, и «Вечным огнем» в центре.

Рис. 1. Орудийный расчет крейсера «Киров». О. Жумаханов, М. Мадиев и другие на вахте. Сержант А. Ахисов на огневой позиции. Балтийский фронт. 1943 г. ЦГА РК. 2213.

Во многих монографиях о войне вклад в Победу Казахстана больше определяется как трудовой подвиг в тылу, поэтому в данной статье хотелось бы уделить внимание боевой деятельности казахстанцев на фронтах, ведь из 1374164 воинов, около 600000 воинов-казахстанцев составили безвозвратные потери.

С первых дней войны казахстанские призваны 1939-1940 гг. призыва проявили свой героизм в обороне Бреста, находясь в составе Вооруженных Сил СССР. По результатам исследования Л. Ахметовой в книге «1941. Брестская крепость. Казахстан» (2016 г.) найдены имена 635 участников битвы-казахстанцев, среди них были защитники Бреста Абдразак Мамиев, Габбас Жуматов, Г. Валишанов, Ербек Енсебаев, Карим Тлеубаев, Тастан Бимолдинов. В экспозиции представлены экспонаты, найденные поисковым отрядом «Мемориальная зона» М. Кусаинова (пулемет «Максима», короб для патронов, курково-спусковой механизм от пистолета Шпагина – 40, фрагмент штык-ножа от самозарядной винтовки Токарева, револьвер системы Нагана, бытовые предметы как советских солдат, так и немецких), фотоматериалы защитников крепости (Г. Жуматов, Т. Сатыбалдин, К. Джоншаров, О. Адибаев, А. Мамиев. и др.).

В разделе «Ленинград» большую часть экспозиции занимает архивный материал о 310-й (сформированной в Акмолинске) и 314-й (сформированной в Петропавловске) казахстанских дивизиях, сдерживавших наступательные операции фашистской армии.

В строй этих дивизий встали, в основном, военнослужащие, участвовавшие в боях на озере Хасан, реке Халхин-Гол, в войне с Финляндией.

«310-я стрелковая дивизия под командованием полковника Замировского Н.М., состоящая из 40% казахов, 30% – русских, 25% – украинцев, 5% – представителей других национальностей, прибыла в г. Тихвин, Ленинградской области 19.08.1941 года, где вошла в состав 52-й отдельной армии. Дивизия с 08.09.1941 года участвовала в Синявинских операциях прорыва блокады Ленинграда с востока, с 28.10.1941 года участвовала в ожесточённых оборонительных боях, где некоторые подразделения дивизии были окружены и разбиты» (2). В экспозиции – фото участников защиты Ленинграда Екишева К., Жакупбекова Б., Кенжалина Б., Ныгматуллина З.

314-я стрелковая дивизия была расположена на ст. Хвойная Ленинградской области и была подчинена командующему 52-й армии с задачей создать оборону на одном из участков во втором эшелоне Северо-Западного фронта.

«Первый бой дивизия провела 6 сентября 1941 года в районе г. Лодейное Поле, Ленинградской области в составе 7-й армии Карельского фронта. 15 сентября перешла в резерв Ставки ВГК и вошла в состав 2-й ударной армии Волховского фронта. Дивизия ожесточенно боролась в ходе Синявинской наступательной операции: только за два дня боёв в районе Гайтолово потеряла три тысячи человек убитыми и пропавшими без вести. Весной-летом 1943 года 314-я дивизия участвовала в боях за полную ликвидацию блокады Ленинграда. После освобождения г. Кингисепп в 1944 году дивизии было присвоено наименование «Кингисеппской»» (2). В экспозиции зала представлены материалы, найденные на Синявинских высотах под Ленинградом поисковым отрядом «Мемориальная зона»: ручной пулемет Дегтярева – 27 шт. с диском, винтовка Токарева со штыком, патроны от винтовок Мосина, пистолета-пулемета Шпагина и др.

Архивные фото отражают участие казахстанцев в составе морского флота: на корабле «Киров» служило 156 казахстанцев (Рис. 1).

Муляжи дневной нормы блокадного хлеба, фото Дороги жизни наглядно представляют, как переживал Ленинград почти 900-дневную блокаду. Ради освобождения великого города погиб, совершив подвиг, Султан Баймагамбетов, он

закрыл собой фашистский дот. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза, и его имя присвоено одной из школ в Ленинградской области.

В битве за Москву отличились казахстанские соединения – 312-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник (впоследствии генерал-майор) А. Ф. Наумов. Говоря о защите Москвы, многие упоминают лишь 316-ю дивизию, хотя Актюбинская 312-я дивизия у Малоярославца в течение недели вела упорные оборонительные бои против трех-четырех дивизий и отошла к реке Нара лишь тогда, когда два стрелковых полка вышли из ее состава, а в третьем оставалось не более трети бойцов. «Из 11 000 человек личного состава 312-я стрелковая дивизия в боях под Москвой потеряла около 9500 человек и была официально расформирована 27 декабря 1941 года. Слитые с остатками двух других соединений, подразделения 312-й составили новую, 53-ю дивизию, которая закончила войну под Веной» (2).

316-я стрелковая дивизия была сформирована в Алма-Ате из казахстанцев и жителей Киргизской ССР, многие из воинов дивизии погибли, сражаясь с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к Москве в ноябре 1941 года. В экспозиции зала представлены награды казахстанских воинов «За оборону Ленинграда», «за оборону Москвы», Орден Красной Звезды, орден Красного Знамени, фотографии защитников Москвы И.В. Панфилова, И. Сулейменова, А. Мендыгалиева, Т. Жолдаспаева и других.

В битве под Москвой стрелковая дивизия применила против численно превосходящего врага эффективный тактический прием в обороне, который применяли древние кочевники – «спираль Момышулы», названную по имени **Бауыржана Момышулы**, командира батальона 1073-го Талгарского стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии. Суть приема в том, что обороняющиеся перерезали путь противнику, затем отскакивали в сторону и увлекали его за собой, отводили его километров на 10 на подготовленную засаду. Потом рывком снова становилась на его пути, снова уходили. Этими маневрами силы противника распыляются, выигрывается время, растянутые колонны противника поражаются из засад фланговым огнем, а обороняющиеся снова выходят на большак и цикл повторяется. Впо-

Рис. 2. Командир полка капитан Б. Момышулы, командир дивизиона Д. Снегин, начальник разведки Л. Ермолаев. в боевой разведке весной 1942 г.

следствии дивизия стала называться 8-й Гвардейской стрелковой Режицкой ордена Ленина, Краснознаменной ордена Суворова дивизией имени Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Панфилова.

Генерал-полковник Эрих Гепнер, командовавший 4-й танковой группой, чьи ударные силы потерпели поражение в боях с 316-й стрелковой дивизией, называл её «дикой дивизией, воюющей в нарушение всех уставов и правил ведения боя, солдаты которой не сдаются в плен, чрезвычайно фанатичны и не боятся смерти» (2).

Под Москвой фашисты потерпели первое после начала войны жестокое поражение, потеряв убитыми и ранеными около 500 тыс. человек, более 100 тыс. из них погибли или пострадали от сильных морозов. Блицкриг – «молниеносная война» – потерпел крах.

В витрине зала представлен комплекс генерала И.В. Панфилова, включающий оригинальные фото, партбилет, часы, предоставленные музеем внучкой А.Б. Байкадамовой. Многие годы дочь Ивана Васильевича участница Великой Отечественной войны, награжденная орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2 степени, медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги» Валентина Ивановна Панфилова создавала музей имени 28-ми гвардейцев-панфиловцев в Алма-Ате, сейчас этим музеем занимаются внучки И.В. Панфилова Алуа и Айгуль Байкадамовы. С созданием Военно-исторического музея ВС РК, музей им. 28-ми гвардейцев-панфиловцев стал его филиалом.

В годы Великой Отечественной войны Бауржан Момышулы был единственным казахом-командиром дивизии. Он прошел через всю войну,

начав ее в звании старшего лейтенанта и закончив полковником. Командовал взводом, батальоном, полком и дивизией (Рис. 2.).

В должности командира батальона 1073-го Талгарского стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии (с ноября 1941 – 8-я гвардейская стрелковая дивизия, 16-я армия, Западный фронт) старший лейтенант Момышулы при обороне Москвы участвовал в 27-и боях. Во время второго генерального наступления вермахта на Москву с 16 по 18 ноября 1941 года батальон Б. Момышулы в отрыве от дивизии героически сражался на Волоколамском шоссе у деревни Матрёнино. Умелое руководство комбата позволило на три дня задержать фашистов на данном рубеже. После чего старший лейтенант Момышулы вывел батальон из окружения боеспособным (3).

В музее представлена полная информация о народном герое: книги Бауржана Момышулы, архивные документы, фото. Среди наград Б. Момышулы орден Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Дружбы Народов, Красной Звезды, «Знак Почета». Бауржан Момышулы скончался 10 июня 1982 года. За проявленные мужество и героизм в битве под Москвой капитана Бауржана Момышулы в 1942 году представили к званию Героя Советского Союза, однако присвоено оно лишь посмертно 11 декабря 1990 года.

Героический боевой путь батальона под командованием Б. Момышулы описан в художественно-исторической книге А. Бека «Волоколамское шоссе».

Одним из ярких представителей Казахстана в защите Москвы является Малик Габдуллин (Рис. 3). В дивизии он служил политруком отделения автоматчиков знаменитой 4-й роты

Рис. 3. М. Габдуллин. Герой Советского Союза. 1943 г. ЦГА РК ф. 2140

(28 героев-панфиловцев) 1075 стрелкового полка 8-й Гвардейской стрелковой дивизии, позже стал военным комиссаром батальона.

Генерал И.В. Панфилов лично давал наставления М. Габдуллину как будущему учёному, записывать в дневник все значимые эпизоды боевых действий и подвиги земляков. Но помимо писательского мастерства М. Габдуллин проявлял героизм на передовой.

В приказе войскам Западного фронта от 17 января 1942 года, подписанном легендарным полководцем Г.К. Жуковым, написано: «Наградить политрука роты автоматчиков 1075 стрелкового полка 8-й Гвардейской стрелковой дивизии Габдуллина Малика – орденом Красной Звезды (далее описание боевого подвига)... 16 ноября 1941 года под селом Ширяево возглавил отделение автоматчиков, которое пропустило через себя 5 немецких танков и, подпустив на близкое расстояние следовавшую за танками пехоту противника, открыло по ней огонь. Среди немцев началась паника, их передние ряды побежали назад, устилая землю телами убитых и раненных. Затем, опомнившись, немцы окружили группу Габдуллина и открыли по ней ураганный огонь. Бой длился 3 часа. Вместе с бойцами Габдуллин прорвался через боевые порядки врага и благополучно прибыл в расположение своего полка. Достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды»(4).

За проявленный героизм 16 ноября 1941 года при обороне Москвы командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков наградил 98 бойцов орденами Красной Звезды и Красного Знамени, где наряду с фамилией политрука Василия Клочкова значится и фамилия Малика Габдуллина. «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм гвардии старшему политруку Габдуллину Малику присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»» (5). (Рис. 3). Малик Габдуллин – автор ряда художественных произведений: «Мои фронтовые друзья» (1947), «Золотая звезда» (1948), «Фронтовые очерки» (1949), «Будни войны» (1968), «О друзьях, товарищах» (1969), «Грозные годы» (1971). В экспозиции

представлены литературные труды М. Габдулина, информация о нем представлена также в отдельной витрине «Герои Советского Союза».

Значимой для казахстанцев является диорама в центре зала, изображающая водружение лейтенантом Рахимжаном Кошкарбаевым Знамени Победы над рейхстагом. Есть неопровержимые документальные источники, подтверждающие данный исторический факт. В «Журнале боевых действий 150-й стрелковой дивизии», в которой служил лейтенант Р. Кошкарбаев, записано: «Л-нт КОШКАРБАЕВ и разведчик 674 сп БУЛАТОВ первыми подползли с полковым красным знаменем и в 14.25, 30.4.45 водрузили его на площадки лестницы главного центрального

входа в рейхстаг с западной стороны. Только с наступлением сумерек 30.4.45 в здание рейхстага с южной и центральной части ворвались 674 сп; с северной 756 сп» (6). В год празднования 70-летия Победы министр обороны РФ С.К. Шойгу в торжественной обстановке передал копию Знамени Победы министру обороны РК И.Н. Тасмагамбетову. В настоящее время знамя хранится в Военно-историческом музее ВС РК.

В статье нашла отражение лишь часть экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне, и лишь несколько народных героев, однако для казахстанцев указанные факты войны значимы и бесспорны. Народ помнит о них и чтит воинов Великой Отечественной – погибших и выживших.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ахметова, Л.С. «1941. Брестская крепость. Казахстан»/ Л.С. Ахметова. - Алматы, 2016. - 623 с.

Кусаинов М.К. Решающая роль казахстанских стрелковых дивизий в обороне Ленинграда и Москвы. <http://old.e-history.kz/kz>

Момыш-улы, Б. За нами Москва: Записки офицера. - Москва: Московский рабочий, 1963. - 28 с.

МО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 19.

М.О. Абсеметов Повесть М.И. Ритмана-Фетисова «Герой Советского Союза Малик Габдуллин. Об участии воинов – казахстанцев в битве под Москвой.//Вестник Томского государственного университета. - 2016. - № 411. - С. 23-27.

ЦАМО РФ, ф. 1390, оп. 1, д.1, с. 22-23.

*Сергей Игоревич Дробязко,
Россия, Москва, Центральный музей Вооруженных Сил
Российской Федерации, старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук*

Судьба особиста. Дело лейтенанта госбезопасности Б.Я. Краснощекова (майора РОА Костенко)

Человек, известный исследователям истории отечественного коллаборационизма 1941-1945 гг. как майор Костенко, занимал далеко не последнюю должность в структуре антисоветских вооруженных формирований. Он возглавлял разведку Русской Освободительной Народной Армии (бригада Каминского), а затем командовал разведдивизионом 1-й пехотной дивизии РОА, во главе которого участвовал в бою против Красной Армии на Одерском плацдарме, отличился во время марша дивизии в Богемию и Пражского восстания. После роспуска соединения Костенко, по свидетельству некоторых очевидцев, с группой бойцов дивизиона, откопав спрятанное оружие, ушел в горы, чтобы «дорого продать свою жизнь». С тех пор о майоре ничего не было известно, но ходили слухи, что ему удалось организовать бегство на запад не только себя и своей семьи, но и значительной части своих людей. Однако примерно 10 лет тому назад в Отраслевом государственном архиве Службы Безопасности Украины (ОГА СБУ) в руки исследователей попало следственное дело некоего Бориса Яковлевича Краснощекова, который оказался тем самым майором

Костенко, загадочно исчезнувшим в Западной Богемии в майские дни 1945 года.

...В середине мая 1945 года. в районе чешского города Пльзень к начальнику отдела контрразведки «Смерш» одного из корпусов 38-й армии 4-го Украинского фронта явилась группа власовцев, которые заявили о добровольном переходе на сторону Красной Армии. Группу возглавлял человек, представившийся как Борис Яковлевич Краснощеков, 1912 года рождения, уроженец г. Чернобыль Киевской области, по национальности еврей, бывший член ВКП(б), имевший специальное звание лейтенант государственной безопасности. Все власовцы были направлены на пересыльный пункт для репатрируемых советских граждан.

20 мая Краснощеков написал собственноручные показания, кратко осветив свою биографию до начала войны и службу в Красной Армии в качестве старшего следователя особого отдела стрелковой дивизии. По его словам, в феврале 1942 года он попал в окружение в составе 33-й армии генерала М.Г. Ефремова, воевал в партизанском отряде, причем даже командовал партизанской бригадой, в марте 1943 года раненым

был взят немцами в плен. Проведя восемь месяцев в варшавской тюрьме, Краснощеков был направлен в концлагерь Аушвиц, но сбежал по дороге, к декабрю добрался до белорусского города Лепель, где установил связь с партизанами. По заданию полковника Маркевича – начальника контрразведки Чашникской партизанской бригады генерал-майора Дубова (Ф.Ф. Дубровского) в начале 1944 года он был внедрен в штаб дислоцировавшейся в Лепеле Русской Освободительной Народной Армии Б.В. Каминского, где под псевдонимом Бориса Александровича Костенко и в звании майора занял должность начальника разведывательного отдела. Работая на этой должности, передавал штабу партизанской бригады сведения о дислокации немецких гарнизонов, об агентах, засылаемых на советскую сторону, и другую ценную информацию. После расформирования РОНА осенью того же года и передачи части ее личного состава в 1-ю дивизию РОА майор Б.А. Костенко был назначен командиром разведывательного дивизиона. Находясь в РОА, свою работу в пользу Красной Армии не прекращал, воспитывал в солдатах ненависть к немцам, против которых в начале мая 1945 года в Праге начал открытое выступление.

Рис. 1.

Через несколько дней Краснощекова и перешедших вместе с ним лиц перевели в приемный пункт для проверки и фильтрации, где с ними работали следователи отдела УКР «Смерш» 13-й армии. Повторив в собственноручных показаниях и на допросе 25 мая 1945 года все то, о чем он сообщал ранее, Краснощеков просил поскорее разобрать его дело и «дать возможность дальше работать на пользу Родине». 6 июня он дал подробные письменные показания о своем поступлении в ряды РОНА, службе в разведотделе ее штаба, а затем в качестве командира разведдивизиона 1-й дивизии РОА, о помощи белорусским партизанам, деятельности по разложению власовской армии. Он говорил и писал о том, что его показания могут подтвердить перевербованные им офицеры и солдаты РОА, подчеркивал, что он как еврей подвергается большой опасности, работая в тылу врага.

Два дня спустя Краснощеков уже находился в спецлагере № 253, где он внезапно изменил свои показания и рассказал о том, что попал в плен не в феврале 1943 года, как говорил ранее,

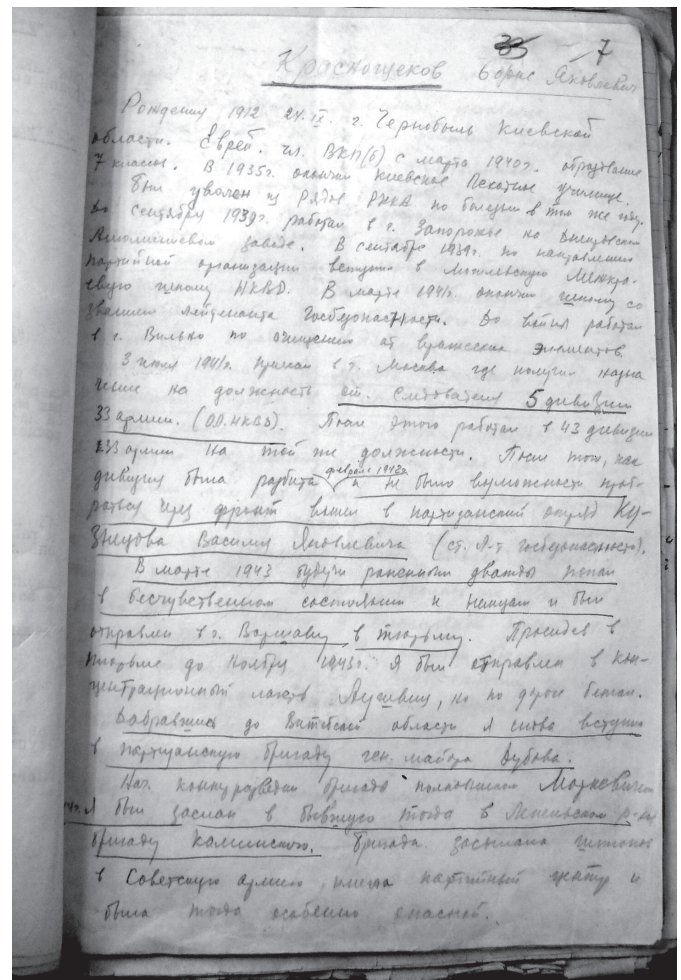

Рис. 1. Первые собственноручные показания Б.Я. Краснощекова (ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 64532. Л. 7.)

а в марте 1942 года, в варшавской тюрьме сидел до июня 1943 года, после чего был направлен в Берлин, где также некоторое время содержался в тюрьме, где его допрашивали офицеры СД. Несмотря на то, что Краснощеков, по его словам, отказался сотрудничать с немецкой разведкой, он был переведен в лагерь, где действовала организация антисоветски настроенных офицеров Красной Армии – «Политический центр борьбы с большевизмом» (ПЦБ), якобы для «политического перевоспитания». После ликвидации этой организации Краснощеков оставался в качестве переводчика при полковнике М.А. Меандрове (псевдоним «Соколов»), работал в штабе СД в Витебске, откуда и был переведен в Лепель в штаб РОНА.

Эти перемены в показаниях были связаны с тем, что Краснощекова уличили в сокрытии некоторых фактов его биографии. В распоряжении следствия имелись материалы допросов

перебежчиков из ПЦБ и РОНА, называвших Краснощекова-Костенко в качестве одного из активных участников этих организаций. Факты работы проверяемого на немецкие спецслужбы подтвердились, что позволяло обвинить его в измене Родине, в то время как деятельность в интересах партизан не получала никакого обоснования. Наконец бывшие сослуживцы Краснощекова по 1-й дивизии дали показания о том, что данные о его работе, направленной на разложение РОА, были согласованы с ними лишь непосредственно перед переходом на сторону Красной Армии. В действительности же никакой работы, по их словам, не велось, деятельность же майора Костенко в РОНА и РОА была отмечена командованием этих формирований наградами.

Допросы в спецлагере № 253 завершились 23 июня 1945 года и в тот же день начальником отделения следственного отдела УКР «Смерш» Центральной группы войск были выписаны постановления: 1) на арест Б.Я. Краснощекова, как агента германской разведки, 2) об избрании меры пресечения (содержание под стражей) и 3) о принятии дела к производству и начале ведения следствия, а начальником опергруппы УКР «Смерш» лагеря № 253 – постановление о задержании до получения санкции на арест с содержанием в тюрьме г. Дрезден. 7 июля 1945 года было выписано постановление о предъявлении Краснощеккову обвинения по статье 58-1 «б» (измена Родине) и в тот же день объявлено арестованному под расписку. К этому времени в распоряжении следствия имелось уже достаточно изобличающих материалов, и дальнейшие допросы обвиняемого носили в основном уточняющий характер, а также преследовали цель установления круга лиц, известных Краснощеккову по его работе в ПЦБ, РОНА и РОА.

Борис Яковлевич Краснощекков родился 24 сентября 1912 года в г. Чернобыль Киевской губернии в еврейской семье. Свое социальное происхождение он определял в анкете «из служащих». Получив неполное среднее образование (7 классов), Б.Я. Краснощекков поступил в Киевское пехотное училище, которое окончил в 1935 году, но по болезни был уволен из рядов Красной Армии. Устроившись нормировщиком на Днепровский алюминиевый завод в г. Запорожье, он возглавил заводскую комсомольскую ячейку, а в 1939 году по направлению партийной

организации завода поступил в Могилевскую межкраевую школу НКВД (с февраля 1941 г. – НКГБ), которую окончил в марте 1941 года в звании лейтенанта госбезопасности. К этому времени Борис успел обзавестись семьей: он женился на Ольге Филипповне Чарной, 1917 года рождения, которая родила ему дочь Людмилу. Семья проживала в Могилеве по месту учебы Бориса.

Первая служебная командировка новоиспеченного офицера госбезопасности была связана с большой работой по «очистке от вражеского элемента», которую органы НКВД – НКГБ проводили в недавно присоединенных Прибалтийских республиках. От Московского управления НКГБ Краснощекков был направлен в Вильно, где проработал вплоть до начала войны с Германией, внося свой скромный вклад в проводившиеся в это время массовые депортации в Сибирь десятков тысяч жителей Литвы, чья благонадежность не внушала доверия новым властям. Тех, кого не успели депортировать до начала военных действий, расстреляли в тюрьмах. Надо полагать, что по долгу своей службы Краснощекков не мог остаться в стороне от этих убийств. В одной из своих автобиографий, он указывал, что начало войны застало его в г. Ломже Белостокской области.

Избегав окружения в Белостокском котле, Краснощекков приехал в Москву, где 6 июля 1941 года получил назначение на должность старшего следователя в 5-ю Московскую стрелковую дивизию народного ополчения (Фрунзенского района). Его жена и дочь к тому времени вместе с другими семьями сотрудников органов госбезопасности были эвакуированы из Могилева в Омск, а Борис отбыл в летние лагеря дивизии, располагавшиеся в районе станции Внуково. По завершении формирования и базового обучения дивизия была переброшена в район д. Тишнево под Боровском, где 30 июля ополченцы приняли присягу. С этого момента 5-я дивизия вошла в состав 33-й армии Резервного фронта. Ко 2 августа она заняла рубеж Лужки – Дюки в районе Спас-Деменска. 26 сентября 1941 года все двенадцать московских дивизий народного ополчения были переформированы по штатам стрелковых дивизий военного времени и получили новые наименования. Так 5-я Московская стрелковая дивизия народного ополчения стала именоваться 113-й стрелковой дивизией (2-го формирования).

Рис. 2. Партизанский отряд на Смоленщине, февраль 1942 г.

Отвечая на вопросы следователя и в собственноручных показаниях, Б.Я. Краснощеков указывал, что в октябре 1941 года он был переведен в 43-ю стрелковую дивизию той же 33-й армии на должность старшего следователя особого отдела. Однако известно, что 43-я стрелковая дивизия Ленинградского военного округа на протяжении всей войны действовала сначала на Карельском перешейке, затем под Ленинградом и в Прибалтике. Скорее всего, ошибка в нумерации дивизии была вызвана особенностью написания от руки номера 113, который мог выглядеть как 43. Возможно также, путаница связана с тем, что после переименования 113-й стрелковой дивизии сначала входила в состав 43-й армии, ассоциируясь в памяти Краснощекова с номером последней.

Показания Краснощекова о времени и месте окружения дивизии противником содержат основательную путаницу. В первых собственноручных показаниях, а также на допросе 25 мая указан февраль 1942 года, затем, на допросе 8 июня – конец декабря 1941 – начало января 1942 г. В первом варианте показаний в качестве места окружения обозначен район юго-восточнее Серпухова (!), а во втором – район Полотняного завода юго-западнее (!) Калуги. Поскольку второй вариант показаний освещает обстоятельства более подробно, попытаемся путем сопоставления с материалами о боевом пути 113-й дивизии проанализировать сообщаемую информацию и дать ей объективную оценку. Приведем соответствующий отрывок из протокола допроса:

«Находясь на службе в должности ст[аршего] следователя особого отдела 43 стрелковой

дивизии, 33 армии, во время боевых действий в конце декабря 1941 года или в начале января 1942 года – точно не помню, в районе Полотняного завода юго-западнее города Калуги (Так в документе. В действительности – северо-западнее Калуги. – С.Д.), я в составе всей дивизии попал в окружение немецких войск. Вначале под командованием командира 43 стрелковой дивизии генерал-майора, по фамилии которого я сейчас не помню, пытались выйти из окружения в направлении города Москвы организованным порядком, но во время продвижения мы преследовались все время немцами, боеприпасы выходили, и дальнейшее совместное продвижение могло привести к большим потерям, поэтому было дано указание из окружения выходить отдельными группами, не на восток, а в направлении города Спас-Деменск. Я в то время находился в группе 20 человек, которую возглавлял начальник особого отдела 43 стр[елковой] дивизии ст[арший] лейтенант госбезопасности Кузнецов... В пути следования в направлении Спас-Деменск, дней через семь после окружения, мы были в лесу обстреляны регулярными немецкими войсками, в результате чего вся наша группа была рассеяна. Я остался с Кузнецовым, двумя солдатами из взвода особого отдела и двумя солдатами комендантского взвода дивизии...»

В данном отрывке обращают на себя внимание следующие два момента: 1) Спас-Деменск и Полотняный завод как основные географические пункты, связанные с окружением; 2) указание на звание командира стрелковой дивизии – генерал-майор. Если принять эти два утверждения как истинные, можно сделать вывод, что Краснощеков скорее всего рассказывал о первом окружении 113-й дивизии, которое имело место в начале Битвы за Москву – в октябре 1941 года при образовании Вяземского котла. 43-я армия, в состав которой входила дивизия, выбиралась через боевые порядки наступавших на Вязьму войск немецкой 4-й танковой группы из района Спас-Деменска в направлении на Полотняный завод и далее на Малоярославец. Дивизией в это время командовал генерал-майор Иван Андреевич Пресняков, о котором известно, что 16 октября 1941 года, будучи раненым, он попал в плен, содержался в нескольких лагерях и в начале 1943 года в Германии был расстрелян за антинемецкую агитацию. Таким образом, напрашивается

вывод, что во время второго окружения 113-й дивизии в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции (январь – апрель 1942 г.) Краснощеков уже не служил в ее рядах.

О том, что же произошло на самом деле, можно только гадать. Либо Краснощекова просто подвела память, и он перепутал обстоятельства двух окружений, и его дальнейшие показания в общем и целом соответствуют действительности, либо он скрыл факты своего пленения, попытки сдачи в плен или даже перехода на сторону противника и сотрудничества с ним в качестве агента, внедренного в партизанское движение. В последнем случае все показания Краснощекова о событиях, происшедших с ним до лета 1943 года являются сплошным вымыслом. К сожалению, никакими другими материалами, способными пролить свет на эти события, мы не располагаем. Посему нам придется вновь обратиться к показаниям Краснощекова, не забывая о том, что относиться к приводимым им фактам следует с величайшей осторожностью.

В конце января 1942 года шестеро окруженцев во главе со старшим лейтенантом госбезопасности Кузнецовым вышли в район Спас-Деменска, где встретились с партизанами, которые предложили им присоединиться к своему отряду. Примерно неделю спустя Кузнецов с Краснощековым, как командиры Красной Армии, были переданы в десантный отряд майора Осипова, действовавший поблизости. Вскоре Кузнецов заболел и был эвакуирован самолетом на «большую землю», а Краснощеков остался в отряде Осипова и несколько раз выполнял задания раз-

ведывательного характера. 21 марта 1942 года ему со взводом десантников было поручено заминировать железную дорогу близ станции Демидовка, однако десантники были обнаружены немецкой охраной, завязавшей с ними перестрелку. Не выполнив задания, Краснощеков со своим взводом присоединился к партизанскому отряду «Дяди Вани», вместе с которым 23 марта пытался атаковать станцию Демидовка, чтобы захватить оружие. В бою он был дважды ранен и утром следующего дня в бесчувственном состоянии попал в плен. Вместе с ним было пленено около 20 партизан. **Рис. 2.**

Из Демидовки пленных отправили в Смоленск, где Краснощекова поместили под стражу при лагере военнопленных. Здесь он пробыл примерно месяц, пока выздоравливал после ранений, и за это время один раз вызывался на допрос, когда сообщил о себе установочные данные, изменив при этом отчество на «Александрович», год рождения на 1914-й, скрыв факт своей принадлежности к госбезопасности, но назвавшись помощником начальника разведотдела штаба дивизии. Последнее вызвало интерес к личности Краснощекова со стороны немецких спецслужб, и несколько дней спустя он был направлен в Варшаву в управление Службы безопасности СД. Через год, в мае 1943 года, Краснощекова переводят в Берлин, в тюрьму на Александерплац. Работавший с ним офицер, якобы, пришел к выводу, что его подопечный нуждается в «перековке» в антисоветском духе и решил ввести его в круг военнопленных офицеров, которые под патронажем СД уже занима-

лись планированием организации в глубоком тылу Красной Армии массового повстанческого движения.

Речь идет о группе во главе с бывшим комбригом И.Г. Бессоновым, известной как «Политический центр борьбы с большевизмом» (ПЦБ). Она была образована осенью 1942 года в особом сборном лагере специального органа СД «Цепелин» на территории концлагеря Бухенвальд и действовала первоначально в районе Бреслау (монастырь Лейбус), а весной 1943 года была переведена в район г. Линдсдорф. Восстание планировалось инициировать путем заброски в северные районы СССР диверсионных

Рис. 3. Командование РОНА и офицеры немецкой полиции перед боевой операцией. В центре – Б.В. Каминский. Белоруссия, весна 1944 г.

групп из антисоветски настроенных военнопленных и освобождения заключенных ГУЛАГа. Одновременно с разработкой плана восстания, группа Бессонова занималась формированием бригады из трех усиленных батальонов, правда, деятельность в этом направлении шла медленно, и к лету 1943 года общая численность не превышала 300 человек. Офицерский лагерь ПЦБ располагался в д. Нидерлибке, куда в начале июня 1943 года Краснощеков был доставлен на поезде в сопровождении двух офицеров СД.

При внедрении в ПЦБ Краснощекову было предложено взять псевдоним и сочинить легенду, чтобы скрыть от новых сотрудников факт его пребывания в немецких тюрьмах. Таким образом, лейтенант госбезопасности Борис Яковлевич Краснощеков стал Борисом Александровичем Костенко, бывшим капитаном РККА. После ликвидации Центра, как не оправдавшего надежд, возлагавшихся на него германскими спецслужбами, Краснощеков-Костенко был оставлен в качестве переводчика при полковнике М.А. Меандрове («Соколов»), возглавившего остатки этой организации, переориентированной на борьбу с партизанами и агитационно-пропагандистскую работу среди населения оккупированных территорий. В составе группы «Соколова» летом – осенью 1943 года он выезжал в Себеж (район Великих Лук), а затем в Радом (Польша). Именно в районе Себежа 40 человек из отряда ПЦБ ушли к партизанам, после чего органы «Смерш» впервые получили сведения о «бывшем капитане Красной Армии» Краснощекове-Костенко.

В ноябре 1943 года «капитан Костенко» был командирован в Витебск, где ему предложили занять должность командира формируемого батальона Белорусской Краевой Обороны, однако он отказался, мотивировав тем, что не является белорусом и не знает белорусского языка. После этого бывшего сотрудника ПЦБ направили в Лепель, где в течение двух месяцев он работал в местном отделении СД переводчиком. Лепельское отделение СД являлось группой связи при Русской Освободительной Народной Армии (РОНА) Каминского, которая в сентябре 1943 года прибыла в Белоруссию из Орловской области и была размещена в районе Лепель – Чашники для борьбы с партизанским движением. В

феврале 1944 года переводчик Костенко познакомился с начальником штаба «армии» подполковником (бывшим капитаном РККА) И.П. Шавыкиным. Узнав, что Костенко – бывший капитан Красной Армии, к тому же еще с опытом работы в разведывательном отделе штаба дивизии, Шавыкин предложил ему перейти на службу в РОНА. Краснощеков согласился на это предложение, а немецкое начальство не препятствовало его переводу на новую должность. **Рис. 3.**

Приняв дела от прежнего начальника разведотдела, Костенко, получивший звание майора, начал налаживать работу этого органа, призванного обеспечивать командование РОНА информацией о дислокации, перемещениях и деятельности партизанских отрядов в зоне ее ответственности. Костенко занялся созданием собственной агентурной сети, для чего совершал поездки по деревням, вербуя местных жителей в качестве осведомителей, информировавших разведотдел о партизанах. Через жительницу с. Подосихи он установил контакт с Маркевичем – начальником контрразведки партизанской бригады генерал-майора Дубова (Дубровского), который при личной встрече 14 января 1944 года представился как подполковник. В собственноручных показаниях Краснощеков подробно перечисляет факты помощи партизанам:

«Я передал Маркевичу все данные об агентах, ранее засланных в партизанские бригады. Кроме того, Маркевичу передавались мною списки партизан, захваченных в плен бригадой, сообщения, благодаря чему партизанские отряды меняли места дислокации, и когда полки выходили на операцию по окружению этих отрядов – отряды заранее уходили. Мною были переданы известные мне места дислокации немецких войск, их вооружение, пути немецких колонн. В марте месяце Каминским были посланы в школу немецкой разведки в г. Минск ряд лиц... с целью после школы заслать их в СССР, фамилии их и все данные о них также были переданы Маркевичу. Вся литература, которую издавал начальник полит. управления бригады Бакшанский Павел, мною периодически передавалась Маркевичу... В начале марта 1944 года начала готовиться большая операция по окружению партизан в районе Ушачи. Бригада Каминского должна была полностью принимать участие в ней. Мною

было сообщено... о дне начала операции и районе, в котором должна была наступать бригада...»

Краснощеков показывал следствию, что опасаясь разоблачения, он поднимал вопрос о своем переходе в партизанскую бригаду, но в этом ему было отказано, поскольку внедрить на место Костенко нового агента было трудно. Его убедили продолжать работу и дальше, обещая, что Родина не забудет того, что он для нее сделал. В мае 1944 года бригада была переведена из Лепеля в г. Дятлово в Западной Белоруссии, и связь с Маркевичем прервалась. «В июле месяце, — сообщает Краснощеков, — я связался в Дятловском районе с комиссаром Ленинской партизанской бригады Макаровым. Я просил Макарова сообщить в штаб обо мне и получить для меня дальнейшую установку...».

Тем временем в Белоруссии уже полным ходом шло наступление Красной Армии. РОНА и сопровождавшие ее гражданские беженцы были выведены через Польшу и Словакию в Венгрию. Окончательно потеряв связь с партизанами, Краснощеков, по его словам, изменил характер своей деятельности: «Я сообщал Каминскому и Процюку (начальник Военно-следственного отдела РОНА, — С.Д.) ложные сведения, добытые мною якобы от моих агентов, о вражеской по отношению к Каминскому деятельности некоторых лиц... Все эти люди были ярые противники советской власти. Я клеветал

Процюку на офицеров бригады Каминского, а Процюк уже докладывал потом Каминскому... Офицерам я говорил, что Процюк за ними следит и, таким образом, складывалась атмосфера слежки друг за другом, доносов, клеветы...» В связи с реорганизацией соединения Костенко получил назначение на должность командира гвардейского батальона.

В начале августа 1944 года польская Армия Крайова начала восстание в Варшаве, на борьбу с которым немцы бросили крупные военные и полицейские силы, включая сводный полк РОНА. В ходе подавления восстания солдаты РОНА отличились убийствами, грабежами и насилиями в отношении гражданского населения, что препятствовало, по мнению германского командования, достижению соглашения о капитуляции повстанцев. Этот предлог был использован для расстрела Каминского, за которым последовало расформирование его армии, часть личного состава которой была передана на формирование 1-й дивизии РОА. В декабре 1944 г. эшелоны с каминцами прибыли в Мюнзинген, где солдат и офицеров распределили по формирующимся частям. Подчиненные Костенко составили кадровую основу 1600-го разведывательного дивизиона. О своей работе по разложению РОА изнутри Краснощеков подробно рассказывает в собственноручных показаниях:

Рис. 4. Кавалеристы разведдивизиона 1-й дивизии РОА на параде в Мюнзингене 10 февраля 1945 г.

Рис. 5. Танки Т-34 разведдивизиона 1-й дивизии РОА на параде в Мюнзингене 10 февраля 1945 г.

«Батальон (дивизион, – С.Д.) я начал формировать в январе, но окончательно я его не укомплектовал, так как большинство солдат я отослал обратно и набирал в большинстве людей из лагерей, необученных и необмундированных. Батальон был самым недисциплинированным в дивизии: процветали пьянство, самоувольнения, грабеж немцев, а так как бывшие военнопленные были необмундированные, а солдаты, приходившие из немецких частей, были хорошо одеты, то между ними часто происходили столкновения. Естественно, что при таком положении, когда солдату все прощалось, а офицерам я не позволял обижать солдат – солдаты меня любили... В батальоне происходил очень большой падеж лошадей – из-за плохого ухода. В солдатах искусственно разжигалась ненависть к немцам. ...Власов... предупредил меня, что если он еще раз услышит, что я проявлю себя чем-нибудь против немцев, он меня уволит». **Рис. 4 или 5.**

Все же для командования РОА и 1-й дивизии РОА заслуги «майора Костенко» казались, по-видимому, более весомыми, чем причиняемый им вред. Служивцы Краснощекова сообщили следствию о его награждении Железным крестом 2-й степени, одной серебряной и тремя бронзовыми медалями знака за храбрость и заслуги для восточных народов (в РОА), а также золотой медалью этого знака и часами (в РОА). Последнюю из своих наград – золотую медаль знака для восточных народов – Костенко получил в начале апреля 1945 года за организацию переброски дивизиона из учебных лагерей на Одерский фронт. Здесь 13 апреля в районе г.

Рис. 6. Танки Т-34 разведдивизиона 1-й дивизии РОА в Праге, 6-7 мая 1945 г.

Рис. 7. Бойцы 1-й дивизии РОА на броне танка. Прага, 6-7 мая 1945 г.

Фюрстенберга 1-я дивизия РОА вступила в бой с советскими войсками, атаковав удерживаемый ими плацдарм на западном берегу Одера. Атака не достигла поставленных целей, и генерал Буняченко принял решение оставить фронт и походным порядком идти в Богемию.

Дивизион Костенко возглавлял марш дивизии на юго-запад. Именно он первым вступил в контакт с представителями пражских повстанцев, что привело к открытому выступлению дивизии на стороне восставших. Приняв активное участие в боях с эсэсовцами на улицах Праги, дивизион понес большие потери. После того, как Чешский Национальный Совет отмежевался от действий власовцев, отказавшись заключать с ними какие-либо соглашения, дивизия была вынуждена уходить из Праги, чтобы избежать пленения наступающими частями Красной Армии. В полдень 12 мая Буняченко распустил дивизию, предоставив солдатам и офицерам право действовать на свой страх и риск. В этой ситуации Краснощеков-Костенко с группой офицеров и солдат дивизиона отправился навстречу наступающим советским частям. **Рис. 6 или 7**

Судебный процесс Военного трибунала войск НКВД охраны тыла Центральной группы войск над Б.Я. Краснощековым состоялся 14 сентября 1945 г. «Я совершил большое преступление перед Родиной, и пусть суд решит мою участь», – заявил подсудимый в своем последнем слове. Суд признал Краснощекова виновным по статье 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине) и приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего имущества и лишением

специального звания «лейтенант государственной безопасности». Краснощеков был расстрелян 17 декабря 1945 года близ г. Шапрон (Венгрия). В марте 1997 года в порядке исполнения закона СССР от 17 апреля 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» его дело рассматривалось военной прокуратурой Центрального региона Украины, которая признала фигуранта осужденным обоснованно и не подлежащим реабилитации. **Рис. 8.**

На страницах следственного дела перед нами вырисовывается совсем иной образ «майора Костенко», нежели тот, который может сложиться из скурых упоминаний об этом человеке на страницах мемуаров и исторических очерков – этакого отчаянного сорвиголовы и идейного борца против коммунизма. Скорее всего, Краснощеков никогда не имел намерений изменить тому строю, которому начинал служить в СССР, однако желание выжить и выбор для этого наиболее удобного и выгодного пути привели к неразрешимому конфликту с системой, уладить который

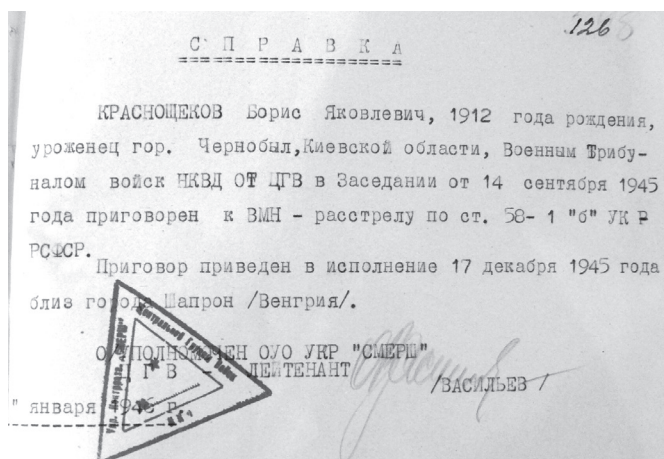

Рис. 8. Справка об исполнении приговора в отношении Б.Я. Краснощекова (ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 64532. Л. 126.)

не помогли, по-видимому, искренние, но возможно недостаточно активные попытки помочь своим, используя положение, занимаемое во вражеском лагере.

**По материалам архивного дела:
ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 64532. Л. 1-129.**

*Елена Николаевна Егорова,
Москва, Московская область,
член Союза писателей России,
руководитель литобъединения «Угреша»*

Подмосковный город Дзержинский в годы Великой Отечественной войны

Осмысливая жизнь подмосковного города Дзержинского, а тогда посёлка и прилегающих к нему деревень Гремячево, Денисьево, Кишкино, Алексеевка и Рязанцево, в 1941-1945 гг. и военные судьбы земляков, мы всё явственнее ощущаем, что Победа досталась нам чрезвычайно дорогой ценой и на фронте, и в тылу. Отсюда призвано в действующую Красную Армию около 1600 человек, из которых погибло около 670 – более 40 процентов. Среди них учителя и выпускники средней школы поселка, жители окрестных деревень, воспитанники и работники предприятий трудовой коммуны № 2 НКВД, в период 1927-1938 годов ставшей градообразующим учреждением. Их фамилии и инициалы выгравированы золотом на черных мраморных плитах городского Мемориала Победы.

В 1941 году фашистов остановили всего в 20 км от посёлка, который стал настоящим трудовым фронтом: трудоспособное население с самого начала войны было мобилизовано на строительство оборонительных сооружений, на производство пороховых зарядов и снарядов, колхозы выпускали нужную для фронта сельскохозяйственную продукцию. Многие участники трудового фронта отправлялись потом на передовую. Колхозники и жители посёлка жертвовали сбережения на строительство танков, самолё-

тов, подписывались на крупные для них суммы военных займов. Рис. 1, рис. 2.

Весной 1942 года по Москве-реке льдина вынесла в посёлок тело молодого бойца, погибшего в конце 1941 году в битве за столицу. Его заметили местные ребята и позвали школьную пионервожатую Ираиду Васильевну Першикову (Веденину). Она организовала погребение красноармейца. С помощью зенитчиков, дислоцированных в деревне Гремячево, павшего бойца торжественно похоронили на кладбище, пронеся по всему поселку.

Перед войной, в декабре 1940 года, Люберецкий производственный комбинат НКВД, объединивший предприятия бывшей трудкоммуны № 2, построенные в 1928-1938 гг., передали Наркомату боеприпасов. Так был создан завод № 512, начавший производство порохов и снарядов. В октябре 1941 года основную часть предприятия эвакуировали в Новосибирск, где к декабрю цеха смонтировали и запустили в зданиях недостроенной ткацкой фабрики. А в Дзержинском пришлось заново разворачивать производство, осваивать передовые технологии изготовления военной продукции, обучать персонал.

Всё это было сопряжено с огромными трудностями и даже жертвами на сложных и опасных участках. Недаром с июня 1943 года на многих заводах Наркомата боеприпасов, в том числе и

на заводе № 512, было введено военное положение. Все рабочие и служащие считались мобилизованными и закреплёнными по месту работы. За преступления по службе работники несли ответственность наравне с военнослужащими Красной Армии и подлежали суду военного трибунала. Руководящему составу и инженерно-техническим работникам спеццехов были присвоены воинские звания. За годы войны предприятие выпустило более полумиллиона снарядов и мин, около миллиона зарядов для снарядов М-13, предназначенных для знаменитых «Катюш». Выпускались также радиостанции и другая необходимая в военное время продукция. Посёлок был одной из многих опор фронту.

Однако на передовой нужны были не только снаряды, заряды, оружие, средства связи, боевые машины... Фронтовиков надо кормить, одевать, обеспечивать всем необходимым. Роль колхозов в этом деле очень важна. Как и везде, в деревнях Гремячево, Денисьево, Кишкино, Алексеевка и Рязанцево самоотверженно трудились женщины, подростки, старики, вернувшиеся инвалидами раненные фронтовики. Рис. 03.

На территории посёлка успешно работал кролиководческий совхоз, основанный в 1930 году и располагавшийся в районе нынешней школы № 5. Это место называли «на Кроликах». Совхоз, в 1938 году добившийся звания совхоза-гиганта и неоднократно участвовавший во Всесоюзных сельскохозяйственных выставках, обеспечивал фронт и тыл мясом кроликов, выделанными шкурками, вязаными изделиями из кроличьего пуха. Работал этот совхоз и после войны, а в середине 1960-х годов был переведён в Раменский район.

Ещё одним важным предприятием являлся гидроузел «Трудкоммуна» (шлюзы), имевший стратегическое значение: по Москве-реке на баржах перевозили множество грузов – от продуктов питания до военной техники. Неудивительно, что шлюзы были целью фашистских бомбардировщиков. И летом 1941 года по распоряжению Наркомречфлота в системе гидроузла был построен ложный шлюз, куда и сыпались вражеские бомбы.

Рис. 1 Строительство оборонительных сооружений. 1941 г.

Подобные способы маскировки применялись и в посёлке. На прудах строились ложные домики, с воздуха неотличимые от настоящих. Если бы их не возвели, число погибших и ущерб от бомбардировок могли быть гораздо больше. Пришлось вынужденно снести два верхних яруса высокой красавицы колокольни Николо-Угрешского монастыря, которая стала ориентиром для вражеской артиллерии. Посёлок и юго-восточные районы Москвы находились под защитой батарей ПВО, дислоцированных в деревнях Денисьево, Кишкино и Гремячево.

Вклад в Победу внесли коллективы предприятий посёлка и отдельные его жители на передовой и в тылу. Об их конкретных делах и подвигах, о жизни горожан в военные годы мы должны помнить, да и невозможно такое забыть.

Могила неизвестного бойца, похороненного в 1942 году на поселковом кладбище, всегда была ухожена. Там сначала установили деревянный обелиск с красной звездой, а позднее мраморную плиту. На этом месте ежегодно проводились митинги 9 мая и 22 июня, в тёплое время года дети постоянно украшали плиту полевыми цветами. В 1984 году прах солдата был перезахоронен во вновь обустроенном Сквере Победы под плитой из красного мрамора, ставшей центром мемориала. Рис. 4.

В городе Дзержинском в 2015-2020 гг. выпущена книга «Всё для Победы!» и четыре выпуска издания «Победители. Ветеранский альбом», где публикуются биографии и фотографии участников боевого и трудового фронта. О наиболее значимых и ярких судьбах ветеранов рассказывается ниже.

Антипычев Семён Михайлович (1917-1944), уроженец деревни Кишкино, до призыва работал на электрорадиозаводе № 4 трудовой коммуны № 2 НКВД. Призван в РККА в 1939 году, служил на Люберецком аэродроме. На фронте был с первых дней войны, совершил более 120 боевых вылетов в качестве воздушного стрелка-радиста. Воевал в 9-й гвардейском минно-торпедном полку ВВС Северного флота. В составе экипажа Героя Советского Союза Е.И. Францева на торпедоносце «Бостон А-20G» торпедировал две подводные лодки, четыре крупных транспорта и большой танкер, бомбил важные стратегические объекты фашистов в Норвегии. Был представлен к званию Героя Советского Союза. Геройски погиб вместе с Е.И. Францевым 15 сентября 1944 года. Награды: орден Боевого Красного Знамени, два ордена Отечественной войны II степени.

Бакаев Александр Семенович (1895-1977) своих первых наград – семи орденов – удостоился ещё в годы Первой мировой войны. Окончил Московский 3-й кадетский корпус (1912), Михайловское артиллерийское училище (1914), Артиллерийскую Академию РККА (1922). Во время Первой мировой войны офицер команды артиллерийских разведчиков, старший офицер батареи, дослужился до капитана. Демобилизовался в декабре 1917 года по ранению. В 1926 году впервые в Советском Союзе под его руководством были начаты работы по созданию и производству новых баллистических порохов для реактивной и ракетной техники. Он был дважды несправедливо осуждён – в 1930 и 1937 годах. Все годы заключения работал в Особом бюро НКВД, где руководил разработкой новой непрерывной технологии изготовления баллистических порохов с использованием шнек-прессов. С 1943 года работал главным инженером Особого бюро завода № 512 в пос. Дзержинском. В 1943 году судимости с Бакаева были сняты, а его труд отмечен награждением орденом Трудового Красного Знамени, в 1945 году он получил орден Красной Звезды. С ноября 1944 года он главный инженер опытно-исследовательского завода № 512. За выдающиеся достижения в области пороходелия стал дважды лауреатом Сталинской премии СССР. По его инициативе завод № 512 был преобразован в НИИ-125 (ныне ФЦДТ «Союз»), где он трудился заместителем директора по научной работе. Одновременно возглавлял кафедру технологии порохов в МХТИ им. Д.И. Менделеева, которую основал в 1934 году. В 1946 году

Рис. 2 Эвакуация завода № 512. Октябрь 1941 г.

удостоен Сталинской премии третьей степени за коренное усовершенствование технологии производства порохов. В 1947 году получил Сталинскую премию третьей степени за разработку новой технологии производства пороха. Награждён также орденом Ленина, удостоен почётного звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

Выдающийся советский учёный **Жуков Борис Петрович** (1912-2000) в годы Великой Отечественной войны работал начальником лаборатории в НИИ-6, эвакуированном в Кемерово. В 1941 году под его руководством были созданы рецептуры пироксилиново-селитренных порохов, чем решена задача обеспечения зарядами установки М-13 «Катюша» на период развертывания производства баллистических порохов. После войны Б.П. Жуков возглавил НИИ-125 (ныне ФЦДТ «Союз»), которым руководил 35 лет. Под его руководством предприятие было переориентировано на создание смесевых твердых топлив и совместно с другими предприятиями отрасли участвовало в разработке системы «Темп-С», «Темп-2С», «Пионер», «Тополь», «Точка» и «Ока», создавая ракетный щит государства. Б.П. Жуков – дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской, Государственной и Ленинской премий, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, академик АН СССР. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта» и другими орденами и медалями.

Воловинская Надежда Ксенофонтовна (1919–2012), урождённая Цветкова, в 1942 года после окончания Ивановского химико-технологического института получила воинское звание инженера-лейтенанта и была направлена на завод 512

в пос. имени Дзержинского. Работая сменным инженером, в 1943 году при взрыве установки для производства нитроглицерина в цехе № 4 была тяжело ранена. После войны перешла на научно-исследовательскую работу, трудилась в качестве старшего инженера, руководителя группы, старшего научного сотрудника, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, стала автором 150 научных статей и 20 изобретений.

Большая семья Выборновых, переселившаяся в посёлок в 1920-х гг., в полном составе участвовала в Великой Отечественной войне. Глава семьи **Выборнов Никита Егорович** (1884-1867) работал каменщиком-угловиком и печником, обслуживал печи в хлебопекарне, находившейся в стенах Николо-Угрешского монастыря, которая обеспечивала хлебом поселок и ближайшие деревни перед войной, во время войны и после неё. Трудилась и его супруга **Мария Ивановна Выборнова** (1883-1971). Трое их сыновей воевали на фронте.

Выборнов Сергей Никитович (1909–1941) 28 августа 1941 года был призван на фронт, воевал рядовым красноармейцем в 235-м пехотном полку. Погиб под Смоленском в октябре 1941 году.

Выборнов Борис Никитович (1917-1942) в 1938 году был призван в РККА, служил краснофлотцем на Тихоокеанском флоте. Когда началась Великая Отечественная война, был переведен на Северный флот в морскую пехоту – 254-й отдельный стрелковый батальон, в Северный оборонительный район. Погиб в бою 15 августа 1942 года, похоронен на полуострове Рыбачьем.

Выборнов Иван Никитович (1912-1972) в 1934-1936 гг. прошёл срочную службу в РККА, в 1939 году был призван из запаса и в составе своей части занимал Западную Украину и Западную Белоруссию. В октябре 1941 г. вновь призван на фронт, служил старшиной роты линейной связи 28-й танковой бригады, которая обороняла Москву на Волоколамском направлении. Когда при прорывном наступлении фашистов связь прервалась, а командир роты был убит, И.Н. Выборнов взял командование на себя и успешно вывел всех бойцов через линию фронта к советским частям. Продолжил воевать в 28-й таковой бригаде на Калининском фронте, в декабре 1942 года

был тяжело ранен. От ампутации ноги отказался, долго лечился в госпиталях. После войны работал в отделе снабжения завода № 1 (ныне в составе ФЦДТ «Союз») руководителем строительной группы. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими.

Его супруга **Выборнова Валентина Степановна**, в девичестве Климова (1924 г.р.) в июне-июле 1941 года участвовала в подготовке взлетной площадки для аэродрома близ города Погорелое Городище, а затем в строительстве противотанковых рвов подо Ржевом. Осенью 1942 года переехала в поселок имени Дзержинского. Окончила Центральную зубоврачебную школу в Москве и с 1947 до 1984 год работала стоматологом в Дзержинской поликлинике. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», знаком «Отличник здравоохранения».

Еремеев Фёдор Петрович (1916-2008) до войны ударно работал в посёлке имени Дзержинского каменщиком, был награждён орденом Трудового Красного Знамени. В октябре 1941 году в Новосибирске участвовал в строительстве помещения для эвакуированного цеха завода №512. В марте 1942 года был призван в РККА, командовал взводом миномётной роты на Калининском, Западном и 1-м Прибалтийском фронтах. О его героизме свидетельствуют строки из наградного листа: «8.08.1943 г., подавив огонь 37 мм орудия, тов. Еремеев лично сам повернул его в сторону противника и вёл уничтожающий огонь по живой силе противника. 7.08.1943 г. при захвате минбатарей и склада мин противника тов. Еремеев использовал более 1450 немецких мин по

Рис. 3 Расчет батареи ПВО, дислоцированной в деревне Кишкино. 1941 г.

немцам. За время наступательной операции миномётная рота уничтожила более 185 немецких солдат и офицеров, подавив своим огнём 4 дзота и 12 миномётных гнёзд противника». В 1944 году был дважды ранен и контужен, на поле боя под Оршей его нашла и вытащила к медсанбату санитарная собака. По излечении командовал батальоном, дошёл до Берлина. После войны вернулся в посёлок имени Дзержинского, где продолжал работать на заводе по специальности. Награждён орденами Трудового Красного знамени, Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими.

Кофман Лев Абрамович (1925-1943) в 1941 году после окончания Дзержинской средней школы работал на заводе № 512. 14 августа 1943 года был призван в РККА. Воевал рядовым стрелком на 1-м Прибалтийском фронте. Приказом от 10 октября 1944 года был награждён орденом Красного Знамени за подвиг: «21.9.43 г. ... во время контратаки противника, наступающего в полный рост превосходящими силами, тов. Кофман ... с небольшой группой бойцов отбил немецкую контратаку, лично сам уничтожил 2-х солдат, повернул захваченный им у противника станковый пулемёт и открыл огонь по отступающему противнику, причём уничтожил более 25 солдат и офицеров противника». Скорее всего, он не успел получить орден – 13 октября 1943 года погиб под Витебском.

Репин Аполлоний Никанорович (1917-2009) после окончания Дзержинской средней школы работал учителем физкультуры, с первого курса Московского педагогического института был призван на срочную службу в ПВО. Участвовал в боях под Сталинградом, на Курской дуге, под Винницей, на Днестре, под Феодосией, где в марте 1942 года был тяжело ранен, причём пуля пробила фотографию, на которой он был снят с товарищами в декабре 1941 год в Новороссийске. В 1943 году получил второе тяжёлое ранение. Командуя 225-м отдельным зенитно-ракетным дивизионом, проявлял исключительную смелость и находчивость. Победу встретил в Польше. После войны А.Н. Репин продолжал службу в Вооружённых Силах СССР, ушел в запас в 1961 году в звании полковника. Вернулся в посёлок имени Дзержинского, работал на оборонном предприятии прибористом. Избирался заместителем председателя Дзержинского поссо-

вета, председателем Совета ветеранов города. Свою жену **Репину Раису Иосифовну (1923-2016)**, в девичестве Отвиновскую, встретил на фронте. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу под Сталинградом», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими.

Родионов Николай Тимофеевич (1918-2019) окончил дзержинскую школу в 1938 году, поступил в институт, но вскоре был призван в армию, служил начальником радиостанции ВВС Тихоокеанского флота, участвовал в войне с Японией. Во время одного из вражеских налетов получил ранение тазобедренного сустава. После войны окончил Всесоюзный заочный институт торговли, работал в Министерстве торговли СССР, НИХТИ (ныне ФЦДТ «Союз»), возглавлял Люберецкий промторг, многократно избирался депутатом Люберецкого горсовета. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Японией», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими. Часто встречался с молодёжью, выступал на мероприятиях. Дожил до 100 лет.

Выдающийся русский советский поэт **Смеляков Ярослав Васильевич (1913-1972)** в 1934 году был арестован по ложному обвинению, осуждён, но в начале 1937 года досрочно освобождён и на правах воспитанника направлен в трудкоммуну № 2 НКВД, где работал ответственным секретарём многотиражной газеты «Дзержинец». В ноябре 1939 года был призван в действующую армию рядовым, принял участие в советско-финляндской войне. В 1940-1941 гг. жил и работал в Москве. В мае 1941 года призван из резерва во 2-ю легкострелковую бригаду рядовым. Участвовал в боях на подступах к Ленинграду, в Карелии, вместе с частью попал в окружение и финский плен, где находился до осени 1944 года. После проверочного лагеря в 1945-1948 гг. работал в Сталиногорске (ныне Новомосковск) ответственным секретарём местной газеты, затем вернулся в Москву. В 1951 году В 1951 по доносу двух поэтов вновь арестован и отправлен в заполярную Инту. В 1955 году амнистирован, в 1956 г. был реабилитирован и восстановлен в Союзе писателей СССР, где руководил секцией поэзии. Является лауреатом Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола, награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть».

Рис. 4 9 мая 1945 г. в посёлке имени Дзержинского

Ступников Фёдор Андреевич (1923-1989) жил, работал и учился в посёлке имени Дзержинского с января 1936 года, посещал художественную студию. В 1941-1945 гг. воевал на Западном, Северо-Западном, Воронежском, Степном, 1-м и 2-м Украинских фронтах, был замполитом взвода, затем части. Участвовал в спасении ценностей Дрезденской картинной галереи. Всю войну носил в вещмешке толстый библиотечный фолиант о французских художниках «От Шардена до Курбе», который не успел сдать перед уходом на фронт: хотел честно вернуть книгу после войны. Во время одного из боёв книга спасла ему жизнь: в ней застряли смертоносные осколки от снаряда. С этой книгой он изображён на портрете кисти народного художника РСФСР Н.Н. Горлова. Ф.А. Ступников удостоился 18 благодарностей Верховного Главнокомандующего, награждён орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За освобождение Праги». Демобилизовавшись, в 1947-1951 гг. жил в посёлке Дзержинском, работал художником, старшим техником в конструкторском отделе

НИИ-125, руководил местной изостудией. В июле 1951 году вернулся на военную службу по офицерскому набору. Выйдя в отставку в звании майора, жил в Москве. Тема войны была основной в творчестве члена Союза художников СССР Ф.А. Ступникова.

Токаренко Иван Филиппович (1922 г.р.) беспризорничал с 9 лет после смерти отца и разорения семьи. В 1935 году попал в детский дом в Краснодаре, откуда его перевели в трудкоммуну № 2. НКВД. Он получил специальность токаря и работал на фабрике музыкальных инструментов, затем на заводе «Спартак». В 1940 году призван в армию, служил в Забайкальском

округе в 17-й армии на территории Монголии. Весной 1941 году назначен командиром танка Т-34. Участвовал в войне с Японией, освобождал г. Джанбай и столицу внутренней Монголии Баотоу. На выходе из города танк И.Ф. Токаренко подорвался на mine, сам танкист был легко ранен в левую ногу, но от госпитализации отказался. Освобождал г. Калган. Награждён орденом Отечественной войны II степени и медалями. После демобилизации в 1946 году возвратился в посёлок Дзержинский, поступил на опытный завод № 1, работал токарем, затем окончил техникум, работал в цехах № 14, 2 и 3 начальником бюро труда и зарплаты, инженером в отделе труда и зарплаты.

Большое видится на расстоянии: с каждым годом, прошедшим с мая 1945-го, роль Победы в Великой Отечественной войне становится всё значимее и важнее для нашего народа вопреки агрессивным попыткам ряда нечестных политиков переписать историю «в свою пользу». У нас же «никто не забыт, ничто не забыто».

В 2017 г. Постановлением Президиума Межгосударственного союза городов-героев городу Дзержинскому Московской области присвоено почетное звание «Город трудовой доблести и славы».

ЛИТЕРАТУРА:

«Все для Победы! Город Дзержинский Московской области. Очерки, воспоминания, стихи / Ред.-сост. Егорова Е.Н. – Дзержинский Московской области: ДМУП «Информационный центр»; МАУК «Культурно-эстетический центр»; ФГУП ФЦДТ «Союз»; Московская областная организация Союза писателей России (литобъединение «Угреша»), 2015.

Победители. Ветеранский альбом. Вып. 1-4 / Ред.-сост. Егорова Е.Н. – Дзержинский Московской области: ДМУП «Информационный центр»; МООБО «Общество «Семь Я»; Литературное объединение «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России, 2015, 2016, 2018, 2020.

*Анатолий Петрович Жарский,
Россия, Санкт-Петербург, Северо-Западный НИО
Научно-исследовательского института
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник, кандидат военных наук,
член-корреспондент РАН*

«...Наземные коммуникации Ленинграда не могут считаться надежно обеспеченными, пока в руках противника находится мгинский узел...» (Проблема расширения Приладожского коридора в 1943 г.)

После прорыва блокады Ленинграда (18 января 1943) образовался Приладожский коридор шириной от 8 до 11 км, по которому была восстановлена сухопутная связь города со страной. Проложенная по этому узкому коридору (вдоль южного берега Ладожского озера) железнодорожная линия Шлиссельбург – Поляна [1] значительно облегчила положение войск Ленинградского фронта и жителей города.

Однако подвоз грузов в Ленинград железнодорожным путем был крайне затруднен. Отдельные участки пути находились под постоянным воздействием артиллерии противника и систематически разрушались. Задание Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) о восстановлении сухопутных связей Ленинграда и Ленинградского фронта со страной в ходе проведения операции «Искра» было выполнено лишь частично [2].

В целях разгрома мгинско-синявинской группировки противника и расширения Приладожского коридора силами войск Ленинградского

и Волховского [3] фронтов в 1943 г. было проведено три наступательные операции: Тосненско-Мгинская [4, с. 329] (10–27 февраля), Войтолово-Мгинская (19 марта – 2 апреля 1943) и Мгинская (22 июля – 22 августа) [5, с.165]. Данные операции по результатам оказались «незавершенными». Задачи, поставленные войскам в оперативных директивах командующего фронтом, были не выполнены. Расширить коридор прорыва и обеспечить прочную железнодорожную связь со страной не удалось. Вероятно, это и стало одной из основных причин того, что описание этих «нерезультативных» операций из контекста советской историографии битвы за Ленинград было «вычеркнуто».

В Советской военной энциклопедии упоминается лишь об одной из них – «Мгинской операции – 1943», в которой было задействовано более четверти миллиона человек (в ходе операции было потеряно около 80 тыс. чел.). На подготовке операции «Брусилов» автор, опираясь большей частью на документы, отложившиеся в фондах Центрального архива Министерства

обороны Российской Федерации (ЦАМО), хотел бы остановиться более подробно.

Как следует из письма Л.А. Говорова (№ 00 1530 от 8 апреля 1943 г.) И.В. Сталину, в котором командующий Ленинградским фронтом изложил «соображения об оперативных задачах Ленинградского фронта на весенне-летний период 1943 г.», операция «Брусилов» должна была стать логическим продолжением незавершенных ранее Тосненско-Мгинской и Войтово-Мгинской операций. В письме, в частности, подчеркивался тот факт, что:

«...наземные коммуникации Ленинграда не могут считаться надежно обеспеченными, пока в руках противника находится Мгинский узел, задача по овладению которым осталась невыполненной истекшей зимой. Наряду с этим, сам город продолжает находиться в сфере действительного артиллерийского огня, пока противник владеет ближайшими подступами к городу на Красносельском и Пушкинском направлениях.

Имея в руках Мгинский, Красносельский, Пушкинский и Красногвардейский узлы, противник продолжает угрожать Ленинграду, его коммуникациям и связывает возможности Ленинградского фронта <...>

Овладение Мгинским узлом, с выходом на фронт Ульяновка, Шапки, надежно обеспечит наземные коммуникации Ленинграда. Выполнение этой задачи составляет ближайшую оперативную цель Ленинградского фронта и создает перспективу, в зависимости от обстановки, дальнейших действий на Кингисеппском и Лужском направлениях...» [6, л.119-123].

Для участия в «Мгинской операции – 43» (Рис. 1) советское командование привлекало 67-ю армию (далее 67А) Ленинградского фронта (командующий генерал-лейтенант М.П. Духанов) и 8А Волховского фронта (командующий генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков). Кроме того, в случае первоначального успеха общее наступление должны были поддержать части 55А Ленинградского фронта (командующий генерал-майор В.П. Свиридов).

67А наносила главный удар на участке Арбузово – Синявино; вспомогательный удар – восточнее синявинских высот на участке Синявино – Гонтовая Липка [8, с. 271–273]; 8А главный удар наносила из района Воронова на участке фронта шириной 13,5 км вдоль Кировской железной до-

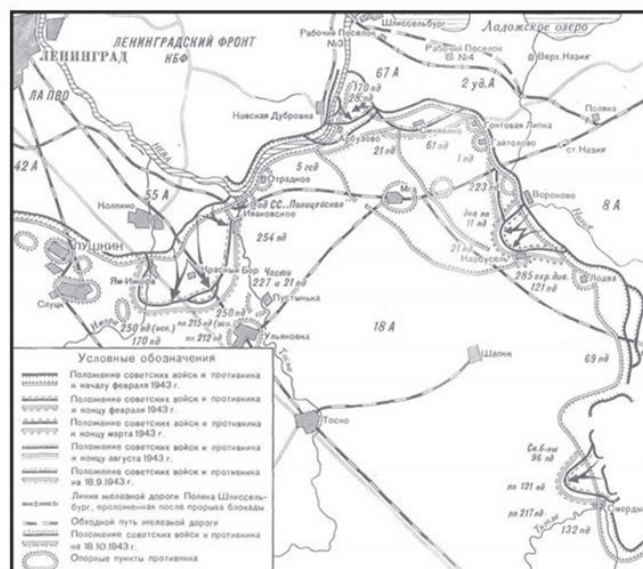

Рис. 1. Боевые действия под Ленинградом в феврале – декабре 1943 г.;

роги сначала на Славянку, пос. Михайловский, затем – на Мгу; вспомогательный удар (для обеспечения левого фланга ударной группировки), наносился из района Погостья в направлении Карбусель – Турышкино (вдоль железнодорожной ветки Мга – Кириши) [9, с. 219–224].

Порядок взаимодействия войск 67А с Краснознаменным Балтийским флотом (КБФ) и задачи флота в предстоящей операции были изложены в оперативной директиве штаба Ленинградского фронта № 0027/оп от 13 июля 1943 г., а взаимодействие с Ладужской военной флотилией осуществлялось в соответствии с боевым распоряжением командующего фронтом командующему флотилией капитану первого ранга В.С. Черокову [10], № оп/1066сс от 23 июля 1943 г.

Полевое управление Ленинградского фронта во время подготовки и проведения операции «Брусилов» эшелонировалось по трем ПУ: командном пункте (КП), размещенному в Шуваловском дворце; втором эшелоне штаба (ТПУ) – во Всеволожке; вспомогательном пункте управления (ВПУ) – Вирки (около озера Коркинское) [11]. Командующий фронтом генерал-полковник Л.А. Говоров (во время подготовки и проведения операции «Брусилов») находился на КП фронта (Шувалово).

Всего для участия в операции в составе 67-й и 8А было привлечено 253 330 чел [12, с. 142.] и до 550 танков и САУ. Кроме того, с 29 июля по 12 августа поддержку наступающим войскам также оказывала авиация дальнего действия, нанося

удары по коммуникациям противника в тылу группы армий «Север».

Обороняли мгинско-синявинский выступ семь дивизий 18А группы армий «Север» (командующий генерал-полковник Георг Линдеман [13]), и две дивизии находились в резерве. Всего группировка войск противника насчитывала до 100 000 чел. и около 150 танков. Поддержка с воздуха осуществлялась частью сил 1-го воздушного флота.

При подготовке операции «Брусиллов» значительное внимание было уделено изучению, обобщению и учету опыта предыдущих «незавершенных» операций (зимы и весны 1943). На подготовку летней операции ушло более двух с половиной месяцев. При этом основные усилия были направлены на совершенствование знаний и навыков при наступлении на сильно укрепленную оборону противника в условиях лесисто-болотистой местности, а также организации взаимодействия войск.

Публикуемая ниже (с незначительными изъятиями) стенограмма совещания, проведенного командующим Ленинградским фронтом генерал-полковником Л.А. Говоровым с Военным советом 55А, дает автору основание полагать, что оперативные звенья управления Ленинградского фронта в этот период еще не имели достаточного опыта в планировании и проведении крупных наступательных операций.

Вероятно, здесь нельзя (в определенной степени) не согласиться с весьма категоричной оценкой ситуации (сложившейся после двух неудачно проведенных операций), изложенной И.В. Сталину в апреле 1943 г. представителем Ставки ВГК К.Е. Ворошиловым:

«...потери в людях в этих операциях весьма велики; расход боеприпасов, по сравнению с достигнутыми успехами, большой; потери в танках значительные.

Все это результат не только и, по-моему, даже не столько потому, что силен враг, сколько вследствие того, что мы недостаточно хорошо подготовились к этой операции <...>. Следует также учесть, о чем я однажды уже доносил вам, что войска, привыкшие сидеть длительное время в обороне, медленно усваивают даже элементарные приемы наступательных действий».

Впрочем, материалы публикуемого стенографического отчета заседания Военного совета 55А,

проведенного командующим фронтом (как представляется автору) с вышеизложенными оценками К.Е. Ворошилова согласуются вполне [14].

«Замечания Командующего фронтом Генерал-полковника т. Говорова, сделанные им Военному Совету 55 армии [15, л. 96–98]:

1. О противнике: знание противника Военным Советом 55 Армии никуда не годится; передний край проходит не там, где он имеется в действительности. Глубина обороны противника неизвестна. Никакого представления – ни о группировке противника, ни о системе его обороны, ни о глубине – «пустая карта» (Командующий войсками фронта потребовал приказ № 055 и процитировал указываемые в нем недочеты по вопросу об изучении противника и заявил: «Белую карту с одними стрелами смотреть не буду»).

2. **КВ** [16] [командующий войсками]: – Установлено ли наблюдение за противником от Штарма [17]?

(**т. Свиридов** [18]) – Да, установлено.

КВ фронтом: – Какие получены доклады? Плохо Вы знаете противника... Что делают командиры сд [19]? Имеются ли схемы построения их боевых порядков? Сколько стрелковых батальонов действует в первом эшелоне? Плотность бойцов, сколько метров интервалы между стрелками?

(**т. Свиридов**) – Командиры дивизий получили задачу (границы пока еще не даны) и завтра будут проводить свои рекогносцировки, приняв свои предварительные решения по карте. Общая плотность людей – 2 метра на одного человека.

КВ фронтом: – (зачитывает доклад начальника отдела боевой подготовки) Действительно отдел подготовки прав, обвиняя Вас в том, что строите Вы свои боевые порядки с интервалом 1 шаг, а пулеметам места нет, и они идут сзади. Учим наступать батальоном на фронте 1000 метров, а воюем на фронте 500 метров, а результат – 70% потерь.

Командующий Армией обязан сам решить вопрос о построении боевых порядков до батальона и знать их; должен учить командира батальона, ведь он лейтенант. Помогите ему грамотно воевать.

– Есть ли ориентированная карта с наименованием просек, лесных деленок?

(**т. Свиридов**) – Пока нет. Готовим.

КВ фронтом: – Такая карта должна быть тщательно подготовлена, каждый квадрат лесных

Слева направо:

Рис. 2. Командующий 67А Ленинградского фронта генерал-лейтенант М.П. Духанов;

Рис. 3. Командующий 8А Волховского фронта генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков;

Рис. 4. Командующий 55А Ленинградского фронта генерал-майор В.П. Свиридов.

делянок должен быть четко обозначен. (Командующий армией с циркулем проверяет задачи, поставленные дивизиям на главном направлении) – почему допускаете расходящиеся полосы для дивизий, действующих на главном направлении? Этого делать нельзя, такое решение неправильно, порочно, его надо браковать ... До сих пор еще не поставили задачу артиллерии? (Зачитывает требование приказа № 055).

Где штабы противника?

(т. Свиридов) – Я полагаю...

КВ Фронтом – Покажите на карте ... Значит, задачу, поставленную Вам приказом по нарушению управления противника, Вы не выполнили? ... Предупредите Вашего начальника РО, что если он не организует добытие данных о противнике, то у него будут сняты оба ордена...

КВ Фронтом – Запишите: артиллерия в период подготовки должна:

1) Подавить передний край обороны противника и его огневую систему на 1,5 км глубины (точно изученного противника);

2) Все землянки противника на глубине 2 км – глубина полка противника;

3) Места расположения штабов от ПБ до ПД (как это было сделано на «НЕВА»), тогда не будут действовать и минометные батареи;

4) Обработать противника огнем на глубину 6 км. Продолжительность артподготовки сколько у Вас?

(т. Свиридов) – 2,5 часа.

КВ фронтом – А Ваш Начарт [20] докладывал, что 35 минут. Куда Вы будете палить в течение трех часов, не зная противника?

Дать массированные налеты, предусмотрев вариант в 35 минут с ложным переносом.

Как намечены тактические скачки пехоты? Методика ее действий в условиях лесного боя? – надо точно руководствоваться указаниями устава о бое сд в лесу (зачитывает устав)... Организовать обязательно разведку и охранение в лесу, как того требует устав.

Исходный плацдарм использовать:

1) Как укрытие;

2) Как огневой рубеж.

Иметь решение о построении боевых порядков за каждый сб с расчетом ширины фронта. Против обычных 1000 шагов на батальон иметь 600 шагов, увеличив глубину боевых порядков.

Темпы наступления. Не допускать никакого лежания. Остановка на месте только для занятия огневого рубежа. Если рота не продвигается в течение свыше 30 минут, то ксп [21] обязан принимать немедленно решение о ее продвижении (помощь, маневр и т. д.), как того требует приказ № 055.

Организационные вопросы в процессе наступления. Во все время наступления иметь полноценными, способными к выполнению боевой задачи подразделения – взвод, рота. Подразделения, понесшие потери, немедленно сводить, с таким расчетом, чтобы они имели возможность выполнять боевую задачу.

О ночных действиях: правильно обвиняет отдел боевой подготовки штабы армии и дивизий в том, что они виноваты в невыполнении боевых задач подразделениями ночью, потому что ставят задачи на ночные действия уже в темное время. Требую задачи на ночные действия батальонам ставить до 14.00 и не позднее.

При подготовке плацдарма принять меры секретности; не допускать без надлежащих предупредительных мер использование свежих подразделений.

О строительстве дорог: на каждую сд иметь минимум одну дорогу. Для ОП артиллерии оборудовать дерево-земляные укрытия» [22].

Несколько позднее [23] командующий Ленинградским фронтом генерал-полковник Л.А. Говоров дает указания Военному совету 55А проверить, усвоили ли в звене стрелковый батальон – стрелковая рота – стрелковый взвод следующие тактические приемы действий по этапам:

I-й этап – выход частей в исходное положение.

1. Маршруты подразделений.
2. Порядок занятия исходного положения (до отделения включительно).
3. Схема исходного положения (где, что и для кого подготовлено; исходное положение для танков, ОП, расположение людей и огневых средств).

Примечание: командир батальона отвечает за каждого потерянного человека в исходном положении.

II-й этап – артподготовка.

1. Твердо знать график артиллерийской подготовки и распределение артиллерийских огневых средств по задачам.

2. Спланировать использование своих тяжелых огневых средств, участвующих в подготовке атаки.

III-й этап – бросок в атаку.

1. Иметь общий сигнал атаки – серия ракет (проверить в подразделениях, сколько имеется ракетниц, ракет и соответствие их цветов).

2. Спланировать – какие средства идут сразу с атакующими и какие огневые средства остаются на ОП и своим огнем поддерживают атаку (идут: 50мм минометы, 45мм пушки и 1/3 82мм минометов; остаются: 76мм орудия и 82 мм минометов).

3. Выделить специальных ответственных лиц во взводе, роте, которые могут показать пример подъема бойцов в атаку.

4. Предусмотреть меры репрессивного характера против трусов. Командиры батальонов лично отвечают за быстроту подъема своих людей в атаку.

5. Предусмотреть подготовку специальных интервалов в боевых порядках для стрельбы станковых пулеметов, которые будут с места обеспечивать бросок в атаку.

IV-й этап – бой в глубине.

1. Проверить твердость знаний приемов борьбы за овладение лесными просеками и делянками (порядок вывоза и обработки артиллерией лесных делянок, занятых противником. Использование своей огневой группы для подготовки броска в атаку) <...>.

3. Как уяснено командирами указание о сведении подразделений [24], потерявших боеспособность.

4. Что берется личным составом с собой при наступлении (вещевых мешков не брать, иметь с собой противогазы).

5. Какие меры приняты к отработке вопросов взаимодействия с подвижной группой.

6. Обратить особое внимание на обман противника» [25, л. 108].

В контексте содержания последнего пункта вышеизложенного документа нельзя не остановиться на замечаниях начальника штаба фронта «на плане мероприятий по демонстрации наступательных действий на фронте 67 армии». В нем излагается перечень мероприятий по дезинформации противника, которые должны проводиться как по линии войсковой разведки, так и каждым начальником родов и специальных войск. Так, например, начальник штаба фронта требует:

«1. В течение ночи два стр. полка 90 сд с двумя батареями вывести на правый берег р. Нева и днем обратным маршем через две переправы – у Марьино и Черная Речка продемонстрировать сосредоточение войск на левом берегу р. Нева.

2. [Организовать] Движение в дневное время 123 ОСБр группами до 70 чел., продемонстрировать движение войск к переправам через р. Нева.

3. [Обеспечить] Выделение команд и частей в районы ложного сосредоточения войск с целью оживления последних – днем усилением движения, а ночью кострами (но в норму)...

По связи.

1. В лесах вост. Беляевское болото, южнее и юго-восточнее Нильня, Мельница – организовать работу не менее 3-х радиостанций дивизионного типа и до 15 радиостанций типа полковых и батальонных. Обязать радиостанции дивизионного типа поддерживать периодическую связь с армейской радиостанцией на поверку связи и изредка передачу шифротелеграмм сверху вниз.

2. Организовать открытые телефонные переговоры в звене батальон, полк, дивизия, содержание которых характеризовало бы прибытие на фронт новых частей» [26, л. 109–112].

Не менее важным направлением работы органов Полевого управления фронта по учету и внедрению накопленного в ходе предыдущих боев опыта стала разработка указаний и инструкций, обобщающих опыт боевого применения родов и специальных войск. В этой связи, прежде всего, заслуживают внимания указания командующего фронтом, изложенные в приказе № 0086 от 5 апреля 1943 г. «По вопросам боевого распределения артиллерии и о расходе боеприпасов». В них, в частности, указывалось:

«Операции [Тосненско-Мгинска (10–27 февраля) и Войтолово-Мгинская (19 марта – 2 апреля 1943) – А.Ж.], проведенные 67-й и 55-й армиями, показали огромное значение ударных артиллерийских группировок как мощного резерва, обеспечивающего прорыв укрепленной полосы противника. Артиллерийский и минометный огонь нанес огромный урон живой силе и технике противника. Одновременно выявлен и ряд крупных недостатков в использовании ударных артиллерийских группировок, снизивших результат их воздействия на противника и эффективность действий наших войск и повлекших неоправданный перерасход боеприпасов.

В боевом распределении артиллерии допущены следующие ошибки: стрелковые дивизии перенасыщались артиллерией. Опыт показал, что командование сд может справиться только с ограниченным составом артиллерии ПП. Управление созданными в дивизиях группами общего назначения для массированных ударов и контрминометными группами сказалось непосильной задачей для командиров дивизий и их командующих артиллерией.

Артиллерийские дивизии не использовались централизованно для решения задач контрбатарейной, контрминометной борьбы и поддержки пехоты, а дробились по дивизиям; штабы артиллерийских дивизий и бригад выключались из управления.

Артиллерийские группировки, приданные дивизиям, несмотря на изменения задач последних, в ходе операции оставались неизменными; были случаи, когда сд, перейдя на вспомогательные направления или к обороне, сохраняли ударную группировку артиллерии, что вело к огромному перерасходу снарядов.

Порочность применявшегося метода распределения боеприпасов заключалась в том, что на все артиллерийские и минометные полки давался один и тот же лимит, без учета их тактического назначения; в соединении с указанными выше недостатками боевого распределения и управления это приводило к тому, что уже в первый период боя вся артиллерия быстро расходовала весь свой лимит, а далее или обозначала огонь, или, как правило, выходила из лимита. При назначении лимита совершенно не учитывалось, что для обеспечения непрерывности артиллерийской поддержки вовсе не требуется непре-

рывно вести огонь всеми полками ударной артиллерийской группировки» [27, л. 131, 132].

В приказной части командующий фронтом требовал с учетом вышеизложенного: устранить «гибельную равномерность артиллерийского огня в бою по времени и месту» и исключить возможность недопустимого перерасхода боеприпасов.

Не менее, на взгляд автора, значимы и рекомендации по тактике действий танков в условиях лесисто-болотистой местности, разработанные начальником штаба БТ и МВ Ленинградского фронта полковником Н.А. Полевым [28]. Некоторые положения и выводы из этого документа, как нам представляется, имеет смысл привести, так как они не могли не оказать влияния на планирование боевого применения танковых частей при подготовке к полному освобождению Ленинграда от блокады в начале 1944 г. Так, в пунктах 4 и 5 рекомендаций обращается внимание на то, что:

«4. <...> Боевое применение танков в лесисто-болотистой местности возможно в узких коридорах вдоль дорог, просек, полосок межболотных пространств, различных по ширине и иногда не параллельных друг другу. В этих условиях нельзя вести развернутым строем не только ТБ, но даже и танковую роту. При попытках развернуть фронт танковой атаки мы сталкиваемся с массовым застреванием танков в болотах. Узкий по фронту, но глубокий боевой порядок танковой части является невыгодным, он чрезвычайно уязвим ПТ огневыми средствами противника. При узком боевом порядке танковые части попадают в огневой мешок ПТ огневых средств противника и бесцельно несут потери.

5. В лесисто-болотистой местности, при преодолении боевыми порядками пехоты и танков узких полосок танкодоступной местности, где нет возможности развернуть в боевой порядок даже танковую роту, танки должны наступать за пехотой. При этом только головные танки, выполняющие роль танков разведки, смогут своим огнем поддерживать наступление пехоты, а танки,двигающиеся за головными, обязаны находиться в готовности к боевому развертыванию, как только будет допускать местность...» [29, л. 9–13].

В заключительной же части рекомендаций в резюмирующей форме указывалось: «...наступление в лесах требует установления

тесного взаимодействия танков с пехотой, поэтому пехоту следует прикрепить к танкам из расчета: танк – стрелковый взвод, танковый взвод – стрелковая рота, танковая рота – стрелковый батальон, танковый батальон – стрелковый полк; там, где участок между дорогами покрыт густым толстым строевым лесом, то действия танков будут ограничиваться вдоль дорог и просек; на каждую дорогу, просеку для взаимной поддержки нужно иметь от одного взвода до роты танков».

Танки, как правило, следуют в боевых порядках пехоты в 50–100 м позади ее передовых подразделений, а отыскание целей для танков производит пехота. Для этого на каждом танке должно находиться 1-2 чел. проводников-показчиков цели; причем эти же проводники предупреждают танки от возможного попадания их в воронки, канавы и т. п.; в глубине обороны противника возможны завалы, засеки, минные поля и пр., поэтому вместе с танками должны следовать группы разграждения с необходимыми средствами, из расчета: одна разградгруппа на каждую дорогу, просеку, где будут действовать танки; танкам должны быть выделены орудия сопровождения танков батальонного и полкового типа, из расчета 2-3 орудия на каждую танковую роту. Пехота должна установить наблюдение за каждым танком и не давать своим огнем подходить противнику к ним.

Представляет интерес и «Инструкция по организации исходных (контрольных) пунктов, при выдвижении войск на исходные рубежи», разработанная заместителем начальника оперативного отдела полковником А.Ф. Щегловым [30]. Необходимость такой инструкции была вызвана, прежде всего, недостаточно развитой дорожной сетью на ТВД, что создавало значительные трудности при перегруппировках и оперативном сосредоточении войск. Кроме того, как показал опыт зимне-весенних боев, необходим был жесткий контроль за выполнением графика выдвижения войск и приоритетами в прохождении пунктов «регулирования движения войск, занимающих исходное положение для наступления». На некоторых пунктах этого документа следует остановиться:

«<...>4. Начальник контрольного пункта подчиняется непосредственно начальнику Оперативного отдела Штаба армии. Последний вручает начальнику контрольного пункта график

(план) прохождения частей (соединений) через исходные пункты и маршруты движения их на каждые сутки и указывает на особенности прохождения войсками как исходного пункта, так и всего маршрута; какие части (соединения) должны быть пропущены через исходный пункт и в первую очередь <...>.

8. Несвоевременное прибытие частей на исходный пункт доносится немедленно как о чрезвычайном происшествии для принятия мер начальником оперативного отдела штаба армии к выяснению причин опоздания».

Из вышеизложенного видно, что третья операция по расширению Приладожского коридора готовилась более тщательно (с учетом недостатков, имевших место при проведении предыдущих наступательных операций).

22 июля 1943 года в 6 ч. 35 мин. после полуторачасовой артиллерийской подготовки и массированного удара авиации войска 67А перешли в наступление. Соединения армии частично взломали оборону противника, но развить первоначальный успех не сумели. Немецкое командование укрепило свою оборону резервами, перебросив на это направление 58-ю, 126-ю (из состава 16 А), а в конце операции 61-ю пехотные дивизии, и наступление советских войск было остановлено. Ожесточенные бои продолжались в течение месяца. Части 67А неоднократно атаковали позиции немецких войск (неся при этом большие потери), но всякий раз, не добившись успеха, отступали.

21 августа командующий войсками Ленинградского фронта Л.А. Говоров вынужден был доложить в Ставку ВГК: «Ход развития наступательной операции Ленинградского фронта по прорыву укрепленной полосы противника на синявинском направлении принял совершенно особый по упорству боев характер.

Основной и главной причиной, определившей особый характер операции, явилась способность противника к непрерывному восстановлению обороны путем последовательной смены по мере уничтожения дивизий одного обороняющегося эшелона дивизиями второго, затем третьего эшелона и т. д.» [31].

22 августа поступила директива из Ставки ВГК № 30175 следующего содержания: «Дальнейшее наступление с 22 августа прекратить. Перейти к жесткой обороне на всех участках фронта,

имея задачей прочно удерживать занимаемые рубежи. Все войсковые соединения пополнить за счет ресурсов фронта, создать на главных направлениях резервы и готовить войска к наступательным действиям. Одновременно с этим вести активную разведку и вскрывать намерения противника».

Таким образом, разгромить мгинско-синявинскую группировку противника, освободить Кировскую железную дорогу и обеспечить прочную железнодорожную связь Ленинграда со

страной операции «Мгинская 43» (проведенной силами войск Ленинградского и Волховского фронтов в период с 22 июля – 22 августа 1943 г.) не удалось.

Вместе с тем, надо заметить, несмотря на то, что эти операция успеха не имела, ее обобщенный опыт лег в основу боевой и оперативной подготовки войск, способствовавший успешному решению задач в Красносельско-Ропшинской операции по полному освобождению города от вражеской блокады в январе 1944 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первый поезд с Большой земли пришел на Финляндский вокзал утром 7 февраля 1943 г. Железнодорожная линия Поляна – Шлиссельбург («Дорога победы») действовала с 6 февраля 1943 по 10 марта 1944 гг. На некоторых участках железнодорожное полотно находилось в 3-4 км от немецких артиллерийских позиций, за что линию Поляна – Шлиссельбург часто именовали «коридором смерти».
2. По плану операции «Искра» (12-30 января 1943) коридор должен был быть значительно шире. Однако противнику удалось удержать Синявинские высоты и железнодорожный узел Мга. Сосредоточив здесь значительные силы, противник продолжал угрожать сухопутным коммуникациям города.
3. Действия Волховского фронта (в рамках нашей статьи) мы будем рассматривать только в контексте взаимодействия его с войсками Ленинградского фронта. – Прим. авт.
4. В некоторых источниках эта операция упоминается под названием «Красноборской». См., напр.: История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1974. С. 329.
5. В различных источниках эта операция называется по-разному: Мгинской операцией Ленинградского и Волховского фронтов. – См.: История Второй мировой войны: В 12 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 7. С. 165; Мгинской операцией – 1943. – См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 438; операцией «Брусилов». – См.: ЦАМО РФ. Ф. 424. Оп. 10246. Д. 69. Л. 86. В немецкой исторической литературе бои в районе Мги в июле – сентябре 1943 г. именуются «Третьей битвой у Ладожского озера» (нем. Dritte Ladoga-Schlacht).
6. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 4430. Л. 119–123.
8. Перед началом операции в распоряжение командования Ленинградского фронта прибыла 13-я штурмовая инженерно-саперная бригада – специальное соединение для прорыва укрепленной обороны противника. Весь личный состав бригады был вооружен автоматами, владел опытом взрывных работ, имел на вооружении специальные (дымовые и с термитной смесью) гранаты. Кроме того, все солдаты были защищены стальными нагрудниками. Командование фронтом приняло решение придать бригаду побатальонно стрелковым дивизиям. – См.: Фомин А.И. На семи фронтах. М.: Воениздат, 1989. С. 271–273.
9. Шигин Г.А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери /Под ред. Н.Л. Волковского. СПб.: Изд-во «Полигон», 2004. С. 219–224.
10. Чероков Виктор Сергеевич, советский и польский вице-адмирал, командующий Ладожской военной флотилией (1943). Окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе (1930), командный факультет Военно-морской академии (1939). После Великой Отечественной войны командующий ВМФ ПНР (1950–1953); с 1960 по 1970 гг. начальник кафедры Военной академии Генштаба.
11. В конце XVIII – начале XIX вв. в Корках и Вирках (близ озера Коркинского) находилась мыза графов Остерманов-Толстых.
12. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. с. 142.
13. Георг Линдеман (8 марта 1884 – 25 сентября 1963), генерал-полковник (1942). Участник Первой мировой войны. Окончил Военную академию Генерального штаба. Командовал полком, дивизией, корпусом. 50-й корпус Линдемана отличился в боях за Ленинград (при окружении 2-й Ударной армии). В 1942 г. назначен командующим 18-й армией. В честь генерала в 1942 г. Гатчина (Красногвардейск) была переименована в Линдемаништадт (Lindemannstadt).

14. В отчете сохранены все стилистические особенности, сокращения, условные обозначения и термины, присущие военной документации того времени. Погрешности текста, имеющие смысловое значение, оговорены в подстрочных примечаниях, явные опечатки исправлены без оговорок.
15. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2185. Л. 96–98.
16. КА (командующий армией) – так в стенограмме. – Прим. авт.
17. Штарм – штаб армии. – Прим. авт.
18. Свиридов Владимир Петрович (до 1930 – Филимон Петрович Свирид), генерал-лейтенант артиллерии (25 ноября 1897, Могилевская обл. – 3 мая 1963, Ленинград). Окончил учительскую семинарию, ускоренный курс Виленского военного училища (1916), Высшую артиллерийскую школу (1922), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1930), Военную академию Генштаба (1938). Участник Первой мировой войны, командир взвода, поручик. В 1938–1941 гг. начальник артиллерии Белорусского Особого, Ленинградского военных округов. В начале Великой Отечественной войны начальник артиллерии Северного фронта (с перерывом в сентябре – октябре 1942, когда командовал 3-й отдельной лыжной бригадой).
19. сд – стрелковые дивизии.
20. Начарт – начальник артиллерии.
21. ксп – командир стрелкового полка.
22. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2185. Л. 97.
23. Через три дня после проведенного совещания с Военным советом 55-й армии (т. е. 15.03.1943). – Прим. авт.
24. Здесь, вероятно, имеется в виду объединение (т. е. сведение) подразделений, понесших значительные потери и потерявших боеспособность. – Прим. авт.
25. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2185. Л. 108.
26. Там же. Л. 109–112.
27. ЦАМО РФ. Ф. 424. Оп. 10246. Д. 69. Л. 131, 132.
28. Полевой Николай Андреевич, генерал-майор (1906–1976). В РККА в 1930–1946 гг. Участвовал в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг., в Великой Отечественной войне – помощник начальника штаба 40-й танковой бригады, начальник штаба 268-й стрелковой дивизии, начальник управления командующего БТ и МВ Ленинградского фронта, начальник оперативного отдела штаба 3-й Гвардейской танковой армии, начальник штаба управления БТ и МВ Белорусского военного округа. Генерал-майор. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова, Отечественной войны, медалями. После войны работал в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина – начальник штаба Гражданской обороны.
29. ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3300. Л. 9–13.
30. Щеглов Афанасий Федорович – генерал армии, Герой Советского Союза, (2 января 1912, Тверская обл. – 28 января 1995 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве). В Красной армии с сентября 1929 г. В 1933 г. окончил Объединенную военную школу ВЦИК в Москве. В 1939 г. Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе. Член ВКП(б) в 1939 г. С мая 1939 г. – начальник штаба 290 артиллерийского полка 104-й стрелковой дивизии. С июля того же года – помощник начальника отделения оперативного отдела штаба 7-й армии Ленинградского военного округа. В этой должности А.Ф. Щеглов участвовал в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С августа 1940 г. – старший помощник начальника отделения оперативного отдела штаба Ленинградского военного округа. С июня 1942 г. – заместитель начальника оперативного отдела штаба Ленинградского фронта (с перерывом в сентябре – октябре 1942, когда командовал 3-й отдельной лыжной бригадой).
31. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 202.

*Александр Петрович Жуков,
Россия, Москва, Российский химико-технологический
университет имени Д.И. Менделеева,
директор Центра истории РХТУ
и химической технологии,
профессор, кандидат технических наук;*

*Наталья Юрьевна Денисова,
Россия, Москва, заместитель директора
Центра истории РХТУ, кандидат химических наук*

Все для фронта, все для Победы! (Вклад МХТИ им. Д.И. Менделеева в развитие оборонной промышленности СССР)

МХТИ им. Д.И. Менделеева (с 1991 г. РХТУ им. Менделеева) с 1920-х годов выступал флагманом химико-технологического образования в стране, перед институтом стояли следующие задачи:

- подготовка инженерных кадров для химической и смежных отраслей промышленности, а также кадров высшей квалификации для НИИ, КБ, вузов;

- проведение научных исследований в области химии, химической технологии и других областях;

- производственная деятельность, в первую очередь внедрение новых технологий, участие в пуске и освоении новых производственных мощностей и т.д.

Главные усилия третьей пятилетки в СССР (1938-1942) были направлены на развитие отраслей оборонной промышленности, темпы их роста значительно превышали темпы роста промышленности в целом. К 1941 году в эти отрасли направлялось до 43 процентов общих капиталовложений. Особое внимание уделялось химической промышленности. Третью пятилетку даже иногда называли «Пятилеткой химии». Директивными документами предусматривалось

«превратить химическую промышленность в одну из ведущих отраслей промышленности, полностью удовлетворяющих потребности народного хозяйства и обороны страны».

В соответствии с контрольными цифрами третьего пятилетнего плана производство валовой химической продукции намечалось увеличить в 2,4 раза. Это значительно превышало темпы роста промышленности в целом. Планировалось резко увеличить выработку серной и азотной кислот, минеральных удобрений, синтетического аммиака, искусственных волокон и пластических масс, создать новые отрасли промышленности основного органического синтеза. Страна была готова приступить к химизации народного хозяйства, и важнейшей проблемой оставалась подготовка квалифицированных кадров¹.

В Менделеевке, которая с 1940 года стала относиться к Наркомату химической промышленности СССР, сосредоточили подготовку по двум важным направлениям: основная химическая промышленность (кислоты, соли, сода, аммиак, полимеры и пластмассы, цемент, стекло, керамика) и специальная химическая технология (технология порохов, ВВ, ОВ, пиротехника и т.д.). Заметим, что все перечисленные основные

химические производства тоже относят к стратегическим (оборонным), поскольку на их базе работает специальная химия.

В МХТИ им. Д.И. Менделеева специалисты (вначале техники, инженеры-практики, затем инженеры-технологи – химики и механики) готовились с начала XX века. Специальными химическими технологиями в вузе на Миусах начали заниматься с 1920-х годов², уже в 1921 г. в МПХТИ им. Д.И. Менделеева читался спецкурс «химия и технология взрывчатых веществ» для слушателей Военно-педагогического института, а в 1924 г. была создана (впервые в СССР) военно-химическая специальность, «исходя из общих соображений государственной безопасности». Инициатором создания такой специальности был «Доброхим», организация, которая существовала в СССР под патронажем председателя РВС Л.Д. Троцкого и академика В.Н. Ипатьева (ячейку «Доброхима» возглавлял студент МХТИ Андрей Касаткин, в годы войны известный как советник И.В. Сталина по вопросам противохимической обороны и активный участник Атомного проекта СССР). Возникновению новых специальностей и специализаций много способствовали сами студенты, побывавшие на заводской практике и почувствовавшие перспективность данной отрасли промышленности и дефицит специалистов в области оборонной химии.

Одним из ведущих профессоров новой специальности (понятия заведующий кафедрой еще не существовало), заложившим основы преподавания химии и технологии ВВ, стал выпускник Императорской артиллерийской академии Н.И. Жуковский³. Рис. 1.

Родился в 1877 году в семье офицера. Получил прекрасное военное образование: кадетский корпус (Симбирск, 1895г.), Константиновское артиллерийское училище (1898 г.) и Михайловская артиллерийская академия (1901 г. Петербург), по окончании которой поступил на службу в Охтинский пороховой завод, где занимал различные должности до середины 1914 года. В годы Первой мировой войны – полковник, служил в Главном артиллерийском управлении, неоднократно был в заграничных командировках по вопросам закупки боеприпасов сначала в Японии, а затем в США, где находился до начала 1916 г., заведя приемкой пороха и взрывчатых

делу № _____ Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Личный листок по учету кадров

Фамилия Жуковский Имя Николай Отчество Иванович

1. Родился в 1877 году в м.е. 2. Место рождения Михайловск-Истринский уезд

3. Пол мужской 4. Национальность русский

5. Соц. происхождение а) быв. сословие (звание) крестьянин
б) основное занятие родителей крестьян

6. Основная профессия (занятие для членов ВКП (б) к моменту вступления в партию, а для беспартийных к моменту начала работы в советских учреждениях) Работник склада

7. Сколько лет работал по этой профессии 38

8. Год ухода с производства или оставления с.х. Служба в войсках

9. Социальное положение Работник склада 10. Партийность Беспартийный

11. Партежаз № п. б. или канд. карточки —

12. Состоит ли в ВКП(б) — с какого времени —

13. Состоит ли в других партиях (назв., когда, как долго и где) Нет

14. Состоял ли ранее в ВКП(б) — с какого и причины выбытия —

15. Членом какого профсоюза состоял — с —

16. Образование

Название учебного заведения (узна, коммуна, школы и пр.) и его местонахождение	Название факультета, отделения, цикла или уклона	Окончил или нет	Вступил		Окончил	Продолжил обучение (год, м.е.)	Есть ли в результате окончания учебного заведения
			год	мес.			
1. <u>Михайловская артиллерийская академия в г. Петербурге</u>			1901	12	1905	12	
2. <u>Константиновское артиллерийское училище в г. Петербурге</u>			1898	12	1900	12	
3. <u>Кадетский корпус в г. Симбирске</u>			1895	12	1898	12	

17. Имеет ли научные труды и изобретения и по какому вопросу (В приложениях дать перечень с указанием, где опубликованы)

18. Был ли за границей (где, когда, как долго и чем занимался) Служба в войсках - 1905-1906 гг., Япония - 1914 г., Соединенные Штаты - 1914-1916 гг., Германия - 1916 г., на фронтах войны

Рис. 1. Из биографии Николая Ивановича Жуковского. Листок личного дела из архива РХТУ.

веществ. Большая часть службы прошла в Испытательной комиссии под руководством Г.М. Киснемского. Наряду с научно-исследовательскими работами Комиссии принимал ближайшее участие в многолетних опытах Н.А. Забудского по изучению распределения давления в различных сечениях канала 76-мм полевой пушки. Самостоятельно провел опыты по изучению распределения давлений в 7,6-мм винтовке. Совместно с Н.А. Забудским провел первые опыты по флегматизации винтовочного пороха, опираясь на сведения, полученные во время длительной (полтора года) командировки в Германию (1905-1906 гг.). За службу имел награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (ВП 06.12.1907); Св. Анны 3-й ст. (ВП 06.12.1911); Св. Станислава 2-й ст. (ВП 06.12.1913); Св. Анны 2-й ст. (ВП 22.03.1915); Св. Владимира 4-й ст. (2-е доп. к ВП 30.07.1915); Св. Владимира 3-й ст. (ВП 22.10.1916)⁴.

С 1918 по 1923 год Н.И. Жуковский занимал должность технического руководителя Артиллерийских складов РККА, оставаясь в то же время

Рис. 2 Академик Борис Петрович Жуков

Рис. 3 Профессор Александр Семенович Бакаев

членом Артиллерийского комитета, где лично руководил разработкой селитро-угольных добавок как суррогата бездымного пороха, опытом хранения бездымного пороха под водой, начальными опытами по разработке беспламенных порохов и пламегасителей, проводил испытания стрельбою пороха с различной формой зерна, включая и зерно Киснемского. Совместно с М.Г. Пименовым разработал миномет, работающий на принципе активной струи пороховых газов, вытекающих через сопло отдельной камеры сгорания.

Постановлением Научно-технической секции ГУСа от 17 февраля 1926 г. допущен по конкурсу на занятие кафедры порохов в МХТИ в звании профессора. В дальнейшем занимал кафедру в Военно-химической академии до 1933 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 28 февраля 1928 г. присвоено звание Заслуженного деятеля науки и техники.

Организацию новой специальности ревностно восприняли профессора Высшего технического училища (имени Н.Э. Баумана), имеющие значительное влияние в Главпрофобре и добившиеся перевода ее в МВТУ.

Только в 1934 г. стараниями силовых и оборонных структур в МХТИ им. Д.И. Менделеева был восстановлен спецфакультет (факультет № 138, позже инженерный химико-технологический факультет - первый начальник Г. Н. Кожевников) в который вошли кафедры:

- №34, технологии взрывчатых веществ (зав. кафедрой профессор А. Г. Горст);
- №3, технологии органического синтеза (зав. кафедрой, профессор А. Е. Кретов);

– №42, технологии порохов (зав. кафедрой профессор А. С. Бакаев).

Первый выпуск специалистов на факультете №138 состоялся в начале 1937 года. Во второй день работы сессии ГЭКа с оценкой «отлично» защитил дипломный проект Б.П. Жуков, впоследствии академик, дважды Герой Социалистического Труда, Лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий. В период с 1937 по 1951 гг. он разработал несколько групп артиллерийских и ракетных порохов: «холодные» пороха для сухопутной и морской артиллерии, беспламенные и относительно малодымные пороха для морской артиллерии.

При активном его участии были созданы пироксилиново-селитренные ракетные пороха, что решило задачу снабжения зарядами установок БМ-13 «Катюша» на период развертывания производства баллиститных порохов в восточных районах СССР в 1941-1942 гг.². (Рис. 2).

Организатором кафедры порохов в МХТИ был Александр Семенович Бакаев. 22 июня 2020 г. исполнится 125 лет со дня рождения этого замечательного патриота России. Он родился в г. Гродно в семье офицера-дворянина. Закончил с отличием в 1912 году Московский кадетский корпус и в 1914 году Михайловское артиллерийское училище. За боевые заслуги в первой мировой войне он, блестящий офицер Российской армии, был награжден семью орденами и солдатским Георгиевским крестом за личную храбрость и произведен в чин капитана. Вся его последующая жизнь связана с порохами. С 1922 года он работал в военной промышленности как член опытной комиссии Охтинского порохового завода, затем начальником отдела взрывчатых веществ и порохов. Здесь в 1926 году Бакаев начал разработку рецептур и технологии изготовления баллиститных порохов (БП), имеющих ряд существенных преимуществ перед пироксилиновыми порохами (ПП) по энергетическим характеристикам, по возможности получения крупных зарядов и скорости их изготовления.

Под руководством А.С. Бакаева был построен первый в СССР цех по производству БП, который вошел в строй в 1931 году. За год до этого по необоснованному доносу последовал арест

Рис. 4 Кафедра № 34: М.М. Пуркалн, Е.Ю. Орлова. К.К. Андреев, А.Г. Горст

Рис. 5 Добровольцы-менделеевцы, участники финской и Великой Отечественной войн

А.С. Бакаева и осуждение его на 10 лет по ст. 58. В 1934 г. он досрочно освобожден и с 1935 по 1937 год занимал должности помощника главного инженера по порохам во Всесоюзном пороховом тресте и заведующего кафедрой в МХТИ. Кафедра вела подготовку как по пироксилиновым, так и по баллиститным порохам, родоначальником которых он был. В 1937 году вновь неожиданный трагический поворот в жизни А.С. Бакаева – второй арест. Во время заключения он был использован как специалист сначала в особом техническом бюро НКВД (ОТБ-6 г. Москва) в должности начальника лаборатории (1937-1940 гг.), а затем - с 1941 по 1943 г. - в ОТБ-98 НКВД (г. Пермь) в должности главного инженера. В 1943 г. А.С. Бакаев был досрочно освобожден со снятием судимости.

А.С. Бакаеву принадлежит огромная заслуга в становлении и развитии обороноспособности страны. Он основоположник создания баллиститных порохов в стране, разработавший ряд высокоэффективных рецептур, в частности, так называемых «холодных» порохов, принятых на вооружение и обеспечивающих сохранение необходимой живучести стволов без снижения дальности стрельбы.

Александр Семенович решил сложнейшую задачу – создал непрерывное автоматизированное производство нитроглицериновых порохов. Предложенный им порох марки «Н» открыл эру применения НГЦ-порохов в ракетной технике. В 1939 году реактивные снаряды с порохом «Н» успешно применила наша авиация в боях на реке Халхин-Гол. По технологии А.С. Бакаева было построено шесть новых заводов, которые

выпустили около 120 тыс. тонн порохов. По этой технологии производили заряды для реактивных снарядов знаменитых «Катюш», сыгравших исключительную роль в Победе нашей страны в Великой Отечественной войне (таких снарядов было выпущено 14,5 млн.). Ни в одной другой стране это не удалось сделать ни до войны, ни в период войны. (Рис.3).

Работы по созданию принципиально новой автоматизированной технологии производства пороха являются не только научным, но и гражданским подвигом А.С. Бакаева, т.к. у него в этот период было много авторитетных и влиятельных оппонентов – противников автоматизированной технологии в опасном производстве порохов. А.С. Бакаев шел не только на технический риск, но мог потерять и жизнь за возможный «преднамеренный» вывод из строя оборонных мощностей.

С 1944 по 1947 гг. А.С. Бакаев работал главным инженером завода № 512, который затем был реорганизован в НИИ-125 (ныне ФЦДТ «Союз»).

К руководству кафедрой в МХТИ А.С. Бакаев вернулся в 1949 году и возглавлял ее до 1972 года. Одновременно А.С. Бакаев работал главным инженером оборонного завода, а затем заместителем директора по науке НИИ-125.

За выдающиеся достижения в области пороходелия Александр Семенович был дважды удостоен звания Лауреата Государственной премии (1946 и 1947 гг.), награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. В 1947 году А.С. Бакаев был избран членом-корреспондентом Академии Артиллерийских наук СССР^{5,6}.

Кафедру технологии взрывчатых веществ в МХТИ создавал профессор Август Георгиевич Горст. Представитель шестого поколения немецких переселенцев на берега Волги, родом из небольшого селения Розенберг (ныне с. Умет Волгоградской области). Август Горст родился 16 июля 1889 года. Призван в армию был в 1912 году практически со студенческой скамьи Харьковского технологического института. Два года был в рядовых, а в 1913 году ему был присвоен чин прапорщика. С начала войны прапорщик Горст в составе 34-го Севского пехотного полка на передовых позициях. Ратный труд А.Г. Горста отмечен боевыми орденами Святослава III степени и Анны III степени с мечами и бантом. Он был свидетелем и вынужденным участником первых германских химических атак. В 1916 году он был отозван с фронта и направлен в Химический комитет Главного артиллерийского управления (ГАУ), а оттуда приемщиком противоголозов на Петроградский противоголозовый завод. В Менделеевке А.Г. Горст появился в 1933 году после первого, но не последнего ареста органами ОГПУ-НКВД. Им была создана очень сильная кафедра (№ 34), для которой были подобраны преподаватели, организовано чтение курсов специальных дисциплин и проведение лабораторных работ, написаны новые учебные планы и учебные пособия. Но самое важное – были созданы условия для проведения на кафедре сложнейших научно-исследовательских работ по синтезу новых взрывчатых веществ с изучением их свойств и разработкой технологии их производства (рис. 4). В период работы в МХТИ А.Г. Горст издал капитальную монографию «Химия и технология нитросоединений» (М., Оборониздат, 1940 г.). Он был пионером разработки нового варианта технологии тротила с использованием нитроолеумов в аппарате полного вытеснения, на основе которого производилось снаряжение и промышленное изготовление всех видов боеприпасов, бывших на вооружении РККА в период Великой Отечественной войны⁷.

20 декабря 1940-го года Менделеевский институт – флагман химико-технологического образования Советского Союза, торжественно отметил XX-летие. За выдающиеся заслуги в области развития химической науки и подготовки высококвалифицированных кадров институт был награжден высшей наградой СССР – орденом

Ленина. Орденами и медалями Родина отметила труд профессоров и сотрудников МХТИ им. Д.И. Менделеева. «Почти на всем земном шаре пылают зарево империалистической войны, гибнут тысячи жизней, разрушаются дома и заводы, – сказал М.И. Калинин на вручении правительственных наград менделеевцам, – поэтому наш долг отдать все свои силы и знания на максимальное укрепление оборонной способности родины, чтобы любые случайности не застали нас врасплох».

В первый же день войны в МХТИ начал работать штаб МПВО, сформированный заранее. Всему личному составу были разосланы повестки. *«К 8 часам вечера, – пишет директор И. Я. Пильский в своем отчете о работе МХТИ за 1941/42 учебный год, – все сотрудники и студенты были в сборе. Подготовка работы штаба и тренировки были проведены еще в 1940/41 учебном году»*.⁸

23 июня в МХТИ прошел митинг, и началась запись добровольцев в армию. Подали заявления более 100 человек. Атмосферу этого дня сохранили страницы последнего номера «Московского технолога» от 26 июня 1941 г. После передовицы с обращением В.М. Молотова и Указом Президиума Верховного Совета СССР о военном положении напечатана резолюция митинга коллектива Московского ордена Ленина химико-технологического института имени Менделеева со словами: «Мы любим свою родину и будем грудью отстаивать ее независимость и защищать от нападения всех врагов. Мы тесными узами связаны с нашей Красной Армией, которая уже не раз в сатках с врагами доблестно отстаивала свои границы. И на этот раз она даст сокрушительный отпор зарвавшемуся врагу». Аспиранты и научные работники спецфакультета потребовали направить их на производство для работы по специальности и призвали работников других факультетов последовать их примеру. Студент 4 курса силикатчик Борис Борисов от имени добровольцев, участников финской войны заявил: «В ответ на разбойную вылазку германских фашистов мы все, участники боев с белофиннами, изъявляем горячее желание идти на фронт в ряды нашей доблестной Красной Армии»⁹ (рис.5).

«Собственными руками задушим фашистскую свору!» – поклялись участники «зимней войны»,

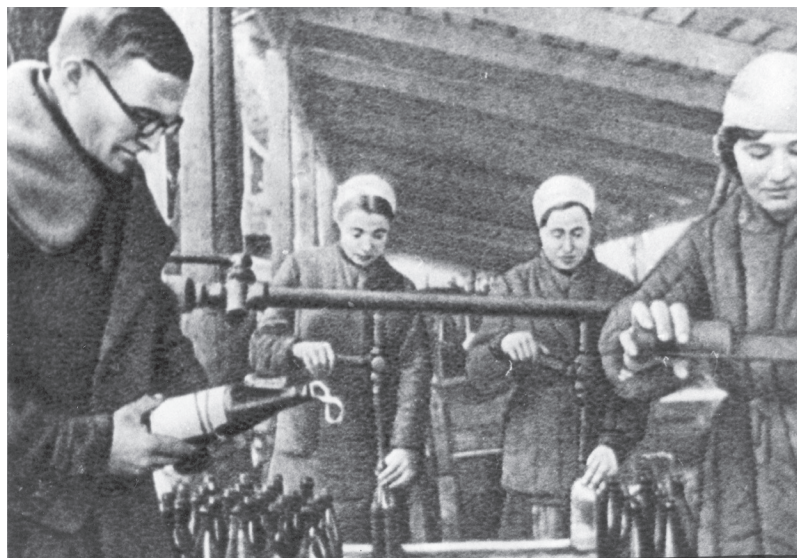

Рис. 6 Изготовление бутылок с зажигательной смесью

уходя на фронт. И клятву свою подтвердили в боях.

В первые месяцы войны значительное число студентов, аспирантов и сотрудников МХТИ им. Д.И. Менделеева добровольно ушли на фронт, в истребительные батальоны, в народное ополчение. Были открыты курсы медсестер. Подготовлено 80 человек. Студенты изучали отдельные виды стрелкового оружия. Затем был организован курс Всевобуча без отрыва от основной учебы. Группы студентов-менделеевцев и ряд молодых преподавателей, среди которых были будущие профессора Н.М. Жаворонков, Н. С. Торчешников, А. П. Крешков, Д.А. Кузнецов, И.Я. Гузман и другие вошли в состав истребительного батальона г. Москвы для борьбы со шпионами и диверсантами, а также охраны общественного порядка, особенно в ночное время.

В мастерских института производили мелкие партии материалов для нужд Красной Армии: с 15 июля по 15 сентября изготавливались спички специального назначения (на этих работах было занято 120 студентов), работала мастерская по разработке эффективных воспламеняющих составов для бутылок с зажигательной смесью, мастерская по изготовлению средств химической разведки (занято до 80 студентов). Работали до середины октября. Под руководством сотрудника кафедры №3 Ю. А. Стрепихеева была создана лаборатория индикации ОВ и ВВ, которая обслуживала систему ПВО Москвы. В задачи лаборатории входили: подготовка общеинститутской команды индикации; анализ подозрительных

материалов; анализ неразорвавшихся авиабомб; организация курсов для подготовки районных команд индикации системы МПВО. Было подготовлено 400 человек.

(Благодарная Москва не забыла о вкладе химиков в битве за столицу, приятно было прочитать в «Вечерке» 2020 года такие строки: «Первые же дни войны показали, что в героях у нас недостатка нет, а в противотанковых средствах – тотальный дефицит. Поэтому 7 июля 1941 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление «О противотанковых зажигательных гранатах (бутылках)». Первые антitanковые бутылки пошли на фронт из Москвы. Разработали новые составы зажигательных смесей ученые Химико-технологического института имени Д.И. Менделеева. В институтских лабораториях устроили и первую поточную линию по снаряжению противотанковых бутылок...» 11.) Рис. 6.

В тяжелых условиях осени 1941 года наш институт сумел решить ряд практических проблем Западного фронта и Наркомата боеприпасов. Группа сотрудников МХТИ во главе с профессором С.В. Горбачевым (Б.Б. Кудрявцев, С.И. Дракин, М.Х. Карапетьянц, М.А. Лунина и другие) за предельно короткий срок (не более трех недель) создала новое взрывчатое вещество и организовала его производство мощностью 2-х тонн в сутки. Производство работало до середины 1942 г., после чего технология была передана специальным предприятиям, расположенным вне Москвы.

Е.Ю. Орлова, Я.М. Паушкин, А.А. Шидловский и М.М. Пуркалн разработали бинарное ВВ для мин на основе бертолетовой соли и жидкого горючего, компоненты которого до употребления хранились отдельно, не представляя собой опасности, и только в момент применения они смешивались и приобретали взрывчатые свойства¹⁰.

Профессор И.И. Китайгородский в 1942-43 гг. создал броневое стекло «БС», которое было во много раз прочнее обычного. Оно использовалось на штурмовых самолетах и танках.

Вернувшийся в институт после контузии на фронте профессор Н.Г. Чернышев возглавил группу по разработке на основе тетранитрометана,

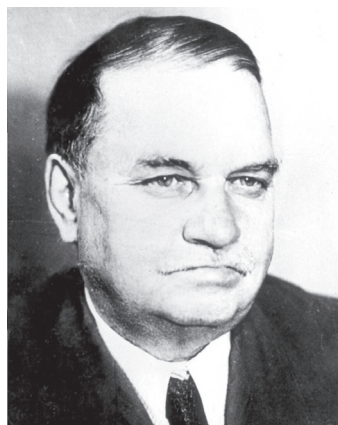

Рис. 7 Профессор
Григорий Семенович
Петров

Рис. 8 Уполномоченный
ГКО Сергей Васильевич
Кафтанов

нового взрывчатого состава для авиационных бомб. Имя Николая Гавриловича долгие годы было сокрыто завесой секретности, сегодня оно по праву занимает почетное место в истории отечественной космонавтики.

Профессор Г.С. Петров за годы войны дважды был удостоен звания Лауреата Сталинской премии (рис.7). Важное значение для обороны страны имели новые виды термостойких полимерных материалов и способы применения их в кабельной промышленности. Для получения таких материалов Г. С. Петров использовал процесс полимеризации винильных мономеров, в частности, винилхлорида. Группой Г.С. Петрова в 1944 году были разработаны клеевые композиции для склеивания деревянных частей самолетов. Он сам писал в статье в «Известиях Советов депутатов трудящихся» 6 июня 1943 г.: « ... *Непосредственно в высшем техническом учебном заведении при моей кафедре в МХТИ ведется ряд научно-исследовательских и прикладных работ по заданиям авиапромышленности, заводов боеприпасов, Наркомнефти, Наркомтяжпрома и т.д. Это текущая, черновая и скромная работа не блещет необычайными изобретениями и сногшибательными новинками. Но изо дня в день увеличивает мощь советской техники, совершенствует производственные процессы, оказывает помощь фронту.*»

Денежный эквивалент полученной премии группа профессора Г.С. Петрова перечислила на строительство танковой колонны¹².

Чрезвычайно актуальными и злободневными стали уже в первые дни, месяцы войны вопро-

сы организации науки, быстрее внедрения новых разработок в производство. Чтобы выдержать длительную войну, форсировать рост оборонного производства требовалось эффективно использовать весь научный потенциал СССР. Руководством страны было принято решение для сосредоточения в едином центре всей полноты власти и управления в области науки назначить специального уполномоченного Государственного комитета обороны и наделить его особыми правами. Менделеевка может гордиться, что этим Уполномоченным ГКО стал наш выпускник 1931 года председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы – профессор С. В. Кафтанов. Ответственное назначение, которое получил Сергей Васильевич, было вполне оправданным. В довоенные годы он приобрел широкую известность как ученый-химик, видный организатор науки и высшей школы. Он по праву считался крупным специалистом в области химии твердого топлива. (рис.8)

В своей текущей работе профессор С. В. Кафтанов и его помощники опирались на специально созданный научно-технический совет (НТС). К работе в Совете были привлечены ведущие профессора МХТИ им. Д.И. Менделеева - В.С. Киселев, З.А. Роговин, Н.Н. Ворожцов, К.К. Андреев, В.В. Коршак, Г.С. Петров и другие. Одним из активных помощников уполномоченного по координации и усилению научных исследований в области химии для нужд обороны был Н. М. Жаворонков, в те годы доцент, будущий академик. Он руководил в НТС секцией порохов, взрывчатых веществ и боеприпасов. Секция была тесно связана с Главным артиллерийским управлением и Управлением военно-воздушных сил Наркомата обороны, с соответствующими управлениями Наркомата военно-морского флота, Наркоматов боеприпасов, химической, нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии².

У руля важнейших отраслей обороны и экономики страны стояли выпускники Менделеевского института: заместитель наркома вооружения И.А. Барсуков, заместитель наркома химической промышленности А.Г. Касаткин, нарком нефтяной промышленности И.К. Седин, заместитель наркома резиновой промышленности П.М. Макеев, заместитель наркома промышленности строительных материалов Н.Н. Копейкин.

В 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение производственных планов военного периода были награждены ведущие научные сотрудники МХТИ: орденом Ленина – профессор В.С. Киселев, орденами Трудового Красного Знамени – директор института П.В. Дыбина, профессора Г.С. Петров и Н.Д. Цюрупа, академик В. М. Родионов и профессор В. Н. Юнг, орденами «Знак Почета» – профессора П.П. Будников, С. В. Горбачев, А.П. Крешков, Е.М. Прейс, И. И. Китайгородский, доценты Ф.И. Воынец, А.Н. Плановский, А.А. Кудрявцев, орденами Красной Звезды – профессора К. К. Андреев, В. В. Коршак, Н.М. Жаворонков. (Рис. 9).

Свидетельство материального вклада менделеевцев в дело общей Победы выражает телеграмма 1943 г. Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

«Директору Московского Ордена Ленина Химико-технологического института им. Д. И. Менделеева товарищу Дыбиной, Секретарю партбюро товарищу Кудрявцеву, Секретарю комитета комсомола товарищу Зайцевой, Профессору, доктору хим. наук товарищу Прейс, Профессору, доктору хим. наук товарищу Горбачеву, Профессору, доктору техн. наук товарищу Лукьянову.

Прошу передать профессорам, преподавателям, студентам и служащим Московского ордена Ленина химико-технологического института им. Д. И. Менделеева, собравшим 44 752 рубля и 16 220 рублей облигациями на строительство

Рис. 9 Профессора МХТИ в эвакуации в Коканде, 1942 г. ведут напряженную исследовательскую работу для нужд фронта

самолетов «Московский вузовец», – мой братский привет и благодарность Красной Армии.
И. Сталин»

ЛИТЕРАТУРА

1. XVIII съезд ВКП (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. - М.: Огиз: Госполитиздат, 1939. - 737 с.
2. Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева – прошлое и настоящее со взглядом в будущее. -М., 2002.- 552 с.
3. Будрейко Е.Н., Жуков А.П. Профессора Университета Менделеева. XX век. - М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2006.- С. 177-179.
4. <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=7732>
5. Смирнов А.В. Творцы Победы. Бакаев – создатель пороха для Катюш. Электронный ресурс: Проза.ру.<https://proza.ru/2020/05/08/637>
6. История инженерного химико-технологического факультета . 1935-2005. М., РХТУ им. Д.И. Менделеева. 2005. С. 9-12.
7. Денисова Н.Ю., Жуков А.П. Сквозь завесу времени. Менделеевцы на Первой мировой войне. - М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2014.- С.57-64.
8. Исторический вестник РХТУ. -2001.- № 2 (4).
9. Жуков А.П., Денисова Н.Ю. Застывшие «Зачем» и «Почему». Добровольцы-менделеевцы на финской войне 1939-1940.- М., 2016. -204 с.
10. Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. - М.: Политиздат, 1988.- 398с.
11. Вечерняя Москва. - 11-18 июня - 2020.- № 23 (28552).vm.ru.
12. Волков В.А., Солодкин Л.С. Григорий Семенович Петров. 1886-1957.- М., 1971. - С. 10-14.

*Владимир Иванович Жуматий,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации,
старший научный сотрудник,
доктор исторических наук, профессор;*

*Владимир Николаевич Прямыцын,
Россия, Москва, Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации,
заместитель начальника отдела,
кандидат военных наук*

Деятельность Государственного Комитета Обороны СССР в области военной гидрометеорологии в годы Великой Отечественной войны

Накануне Великой Отечественной войны отечественная гидрометеорологическая отрасль являлась обособленной инстанцией под руководством Совета Народных Комиссаров. С началом войны чрезвычайные условия потребовали создания чрезвычайных механизмов управления. В СССР был образован Государственный Комитет Обороны. Советская гидрометеорология была милитаризована и вошла в состав Красной армии. Среди более чем девяти тысяч постановлений, принятых Государственным Комитетом Обороны в период 1941-1945 гг., некоторые были посвящены вопросам военной гидрометеорологии. Они хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории и являются ценным источником сведений об истории советской гидрометеорологии. В настоящей статье перечисляются эти постановления, раскрывается их содержание и значение, отображается уникальная роль Государственного Комитета Обороны в совершенствовании гидрометеорологического обеспечения Красной армии и флота в годы Великой Отечественной войны.

В 1936 году отечественная гидрометеорологическая отрасль организационно оформилась в виде Главного управления Гидрометеорологической службы (ГУГМС) при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР¹. Как вышестоящая организация СНК издавал постановления, регламентирующие деятельность ГУГМС, и назначал его руководящий состав.

В годы Великой Отечественной войны СНК продолжил свое функционирование, но в стране был создан новый орган – Государственный Комитет Обороны. В его состав вошли: И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия² (Рис. 1). В дальнейшем состав изменялся и расширялся). Постановление Президиума Верховного Совета и СНК СССР от 30 июня 1941 г. предписывало: «Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны»³.

15 июля 1941 года Гидрометеорологическая служба государства вошла в состав Народного

Рис. 1. Первый состав Государственного Комитета Обороны СССР.

комиссариата обороны (НКО) в качестве Главного управления Красной армии⁴ и была переориентирована на обеспечение интересов обороны. В связи с этим, на общегосударственном уровне вопросы военной гидрометеорологии были отнесены к юрисдикции ГКО. Комитет осуществлял руководство обороной государства через постановления, которых за годы Великой Отечественной войны было выпущено 9971 (Рис. 2). Они представлены в 463 делах описи 1 (Протоколы и распоряжения ГКО) фонда 644 (Государственный комитет обороны СССР) Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Спустя более 70 лет после окончания войны, изучение фондов РГАСПИ позволило установить, какие решения принимал высший чрезвычайный орган управления в сфере гидрометеорологии.

Необходимо оговориться, что значительное количество постановлений ГКО, будь то решения о мобилизации, эвакуации, снабжении и пр., носили общегосударственный межотраслевой характер, и на этом основании имели отношение, в том числе, к жизни и деятельности гидрометеорологов. В настоящей статье рассматриваются лишь наиболее значимые из постановлений, посвященных вопросам гидрометеорологии непосредственно.

Первое из таких постановлений за № 3972 было датировано 23 августа 1943 г. и посвящено призыву на военную службу гражданских моряков, трудившихся на судах ГУГМС КА⁵. Осенью

1942 года все гражданские специалисты судов вспомогательного флота ВМФ были призваны на службу. Несмотря на то, что суда ГУГМС при СНК СССР были мобилизованы, моряки, работавшие на них, оставались штатскими. Лишь 23 августа 1943 года постановлением ГКО они были уравнены в правах и ответственности со своими военными коллегами.

Важнейшее значение имело постановление № 5010 от 22 января 1944 г. «Об улучшении метеорологического обслуживания воздушной трассы Красноярск – Уэлькаль»⁶. В начале 1944 года для перегонки авиационной техники из США на советско-германский фронт был создан «воздушный мост», соединивший Аляску и Сибирь. Постановление ГКО предписывало в кратчайшие сроки создать на маршруте перегонки метеорологические станции и бюро, укомплектовать их квалифицированными кадрами, обеспечить аппаратурой и имуществом, наладить метеорологические и аэрологические наблюдения. Благодаря этому постановлению, летчики Перегонной авиадивизии получили качественное своевременное метеорологическое обеспечение, что способствовало безопасной перегонке самолетов с заводов США на фронт.

В годы Великой Отечественной войны деятельность ГКО играла важную роль в решении вопросов военной гидрометеорологии. В ситуации, когда отдельные задачи требовали консолидации усилий широкого ряда исполнителей разной ведомственной принадлежности, их решение достигалось лишь исчерпывающими полномочиями высшего чрезвычайного органа (Рис. 3). Рассмотрим руководящую функцию ГКО на примере его постановления № 5487 от 28 марта 1944 г. «О восстановлении гидрометеорологической службы Красной армии на освобожденной от противника территории»⁷.

1944 год ознаменовался наступлением Красной армии и изгнанием противника за пределы СССР. В соответствии с постановлением ГКО № 5487, в ГУГМС КА был создан отдел восстановительных работ, восстановительный отряд и три восстановительные конторы, которым предстояло развернуть четыре радиометцентра, четыре бюро погоды, пять базовых гидрометстанций и тысячи пунктов метеорологических и аэрологических наблюдений. Постановление предписывало органам военного и государственного

управления обеспечить гидрометеорологов необходимым количеством авиационного, автомобильного и морского транспорта для доставки грузов, строительными рабочими, материальными средствами, аппаратурой, квалифицированными кадрами для укомплектования метеорологических станций на территории, освобожденной от противника.

В рассматриваемом постановлении, кроме ГУГМС КА, которого условно можно назвать «главным исполнителем», задачи ставились многочисленным «соисполнителям». Среди них были Наркомвоенморфлот, Наркомвнешторг, Наркомморфлот, Наркомфин СССР, Главное управление Трудовых резервов при СНК СССР, Управление материальных фондов НКО СССР, Инженерные войска, Тыл, ВВС, Авиация дальнего действия, Главное бронетанковое управление Красной армии, Наркомпрос РСФСР, Управление промышленной кооперации при СНК РСФСР, совнаркомы союзных и автономных республик, областные и краевые исполкомы, на территории которых производились работы по восстановлению сети гидрометеорологической службы.

Своевременное качественное решение этой задачи было возможно лишь при участии органа, постановления которого являлись обязательными для всех перечисленных ведомств. СНК, Ставка ВГК, НКО не располагали такими полномочиями. Таким образом, ГКО выступал наивысшей чрезвычайной инстанцией, связующим звеном между военной и гражданской организацией государства, между «главным исполнителем» и «соисполнителями».

Рис. 2. ГКО за работой.

В некоторых постановлениях ГКО военным гидрометеорологам приходилось выступать в качестве «соисполнителей». Примером может служить постановление № 6319 от 5 августа 1944 г.⁸ Наркомату боеприпасов предписывалось в 4-м квартале 1944 г. восстановить Крымский авиационный полигон. Постановление дополнялось приложениями, в том числе «Ведомостью поставки Крымскому авиаполигону Наркомбоеприпасов гидро-метеорологического оборудования». В качестве поставщика был указан ГУГМС СССР.

Наряду с перегонкой самолетов «восточным маршрутом» через Аляску, в 1944 году широкий размах получили поставки авиатехники «южным маршрутом» через Иран. Организации гидрометеорологического обеспечения на этой трассе было посвящено постановление ГКО № 6374 от 12 августа 1944 г.⁹ Оно возлагало на ГУГМС КА обеспечение «воздушных авиалиний и других видов транспорта на территории северной части Ирана». Для этого предписывалось создать там 24 метеорологических подразделения, укомплектовав их специалистами и снабдив всем необходимым имуществом, включая самолет «Р-5» для проведения ежедневного зондирования атмосферы.

По мере переноса боевых действий за пределы СССР, ГКО издал постановление № 6578 от 22 сентября 1944 г. «Об организации подразделений гидрометеорологической службы на зарубежной территории, занятой Красной армией»¹⁰. Во исполнение его требований, в Европе было сформировано Западное управление гидрометеорологической службы, 8 гидрометеорологических парий, четыре подвижных радиометцентра и 12 подвижных авиаметеорологических станций общей численностью около 500 специалистов.

Не оставались без внимания ГКО и вопросы гидрометеорологических исследований. Постановление № 6664 от 8 октября 1944 г. выделяло ГУГМС КА для проведения научно-исследовательских работ в акватории Черного моря транспорт, две моторно-парусные шхуны, рейдовый катер и подводную лодку типа «Малютка»¹¹.

Некоторые постановления ГКО в сфере гидрометеорологии носили периодический характер. Начиная с осени 1944 года Комитет выпускал ежеквартальные постановления «О плане

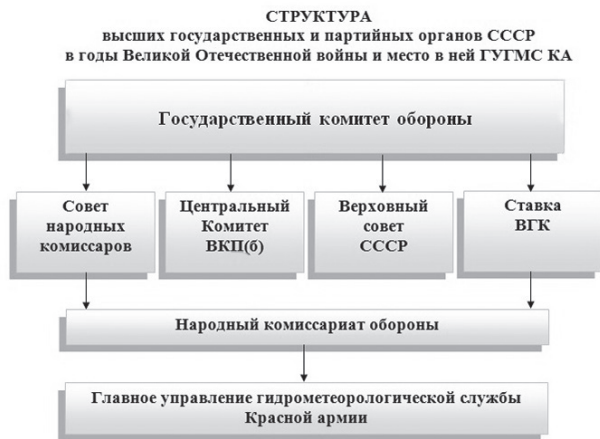

Рис. 3. Структура государственных и партийных органов СССР в годы Великой Отечественной войны и место в ней Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии.

ремонта и производства военно-технического имущества по Наркомату обороны СССР». В них детально расписывалось, какие работы предстоит провести в соответствующем квартале, и какие материальные средства для их обеспечения необходимо выделить. Наряду с другими органами военного управления, перечислялись работы и материалы, выделяемые ГУГМС КА. Эти документы отличались высокой детализацией, вплоть до количества гвоздей, кирпичей, напильников и малярных кистей. Всего вышло в свет четыре подобных постановления: № 6668 от 8 октября 1944 г. на 4-й квартал 1944 г.¹², № 7454 от 1 февраля 1945 г. на 1-й квартал 1945 г.¹³, № 8922 от 4 июня 1945 г. на 2-й квартал 1945 г.¹⁴ и № 9699 от 29 июля 1945 г. на 3-й квартал 1945 г.¹⁵

Еще одним комплексом решений ГКО в сфере гидрометеорологии выступают постановления о распределении в пользу ГУГМС КА части трофейного имущества, доставшегося СССР от поверженной в войне Германии. «Первенцем» в этой серии стало постановление № 8187 от 19 апреля 1945 г. «О вывозе метеорологических приборов и оборудования с немецкого склада и механической мастерской в г. Пфертен и из метеорологической обсерватории в г. Бреславль»¹⁶. Оборудование мастерской направлялось на советский завод гидрометеорологических приборов, а имущество обсерватории – в научный институт ГУГМС КА. Для демонтажа, погрузки и транспортировки выделялось необходимое количество рабочей силы и вагонов.

Схожие по содержанию постановления № 8759 от 26 мая 1945 г.¹⁷ и № 9120 от 20 июня 1945 г.¹⁸ предписывали вывезти в СССР и распределить между предприятиями и учреждениями ГУГМС КА оборудование (в том числе и экспериментальное) других обсерваторий и заводов, расположенных в различных городах Германии.

Постановление № 9369 от 5 июля 1945 г. предписывало передать советским гидрометеорологам трофейные немецкие суда для проведения экспедиционных работ¹⁹. В качестве реализации его требований, ГУГМС КА были переданы 25 моторно-парусных ботов и моторно-парусная яхта. Для приемки судов и их перевода из портов Германии в СССР была создана команда из 50 специалистов.

4 сентября 1945 года в связи с окончанием войны и прекращением чрезвычайного положения в стране Президиум Верховного Совета СССР постановил упразднить ГКО, а все его дела передать СНК. ГУГМС еще некоторое время оставался в составе Красной армии, но на общегосударственном уровне вопросы гидрометеорологии вновь оказались в компетенции СНК (с 1946 г. – Совета министров).

В настоящее время решение вопросов гидрометеорологического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, как и прежде, является общегосударственной задачей, требуя координации усилий широкого ряда органов государственного и военного управления. Это значит, что опыт деятельности ГКО в сфере военной гидрометеорологии имеет прикладное значение, и может быть использован при организации межведомственного взаимодействия на современном этапе.

Изучение постановлений ГКО позволило сделать следующие выводы:

Деятельность ГКО сыграла важную роль в решении вопросов гидрометеорологического обеспечения в годы Великой Отечественной войны.

В сфере военной гидрометеорологии его постановления выходили в тех случаях, когда требовалось принятие незамедлительных мер с привлечением органов государственного и военного управления разной ведомственной принадлежности.

ГУГМС КА фигурировало в постановлениях ГКО, как в качестве «главного исполнителя» той или иной задачи, так и в качестве «соисполнителя».

Опыт деятельности ГКО в сфере гидрометеорологии может быть использован органами государственного и военного управления Российской Федерации при организации гидрометеорологического обеспечения Вооруженных Сил на современном этапе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 122а. Л. 5.
- 2 Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 495.
- 3 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) Ф. 16а. Оп. 3336. Д. 21. Л. 26.
- 4 Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 229.
- 5 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 644. Оп. 1. Д. 146. Л. 172.
- 6 Там же. Д. 195. Л. 225–232.
- 7 Там же. Д. 222. Л. 16–25.
- 8 Там же. Д. 287. Л. 237–242.
- 9 Там же. Д. 294. Л. 126–127.
- 10 Там же. Д. 303. Л. 39.
- 11 Там же. Д. 310. Л. 11.
- 12 Там же. Л. 69–133.
- 13 Там же. Д. 366. Л. 98–158.
- 14 Там же. Д. 425. Л. 16–78.
- 15 Там же. Д. 448. Л. 83–140.
- 16 Там же. Д. 401. Л. 151–152.
- 17 Там же. Д. 419. Л. 58–59.
- 18 Там же. Д. 428. Л. 153–154.
- 19 Там же. Д. 434. Л. 153.

*Дмитрий Алексеевич Журавлев,
Россия, Санкт-Петербург,
ФГБУКИ «Военно-медицинский музей» Министерства обороны
Российской Федерации, заместитель директора музея,
кандидат исторических наук*

*Галина Алексеевна Грибовская,
старший научный сотрудник музея,
кандидат медицинских наук*

«Наша память идет по лесной партизанской тропе...» Советские медики в партизанском и подпольном движении в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

С началом Великой Отечественной войны развернулась героическая борьба Советского народа в тылу врага. Мобилизовала защитников на битву с врагами на оккупированной территории директива Совнаркома СССР и Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) от 26 июня 1941 г., которой предписывалось «в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [1].

Партизанское движение во всех оккупированных районах врагом нарастало с каждым месяцем. Создавались подпольные организации, партизанские группы и отряды, куда входили люди разных возрастов, национальностей, пар-

тийной и религиозной принадлежности, разных специальностей, много бойцов и командиров, вырвавшихся из окружения или бежавших из плена. Партизанами и подпольщиками стали также представители медицинской профессии – врачи, фельдшера, медицинские сестры, санитары, сандружинницы.

Уже к концу 1941 года на оккупированной территории действовало более 2 тыс. партизанских отрядов численностью свыше 90 тыс. человек, к началу 1943 года партизанские отряды насчитывали более 120 тыс. человек, к началу 1944 года – около 250 тыс. человек. Всего за годы для вооруженной борьбы с врагом было организовано 6200 партизанских формирований, в которых участвовали в свыше 1,1 млн. партизан [2].

В первые месяцы войны, когда еще отсутствовало централизованное управление партизанским движением, медицинское обеспечение осуществлялось по-разному. Часто в небольших партизанских отрядах не было даже медицинских работников.

Один из активных участников партизанского движения, ставший начальником медицинской службы соединения партизанских отрядов Житомирской области Я.В. Стовбуненко-Заиченко рассказывает, что медицинские работники прибывали в партизанские отряды как правило не для выполнения профессиональных обязанностей, а как народные мстители: несли караульную службу, участвовали в боевых операциях, ходили в разведку, были связными с подпольной организацией и т.д. Но как только появились первые раненые и больные, появилась потребность в медицинской помощи, медикаментах, перевязочном материале, медицинском инструментарии и выделении и оснащении специальных помещений для раненых и больных [3].

Примером может служить самоотверженный труд и героический подвиг партизанки Надежды Викторовны Троян (1921-2011) – медицинской сестры партизанского отряда «Буря» 4-й партизанской бригады «Дядя Коля» Минской области.

Родилась в г. Дрисса (ныне Верхнедвинск) Витебской области. С началом войны студентка медицинского института Надежда Троян, чтобы фашисты не угнали ее в Германию, работала в Минске на торфоразработках и вскоре связалась с партизанским отрядом. В отряде работала связной, разведчицей и медицинской сестрой. Вместе с партизанами Н.В. Троян прошла трудный боевой путь по болотам и лесам Белоруссии, оказывая медицинскую помощь боевым товарищам. Участвовала в операциях по взрыву мостов, в нападениях на вражеские обозы, не раз вступала с бой с карателями. За участие в ответственном задании по уничтожению гитлеровского наместника в Белоруссии Кубе и проявленную при этом отвагу и героизм в тылу противника 29 октября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Троян было присвоено звание Героя Советского Союза [4].

Партизаны через связных узнавали местожительство медицинских работников, работавших в местных больницах, обращались к ним за помощью. Когда партизанские отряды были вынуждены менять места своих стоянок, для тяжелораненых и больных создавались подвижные лазареты на повозках или санях. Но очень часто партизан, нуждавшихся в стационарном лечении, под видом местных жителей привозили в местные больницы или конспиративные

квартиры. Медицинские работники своим самоотверженным и героическим трудом делали все возможное для восстановления здоровья партизан и населения территорий, оккупированных врагами.

Жертвенный героический подвиг совершили врачи-подпольщики, члены партизанских отрядов. Их имена никогда не будут забыты.

Буйко Петр Михайлович (1895–1943) – военврач 3-го ранга, профессор, доктор медицинских наук. Родился в г. Бельске Гродненской области. В 1912 году окончил Петербургскую военно-фельдшерскую школу, а в 1922 году – Киевский медицинский институт. В первый день Великой Отечественной войны профессор П.М. Буйко добровольно ушел на фронт и был назначен ведущим хирургом медико-санитарного батальона. В 1941 года под Уманью был ранен и попал в плен. Из плена бежал и начал работать врачом в оккупированном г. Фастове. Работая в условиях жестокого фашистского террора и постоянного надзора, тайно лечил советских раненых бойцов, командиров и партизан. Рискуя жизнью, сумел освободить от отправки в Германию свыше тысячи юношей.

В 1943 года гестапо раскрыло деятельность профессора, но ему удалось бежать к партизанам. При одной из попыток пройти в село для оказания помощи тяжелораненым партизанам, П. М. Буйко был схвачен фашистами. 15 октября 1943 года, согнав все население с. Ярошевки, гестаповцы живым сожгли его на костре. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1944 г. П.М. Буйко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Клумов Евгений Владимирович (1876–1943), профессор, директор клиники Белорусского мединститута. По окончании медицинского факультета Московского университета в 1902 году многие годы работал земским врачом в сельских больницах. Участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн.

Великая Отечественная война застала Клумова в Минске, где он и остался на своем посту вместе с больными. В начале 1942 года включился в активную подпольную работу под псевдонимом Самарин. Обслуживал четыре партизанских отряда, многие партизаны обязаны ему своей жизнью. Передал большое количество медикаментов в распоряжение партизан. Полностью обору-

довал два полевых госпиталя. Осенью 1943 году был схвачен гитлеровцами.

Угрозами и обещаниями гестаповцы пытались заставить этого крупного специалиста работать в Германии. С гневом и негодованием советский врач и ученый отверг предложения фашистов. В октябре 1943 года гитлеровские палачи уничтожили Е. В. Клумова вместе с женой Г. Н. Клумовой в газовой камере.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. участнику Минского подполья Клумову Евгению Владимировичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Михайлов Федор Михайлович (1898–1942), военврач 3-го ранга, уроженец с. Перелучи Опоченского района Новгородской обл. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1926 году окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. К началу войны находился в рядах Красной армии. В районе Полтавы вместе с частью попал в окружение, и так как выйти из него ему не удалось, поступил на работу главным врачом больницы в Славути. Имея тесную связь с местным населением, он возглавил подпольную организацию, боровшуюся с оккупантами. Ф.М. Михайлову удалось освободить из лагеря военнопленных «Гросс-лазарет» многих врачей и других медицинских работников. Под его руководством был организован партизанский отряд и подпольные центры в Изяславле, Акрополе, Остроге и других городах. Ему удалось организовать в лагере несколько групп Сопротивления, которые распространяли листовки, готовили к побегу людей. Под его умелым руководством было уничтожено много эшелонов вражеских войск и техники. В конце июля 1942 года Михайлов был арестован. После жестоких пыток в фашистских застенках 5 августа 1942 года был повешен в присутствии жителей г. Славути.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Михайлову Федору Михайловичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Кисляк Мария Тимофеевна (1925-1943) родилась в Харькове, в 1941 году окончила Харьковскую фельдшерско-акушерскую школу. В начале Великой Отечественной войны М.Т. Кисляк пришлось остаться на оккупированной немцами территории с 43 истощенными тяжелоранеными солдатами, которых не успели эвакуировать.

Мария ухаживала за ними, перевязывала, доставала продукты и одежду для них. Спасенные ею люди поправлялись и уходили в партизанский отряд. Активно участвовала в работе Харьковской подпольной организации. При проведении партизанами боевой операции по уничтожению офицеров войск СС она была схвачена и 18 июня 1943 года казнена. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Марии Тимофеевне Кисляк было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [5].

В начальном периоде становления медицинской службы партизанских формирований испытывала большие трудности со снабжением медицинским имуществом, которое добывала только благодаря работникам лечебных учреждений и аптек оккупированных территорий. Помогали еще налеты на вражеские гарнизоны и транспорт. Кроме того, широко использовались природные и подручные средства: мох применялся вместо ваты, парашютный шелк и суровое полотно вместо бинтов, из тола изготавливалась противочесоточная мазь, а спирт заменялся самогоном после его двукратной перегонки, вместо скальпеля иногда использовалась бритва или нож, а ампутацию производили обычной ножовкой или пилой для распила деревьев.

С возникновением партизанских соединений создавалась и организационная структура медицинской службы. В них создавались подвижные партизанские госпитали на 50-100 коек, которые размещались в глубине партизанских отрядов. В них оказывалась первая врачебная и квалифицированная помощь. Эвакуация тяжелораненых производилась на конных повозках, зимой – на санях. Раненых, нуждавшихся в специализированной медицинской помощи, эвакуировали на самолетах в тыловые госпитали.

При столь широком распространении на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории Советского Союза эпидемических заболеваний среди местного населения (сыпной, возвратный тифы, дизентерия) основной задачей медицинской службы партизанского отряда стал строгий надзор за поддержанием благополучного санитарного состояния личного состава партизанского формирования, шалашей, землянок, наземных строений и всей территории лагеря. Особое

внимание обращалось на своевременное выявление инфекционных больных и их своевременную изоляцию.

Вместе с тем, в ряде отрядов и бригад начались эпидемические вспышки сыпного тифа. Были приняты жесткие меры по изоляции заболевших, введен двухнедельный карантин для вновь прибывших в партизанский отряд (ежедневный осмотр на педикулез, мытье в банях, дезинсекция одежды).

Характерной особенностью медицинского обеспечения партизанских отрядов и соединений явилось установление систематической связи и взаимодействия медицинской службы этих формирований с медицинской службой фронта, находившегося в зоне партизанских формирований. Общей целью их деятельности было – не допустить распространения инфекции в войсках, партизанских соединениях и среди населения страны.

За годы Великой Отечественной войны в составе партизанских отрядов Украины и Белоруссии выполняли свой высокогуманный профессиональный долг 780 врачей, 2669 средних медицинских работников [6]. В исключительно тяжелых условиях, постоянно рискуя жизнью, они проявляли подлинный героизм и многие погибли.

За проявленные в борьбе с захватчиками стойкость и отвагу 248 партизан и подпольщиков были удостоены звания Героя Советского Союза, 184 тысячи человек были награждены орденами и медалями, более 127 тысяч удостоены медали «Партизану Отечественной войны» 1 и 2 степени [7].

Материалы о медицинских работниках, героически сражавшихся вместе со своими товарищами в партизанских отрядах, хранятся в фондах Военно-медицинского музея и неоднократно были представлены в рамках различных выставочных проектов, как в нашей стране, так и за ее пределами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.6. – М.: Политиздат, 1971. – С.19.
2. Отечественная военная история с древнейших времен до наших дней / Под ред. Басика И.И., Гаврилова В.А., Кольтюкова А.А. и др. – в трех томах. – Книга 2. – Том 2-3. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2003. – С. 419-420.
3. Стовбуненко-Заиченко Я.В. Записки врача-партизана. Медицинская служба соединений партизанских отрядов Житомирской области им. Щорса. – Киев: Госмедиздат УССР, 1948. – С. 120-124.
4. Ф.В. Сатрапинский. Военные медики – Герои Советского Союза. – Л.: Военно-медицинский музей МО СССР, 1975. – С.95.
5. Ф.В. Сатрапинский. Военные медики – Герои Советского Союза. – Л.: Военно-медицинский музей МО СССР, 1975. – С.24-26, 30, 40, 45.
6. Н.Г. Иванов, А.С. Георгиевский, О.С. Лобастов Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941-1945. –Л.: «Медицина», 1985.- С.166.
7. Подвиг народа: вклад народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / Под ред. Абрамова Е.П. и др. – СПб: Издательство «Аврора», 2015. – С. 308.

*Николай Степанович Зелов,
Россия, Москва, Государственный архив Российской Федерации,
главный специалист, руководитель архивохранилища
личных фондов государственных,
общественных деятелей СССР и Российской Федерации,
член Союза писателей России*

Документы Государственного архива Российской Федерации о военно-шефской работе мастеров искусств в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ) хранит в фонде ЦК Рабис 187 дел с документами о работе Центральной военно-шефской комиссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Ф. № Р – 5508, оп. 3, дд. 1–187). В делах – стенограммы пленумов, совещаний ЦК Рабис по вопросам художественного обслуживания частей действующей Красной Армии и Военно-морского Флота, планы, отчеты, справки театральных коллективов, концертных организаций о шефской деятельности, письма фронтовиков с благодарностью, отзывами о выступлениях артистов перед защитниками Отечества.

Культурное шефство мастеров искусств над воинами армии и флота зародилось в годы Гражданской войны. Организационно оформилось шефство в 1923 г. Президиум Центрального Комитета профессионального союза работников искусств (ЦК Рабис) 19 февраля 1923 г. утвердил Положение о культурно-шефской работе, согласно которому создавалась Центральная военно-шефская комиссия и аналогичные комиссии при краевых и областных комитетах профсоюза работников искусств. В условиях начавшей-

ся Великой Отечественной войны задачи военно-шефской работы определил 23 июня 1941 г. 1У пленум ЦК Рабис, призвавший работников искусств к организации артистических бригад для выступлений на фронте, концертов на призывных пунктах и в госпиталях.

За первый год войны, отмечается в докладной записке ЦК Рабис в Секретариат ВЦСПС, за июль 1941 г. – июнь 1942 г. проведено свыше 150 тысяч концертов для защитников Отечества (ГА РФ, ф. Р – 5508, оп. 3, д.3 л. 2). «За время с 22 июня по 13 октября 1941 г., до выезда (эвакуации) МХАТ из Москвы в Саратов, театром дано 126 концертов. За это же время в помещении театра состоялось 9 шефских спектаклей, в репертуар которых вошли пьесы «Враги», «Любовь Яровая», «Анна Каренина», «Три сестры», «Школа злословия», «Пиквинский клуб», – сообщал в ЦК Рабис председатель военно-шефской комиссии Московского Художественного театра, заслуженный артист РСФСР Е.В. Калужский 6 июня 1942 г. Военно-шефская работа МХАТ в Саратове началась 28 октября, за две недели до открытия спектаклей МХАТ. За семь месяцев, по 1 июня театр регулярно обслуживает госпитали

г. Саратова, агитпункт и военные части. С 1 января театр дает ежемесячно шефские спектакли. Помимо концертов в госпиталях небольшие бригады артистов МХАТ шесть раз в неделю проводят чтения в двух – трех палатах двух подшефных госпиталей для лежащих больных. За этот же период МХАТ дал 7 платных спектаклей и концертов на постройки танковой колонны, эскадрильи самолетов, покупку теплых вещей и на подарки бойцам Красной Армии. К 23 февраля и 1 мая помимо посылки подарков на фронт были переданы подарки в подшефные госпитали. (...) Итог работы в Саратове с 1 ноября 1941 г. по 1 июня 1942 г. следующий: концертов 268 (для частей Красной Армии – 60, в госпиталях – 167, в агитпунктах – 41) (Там же, д.20, л.25). В составе первой фронтовой бригады МХАТ (1942 г.) выступали на фронте А.П. Георгиевская, В.Л. Ершов, А.П. Зуева, Г.И. Калиновская, А.К. Тарасова. Возглавлял бригаду Николай Иванович Дорохин, артист театра с 1927 г. Участники поездки выступали с отрывками из спектаклей «Анна Каренина», «Мертвые души», читали рассказы А.П. Чехова, К. Г. Паустовского, стихи К.М. Симонова, выступали в любых условиях, при любой погоде, в лесу, землянках, в блиндажах, в палатках, часто под обстрелом вражеской авиации. Своим художественным мастерством поднимали дух бойцов, воодушевляли на борьбу с врагом. Всего за годы войны театром было сформировано одиннадцать бригад для выступлений на фронтах. Будучи в эвакуации, артисты из Саратова выезжали на Юго-Западный, Карельский, другие фронты.

1 декабря 1942 г. коллектив МХАТ имени Горького обратился ко всем работникам искусств страны с призывом включиться в соревнование на лучшее обслуживание бойцов и командиров Красной Армии и Флота. «Коллектив нашего театра охвачен, как и весь наш народ, едиными мыслями и желанием сделать решительно все, чтобы помочь Красной Армии окончательно разгромить и уничтожить немецко-фашистскую армию. Работники Московского Художественного театра имени Горького решили последовать примеру рабочего класса и колхозного крестьянства и включиться в социалистическое соревнование на лучшее обслуживание Красной Армии и Флота» (д.418, л.18). Обращение подписали В.И. Качалов, И.М. Москвин, О.Л. Книппер-Чехова, Н.П.

Хмелев, другие артисты театра. Первым откликнулся Малый театр, призвавший «всех советских работников искусств посвятить все свои помыслы старанием наилучшим образом обслужить своим искусством нашу Красную Армию, громящую фашистские орды» (д. 418, л.19). Клич двух московских театров вызвал новый патриотический подъем среди мастеров искусств. Бригада ГАБТ Союза ССР с 12 августа по 9 сентября 1942 г. дала 28 концертов, на которых присутствовало более 15 тысяч красноармейцев, командиров и политработников, главным образом с передовой линии фронта. «Все концерты в частях армии прошли на высоком художественном и идейно-политическом уровне, – отмечается в отзыве политотдела Н-ской армии. – Бойцы и командиры выносили глубокую и чистосердечную благодарность артистам за прекрасные концерты. Как правило, концерты заканчивались митингами, на которых выступали бойцы, уже закаленные в боях. Они давали клятву бить врага беспощадно до полного разгрома» (д. 359, л. 113). Участниками одной из фронтовых бригад Большого театра, – отмечается в докладной записке ЦК Рабис Секретариату ВЦСПС, были В.В. Барсова, И.С.Козловский, О.В. Лепешинская, А.М. Мессерер, М.Д. Михайлов, П.М. Норцов, М. О. Рейзен (д. 20, л.33).

В фонде ЦК Рабис хранятся документы о военно-шефской работе в годы войны Хора имени Пятницкого, Краснознаменного ансамбля Красной Армии, других творческих коллективов, фронтовых бригад Театра имени Евгения Вахтангова. В отчете, подписанном художественными руководителями Хора имени Пятницкого композитором В.Г. Захаровым, хормейстером П.М. Казьминым, сообщается о 135 шефских концертах, состоявшихся с 22 июня 1941 г. по 10 апреля 1942 г. на вокзалах, призывных пунктах, воинских частях, госпиталях (д. 20, л.9) Среди лучших отмечена в докладной записке ЦК Рабис Секретариату ВЦСПС Московская организация профсоюза работников искусств, организовавшая в первый год войны 13887 шефских концертов и спектаклей.

Свыше 20 тысяч шефских концертов и спектаклей дали в первый год войны мастера искусств героического Ленинграда (д. 2, л.14) Художники города провели большую работу по маскировке военных объектов, памятников архитектуры,

выпуску фронтовых окон РОСТА. На фронт выезжали бригады артистов Академического театра драмы имени Пушкина, Большого драматического театра имени А.М. Горького, Театра оперы и балета имени С.М. Кирова, других ленинградских театров. Хранятся в фонде ЦК Рабис документы о формировании семи фронтовых бригад Театра оперы и балета имени С.М. Кирова, списки их участников, отчеты о поездках на фронт с указанием количества шефских выступлений (д. 22, лл. 34 – 40). Возглавляли бригады П.М. Журавленко, Е.В. Вольф-Израэль, Г.Н. Орлов, Б.М. Фрейдков. Участвовали в поездках ведущие артисты театра: балерина Т.М. Вечеслова, солисты оперы О.А. Кашеварова, В.М. Луканин, И.А. Нечаев, Г. П. Нэлепп, Н.Н. Середя. «Эти бригады выступали в суровой фронтовой обстановке, когда концерт сплошь и рядом прерывался боевой тревогой, когда петь, танцевать и играть порой приходилось на открытом воздухе в сильные морозы, показали образцы профессиональной выдержки и высокой сознательности и ответственности, – отмечается в отчете. Военно-шефская работа по-настоящему стала кровным делом каждого работника Кировского театра, делом чести и гражданского долга» (д. 22, л.34, 38). Бригада во главе с Б.М. Фрейдковым, Т.М. Вечесловой обслуживала суда Краснознаменной Балтики, выступала в местах прорыва блокады, в условиях вражеского артиллерийского обстрела, совершила поездку по льду в г. Кронштадт. «Артисты показали себя истинными ленинградцами. Их спокойствие в этих условиях, в равной мере мужчин и женщин, служили прекрасным примером мужества и выдержки, – писал в отзыве о выступлениях артистов начальник политотдела ударной армии полковник Шаманин. – Концерты в условиях подлинной боевой обстановки ярко демонстрировали теснейшее слияние нашего фронта и тыла, готовность работников искусств в любых условиях идти в ногу с героическими защитниками нашей великой Родины» (д. 22, л.68). Участвовали в шефских концертах Е.М. Грановская, О.Г. Казико, В.Т. Кибардина, А.И. Ларионов, В.П. Полицеймако, другие ведущие мастера Большого драматического театра имени А.М. Горького.

Хранятся в фонде ЦК Рабис отчеты, справки о шефской работе Академического театра драмы имени А.С. Пушкина. Театр, эвакуированный в

Новосибирск, за годы войны дал 1946 шефских концертов, направил на фронт две бригады под руководством К.В. Скоробогатова и Н.К. Черкасова, бригаду «Огонь по врагу» во главе с А.Ф. Борисовым и К.В. Адашевским. (д. 18, л. 61). Бригада, руководимая Н.К. Черкасовым, выступила в блокадном Ленинграде в Доме Красной Армии, дали концерт для летного состава Балтийского Флота, выступили на кораблях, подводных лодках. «Наш приезд принес в жизнь Ленинграда веселую струю, – делился впечатлениями о поездке в осажденный город на собрании коллектива театра в Новосибирске 21 января 1943 г. – Даже прошел слух, что снята блокада и пушкинские артисты приехали (...) Был и у т. Жданова. Для него наш приезд был неожиданным, как и для всех» (д. 45, л.68).

Большую шефскую работу вели на фронте Л.А. Русланова, К.И. Шульженко, Л.О. Утесов, М.Н. Гаркави, Л.Б. Мирон, С.М. Балашов, многие другие артисты эстрады (д. 3, лл. 52 -53).

Мастера искусств Ленинграда, Москвы других городов участвовали в проведении Дней культурного отдыха и обслуживания раненого бойца, участвовали в проведении смотров участников художественной самодеятельности, в сборе средств в фонд обороны Родины. Хранятся в фонде ЦК Рабис многочисленные письма с благодарностями за выступления артистов в госпиталях. «Офицеры и бойцы, находящиеся на излечении в эвакогоспитале 1941, сердечно благодарят Вас и весь Ваш коллектив за ту огромную радость, которую Вы доставили раненым воинам-фронтовикам, – писал 5 октября 1943 г. начальник эвакогоспиталя № 1941 подполковник Яковсон народному артисту РСФСР Владимиру Дурову. – Организованный Вами во дворе госпиталя выездной спектакль, в котором принял участие весь Ваш коллектив прошел с исключительно высоким мастерством и слаженностью всего Вашего коллектива. (...) Наши воины, проходя лечение в госпитале, благодаря Вашему выступлению чувствуют великую заботу со стороны актеров, и это вселяет в них новые силы и способствует быстрейшему выздоровлению и возвращению в строй для ускорения полного разгрома врага». (д.50, л.177. 21 февраля 1944г. в московской больнице имени Боткина артисты Малого театра в честь 26 годовщины Красной Армии и Военно-морского флота дали концерт.

46 актеров театра, разбившись на группы, выступили в 150 палатах больницы. «Своей исключительной игрой артисты оставили замечательное впечатление, и больные бойцы и офицеры бурными овациями благодарили их, – писал руководству театра заместитель главного врача госпиталя Воскресенский 2 марта 1944 г. – Особенно понравилась игра народной артистки СССР, лауреата Сталинской премии Е.Д. Турчаниновой, народного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии Н.А. Светловидова, народного артиста РСФСР А.В. Полякова. Актеры исполнили ряд отрывков из произведений А. Н. Островского «На бойком месте», «На всякого мудреца довольно простоты». Наряду с обслуживанием раненых и больных в отделениях артисты Малого театра дали большой концерт в клубе больницы для выздоравливающих и медицинских работников» (д. 21, л. 24). Работники искусств в 1941-1943 гг. дали более 250 тысяч шефских мероприятий в госпиталях (д. 3, лл. 52-53). Не было почти ни одного госпи-

таля в Советском Союзе, который оказался вне шефского обслуживания работниками искусств.

В фонде ЦК Рабис имеется 25 дел со списками и характеристиками на активных участников шефской работы в годы войны, материалами по представлению их к награждению медалью «За победу над Германией в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», почетными грамотами ЦК Рабис. Военно-шефскую деятельность ЦК Рабис мастера искусств считали «своей важнейшей производственной работой» в годы войны (д. 3, л.53). Военно-шефская работа, свидетельствуют документы Государственного архива Российской Федерации, стала главным смыслом творческой жизни мастеров искусств, делом их чести и гражданского долга. Она вдохновляла бойцов на подвиги, внесла свой вклад в Победу.

...75 лет исполнилось со дня Победы. Уже нет в живых участников фронтовых артистических бригад, но жива память о них, о тех, кто своим искусством вселял в сердца фронтовиков, бойцов и командиров уверенность в грядущей Победе.

*Вячеслав Александрович Иванов,
Россия, ГБУ Республики Крым
«Центральный музей Тавриды»,
отдел «Мемориал жертвам фашистской
оккупации Крыма 1941–1944 гг.
Концлагерь «Красный», экскурсовод,
кандидат исторических наук*

Военные операции Красной Армии и Черноморского флота в 1941-1942 гг. в Крыму: Перекопско-Чонгарская, Крымская оборонительная, Евпаторийская десантная операции

В 2020-м году исполняется 75-летний юбилей Великой Победы советского народа над нацистской Германией и ее союзниками. По-прежнему не теряет своей актуальности вопросы изучения военных операций Красной армии и Флота в годы Великой Отечественной войны. Однако и по сегодняшний день многие аспекты боев за Крымский полуостров, касающиеся особенно его обороны от немецко-румынских войск в 1941–1942 гг., на наш взгляд, недостаточно освещены в отечественной военной историографии, зарубежные историки также уделяют Крымской кампании 1941–1942 гг. (не затрагивая оборону Севастополя), не слишком много внимания¹. Постепенный прогресс в изучении данной темы имеет место, но полностью закрыть этот пробел не удалось. Битва за Крым в 1941–1944 гг., в первую очередь, это не только героическая 250-дневная оборона Севастополя от немецко-румынских войск, Керченско-Феодосийская десантная операция, но и самоотверженная оборона Перекопа, Чонгара и Ишуня в сентябре – октябре 1941 г., оборони-

тельные бои за Крымский полуостров в октябре – ноябре 1941 г., трагедия Евпаторийского тактического десанта, действия подпольно-патриотических разведывательно-диверсионных групп и других акций противостояния гитлеровским захватчикам на территории северного Крыма в период нацистской оккупации. В настоящей публикации на основе эксклюзивных материалов из фондов Государственного архива Республики Крым (далее ГАРК), опубликованных источников и прочих исследований анализируется аспект боевых действий советских войск, военной истории Крыма в оборонительный период (сентябрь 1941 г. – январь 1942 г.) Великой Отечественной войны.

Задачами данной публикации являются:

- проанализировать состояние источниковедческой и историографической базы исследования настоящей проблемы;
- выявить задачи, которые ставило перед собой советское командование и германо-румынское командование в период оборонительных боев за Крым в 1941–1942 гг.;

- рассмотреть ход военных операций РККА и РКВМФ на территории северного Крыма в сентябре 1941 г. – январе 1942 г.;

- акцентировать внимание на недостаточно изученных в исторической науке аспектах боевых действий в боях за северный Крым в 1941–1942 гг.;

- оценить значение оборонительных действий Красной Армии и Флота в северном Крыму и их значение на общий ход Великой Отечественной войны;

В советской, а позднее в украинской и российской военной историографии места Перекопско-Чонгарской оборонительной операции также не нашлось. Периодически выходят работы непрофессиональных историков, опирающиеся исключительно на мемуарные свидетельства и непроверенные показания очевидцев, без проверки полученной информации, без использования архивных источников, зарубежной литературы².

Перекопско-Чонгарская оборонительная операция (1 сентября – 18 октября 1941 г.)

Для обороны Крымского полуострова Ставка Верховного Главнокомандования создала 14 августа 1941 г. 51-ю Отдельную армию под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова. В нее входили три стрелковые дивизии (для обороны Перекопского и Чонгарского перешейков, южного берега озера Сиваш и Арабатской стрелки), пять стрелковых и две кавалерийские дивизии выделялись для обороны побережья от угрозы высадки немецкими войсками воздушного десанта. Советское военное командование опасалось того, что нацисты повторят операцию «Меркурий» – захват острова Крит в ходе стратегической воздушно-десантной операции 20-31 мая 1941 г. Численность советских войск составляла более 100 тысяч человек, до 1000 орудий и минометов, 66 танков и 47 самолетов. Поэтому значительная часть сил была отведена в резерв вместо того, чтобы прикрывать фланги 51-й армии.³

Немецкая группировка насчитывала более 124 тысяч человек, свыше 2 тысяч орудий и минометов, более 100 танков, свыше 100 самолетов 4-го Воздушного Флота люфтваффе.⁴

В ночь на 31 августа 1941 года 11-я немецкая армия форсировала Днепр в районе Каховки, и захватив плацдарм на восточном берегу, нача-

ла накапливать силы для дальнейшего наступления. Одна группа германских войск должна была проводить наступление в направлении Мелитополя, другая – захватить Крымский полуостров.⁵ Оборона Перекопского и Чонгарского перешейков была возложена на силы 9-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта П. И. Батова, а затем на специально созданную решением Ставки Верховного Главнокомандования 51-ю Отдельную армию на правах фронта под командованием генерал-полковника Ф. И. Кузнецова, члена Военного совета корпусного комиссара А. С. Николаева, начальника штаба генерал-майора М. М. Иванова.⁶ Черноморский флот должен был прикрывать 51-й армию с тыла и флангов, обеспечить огневую поддержку с суши, моря и воздуха. 9 сентября 1941 года нацистские войска нанесли сильный удар с Каховского плацдарма. Фронт обороны советских войск был прорван. 11-я немецкая армия генерал-полковника Ойгена фон Шоберта устремила на Мелитополь, Перекоп и Чонгар, разделив свои силы.⁷ «12 сентября около 4.30 утра мой батальон двинулся к Перекопу. Мы установили контакт с передовым батальоном 73-й пехотной дивизии под командованием майора Штиффатера в 4.55. Штиффатер присоединился к моему батальону. ... Мы ехали, увеличив дистанцию между машинами. У нас было ощущение, что покой может быть нарушен в любой момент завыванием снарядов и мин крупнокалиберных минометов. Советские войска должны были использовать эти удобные оборонительные позиции. Призрачное спокойствие предвещало сражение. Не было никаких убежавших русских, никаких бешено скачущих отрядов конницы, никакого рева моторов машин – ничто не указывало на бегство или даже отход. Степь была пустой. Нигде не было видно ни души. Один только этот факт указывал на жесткое управление и строгий контроль со стороны командования противника», – писал штурмбан-нфюрер СС дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» Курт Мейер в своих воспоминаниях о начале сражения за Перекопский перешеек⁸.

14 сентября 1941 года войска 11-й немецкой армии силами 22-й дивизии подошли к Геническу, который пал на следующий день. 16 сентября нацисты выходят к Чонгарскому мосту и Арабатской стрелке и, таким образом, заблокировали выход из Крыма, прервав связь 51-й От-

дельной армии с силами Юго-Западного фронта⁹. Между тем командующий 11-й германской армии Ойген фон Шоберт и его пилот, проводя рекогносцировку позиций под городом Николаевом в районе Широкой Балки, погибли, произведя посадку на советское минное поле. Командование войсками принял 17 сентября 1941 года генерал-полковник Эрих фон Манштейн, до того времени, руководивший силами 56-го моторизованного корпуса в составе группы армий «Север». Он подтянул резервы и 24 сентября начал штурм Перекопа, который был на следующий день захвачен. 26 сентября немецкие войска оттеснили части Красной армии от Турецкого вала, захватив город Армянск. 28 сентября 1941 года части 51-й армии отошли на Ишуньские позиции.¹⁰ Об этом вспоминает Э. фон Манштейн следующим образом: «24 сентября 54 ак был готов к наступлению на Перекопский перешеек. Несмотря на сильнейшую поддержку артиллерии, 46 и 73 пд, наступавшим по выжженной солнцем, безводной, совершенно лишенной укрытий солончаковой степи, приходилось очень трудно. Противник превратил перешеек на глубину до 15 км в сплошную, хорошо оборудованную полосу обороны, в которой он ожесточенно сражался за каждую траншею, за каждый опорный пункт. Все же корпусу удалось, отбивая сильные контратаки противника, 26 сентября взять Перекоп и преодолеть «Татарский ров». В три последующих дня труднейшего наступления корпус прорвал оборону противника на всю ее глубину, взял сильно укрепленный населенный пункт Армянск и вышел на оперативный простор».¹¹ Как мы видим, несмотря на то, что немецкие войска прорвались на Перекопском перешейке, части 51-й Отдельной армии оказывали им серьезное сопротивление. Немалую роль в этом сыграла инженерная подготовка обороны перешейка. Хотя в ряде источников указывается на то, что она была недостаточной, тем не менее, это не утверждение не соответствует действительности. Н.А. Сирота, секретарь городского комитета ВКП (б) и председатель ГКО города Керчь в 1941–1944 гг. вспоминал об этом: «Первая задача в области помощи фронту, которая перед нами была поставлена, это помощь в сооружении укреплений на Перекопе. Там работала большая группа инженеров завода Войкова и сосредоточено большое количество всяких

материалов. Мы туда, в частности, отправляли стальные трехтонные болванки. На территории завода лежало большое количество таких болванок, не выдержанных по маркам, непригодных для прямых целей. Мы их целыми эшелонами отправляли на Перекоп, там их спаривали, ставили и ставили как надолбы. Тогда еще не представляли себе какие средства борьбы с танками эффективны, а по существу эти болванки никакого значения не имели. Там наши инженеры работали под огнем немецкой авиации в исключительно тяжелых условиях».¹²

Была проведена операция по эвакуации войск из Одессы в Севастополь, но части Приморской армии не успели принять участие в решающих боях на Перекопском перешейке. Исключение составили подразделения 157-й стрелковой дивизии, прибывшей раньше других в северную часть полуострова и принявшей участие в боях за станцию Воинка. Основной состав Приморской армии вышел к северной части полуострова 22-23 октября 1941 г., только к тому моменту, как немецкие войска овладели Перекопом и Ишунью, что позволило им вырваться на степные просторы Крыма.¹³ Важную роль в обороне Перекопского перешейка сыграл Черноморский флот. Между частями 51-й армии и подразделениями флота наблюдалось тесное взаимодействие. В частности, Дубровский В. Г., отмечает это обстоятельство: «В то же время Черноморский флот делал все возможное, чтобы помочь войскам 51-й отдельной армии, оборонявшей Крым. Еще в августе флот выделил восемь морских артиллерийских батарей и установил их в районе Перекопского перешейка. Были отправлены морские мины для минирования Сиваша и другое военное снаряжение. Тогда же под Ишунью ушли два батальона, а затем и вся 7-я бригада морской пехоты полковника Жидилова. В нее входили лучшие матросы-добровольцы с кораблей и частей флота. Бригада насчитывала пять тысяч бойцов и очень нужна была для непосредственной обороны Севастополя. Авиация флота была также брошена на Перекоп. Для поддержки артиллерийским огнем левого фланга обороняющихся войск выходили в Каркинитский залив наши корабли».¹⁴

Наряду с доставкой грузов и войск в районы Перекопского перешейка, Севастополя, Керченского полуострова, Черноморский флот

прикрывал с моря южный фланг советских армий, при этом ведя борьбу на морских коммуникациях противника.¹⁵ Как вспоминает В. Г. Дубровский: «К середине сентября фашисты создали у Перекопа крупную группировку войск, усилили ее танками и авиацией и оттеснили 51-ю армию к Ишуньским позициям. Создалась реальная угроза Севастополю». Фашистское командование во второй половине дня подняло в воздух всю свою бомбардировочную и торпедоносную авиацию. Ведь армада кораблей растянулась на десятки миль. Наши крейсера и эсминцы подошли ближе к транспортам и своим зенитным огнем прикрыли их. А при подходе к мысу Тарханкут корабли и транспорты вступили в зону действий нашей истребительной авиации и пушек береговых батарей. Семнадцать фашистских самолетов не возвратились в этот день на свои аэродромы, их сбили советские истребители. Три вражеских самолета были уничтожены зенитной артиллерией кораблей отряда. ...Как ни форсировал скорость тральщик «Взрыватель», он не мог догнать караван кораблей. Обнаружив в море одинокий тральщик, самолеты противника пошли на него в атаку. «Взрыватель» открыл зенитный заградительный огонь, но, видимо, фашистские летчики были уверены в быстрой и легкой победе. Забыв об осторожности, они продолжали снижаться. И вот уже один из «юнкерсов» ушел с горящим мотором в воду. Так продолжалось до тех пор, пока на далеком горизонте не открылся Тарханкутский маяк. ...К исходу следующего дня, расстреляв весь свой оружейный боезапас, с обгорелой трубой и надстройками, с множеством пробоин в корпусе тральщик «Взрыватель» входил в Севастопольскую бухту. Отряд транспортов и боевых кораблей Черноморского флота успешно выполнил задание и перевез войска целой армии и военно-морской базы без потерь. Войска из Одессы ушли непобежденными». ¹⁶ Приведенное свидетельство убедительно доказывает важную роль Черноморского флота в своевременной эвакуации войск и материалов, которые усилили Севастопольский гарнизон и смогли подготовить город к отражению немецкого наступления, которое, кстати, продолжалось после овладения Перекопом и Чонгаром.

Крымская оборонительная операция (18 октября – 16 ноября 1941 г.)

18 октября 1941 года германские силы начали прорыв Ишуньских позиций. 20 октября они наносят удар в районе Каркинитского залива, форсируют устье реки Чатырлык, обходя левый фланг 51-й армии.¹⁷ «Ночью получили первое донесение разведчиков, что немцы обходят нас, прорвав сильно укрепленную оборону Ишуни с правой стороны»¹⁸. В связи с этими событиями Ставка Верховного Главнокомандования 30 сентября 1941 года принимает решение перебросить Отдельную Приморскую, которая в это время героически защищала Одессу от немецко-румынских войск, на Крымский полуостров для оказания помощи 51-й Отдельной армии. Войска Отдельной Приморской армии под командованием генерал-майора И.Е. Петрова и соединения личного состава Одесской военно-морской базы скрытно эвакуировались на боевых судах и транспортных кораблях и прибыли в Севастополь.¹⁹ Но они не смогла подоспеть на помощь частям 51-й армии, которая отбивала атаки 11-й германской армии через Перекопский перешеек и румынских корпусов через Чонгарский мост. Противник начинает прорывать советские укрепления и, вклинившись в оборону, постепенно проникать в Крым, захватывая стратегическую инициативу.²⁰ Ведя непрерывные бои, 51-я Отдельная армия вынуждена отступать по направлению к Керчи, а Приморская армия – к Севастополю. Между тем 28 октября 1941 года 11-я немецкая армия продолжает наступление. 54-й армейский корпус обходит части Приморской армии с запада, наступает на Евпаторию и Саки с задачей овладеть Качей и Бахчисараем, выйти к Севастополю.²¹ Об этом свидетельствуют воспоминания участников событий: «31 октября вице-адмирал Г. И. Левченко поставил перед войсками Крыма задачу: оборонять главную морскую базу – Севастополь и подступы к Ак-Монайскому перешейку. После оставления Ишуньских позиций разрозненные и сильно поредевшие в боях части 51-й Отдельной армии отходили к Керченскому полуострову. А ее штаб, 172-я, 184-я стрелковые, 40-я и 42-я кавалерийские дивизии, отрезанные от основных сил, следовали в Севастополь. Фактически с 31 октября войска, отступавшие к Керчи, остались без централизованного управления».²² Начальник медико-санитарной службы обороняющегося Севастополя, позднее заслуженный врач УССР В. Е. Лаврентьева вспоминала о тяжелых потерях

советских войск в боях на Перекопе: «За три дня сентября 1941 года к нам поступило до четырех тысяч раненных из оставленных нашими войсками Одессы и Перекопа. Медицинские работники госпиталей, дружинницы Красного Креста принимали раненых с приходящих кораблей и частей. Тут же делали перевязки и сопровождали раненых в госпиталь. В дальнейшем корабли, привозя в осажденный город пополнение армии, боеприпасы, продукты, обратным рейсом, чаще ночью или под дымовой завесой, увозили тяжелораненых на Большую землю в сопровождении дружинниц Красного Креста, таких замечательных женщин, как Людмила Гордиенко, Вера Писаренко, Е. А. Абшарова, А. М. Гапева, М. В. Перепелица, З. И. Страженская, и других».²³ В то время когда войска Приморской армии отходили к Севастополю, 51-я Отдельная армия, в командование которой вступил П. И. Батов, отступала к Керченскому полуострову, где создавался Керченский оборонительный район.²⁴ Однако, несмотря на наличие удобной для обороны местности и достаточные силы (семь дивизий), которые не принимали участие в оборонительных боях на Перекопе, Чонгаре и Ишуни, приостановить продвижение противника к Керчи командование района не смогло. 16 ноября 1941 года последние части 51-й армии эвакуируются на Таманский полуостров.²⁵

Упорные и кровопролитные бои за Перекоп и Чонгар позволили дать войскам Отдельной Приморской армии и Черноморскому флоту необходимое время для подготовки обороны города с суши.²⁶ Ибо, как свидетельствует В. Дубровский: «Фашистские войска прорвались в Крым. 11-я армия Манштейна хлынула на юг, в широкие степи. Войска 51-й армии Крымского фронта с тяжелыми боями отходили на Керченский полуостров и заняли Акмонайские позиции; разрозненные части Приморской армии с ожесточенными боями пробивались к южным предгорьям Крыма, к Севастополю самостоятельно. Севастополь являлся главной базой Черноморского флота с мощной береговой и противовоздушной обороной и был полностью защищен с моря. Но оборонительных укреплений с суши не имел, хотя к обороне и готовились. К строительству сухопутных рубежей командование флота приступило в первых числах июля, и к моменту прорыва немцев в Крым они были в основном законче-

ны. Сухопутных войск в Севастополе в это время не оставалось. Тридцатого октября, когда немцы были уже в Крыму, оборонительные рубежи на подступах к Севастополю заняли части морской пехоты, созданной из матросов учебных отрядов и курсантов военно-морских училищ, всего около двадцати одной тысячи человек. Они и приняли первый удар фашистских войск. Немцы стремились отрезать путь Приморской армии, отступавшей к Севастополю, и сходу силами передовых частей при поддержке большого числа танков и авиации взять Севастополь».²⁷

Евпаторийская десантная операция (4-6 января 1942 г.)

В конце декабря 1941 года было принято решение Ставки ВГК о высадке десанта в Евпатории, по сути, это был один из замыслов фронтовой стратегической операции по освобождению Крымского полуострова от нацистов.²⁸ Краевед В. Кропотков приводит директиву № 1886 командующего Закавказским фронтом Д.Т. Козлова о высадке военно-морских десантов не только в Евпатории, но и в районе деревни Сары-Булат (ныне с. Портовое Раздольненского района Республики Крым).²⁹ Однако от такого амбициозного плана решили отказаться, и высадку десантного отряда согласовали только в районе Евпатории. Непосредственно для высадки был сформирован отряд под командованием капитана 2-го ранга Н.В. Буслаева и полкового комиссара А.С. Бойко, в распоряжении которых был тральщик «Взрыватель», семь сторожевых катеров (тип «МО-IV») и морской буксир «СП-14». Десантный отряд представлял собой усиленный батальон морской пехоты, группу разведчиков штаба Черноморского флота, группу сотрудников Евпаторийского городского отдела милиции, оперативно-чекистскую группу Черноморского флота, группу партийных и советских работников Евпатории, Сак, Ак-Мечети, Фрайдорфа и Симферополя, общее руководство которого было возложено на капитана Г.К. Бузинова и батальонного комиссара М.Г. Палена. Несмотря на непогодные условия для проведения операции, сама высадка десанта прошла успешно: отряд высадился на частично разрушенные причалы Евпаторийского порта, начал продвижение вперед с целью освобождения Евпатории.³⁰ К 9 часам утра 5 января 1942 года десантники смогли освободить восточную и центральную часть

города от захватчиков, разгромить комендатуру, жандармерию, штаб румынского арtpолка и другие объекты.³¹ Из плена десантники смогли вызволить группу советских военнопленных, содержащихся в городе в районе мясокомбината. Однако немецкое командование моментально среагировало на высадку десанта: оно проводит воздушную разведку, перебрасывает 105-й пехотный полк из-под Севастополя с задачей немедленно уничтожить высадившихся советских десантников и поддержавших их горожан, напавших на немецкий гарнизон. Об этом вспоминает сам командующий 11-й немецкой армией Э. фон Манштейн: «5 января последовала новая высадка русских войск под прикрытием флота в порту Евпатории. Одновременно в городе вспыхнуло восстание, в котором участвовала часть населения, а также просочившиеся, по-видимому, извне партизаны. Незначительные силы охранения, выделенные для обороны города и порта, не смогли помешать высадке и подавить восстание. Румынский артиллерийский полк, предназначенный для береговой обороны, оставил свои позиции».³² По десантникам открыли артиллерийско-минометный огонь, началось освещение порта и залива прожекторами, чтобы изолировать советских бойцов и не дать им рассредоточиться. Люфтваффе обрушили на корабли десанта бомбовый удар, в результате чего был поврежден один катер, а часть его команды погибла. В городе развернулись ожесточенные бои – за каждую улицу и дом. Моряки, партийные работники и чекисты держались до последнего. Лишь небольшая часть бойцов смогла вырваться из окружения.³³ Попытки Черноморского флота направить помощь в Евпаторийский порт на помощь десанту, в частности эсминца «Смышлёный», лидер «Ташкент» (с разведгруппой) с двумя катерами с десантной группой (400 бойцов), потерпели неудачу – немецкая авиация и танки отогнали подкрепление и не дали ему соединиться с отрядом.³⁴ Большинство выживших десантников было захвачено гитлеровцами в плен и расстреляно на Красной горке вместе с 3 тысячами жителей Евпатории. Из десантного отряда в 700 человек практически все погибли в бою либо позже.³⁵ Немецкий фельдмаршал Э. фон Манштейн в своих мемуарах откровенно преувеличивает факты, преувеличивая численность десантного отряда, однако, признавая, что ситу-

ация была действительно серьезной, и в случае победы советских сил нацисты действительно могли утратить Евпаторию, а вместе с тем получить вражескую базу в своем тылу. «Если бы не удалось немедленно ликвидировать этот новый очаг пожара, если бы русские смогли высапить здесь новые войска, перебросив их из недалеко расположенного Севастополя, то за последствия никто не мог бы поручиться. ...Посланным в Евпаторию частям, находившимся сначала под командованием полковника фон Гейгля, а затем полковника Мюллера (командира 105 пп), удалось в тяжелых уличных боях одержать верх над противником. Особенно упорное сопротивление оказывали повстанцы и партизаны, засевшие в большом здании. Не оставалось, наконец, ничего другого, как подорвать это здание с помощью штурмовых групп саперов. В боях в Евпатории наряду со многими храбрыми солдатами пал смертью героя и командир 22-го разведывательного батальона, подполковник фон Боддин, один из храбрейших наших офицеров и горячо любимый солдатами командир. Он был застрелен в спину партизанами, находившимися в засаде. 7 января бой в Евпатории был окончен. Высадившиеся войска русских были частично уничтожены, частично взяты в плен. Было убито около 1200 вооруженных партизан», – заключает он.³⁶ Несмотря на то, что десант не смог выполнить поставленную им задачу в связи с прекращением наступательной операции войск Крымского фронта, тем не менее он смог оттянуть на себе некоторое количество немецко-румынских войск и создать видимость угрозы немецким коммуникациям.

Таким образом, во-первых, результатом проведенных операций стало то, что на территории Крымского полуострова было выиграно необходимое время 1 сентября – 28 октября 1941 года дали необходимое время для отражения нападения немецко-румынских войск с суши. Евпаторийский тактический десант 1942 года, несмотря на непродуманность операции, дал некоторое время защитникам Севастополя для реорганизации сил и показал возможности советских войск в Крыму, угрожавших нацистским коммуникациям в северной части полуострова, лишившим поддержки с материка. Несмотря на то, что войска 51-й Отдельной армии и Отдельной Приморской армии не смогли удержать полуостров

в 1941-1942 гг., немецко-румынские войска понесли значительные потери и нуждались в пополнении и отдыхе. Гитлеровский амбициозный план захвата северокавказских нефтяных месторождений сходу, через Крым, провалился.

Во-вторых, потерпев крах в своих намерениях захватить Крымский полуостров осенью 1941 года, нацисты упустили возможность контроля северной части акватории Черного моря, а вместе с тем обеспечить бесперебойную поставку румынской нефти и сырья группе армий «Юг», которая должна была наносить удар на ростовском направлении. Неудача немцев привела также к геополитическому повороту: Турция, заключившая договор о сотрудничестве с нацистской Германией о возможном вступлении в блок «Оси» и вступлению в войну против СССР с нанесением удара по Южному Кавказу, отказалась от своих замыслов. Она продолжала придерживаться политики нейтралитета, что весьма откровенно раздражало руководителей нацистов.

В-третьих, в Крыму, оккупированном в значительной его части, немецкий тыл оставался непрочным. В горах юго-восточного Крыма активно действовали партизаны, нанося германским войскам довольно ощутимые удары под Севастополем и Керчью, в степной части полуострова – подпольно-патриотические группы, передающие ценные сведения советским войскам, проводящие многочисленные диверсии и акции саботажа, что создавало видимость присутствия «народных мстителей» и в этой части Крыма, где условия не позволяли ведения массовой вооруженной борьбы против германских оккупантов. С осени 1943 года эти группы подпольщиков скоординировали свои действия с частями 51-й армии, которая, находясь в расположении 4-го Украинского фронта, наносила удары по группировке противника в Крыму через Перекопский перешеек с севера. До освобождения полуострова оставались считанные часы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. / под ред. О. А. Ржешевского, Г. А. Куманева, Ю. А. Полякова, Ю. В. Рубцова и др. - М.: Кучково поле, 2012. - Т. 2. 1008 с.; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. / под ред. В. П. Баранова, В. В. Круглова, А. М. Соколова и др. - М.: Кучково поле, 2012. - Т. 3. 864 с.;
- Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст.: іст. нариси: у 2 кн. / редкол.: В. А. Смолій (голова) [та ін.]. Київ: Наукова думка, 2011. Кн. 1. 731 с.; Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст.: іст. нариси: у 2 кн. / редкол.: В. А. Смолій (голова колегії) [та ін.]. - Київ: Наукова думка, 2011. - Кн. 2. 941 с. и др. работы.
- 2 См. Широкоград, А. Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию/А. Широкоград.- М.: Вече, 2014. - 352 с.; Неменко, А. Крымские десанты 1941–1942 гг.: / «Чёрные бушлаты» в бою/ А. Неменко.- М.: Эксмо: Яуза, 2017.- 320 с.; Неменко, А. В. Черноморский флот в годы войны./А.В. Неменко.- М.: Вече, 2015. - 320 с.; Неменко, А. Оборона Крыма 1941 г. Прорыв Манштейна/А. Неменко.- М.: Яуза-каталог, 2017.- 400 с.;
- Рунов, В. А. Битва за Крым 1941–1944 гг. От разгрома до триумфа./В.А. Рунов, А. Зайцев - М.: Яуза-пресс, 2014.- 384 с.;
- Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. -М.: Эксмо: Яуза, 2016.- 896 с. и др.
- 3 Костенко, И. А. Крымская операция 1941 // Военная Энциклопедия: В 8 т. / И.А. Костенко/ под ред. И. Д. Сергеева. - М.: Воениздат, 1999. - Т. 4. С. 318.
- 4 Костенко И. А. Крымская операция 1941... С. 318.
- 5 Саркисьян, С. М. 51-я армия: Боевой путь 51-й армии/С.М. Саркисьян. - М.: Воениздат, 1983. - С. 11.
- 6 Ванеєв, Г. І. Севастополь, 1941–1942: Хроніка героїчної оборони: [У 2 кн.]/ Г. І Ванеєв. - К.: Україна, 1995. - Кн. 1. С. 18.
- 7 Батов, П.И. Перекоп 1941/П.И. Батов.- Симферополь: Крымиздат, 1970.- С. 43-44.
- 8 Мейер, К. Немецкие гренадеры. Воспоминания генерала СС. 1939–1945/К. Мейер. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. - С. 108-109.
- 9 Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / под ред. В. И. Ачкасова, А. В. Басова, А. И. Сумина и др. - М.: Воениздат, 1988. - С. 323.
- 10 Моргунов, П. А. Героический Севастополь. / П.А. Моргунов, - М.: Наука, 1979.- С. 30-31.
- 11 Манштейн, Э. Утерянные победы./ Э. Манштейн.- Смоленск: Русич, 1999.- С. 236-237.
- 12 Стенограмма беседы с тов. Сирота Наумом Абрамовичем, секретарем Городского Комитета ВКП (б) и председателем Городского Комитета Оборона города Керчи в 1941–1944 гг. // Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 50об.
- 13 Крымская операция 1941 // Советская военная энциклопедия / под ред. Н. В. Огаркова и др. М.: Воениздат, 1977. Т. 4. С. 493; Ванеєв Г. І. Севастополь, 1941–1942: Хроніка героїчної оборони: [У 2 кн.]. К.: Україна, 1995. Кн. 1. С. 24.

- 14 Дубровский, В. Г. На фарватерах Севастополя. // Документальная повесть. / В.Г. Дубровский - Симферополь: Крым, 1969. - С. 85-86.
- 15 История второй мировой войны. 1939–1945: В 12-ти т. / под. ред. А. А. Гречко, Н. Г. Андроникова, К. А. Черемухина, В. Н. Багрова и др. - М.: Воениздат, 1975. – Т.4, С. 323.
- 16 Дубровский В. Г. На фарватерах Севастополя... С. 89, 91-94.
- 17 Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. / А.В. Басов. - М.: Наука, 1987. - С. 60-67.
- 18 Воспоминания Ольхина Константина Ивановича // ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.
- 19 Гармаш П. Е. Севастополь – город-герой. / П.Е. Гармаш.- М.: Воениздат, 1983.- С. 21-22.
- 20 Крымская операция 1941 // Великая Отечественная война 1941 – 1945: энциклопедия / под ред. М. М. Козлова, Ю. Я. Барабаша, П. А. Жилина, В. И. Канатова и др. - М.: Сов. энциклопедия, 1985. -С. 384.
- 21 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 / под ред. П. Н. Поспелова, В. А. Андреева, А. И. Антонова и др. - М.: Воениздат, 1961. - Т. 2. С. 225.
- 22 Горшков, С. Г. На южном приморском фланге (осень 1941 г. – весна 1944 г.). / С.Г. Горшков.- М.: Воениздат, 1989. -С. 40.
- 23 Лаврентьева, В. Е. Медики в обороне Севастополя // Огненные дни Севастополя: Сборник. [Сост. П. Е. Гармаш]. - Симферополь: Таврия, 1978. С. 178.
- 24 Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 / под ред. С. П. Платонова. - - М.: Воениздат, 1958. Т. 1. С. 318.
- 25 Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история / под ред. Б. С. Тельпуховского, Г. И. Булычева, А. А. Бурляя и др. М.: Воениздат, 1984. С. 86; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки / под ред. В. А. Золотарева и др.- М.: Наука, 1998.- Кн. 1. С. 238.
- 26 История второй мировой войны. 1939–1945: В 12-ти т.... Т. 4. С. 88.
- 27 Дубровский В. Г. На фарватерах Севастополя... С. 95.
- 28 История второй мировой войны. 1939–1945: В 12-ти т.... Т. 4. С. 322.
- 29 Кропотов, В. Тактический десант. Евпаторийская десантная операция 4-5 января 1942 года / В. Кропотова.- Симферополь: Н. Оріанда, 2018.- С. 20.
- 30 Великая Отечественная война, 1941–1945: Словарь-справочник / под ред. Н. Г. Андроникова, А. С. Галицана, М. М. Кирьяна и др. - М.: Политиздат, 1985. -С. 164.
- 31 Кропотов, В. Тактический десант... С. 89.
- 32 Манштейн Э. Утерянные победы... С. 268.
- 33 Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Кримська область / під. ред. П. Т. Тронько та ін. -Київ: УРЕ, 1974.- С. 354.
- 34 Боевой путь Советского Военно-Морского Флота... С. 549.
- 35 Майстер, Ю. Восточный фронт – война на море, 1941–1945 гг. пер. с нем. / Ю.Майстер./ -М.: ЭКСМО, 2005. -С. 348-349.
- 36 Манштейн Э. Утерянные победы... С. 268.

*Доктор Йорг Морре,
Федеративная Республика Германия, Берлин,
Директор Германо-Российского музея Берлин-Карлсхорст*

От Реймса до Карлсхорста

Требование антигитлеровской коалиции о безоговорочной капитуляции Германии поздним вечером 8 мая 1945 года было выполнено. В тот заключительный момент войны был найден дипломатический баланс. В итоге акт о капитуляции был подписан дважды, причем в двух разных местах. По сей день окончание Второй мировой войны в Европе связывают с различными датами.

Надежды на скорое завершение войны после того, как 30 апреля 1945 года Адольф Гитлер покончил с собой, не сбылись. Гросс-адмирал Карл Дёниц, возглавивший правительство Германии, приказал продолжать сражаться с неослабевающей силой. Лишь после того, как британские войска под командованием генерал-фельдмаршала Бернарда Монтгомери 2 мая вышли к Балтийскому морю в районе Любека, Дёниц был вынужден уступить. Он направил в командный пункт британских войск, находившийся на холме Тимелоберг под Люнебургом, переговорщика — главнокомандующего военно-морскими силами Ганса-Георга фон Фридебурга. Предполагалось заключить перемирие с британскими и американскими войсками, чтобы продолжить ведение боевых действий против Красной армии. Согласно записи в военном дневнике Верховного главнокомандования Вермахта, Дёниц был движим «стремлением спасти как можно больше немецких солдат и вообще европейцев от большевизации и порабощения». Из этих слов вытекают

годы идеологической агитации национал-социалистов против Советского Союза, на которых строилась настойчивая пропаганда на завершающих этапах войны.

Вечером 4 мая 1945 года фон Фридебург и Монтгомери подписали документ, согласно которому с 8 часов утра 5 мая на германо-британском фронте вступал в действие режим прекращения огня. Это касалось северо-запада Германии, Нидерландов и Дании. По своей сути это соглашение противоречило требованию союзников о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Но Монтгомери утверждал, что на вверенном ему участке фронта он заключил легитимное тактическое перемирие. Дёницу это было на руку. Чтобы достичь ровно такого же соглашения теперь уже по всему западному фронту он отправил своего переговорщика фон Фридебурга дальше, в Реймс. Там находился штаб так называемого Объединенного экспедиционного корпуса британских, американских и французских войск под командованием генерала армии США Дуайта Эйзенхауэра.

Однако главнокомандующий силами западных союзников не принял германского парламента и незамедлительно информировал правительства в Вашингтоне, Лондоне и Москве. Линия Эйзенхауэра (а главы правительств союзных держав в предшествовавшие этому событию месяцы в переписке заверяли друг друга именно в таком подходе) была четкой:

переговоры возможны только о немедленной и полной капитуляции Германии на всех фронтах. Эйзенхауэр пригласил в Реймс начальника оперативного отдела Верховного главнокомандования Вермахта генерал-полковника Альфреда Йодля. Йодль быстро понял, что «пространства для маневра» в ходе переговоров у него не будет, и сделал ставку на выигрыш времени. Свою позицию он аргументировал так: чтобы побудить войска капитулировать и на Восточном фронте, необходимо заручиться поддержкой главнокомандующих всех родов войск – сухопутных, военно-воздушных сил и военно-морского флота. Он попросил об отсрочке, чтобы у них было время подъехать. Эйзенхауэр отклонил эту просьбу. Верховное главнокомандование Вермахта, согласно записи в военном дневнике, сочло, что его «принуждают» к подписанию акта о полной и безоговорочной капитуляции, однако уполномочило Йодля подписать акт 7 мая в 2 часа 41 минуту. Прекращение огня было назначено на 8 мая 23 часа по средневропейскому времени, то есть на 0 часов (уже 9 мая) по германскому летнему времени.

Монтгомери и Эйзенхауэр подходили к переговорам с германскими представителями по-разному, что свидетельствовало о наличии трений в стане союзников. Еще в марте 1945 года внутри антигитлеровской коалиции в ходе согласования модальностей капитуляции Германии стал проявляться кризис доверия. Эйзенхауэр настаивал на подключении к этому процессу советского главнокомандования. В итоге Йодлю пришлось согласиться с тем, что Верховное главнокомандование Вермахта повторит акт подписания капитуляции в штаб-квартире Красной армии. Таким образом, в Реймсе начальник штаба Эйзенхауэра генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит, представитель советской Ставки Верховного главнокомандования при штабе Эйзенхауэра генерал-лейтенант Иван Суслопаров и Йодль подписали акт о безоговорочной капитуляции Вермахта, полностью отдавая себе отчет в том, что позже, в присутствии главнокомандования советских войск, будет подписан еще один акт о капитуляции. Запись в дневнике Верховного главнокомандования Вермахта от 7 мая была соответствующей: «Завершившиеся в Реймсе переговоры о капитуляции не следует считать окончательными».

8 мая во второй половине дня в советской штаб-квартире в берлинском районе Карлсхорст все стороны встретились еще раз. Текст акта о капитуляции местами был переформулирован, однако ни одна из сторон не сочла эти корректировки существенными. Большее значение имело составление текста на русском языке, которого в Реймсе не было. Теперь русскоязычный текст документа должен был стать столь же юридически обязательным, как и его англоязычная версия. В итоге акт подписали Заместитель Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР Маршал Советского Союза Георгий Жуков и официальный заместитель Эйзенхауэра маршал Королевских ВВС Великобритании Артур Теддер. В качестве так называемых «свидетелей» документ подписали от имени Соединенных Штатов Америки генерал-лейтенант Карл Спаатц, а от имени Франции генерал армии Жан де Латр де Тассиньи. В Реймсе на акте о капитуляции отсутствует подпись представителя Великобритании, в то время как французский генерал-лейтенант Франсуа Севе расписался не по форме. В Берлине же под актом о капитуляции со стороны Германии поставили свои подписи главнокомандующие всех родов войск: генерал-фельдмаршал Ганс-Георг фон Фридебург, командовавший военно-морским флотом, генерал-полковник Ганс-Юрген Штумпф, командовавший военно-воздушными силами, и генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, командовавший сухопутными войсками и всеми силами Вермахта.

Только на берлинском акте о капитуляции Германии стоят подписи представителей всех четырех держав-победительниц. Однако в тот день на согласование деталей документа ушло так много времени, что к его подписанию стороны подошли только после полуночи. Юридически обязательный момент окончательного прекращения боевых действий, как и в Реймсе, был назначен на 23 часа по средневропейскому времени 8 мая 1945 года, то есть на 0 часов 9 мая по германскому летнему времени. После подписания акта в Берлине (и это еще одно отличие от Реймса) состоялся торжественный банкет. Лишь по одному вопросу Эйзенхауэру не удалось сохранить единство союзников: Сталин объявил в СССР о Победе над Германией 9 мая, а его западные союзники объявили об этом еще

8 мая. По сей день конец войны вспоминается по-разному. Однако капитуляция в берлинском районе Карлсхорст была церемониальным актом, окончательно закрепившим общую победу стран антигитлеровской коалиции. К тому же повторное подписание акта о капитуляции Герма-

нии, теперь уже в присутствии представителей главнокомандования Красной армии, было, безусловно, необходимым шагом, направленным на то, чтобы вынудить Верховное главнокомандование Вермахта признать свое полное поражение в войне.

ЛИТЕРАТУРА

Forrest C. Pogue: The Supreme Command. U.S. Army in World War II. European Theatre of Operations. Washington, – 1954.

О капитуляции Германии 1945 года: <https://www.bundesarchiv.de/DE/Content/Virtuelle-Ausstellungen/Die-Deutsche-Kapitulation-1945/die-deutsche-kapitulation-1945.html> [дата обращения: 24.10.2019].

Heinrich Schwendemann: „Deutsche Menschen vor der Vernichtung durch den Bolschewismus zu retten“. Das Programm der Regierung Dönitz und der Beginn einer Legendenbildung. In: Jörg Hillmann / John Zimmermann (Hg.): Kriegsende 1945 in Deutschland. München 2002. S. 9-33.

*Борис Николаевич Кантемиров,
Россия, Москва, ФГБУН «Институт истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова»
Российской академии наук (ИИЕТ РАН),
старший научный сотрудник,
кандидат технических наук*

Фронтовая сага Чернышева

Чернышев Николай Гаврилович – пионер отечественного ракетостроения, выдающийся ученый-химик, специалист в области химии ракетных топлив, педагог, историк космонавтики, публицист, его именем назван кратер на Луне.

В творческом наследии Н.Г. Чернышева кроме научных трудов, есть его фронтовые дневники. Я сознательно отношу их к творческому наследию, ибо они не есть простое перечисление событий, в которых Николай Гаврилович принимал участие, либо был их свидетелем. Хотя и такой дневник имел бы право относиться к документу историческому. В дневниках Чернышева каждое фиксируемое им событие сопровождается подробным комментарием. В них много философских размышлений о происходящем и лирических отступлений, они полны социальных оценок и человеческой боли. Вначале небольшое отступление.

Подлинник рукописи дневников представляет собой три общих тетради в линейку, исписанные автором чернилами, авторучкой и простой перьевой ручкой. Рукопись не имеет авторского заголовка. Многие годы тетради хранились в семье, а затем его супруга Григорьевна передала их в школьный музей имени Н.Г. Чернышева в школе № 6 станицы Казанской – родины автора дневников. Честно говоря, не лучшее место для хранения и обеспечения сохранности столь

ценного для истории и столь же хрупкого материала. Не хочу обидеть директора этого музея Н.Г. Подыкова, замечательного человека, преданно служащего памяти своего земляка и трепетно относящегося к своему музею, но с позиций историчности – место этого документа в государственном архиве или музее, где есть возможность обеспечить условия хранения бумажного документа (напомню, что изменение только температуры хранения от оптимальной на один градус сокращает срок жизни бумаги на 10 лет – таково мнение специалистов). Дневники издавались дважды. Впервые отрывки опубликованы в «Книге памяти»¹. Второе издание дневников к 100-летию Н.Г. Чернышева осуществлено администрацией Краснодарского края².

Теперь обратимся к тексту дневников, который позволяет нам не только восстановить фронтовые будни и боевые дела, в которых Николай Гаврилович принимал непосредственное участие, открыть в личности автора дневников его гражданскую и общечеловеческую позицию, черты мыслителя и художника.

Перед войной Николай Гаврилович, уйдя из КБ-7, несколько лет работал в организациях, профессионально не связанных с ракетостроением. Но дружбе его с семьей Тихонравовых, Михаилом Клавдиевичем и Ольгой Константиновной, П.И. Ивановым позволяла ему быть не только в курсе дел, но и продолжать заниматься этой работой, которой отдавал себя без остатков.

Как и все советские люди, он понимал, что война с Германией неизбежна, и как для всех советских людей для него она оказалась неожиданной. Николай Гаврилович в воскресенье 22 июня 1941 года был на работе. Трудился он тогда в Центральном институте авиационных топлив и масел начальником опытной установки. На работу он шел в хорошем настроении, с желанием после зайти к Тихонравовым. Не успел он принять смену, как его вызвали к директору, где ему приказали оставить все и заняться подготовкой цеха к противохимической обороне. Появились плотники, стали «зашивать» окна. В обед по радио выступил В.М. Молотов. Все узнали – война.

Для себя Николай Гаврилович сразу же решил – он пойдет на фронт добровольцем: «После работы был митинг. Однако я мало слушал, так как уже принял решение идти на фронт...». После митинга поехал к Тихонравовым. Михаил Клавдиевич был в состоянии крайнего возбуждения, Ольга Константиновна – «в потрясении всех ее чувств». Ждали П.И. Иванова. Договорились встретиться вечером.

Чернышев побежал в военкомат подавать заявление. «Когда шел, то думал, что меня там встретят с распростертыми объятиями и сразу же направят на фронт». Но реальность оказалась совершенно иной и разочаровала Чернышева. «Стоял хамовитый сержант, довольно грубо вел опрос и предлагал писать заявление и ждать. Причем каждого торопил освободить помещение, чуть ли не выталкивал». А между тем «военкомат осаждали толпы юношей и зрелых мужчин, желающих идти добровольно на фронт».

Весь вечер были у Тихонравовых, пили вино, обсуждали поступок Чернышева, считая, что ему не следует идти на фронт добровольно. Разошлись поздно. Именно в этот вечер Николай Гаврилович решил писать дневник: «Чувствую, что сегодняшнее число будет переломным в жизни нашего народа, а, следовательно, и моей. Поэтому решил начать писать нечто вроде дневника». Описав события дня 22 июня, Николай Гаврилович написал ключевую фразу этого дня: «Итак, сегодня я, враг войны и жестокости, подал заявление о зачислении меня на добровольных началах в действующую армию. Мне кажется, что я правильно понимаю свой долг».

Но не получилось, как он хотел. Несколько дней Чернышев не покидал военкомат, добива-

ясь своего. Иногда у него опускались руки, и он хотел пустить дело на самотек. Возникли трудности в связи с тем, что у него, как оказалось, была бронь на месте работы. Тем не менее, Чернышев добился своего, и 25 июня Николай Гаврилович «был зачислен в действующую армию». Он расставался с Москвой.

Вот какую Москву покидал Николай Гаврилович: «Много военных. Много колонн еще гражданских людей с мешками, марширующих на вокзал. Уже много слез. Площади оцетинились зенитками».

Для Чернышева начались фронтовые будни.

«С фронта приходят пока малоутешительные вести. Под натиском немцев наши повсюду отходят. При таких обстоятельствах трудно сидеть и ждать. Хочется скорее на линию огня, чтобы самому принять участие в сдерживании и отражении натиска». Этого требовал его деятельный характер, его чувство патриотизма. «Вот теперь я окончательно убедился в том, что находиться в тылу я бы не смог. Это для меня было бы непомерной мукой».

29 июня он был в своей части. Майор Чернышев был назначен помощником начальника головного артиллерийского склада (ГАС), который дислоцировался в Рыбинске.

В части он познакомился со своими сослуживцами и начальником. В дневнике Николай Гаврилович дает краткую, но яркую характеристику сослуживцам: своему начальнику – профессионально подготовленному, стройному и скромному командиру; помполиту – внешне нестроевому, с отсутствием внешней и внутренней культуры человеку; начальнику отделения боеприпасов – хорошо знающему свое дело, патриотически настроенному молодому человеку; начальнику первого отделения – на первый взгляд, весьма ограниченному, но исключительно исполнительному человеку. Не успел познакомиться близко с другими командирами, людьми весьма разными, приметил среди них людей замечательных, высокой культуры. Но были и такие, в которых видно было отсутствие должного воспитания и образования, «недооценивающие значение гуманитарных наук».

С этими людьми ему предстояло воевать с врагом в первые месяцы войны, месяцы самые трудные и кровавые, месяцы отступления, неразберихи, отсутствия управления, месяцы

приобретения боевого опыта и навыков профессиональной деятельности.

Итак, что такое ГАС – головной артиллерийский склад, каковы его задачи и как он должен работать в условиях боевых действий. ГАС – это железнодорожный состав, состоящий примерно из сорока вагонов – теплушек, в которых размещался личный состав. Но основное число вагонов загружалось боеприпасами. В них же располагается и другое оборудование. По инструкции для ГАС определяется маршрут следования к передовой, на станции назначения состав загоняется в тупик, подъезжают автомашины и другой транспорт из передовых частей. Загружаются боеприпасами и возвращаются в свои части. Пустые вагоны могут загружаться боеприпасами из покинутых при отступлении складов, имуществом, ранеными бойцами. Осуществив эти операции, ГАС возвращается в тыл, чтобы повторить свою операцию.

ГАС, в который Чернышев был направлен для прохождения службы, загружался в Старой Руссе. «Сейчас много работаем, комплектуемся, получаем табельное имущество, проводим кое-какие занятия, а по ночам работаем на базе. Снаряжаем боеприпасы». Отбыли на фронт ночью – приказ поступил внезапно. Ехали на фронт медленно, подолгу стояли на станциях, пропуская встречные эшелоны с ранеными.

Получили первые рассказы о войне от людей, узнавших ее воочию, – беженцев. «Большинство беженцев – это жены наших командиров. Война захватила их внезапно. Они бежали, решительно бросив все. Не захватив ни вещей, ни денег. Многие даже босиком. Некоторые потеряли даже детей. В общем, много горя и слез. Помощь беженцам не организована. Они вынуждены голодать. Свои запасы продовольствия я уже раздал им». Так продолжалось движение на фронт.

Иногда налетают и бомбят эшелон немецкие самолеты. Летают свободно, полностью контролируют небо. Не имея опыта правильного поведения при воздушной тревоге, весь личный состав «палит» из всего, что стреляет, даже из пистолетов. И хотя налеты и бомбежки были не эффективными, страху они нагоняли много. По мере приближения к фронту налеты становятся чаще, но и атакуемые приобретают опыт.

Со временем отношение к появлению вражеских самолетов изменилось. Их стали даже

использовать в своих целях: «...Прилетели немецкие самолеты, покружились над нашими войсками и стали снижаться. Бойцы встретили их гробовым молчанием. С самолетов посыпалась кладь с парашютами – бочки с бензином, хлеб, колбаса и водка. И только когда все это было сброшено, и самолеты стали уходить, по ним был открыт огонь. За свою выдержку бойцы были награждены обильным ужином с водкой».

Куда едет эшелон, не известно даже начальнику. Окончательный маршрут они должны узнать только во Пскове. Есть основания полагать, что эшелон едет в Прибалтику. А «...фронт оказался совсем близко. Значительно ближе, чем об этом можно было подумать. Короче говоря, мы уже на фронте, а поскольку он оказался совсем близко, то на фронте мы оказались совсем неожиданно для себя и пока что еще не совсем привыкли к мысли, что мы на фронте.» Это оказалось после встречи эшелона на одной из станций с начальником отдела боеприпасов штаба фронта, который объявил им, что они причислены к 27-й армии и определил им станцию назначения, на которой они должны были загнать эшелон в тупик и развернуть там работу.

По прибытии на эту станцию никакого тупика не нашли, и место вокруг было пустынное и неподходящее для расположения ГАС. Однако сразу стали подходить машины и вагоны с боеприпасами, а вслед за ними и представители от дивизий и даже полков, которые за боеприпасами, а другие, наоборот, с боеприпасами. Все работы по выдаче и приему боеприпасов начались одновременно, а не последовательно, как положено по инструкции. Не успели они развернуть работу ГАС, как было получено распоряжение разбить эшелон на три части, одну – оставить на этой станции, другие части перевести в другие места.

Одним словом, первый боевой опыт был приобретен – поскорее забыть все писанные инструкции по работе ГАС и действовать в соответствии с реальной обстановкой.

Работа ГАС была налажена. «Освобождающиеся вагоны сейчас же забирали у нас под раненых, в большом количестве поступающих с фронта, или под имущество, предназначенное к вывозке, ... причем нужда в вагонах была столь высока, что было предложено выгружать боеприпасы на землю, а вагоны спешно отдавать

под погрузку». Работы прибавилось вдвое. Боеприпасы выгружали на землю, а потом с земли в машины. Работать пришлось день и ночь без перерывов на отдых, люди валились от усталости. «... Мы в буквальном смысле в течение двух суток не уснули ни на минуту. Люди двигались, неся на себе тяжесть предыдущих бессонных ночей. Некоторые работали, как под гипнозом, с закрытыми глазами, у некоторых же хотя и открыты были глаза, но как-то остекленели от усталости. Тем не менее, распоряжение было выполнено, и на рассвете я готов был к отъезду.»

Бывали и такие ситуации, когда, только прибыв к месту назначения, получали приказ срочно разгрузить боеприпасы прямо на землю, а освободившиеся вагоны отдать для загрузки ранеными и имуществом для срочной эвакуации из этого района. Нашли подходящую рощицу, разгрузили и отдали пустые вагоны. Поступает новый приказ – срочно эвакуировать боеприпасы в связи с наступлением немцев. Надо было искать автомашины, своих не хватает. Поднялась паника, уезжали со станции, кто как мог и на чем мог, бросали имущество. Чернышеву удалось организовать работу так, что выполняли приказ спокойно и без волнения. Машины делали рейсы, «...между рейсами будешь сидеть и ждать». Так вывозили боеприпасы почти сутки и «...благополучно все вывезли», и уехали сами, оставив на станции «летучку в количестве девяти вагонов, прямо на колесах, для обслуживания частей, действующих в районе близлежащем».

Бывали ситуации, когда на станции скапливалось такое количество составов с боеприпасами – «...более ста вагонов...», – что становилось жутко от одной мысли, что прилетит немец и начнет бомбить. Но обошлось.

Какие бы ситуации не складывались, «... а мы все спешно возим и возим». Возили к фронту, возили в тыл, возили боеприпасы, раненых, имущество.

Но не всегда были в движении, приходилось стоять и ожидать разрешения на движение или ждать машины для перевоза боеприпасов. «Сидеть сложа руки было слишком нудно, да я и боялся – как бы не уснуть. Решил обойти всю станцию и обнаружил при этом массу брошенного ценного имущества. Поднял людей и приказал загружать в свободные вагоны. Станция постепенно пустела... Слишком сиротливое впечат-

ление производил наш одинокий состав и маленькая группа моих людей, работающих около него». Поселок тоже опустел. В пакгаузах Чернышев обнаружил большое количество продовольственных товаров. Увезти с собой их не могли и решили отдать населению. В чудовищно короткий срок после принятия этого решения поселок вдруг ожил и наполнился людьми. «Я был поражен, так как думал, что все, кто мог передвигаться, ушли. Так должно было быть, и поэтому я ждал к вскрытым амбарам стариков и больных». Да и скромничать никто не стал. «Охваченные жаждой наживы, мужчины и женщины, молодые и старые, здоровые и больные захватывали пятипудовые мешки и, надрываясь, бегом тащили их домой. В один миг все склады опустели.

Это были добровольно оставшиеся и то, как они опустошили склады, вселяло и уверенность, что немцам ничего не достанется. Только люди расползлись по своим норам, и поселок принял опять вид мертвого».

К ночи пришли 28 машин из тыла и шесть машин с фронта. Загрузили и отправили, а сами продолжали ждать разрешение на отправку эшелона. Наконец оно поступило, и поезд тронулся уже за полночь. Казалось такая напряженная обстановка разрядилась благополучно. Но не так-то просто.

В эшелоне с Чернышевым ехали 46 человек взвода охраны, четыре техника и четыре курсанта, всего 54 человека. Чернышев техников и курсантов называет пофамильно. Всех остальных он отправил с машинами.

«Солнце сияло даже по-летнему очень жарко. Во всем теле ощущалась усталость предыдущих бессонных ночей. Подошвы горели от надсадности и от того, что уже в течение недели я ни разу не переобувался. И поэтому, естественно, первое, что я сделал, как только тронулся поезд, это разулся, вымыл холодной водой ноги и сменил сапоги тапочками. Сразу же после этого на меня налетела волна бодрости, радости и веселья. Мир показался прекрасным, а жизнь сказкой». Неожиданно как-то о себе напомнил голод. Сели есть. Даже в состоянии такой идиллии в воздухе стояло ощущение тревоги».

Далее произошли события такие яркие, что и через несколько дней Чернышев описал их во всех подробностях и деталях. Это было его первое боестолкновение с немцами, в котором он

был ранен. Не могу и я ограничиться лишь краткими штрихами этого боя.

Итак. После сытной еды решили отдохнуть. На подходе к станции поезд сбавил ход, почему-то свернул с магистрали, оказался в тупике и резко остановился. Сразу же на них обрушился ураганный автоматно-пулеметный огонь, посыпались мины. Все это было столь неожиданно, что Чернышев подумал, что эшелон попал под бомбежку. Все стали выпрыгивать из вагонов. Чернышев схватил автомат и как был в тапочках, так и оказался у железнодорожной насыпи. Оценив обстановку, он понял, что никаких самолетов на небе нет, а их поймали в ловушку немцы, занявшие чуть ранее эту станцию. Они полукольцом окружили эшелон и вели интенсивный обстрел, причем интенсивность огня возросла за счет подходившего к врагу подкрепления.

Поняв, что время работает на неприятеля, Чернышев принимает решение выбить немцев штыковым ударом и спасти эшелон. Отдав приказ примкнуть штыки и сближаться с врагом, Чернышев сразу же сам пополз вперед, не обращая внимания на то, что делается сзади. Обстрел противника был такой интенсивный, что поднять головы было нельзя. «Шквал огня был столь высок, что даже мне, очевидцу, трудно было верить в то, что в воздухе может находиться так много летящих и свистящих предметов показалось, что стоит сделать лишь маленькое движение вперед – и в тебя сейчас же вопьются сотни поющих посланцев смерти. А тем не менее я ползу вперед...», - напишет в дневнике Чернышев. И еще: «Почему-то подумал о том, что все, что сейчас происходит, почему-то не похоже на настоящее, и пополз дальше, ни о чем уже больше не думая, кроме предстоящей атаки». Когда же это «опьянение» происходящим прошло, он увидел, что ползет впереди всех, за ним – небольшое число воентехников и курсантов, караульный взвод остался на прежнем месте, упрямившись за складки местности, более того, они двигались назад. Ни угрозы, ни брань ситуацию изменить не смогли.

Чернышев понял, что допустил большую ошибку, оказавшись впереди всех. Надо было ее исправлять.

Он случайно взглянул на небо, и сознание его зафиксировало «...что солнцу все происходящее здесь на Земле, со мною и моими товарищами,

абсолютно безразлично. Был нормальный летний день, солнце и не думало о том, что если бы оно поспешило убратся за горизонт, то было бы лучше, что много нужных жизней было бы спасено... Особенно поразило меня то, что я увидел крошечного янтарного жука, деловито ползущего по стебельку укрывшего меня кустика. Я еще лишний раз убедился в том, что война – это личная трагедия человека».

И так всегда. В какие бы ситуации не попадал Чернышев, сознание его обращалось к природе и выделяло нечто особенное, что характерно было для окружающей природы, ее реакции или отсутствия таковой на поведение или состояние людей. В этом мы сможем убедиться еще не раз.

Между тем надо было исправлять положение. Он начал отдавать команды, чтобы бойцы укрылись в кустах. И в этот момент почувствовал, как будто кто-то ударил его по голове железной палкой. Такое было ощущение. На мгновение потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что гимнастерка и земля под ним в крови. «Летний день был все таким же безразлично прекрасным и безжалостно жарким. От этого стало как-то особенно тоскливо на душе. Подумал, что это, наверное, конец. Вспомнил Зину, Олю, Михаила Клавдиевича. Страшно не захотелось умирать именно так, здесь, безвестным. Умирать среди врагов. Почувствовал, что надо сделать любые усилия, но дотянуться до своих». Он увидел полное ужаса лицо находящегося недалеко и смотревшего на него командира и услышал его шепот-крик: «Плохо твое дело, Иван Царевич». Чернышев передал команду личным составом этому командиру и приказал выводить бойцов к погранзаставе и вместе с батальоном НКВД атаковать немцев. Откуда-то пришла мысль остаться здесь и лежать. Потерял сознание. Когда очнулся, появилось огромное желание доползти до своих, не хотелось оставаться одному. Огонь немцев был столь же интенсивным. Стал пятиться, и тут обнаружил, что нет личного оружия – наган где-то обронил. Решил ползти и искать наган. «Невольно вспомнил Тараса Бульбу. Тот не хотел, чтобы его трубка досталась ляхам, и погиб. Когда читал это раньше, то чувство, руководившее Тарасом, «...мне казалось хотя и красивым, но сродни капризу, а смерть его хоть и героической, но не нужной. Здесь же, вспомнив Тараса, я понял его. Иначе

поступить было нельзя. Есть нечто сильнее страха смерти. И если это нечто нарушить, то сама жизнь теряет смысл». Через несколько метров он обнаружил свой наган. «Какую радость я испытал, когда вновь ощутил его тяжесть». Свист пуль вызывал какую-то яростную веселость. Хотелось крикнуть: «Прибавь еще...» Чернышева встревожило то, что с нашей стороны издалека раздавались редкие короткие очереди и отдельные выстрелы. Он понял, что остался совсем один. Стало страшно. Надо было уползать туда, где были свои. Но силы покинули его. Опустив голову в лужу своей крови, он на мгновение потерял сознание. Очнулся. Возбудил в себе желание и волю действовать, добраться до своих, до заставы. Прополз метров десять. Осмотрелся. Недалеко он увидел бугорок, за которым лежали два немца с пулеметом. Они преграждали путь. Чернышев подкрался, бросил одну за другой две гранаты, броском проскочил открытое место и скрылся в пшеничном поле.

«Зной достиг своего предела, во рту все пересохло настолько, что я не мог шевелить языком, ноги с трудом повиновались. Каждую минуту я готов был упасть, но я бежал и бежал с решением, что если сердцу и суждено не выдержать, то пусть оно разорвется тогда, когда я буду среди своих». И Чернышев добежал до заставы. Здесь ему сделали перевязку.

Отдышавшись и осмотрев поле боя в бинокль, он стал готовить бойцов к атаке, намереваясь отбить у немцев станцию и не допустить сдачу им эшелона. Но в это время противник стал вести артиллерийский обстрел. Один из снарядов попал в вагон с боеприпасами, которые сдетонировали, и вагон взорвался, за ним начали взрываться другие вагоны эшелона. Необходимость атаковать немцев отпала.

Не буду останавливаться на том, как Чернышев собрал свою команду, и они двое суток выходили к своим, где наконец он мог попасть в полевой госпиталь. Там ему обработали рану и наложили новую повязку. Отпустили его по настоятельной просьбе раненого, взяв обещание, что дней десять он полежит. Обещание, естественно, он не выполнил. На попутной машине вернулся в свою часть. «Когда ехал уже со всеми домой, не мог не обратить внимание на чудную летнюю ночь. Она была столь же замечательна, как и день. Ее великолепие волновало душу и

рождало слезы. В голове проносились эпизоды недавнего боя, картины скитаний по болоту. Я видел, как я дерусь с немцами, и ощущал их ураганный огонь, и мне становилось немного страшно и не верилось, что это могло быть... Я слышал крик умиравших товарищей, и сердце наполнялось тоской...».

А потом: «Но красота божественно величавой ночи побеждает все, и изредка меня охватывала радость сознания, что я жив, что могу любоваться ночью».

Чтение фронтовых дневников Чернышева настолько увлекательно, они написаны столь ярко, что невольно хочется поделиться этим с читателем. Но я отдаю себе отчет, что это повествование не место для подробного их изложения.

Остановлюсь еще на нескольких эпизодах его фронтовой жизни, раскрывающих или подчеркивающих некоторые черты его личности.

Наши войска отступали, и Чернышев со своим складом иногда попадал в нелепые ситуации. Однажды склад оказался между нашей и немецкой артиллерийской батареями, которые вели между собой дуэль. «Наши и немцы били через наш склад, мы же под прямой траекторией снарядов возили боеприпасы. Для первого раза занятие, довольно крепко полирующее нервы».

Однажды ГАС попал под бомбежку самолетов противника. Укрылись каждый, как мог. Чернышев залег на краю леса. Когда бомбежка, казалось, завершилась, один бомбардировщик сбросил еще одну бомбу», раздался вой, и прямо на меня полетела бомба», — пишет Чернышев. «Наверное, я влип в землю. Меня задело струей воздуха и немного оглушило свистом, я закрыл глаза (очевидно, это животный рефлекс на страх) и услышал у самого носа удар тяжелого тела о грунт. Через несколько секунд, открыв глаза, я увидел прямо перед собой торчащий из земли корпус тяжелой бомбы... В голове мелькнуло «замедленное действие», и я, как червяк, не отрываясь от земли, полз от бомбы метров на сто. Бомба так и не взорвалась, оказалась просто неисправной. Ощущение неразорвавшейся бомбы мне кажется теперь более жутким, чем ощущение самой смерти. До сих пор не по себе».

Наши войска отступают, немцы наступают. Приходится увозить складированные до этого боеприпасы на автомашинах. Для этого используется ночь, когда немцы спят. Однажды в таком

рейсе на склад, когда создалась ситуация, что все едут от немцев, а Чернышев – к немцам, автомобиль его стал. «Пробка. Дорога дальше была загружена. Налицо была картина неорганизованного, панического бегства. Пошел наводить порядок». Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять, что «вся эта публика снялась с места и отправилась в тыл неорганизованно». На дороге все смешалось. «Появилась волчья злоба против бегущих. Я зарычал на толпу и начал командовать. И или у меня вид был свирепый, или же люди жаждали, чтобы хотя кто-нибудь ими руководил, но только все притихли, и я встретил полное повиновение. Вскоре путь был расчищен. Беженцы потекли своей дорогой, а мы к фронту...»

С такими ситуациями Чернышеву приходилось встречать не редко. И у него сложилось впечатление: «Немцы просто шли, а наши просто в панике бежали». А когда он увидел вышедшего из пятнадцатидневного окружения кавалерийскую дивизию: люди небритые, измятые, отощавшие, кони исключительно утомленные, он написал: «Глаза бы не смотрели на подобные картины. Я не узнаю русских людей. Много трусов и сволочи» (напомню, что это был август месяца 1941 года).

«Любыми путями надо было бы создать прочный фронт. Были бы люди, и уже можно было бы положить конец хулиганству немецких молодчиков. А люди, безусловно, есть, нужны только самоотверженные культурные и знающие свое дело командиры, чтобы организовать и обуздать массу. А таких вот как раз и мало. Хочется окунуться в самый водоворот активной борьбы. Хочется, быть может, ценой собственной жизни пробудить к жизни сотни жизней».

Завершая обзор фронтовых дневников Николая Гавриловича исключительно трудного периода войны, хочу отметить, что даже в самых сложных ситуациях от его острого взгляда и пытливого ума не ускользали картины окружающей природы, а когда появлялась свободная минута, он пытался философски осмыслить происходящее. Несколько примеров, иллюстрирующих эту мысль. «Исполнился месяц войны. И началось оно (утро – авт.) так же, как и все предыдущие дни этого чудного своим плодородием лета. На небе не было ни одного облачка, и в нем сияло горячее, яркое солнце. Пели птицы, куда-то неслись, спеша до наступления зноя покончить свои

неоконченные заботы. Природа жила своей постоянной красочной и деловой жизнью. И только одни люди проявляли несколько необычную поспешность и настороженность в ожидании чего-то. И в этом чувствовалась их оторванность от природы, одиночество, дикость деятельности, драма заблуждения. Я невольно почему-то подумал о том, что человек является единственным детищем природы, ставшим на путь самоистребления. Когда и в силу какого обстоятельства он соскользнул на этот порочный путь? Одним материализмом этого не объяснишь».

А вот еще философский пассаж. «Вчера писал Тихонравовым, пытался найти основу красивого т.е. то, что делает красивое таковым. Определение Чернышевского мне кажется не совсем полным. Он имеет лишь частное значение. По его мнению, все связанное с процессом умирания не может быть красивым. На самом же деле умирание растительного царства исключительно красиво. Все растения облачаются в исключительно яркие и красивые наряды, как бы с радостью встречая конец света жизни. Глядя на природу, я вполне познал, что смерть может быть ликующей, и невольно подумал о том, что красивым должно быть все естественно неизбежное».

Или другой. «Сегодня, как и все предыдущие, день пасмурный. Облака идут низко-низко. Часто с перерывами идут дожди. Холодно. Слякоть. Унылые торфяные болота. Вид их гармонирует с видом неба, хмурого, пасмурного и холодного. Редкие торфяные болота прерываются возвышенностями, разделанными под поля или покрытые лесом. Когда попадаешь в такие места, невольно и с удивлением спрашиваешь, почему здесь живут люди. Ведь там есть много прекрасных незаселенных мест. Что же удерживает их здесь?» И дальше: «... Как могло в Ленинградской области сохраниться такое бескультурье Когда говоришь с местными жителями и, возмущаясь, указываешь на их дороги, те бесстрастно говорят: «А зачем нам дороги, далеко мы не ездим...».

Николай Гаврилович никогда не устает любоваться природой. «Вчера вечером и сегодня утром любовался лесом. Вечером он был предзакатный. Чудная игра цветов. Преобладал алый и бордовый; но были и пурпурный, и синий, и фиолетовый. Утром же превосходный лес был беловато-серый. Ветви деревьев покрывались тонким слоем инея. Когда же взошло солнце, все

стало золотистым. Зеленого леса я так и не дождался. Из всего этого я сделал вывод, что при изображении леса на полотне, зеленую краску следует употреблять в самых минимальных количествах».

И еще небольшая зарисовка Николая Гавриловича. «Небо было совсем чистым. Луна погасила на нем все звезды. Бледные, еле заметные смотрели они на землю. Более ярко горели планеты. Взывая к миру, с большими интервалами, в небесной дали пролетело несколько невидимых журавлиных стай. Их резкий трубно-металлический крик посылал нам прощальный привет. Стало грустно. Вспомнились Ивиковы журавли» (Ивиковы журавли – название стихотворения В.А. Жуковского, перевод одноименного стихотворения Ф. Шиллера, о гибели древнегреческого поэта Ивика, убийцы которого были разоблачены журавлями, очевидцами этого преступления – прим. ред.)

Читая фронтовые дневники Николая Гавриловича Чернышева, мы подошли к октябрю 1941 года, прошли вместе с нашим героем самые трудные, трагические месяцы войны, видели, как он реагировал на происходящие события. Сейчас можно отложить дневники и подвести некоторые итоги. Это можно и следует сделать, потому что Чернышев некоторое время тому назад подал рапорт с просьбой перевести его на новое место службы. И вот, 4 октября он пишет: «...Мечта сбылась, я переведен на другую работу. Назначен инспектором артотдела штаба армии. Моя работа будет состоять в инспектировании армейских подразделений в части правильного использования и сохранения матчасти и боеприпасов. Кроме того, буду приучать людей к бережному и культурному обращению с техникой». Изменился характер его работы. Он часто стал бывать с инспекторской проверкой на передовой, когда до противника было не более 150-200 метров (а ранее десяток километров). Он сталкивался с людьми передовой линии фронта, видеть много раненых и убитых. Ему пришлось в полной мере почувствовать и попробовать «прелести» жизни на передовой, самому жить в этих условиях. Это отразилось на характере его дневниковых записей. Они стали регулярными, но короткими, лаконичными, описывающими скупой произошедшие события. Почти не осталось живописных зарисовок природы.

Обращает на себя внимание одна из них. «И вот совсем неожиданно я увидел три хрустальных дерева с перламутровыми стволами. В первый момент я чуть не ослеп от блеска и великолепия. Передо мной стояли на фоне сине-сизых елей и сосен три обыкновенные хрупкие березки, но стволы и ветви их были сделаны из перламутра, а вместо листьев висели капельки хрусталя. Солнце светило из-за волшебных березок, и каждая капелька, каждый хрусталик, преломлял лучи, жил своим совсем особым огоньком. Здесь не было гаммы цветов. Здесь было стихийное скопление, космическое сочетание радужно сверкающих красок. Граница трех березок в воздухе вычерчивалась еле заметным сиянием радуги, эфирной, переходящей на нет.». Николай Гаврилович остановил машину, вышел, обошел березки, понял, что это в существенной степени игра солнечного света в тонком слое льда, покрывшего березки. Он вспомнил, что Михаил Клавдиевич Тихонравов мечтал в свое время нарисовать перламутровое дерево. «Как жаль, что только я один, но не вместе с ним видел эту сказку,» – написал Николай Гаврилович. И далее: «Три хрустальные березки почему-то сочетались у меня с понятием о Родине. Почему-то вспомнил Карамзина. Почему-то особенно остро почувствовал, что люблю Россию и ее народ и что готов на любые жертвы в служении ей». К теме о Родине и русском народе он обращается в дневниках неоднократно.

В эти дни он много думает о войне и неизменной спутнице ее – смерти. «Перечитал свои записки. Ну и должен сказать, что пока что я не знаю войны, да и в моих записках она не страшна. Я не знаю даже, что характерно для войны. Смерть – обилие ее? Пожалуй, нет. ...Я думал о том, как все это странно: сидят в земле друг против друга люди и охотятся друг за другом, один другого стараются убить». Чернышев видит смерть ежедневно, он осознал «как проста смерть» на войне, в этом его убеждали эпизоды фронтовых будней. Однажды, когда Чернышев со своими подчиненными торопились попасть на командный пункт полка, «... я увидел метрах в пятидесяти от дороги целую шеренгу валенок и за валенками что-то сложенное штабелем». В голове мелькнула страшная догадка. «Шеренга валенок на безлюдном горбе поляны, полукругом охватившая ... кучу тел». Все это «...вселяло

в душу страх, страх особый, печальный страх перед неизвестным, неизбежной в будущем смерти». Они свернули с дороги и пошли к этому холмику. «Здесь лежало около семидесяти тел. Молодых, здоровых, крепких. Многие из них сохранили то положение, в котором их застала смерть. Над этим уже постарался мороз». Эта картина настолько поразила Чернышева, что он в дневнике написал словесный портрет нескольких погибших бойцов. «Внимательно рассмотреть и запомнить не только лица, но и выражения каждого, чтобы за каждого потом заплатить». Но «реки слез не смоют надежду на их возрождение». «Мир сошел с ума. Жутко даже представить себе, что весь мир, люди, населяющие земной шар, разделились на два лагеря и всю свою деятельность, все знания, всю экономику направили на истребление друг друга».

Каждодневное присутствие смерти рождало у Чернышева и другие мысли: «Любовь к жизни, к этому хрупкому и нежному творению, зависящему от многого. Желание чистой жизни, не пачкаемой грязью второстепенного. Желание напряженной работы, направленной на истребление пособников смерти ...». Любопытно, что чуть позже он напишет: «...чем дальше, тем больше хочется посвятить себя исключительно только гуманитарным наукам». Видимо, это тоска по духовной стороне жизни. Именно поэтому, когда Ольга Константиновна прислала ему томик А. Грина «Бегущая по волнам», он «... сразу же принялся за чтение и сейчас с трудом оторвался от него для того, чтобы написать письмо Михаилу Клавдиевичу и Оле, а также и для записи в эту тетрадь».

Размышляет Чернышев и о нашей армии. Он обращает внимание на то, что на передовой происходит быстрый рост офицеров в должности и звании. «Уже один вид многих майоров внушает недоверие, а стоит поговорить с ними, как видишь, что у них нет ни культуры, ни военных знаний». А после инспекции в одной из стрелковых дивизий он записал, что общий недостаток части является «... невежество, вялость и безразличие командиров. Никто не ведет работы с командирами и красноармейцами. Отсутствие культуры и гуманности сказывается и в недовольстве пленных. Личность пленного должна быть священной. Об этом учил еще и Суворов». После таких наблюдений он делает вывод: «Еще

и еще раз прихожу к выводу, что военный человек должен быть человеком высшей культуры и человечности. Он не должен быть узким ремесленником, но энтузиастом деятельности, направленной на благо народа, к добру». И еще. «Невольно также думаю и о том, что будь наши командиры хоть немного более грамотными, более широко развитыми и имей они хоть крохи сознания чести и долга, то не было бы той беды, которая стряслась над нами».

В то же время он наблюдает, что наступают положительные изменения в нашей армии по сравнению с первыми месяцами войны. «Появилась воля к победе. Русское воинство обрело свое лицо».

Вот эти размышления майора Чернышева о войне хотелось бы завершить следующей из записей Николая Гавриловича: «Всю войну мне хочется пробыть вместе с армией, хочется пройти весь ее путь и вместе с нею перенести и пережить все ее радости и невзгоды».

Война – это величайшая из школ. Школа познания человека».

И последнее самое, пожалуй, удивительное. Воюя, наблюдая, анализируя, фиксируя все это в тетрадях, Чернышев вместе с этим занимался и изобретательством.

Вот, что записал Николай Гаврилович в дневнике 4 декабря 1941 года в 22 часа 30 минут: «Почти месяц вынашиваю я в голове идею применения своих в.в. (взрывчатых веществ – авт.) для обороны России. Кажется, нашел довольно удачное конструктивное решение. Первого был вызван к генерал-майору тов. Хлебникову. Докладывал ему. Он предложил вычертить все в трех экземплярах и направил мое предложение во фронт. Как бы хотелось, чтобы там оно нашло сочувственное отношение. Как много пользы принесло бы это нашей бедной стране и ее многострадающему народу. Скорее бы получить ответ из фронта, т.к. если он будет отрицательным, буду пробовать дальше. Дойду вплоть до И.В. Сталина».

«Сегодня (12.12.41 г. - авт.) получил известие, что мое предложение по приказанию нач. Артиллерии СЗФ направлено к нач. арт. КА генерал-полковнику т. Воронину. Извещение датировано 08.12.41 г. Наши инстанции сравнительно скоро переотправили. Как хотелось бы, чтобы и там, в высших инстанциях, мое предложение не

только не задержалось, но и нашло чуткий отклик. Сам я настолько верю в его эффективность и нужность, что готов был бы пожертвовать жизнью, лишь бы только увидеть его реализованным. Внедрение его в арттехнику означало бы миллионы трупов фашистского сброда и столько же наших сохраненных жизней. А за это ведь стоит отдать свою жизнь. И как бы во время было теперь это предложение для нашей крепкой духом армии. Смысл моего предложения – в дешевом и массовом уничтожении противника.»

Запись от 22.12.41. г. «Относительно моего изобретения пока нет никаких вестей. Правда, срок еще малый, пока что прошло только четырнадцать дней, но все-таки мне не терпится. Хотелось бы на головы врагов обрушить свои смертоносные гостинцы. Это было бы хоть в какой-то мере хорошей платой за жизнь моих близких, за жизни всех погибших».

Запись от 28.12.41 г.: «Зайдя в штаб артиллерии армии для уничтожения листа не найденных мною дивизий, был буквально схвачен начштаба полковником Михельсоном. Оказывается, у него лежала бумага с вызовом меня в Москву, по вопросам изобретательского порядка».

31.12.41 г. выехал на автомашине из Валдая в Москву. 2 января 1942 г. Чернышев был в Москве. Несколько дней бродил по Москве. Записал впечатления: «Москва хороша. Москвичи же ужасны. Какие-то обтрепанные, жалкие».

«С первых же дней окунулся в напряженную работу. Эта была скучная, нудная никому не нужная работа по убеждению трудов мысли и бюрократов от техники в полезности предлагаемого мною мероприятия. Последовала целая серия заседаний и совещаний. С величайшим трудом мне удалось добиться создания специальной лаборатории при НИИ № 6 НКБ и того, чтобы мои работы поставил НК ВМФ. Начальником лаборатории назначили меня, но как это ни странно, я потратил еще шесть дней и добился того, чтобы это назначение было отменено». Мотивировал Чернышев свой отказ тем, что во главе лаборатории должен стоять человек, умеющий ладить с чиновниками. У него же таких способностей нет, и тем самым он мог существенно «напороть делу». Ему удалось утвердить свою пози-

цию. К сожалению, приходится констатировать, что пока найти документы в архивах по этому вопросу не удалось. Остается надеяться на будущую удачу.

11 февраля он выехал из Москвы на фронт. Служит теперь военный инженер 2-го ранга Н.Г. Чернышев у Начальника артиллерии 4-й Ударной армии в должности начальника инженерного управления. В его боевой характеристике сказано¹: «Тов. Чернышев предан партии Ленина-Сталина. С момента войны работал помощником начальника ПААС-1404 и с 1942г. инспектором, к работе относился ревностно, работу любит, задания выполняет в срок и точно, свою квалификацию поднимает самоподготовкой, с работой вполне справляется, в 1941 г. был ранен в голову, из строя не выбыл, дисциплинирован. Здоров, выносив в походах, в оперативной обстановке разбирается, боевой обстановке спокоен, вполне соответствует занимаемой должности».

За участие в боях Чернышев был награжден двумя орденами Отечественной войны 2-й степени. По заданию штаба 4-й Ударной армии Чернышев дважды вылетал в район действия партизанского отряда Гришина в Смоленской области, вероятно, по вопросам взрывного дела. За эту работу он был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени, чем очень гордился.

Вскоре инженер-майор Н.Г. Чернышев получает предписание, в котором сказано²: «С получением сего Вам предлагается убыть в распоряжение начальника Научно-исследовательского института №3. Срок прибытия к месту назначения 8 сентября 42г.» После этого Николай Гаврилович говорил, что «наша Бородинская битва завершилась, теперь можно вернуться к труду».

В НИИ-3 СНК СССР (бывшем РНИИ) Чернышев возглавляет научную физико-химическую лабораторию. Конец 1942 и весь 1943 год Чернышев наряду с выполнением срочных текущих работ анализирует деятельность лаборатории с учетом приобретенного ранее опыта. В конце 1943 года он пишет научный отчет, в котором предлагает и обосновывает пути улучшения работы лаборатории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Книга памяти». – Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1990.- т.14 с. 322-413

2 Чернышев Н.Г. Фронтовые дневники 1941-1942 гг. // «Вознесший славу Кубани до лунных высот» - Краснодар.: изд. Диапазон.2005. - С. 41-129

*Сергей Николаевич Ковалев,
Россия, Санкт-Петербург,
Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник 44-го научно-исследовательского
отдела (военной истории) Северо-Западного региона
Российской Федерации, доктор исторических наук*

Деятельность советского руководства по предотвращению военных угроз СССР на Северо-Западном направлении с участием европейских государств накануне Великой Отечественной войны

В 1930-е гг. шаги, предпринимаемые Лигой Наций по «обузданию агрессии», не смогли оказать решающего воздействия на ход событий и ограничивались мерами «морального осуждения» и малоэффективными экономическими санкциями¹. Одной из проблем стала обязательность применения санкций к государству-агрессору в соответствии со статьей 16 Устава Лиги Наций.

В условиях разрастания военно-политического кризиса в Европе некоторые государства, стремясь уйти от возможного участия в военном столкновении, предлагали изменить положения статьи 16. Так, в марте 1937 года министр иностранных дел Швеции Р. Сандлер, выступая от имени скандинавских стран, призывал Лигу Наций согласовать реализацию положений статьи 16 при условии, что только если государства-члены, непосредственно вовлеченные в конфликт, согласятся на ее применение². Руководство Прибалтийских стран свою позицию ориентировало на этот пример т.н. «группы Осло»³. Это вело к

тому, что Лига Наций, прежде всего, по отношению к Германии, стремившейся к ревизии устоев Версальской системы после ее выхода из Лиги наций в 1934 году.

Эстония первой среди Прибалтийских государств заявила о необязательности выполнения статьи 16. В ходе проходившей в Риге 10–12 июня 1938 г. VIII конференции министров иностранных дел Прибалтийских государств латвийский министр В. Мунтерс на переговорах с британским посланником обвинял эстонскую сторону в сотрудничестве с Германией. Это было вызвано тем, что министры иностранных дел Латвии и Литвы считали, что позиция Эстонии относительно статьи 16 может быть интерпретирована Западом как поддержка политических устремлений Германии. Литовский министр иностранных дел С. Лазорайтис по этому вопросу заявил, что пока великие державы не гарантировали нейтралитет Балтийских государств, «невозможно принять устойчивую точку зрения относительно статьи 16»⁴. В Берлине же заявления Эстонии о следовании политике нейтралитета были сочте-

ны как «положительный вклад в поддержание мира в Европе»⁵.

В период развития Судетского кризиса, в течение 1938 года, советские руководители в своих выступлениях неоднократно подчеркивали, что Советский Союз готов помочь Чехословакии в случае нападения со стороны Германии. В июне 1938 года нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов в своей речи перед избирателями в Ленинграде подчеркнул, что всему миру необходимо принять во внимание готовность Советского Союза сдержать свое обещание оказать помощь Чехословакии. Относительно позиции Прибалтийских стран М.М. Литвинов заявил, что некоторые маленькие государства в Европе открыто присоединились к агрессивным государствам, тогда как остальная часть европейских государств в испуге бормотала о нейтралитете, об отказе от помощи, предлагаемой Лигой Наций, и поддержки, обещанной различными дружественными государствами, в то же самое время приглашая, «чтобы быть изнасилованными людьми, кто желает это сделать»⁶.

Москва рассматривала нейтралитет Прибалтийских государств как полностью иллюзорный⁷. Такая оценка основывалась на имевших место тенденциях нарушений международных обязательств, заложенных в Уставе Лиги Наций и пакта Бриана – Келлога⁸, которые свидетельствовали о том, что пассивность и оставление без последствий нарушений их положений и обязательств повлекут дальнейшее обострение обстановки в Европе, чему примером являлся аншлюс Австрии.

Германия, в свою очередь, активно развивала отношения с Прибалтийскими государствами, в т.ч. и в сфере военного сотрудничества. Планировался визит начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Ф. Гальдера в Эстонию. По этому поводу советские пресса и радио обвинили Эстонию в медленном скольжении на путь немецких агрессивных устремлений.

Визиты начальника польского генерального штаба генерала В. Сташевича в Таллин и Ригу также вызвали подозрения в том, что они были предприняты не только, чтобы влиять на Прибалтийские государства в вопросе статьи 16 Устава Лиги Наций, но и сформировать антисоветский блок. «Ленинградская правда» назвала польского министра иностранных дел Ю. Бека

коммивояжером немецкого фашизма, который планировал использовать Балтийский регион как антисоветскую военную базу и установить самостоятельный политический и военный блок от Черного моря до Балтийского моря⁹.

Весной и летом 1938 года Франция предпринимала усилия, чтобы Польша, Румыния и Прибалтийские государства согласились открыть границы для Красной армии в случае войны¹⁰. 15 сентября 1938 года Ж. Поль-Бонкур, глава французской делегации в Лиге Наций, встречаясь с министрами иностранных дел Эстонии и Латвии К. Сельтером и В. Мунтерсом на Генеральной Ассамблее в Женеве, заявил, что французская делегация не одобряет предложенную поправку (о принятии каждым государством самостоятельного решения об участии в санкциях по отношению к государству-агрессору) к статье 16, потому что это нанесет вред влиянию Лиги Наций, что было бы нежелательным из-за развивающейся международной ситуации. Ж. Поль-Бонкур спросил К. Сельтера, намеревается ли Эстония поддержать санкции Лиги Наций против любого определенного агрессора. В ответ он услышал категоричный отказ¹¹.

Но в то время отношение Каунаса к проблеме было отлично от позиции Таллина. Ю. Балтрушайтис, литовский посланник в Москве, посещая комиссариат иностранных дел, заявил, что Литва никогда не станет сторонником политики нейтралитета¹². Литовская пресса в своих публикациях поддерживала Лигу Наций. Например, 4 июня «Лиетувос айда» (Lietuvos aidas) писала, что даже У. Черчилль согласился с идеей, что нейтралитет, никем не гарантируемый, был простой иллюзией¹³.

Поскольку проблема Судет все более и более переносилась в центр международного внимания, Берлин стал интересоваться позицией Прибалтийских государств к вопросу санкций. Было ясно, что в случае войны с Чехословакией, Генеральная Ассамблея Лиги Наций может принять решение о противодействии агрессии, требуя свободного прохода советских войск через Прибалтийские государства. В Берлине учитывали, что если Эстония будет считать для себя выполнение положений статьи 16 необязательным, то Латвия и Литва будут следовать этим же курсом. О роли Эстонии в газете «Revalsche Zeitung» от 18 июня 1938 г. была опубликована

статья И. Риббентропа, в которой отмечалось, что заявления Эстонии о следовании политике нейтралитета означает ее желание избежать вовлечения в международный конфликт.

Опубликованные в других немецких газетах статьи подчеркивали, что в отличие от Литвы, которая была явно запутана в «кандалах азиатских полномочий», Эстония представляла «... последний оплот западной культуры на Востоке», а ее «дальновидные государственные деятели» были в состоянии спасти свою страну от санкций «распадающихся сетей» системы Женева¹⁴.

В начале июня 1938 года руководитель абвера адмирал В. Канарис посетил Таллин, чтобы обсудить предмет возможных санкций Лиги Наций и оказания немецкой военной помощи Эстонии¹⁵. По мнению Берлина, в случае оказания Советским Союзом военной помощи Чехословакии Прибалтийские государства должны были защитить Польшу и Германию на их восточных границах. В начале сентября 1938 года немецкий военно-морской атташе Р. Бонин сообщал, что И. Лайдонер и другие эстонские военачальники, а также Г. Фровейн, немецкий посланник в Таллине, обсуждали в течение лета 1938 года вопросы отношения эстонской стороны к статье 16 и немецкую военную помощь Эстонии. Согласно докладу Р. Бонина, И. Лайдонер уверял немецкого посланника в готовности Эстонии оказать вооруженное сопротивление любой попытке Советского Союза провести свои войска через нее. При этом выразил надежду, что Эстония, имеющая небольшую территорию и ограниченные ресурсы, в случае войны с Советским Союзом получит помощь, прежде всего материальную, из Германии. На вопрос Г. Фровейна одобрит ли Эстония в случае конфликта действия немецкого флота по контролю над перевозками в Балтийском море, И. Лайдонер уверил, что только в этом ключе Эстония рассматривает свою безопасность, и по этой причине осуществляет восстановление важных военных и военно-морских укреплений в своей прибрежной зоне¹⁶. Это подтверждало положения германского военного плана, подготовленного по приказу военного министра Германии генерал-фельдмаршала В. фон Бломберга еще в 1937 году и отражавшего немецкие представления о Прибалтийских странах: Эстония считалась другом, Литва – врагом, а по поводу Латвии возникали сомнения¹⁷.

Латвийское правительство решение относительно принятия поправки к статье 16 принимало под давлением Берлина. Так, 1 сентября 1938 года начальник отдела Прибалтийских стран МИД Германии В. Грундгер сообщил латвийскому послу в Берлине Э. Игенбергсу, что Рейх не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории, и просил латвийское руководство информировать германский МИД о своем мнении в отношении этого вопроса. Латвийский посол сообщал, что немецкая позиция была выражена в очень агрессивной манере¹⁸.

19 сентября 1938 года эстонский и латвийский министры иностранных дел (К. Сельтер и В. Мунтерс) на заседании Генеральной Ассамблеи Лиги Наций заявили, что их правительства оставляют за собой право самостоятельно определять, когда применять санкции к стране-агрессору согласно положений статьи 16 Устава Лиги Наций. Через три дня, 22 сентября, литовский министр иностранных дел С. Лазорайтис совместно с польским и румынскими министрами (Ю. Бек и Н. Петреску-Комнен) представил декларацию подобного содержания на Генеральной Ассамблее.

Газета «Московские новости» в передовой статье, посвященной Прибалтийским государствам, называла их поправку к статье 16 «неудачной игрой» в пользу агрессоров. Передовая статья сравнивала принятие политики нейтралитета с «робким вползанием улитки в снаряд» и предсказывала, что рано или поздно Прибалтийские государства окажутся в сфере влияния одной из великих держав¹⁹.

Вышеприведенное показывает: формирование позиции Латвии и Литвы к праву принятия решения на применение санкций к стране-агрессору происходило при активном участии Эстонии и под сильным воздействием Германии.

Великобритания, не желая принимать конкретные меры по отношению к государству-агрессору в условиях нарастания чехословацкого кризиса, отклонила принятие санкций. Р. Батлер, британский представитель в Лиге Наций, от имени своего правительства объявил, что впредь в каждом определенном случае каждое государство – член Лиги может выбирать метод применения санкций против агрессора самостоятельно.

В итоге отказ от обязательного применения санкций в соответствии со статьей 16 Устава Лиги

Наций предрешил исход чехословацкого кризиса в пользу Германии.

Прибалтийские государства сделали свои выводы по итогам состоявшегося в Мюнхене соглашения и нового витка развития международной обстановки в Европе. Стало понятно, что гарантии и обещания, предлагаемые Великобританией и Францией, были после этого полностью бесполезны, и чехословацкий кризис, решенный в пользу Германии, усилил ее влияние. Вместе с тем, в силу ряда объективных обстоятельств, участие Советского Союза в европейской политике было ослаблено. После Мюнхенского договора руководство Прибалтийских государств стало рассматривать Германию как единственную силу, способную «противостоять большевизму и Советскому Союзу»²⁰. Например, руководство Латвии, которое еще летом 1938 года резко критиковало внешнеполитическую ориентацию Эстонии на Германию, после Мюнхена на 180 градусов изменило свое отношение к проблеме безопасности страны. По поводу гарантий министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс заявил, что они «будут искать пути для защиты своей независимости у Германии»²¹.

В октябре 1938 года министры иностранных дел Прибалтийских государств разработали проекты законов относительно нейтралитета, а 18 ноября они встретились в Риге, чтобы подписать соглашение²², которое обязало все три страны избегать изменения закона о нейтралитете без согласия двух других его участников²³.

Отказ Прибалтийских стран от участия в системе коллективной безопасности в Европе, которую пытались создать, в первую очередь СССР, Франция, Чехословакия и некоторые другие государства на основе Лиги Наций, также во многом повлиял на дальнейший ход событий – развязывание Второй мировой войны.

Дальнейшее развитие событий проходило на фоне обострения отношений между Германией и Польшей. В этих условиях советское правительство сочло необходимым сделать заявление о заинтересованности СССР в предотвращении установления господства Германии в Прибалтике²⁴. 28 марта 1939 года заявления НКВД были переданы послам Латвии и Эстонии. В документах делался акцент на ранее заключенные мирные договоры 1920–1930-х годов как основу отношений между странами и на заинтересо-

ванность СССР в сохранении «самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости» Прибалтийских государств²⁵.

В Москве мысль о необходимости не допустить оккупацию немецкими войсками стран и территорий, прилегающих к советским границам, не дать вермахту создать выгодный плацдарм для удара по жизненно важным центрам СССР на тот момент стала господствующей у советского политического руководства²⁶.

В тот период каждая из противостоявших в Европе группировок пыталась найти контакт с Москвой. На новогоднем приеме 1939 года в Берлине А. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А.Ф. Мерекалову. В марте этого же года впервые в истории на приеме в советском посольстве в Лондоне появился премьер-министр Н. Чемберлен. Французский премьер Э. Даладье провел несколько встреч с советским послом Я.З. Сурицем²⁷.

В условиях нарастания военной опасности в Европе по инициативе британского правительства в марте 1939 года начались переговоры о созыве конференции из представителей Англии, Франции, СССР, Турции, Польши и Румынии. 21 марта посол Великобритании У. Сидс вручил народному комиссару иностранных дел СССР М.М. Литвинову проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, основным содержанием которой являлось принятие указанными правительствами на себя обязательств немедленно провести совещания о «шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» действиям угрожающим «политической независимости любого европейского государства»²⁸, подчеркивалась необходимость предоставить их Латвии, Эстонии и Финляндии²⁹. По мнению британской стороны, эта декларация должна была «отрезвить» руководителей Германии³⁰.

Однако руководство Польши, государства в то время фактически окруженного с трех сторон границами Германии (в т.ч. фактически оккупированной и расчлененной Чехословакией и отобранным у Литвы Мемельским краем) уклонилось от участия в предлагаемой Англией декларации держав, если таковая будет подписана СССР. Попытка весной 1939 года в ходе визита заместителя наркома иностранных дел СССР

В.П. Потемкина, привлечь Польшу к участию в мерах против разрастания германской экспансии не увенчалась успехом. Даже несмотря на явную угрозу войны с Германией, позиция польского руководства не претерпела изменений³¹.

Наиболее трезвомыслящие западные политики понимали, что никакая система безопасности на Европейском континенте не станет действенной, если к ней не будет привлечен Советский Союз. Без СССР казалась бесперспективной любая оборона против агрессии Германии. У. Черчилль говорил в то время в Палате общин: «Я никак не могу понять – каковы возражения против заключения соглашения с Россией... Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией... Единственная цель союза – оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии... Что плохого в этом простом предложении?»³². Это предложение действительно было понятным и логичным. Однако Э. Даладье и Н. Чемберлен надеялись договориться именно с «Германией Гитлера».

Не оставляя попытки остановить разрастание германской агрессии в Европе, 2 июня советский НКВД вручил представителям Англии и Франции проект договора в котором говорилось: «Франция, Англия и СССР обязуются немедленно оказать друг другу полную эффективную помощь, если одна из этих стран окажется вовлеченной в войну с европейской державой в результате агрессии этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии, которые Англия, Франция и СССР обязались защищать от агрессии»³³.

Предоставление гарантий Прибалтийским государствам обсуждалось с их официальными представителями. Эту тему 5 июня 1939 года В.М. Молотов обсуждал с латвийским послом Ф. Коциньшем. В ответ на предложение наркома «Коциньш ... сказал, что Латвия положительно относится к гарантированию ее нейтралитета, если это будет общая гарантия» (то есть не только со стороны СССР)³⁴. В тот же день в подобном ключе состоялась встреча В.М. Молотова с эстонским послом А. Реем. Однако 7 июня 1939 года Латвия и Эстония заключили пакты о ненападении с Германией. Это подтверждало, что в Латвии и Эстонии отрицательно отнеслись к пре-

доставлению гарантий со стороны Англии, Франции и СССР³⁵. Более того, военные круги Эстонии выражали готовность в интересах Германии совместно с финнами использовать «Имперскую российскую систему противокорабельной защиты», чтобы воспрепятствовать действиям советского флота с востока³⁶.

16 июня НКВД СССР вручил послам Англии и Франции памятную записку с изложением позиции советской стороны³⁷. Но только 11 августа англо-французская военная делегация прибыла в Москву; на следующий день начались официальные переговоры. Сразу же выяснилось, что членам британской и французской делегаций не даны полномочия от своих правительств на подписание военных соглашений.

14 августа советская делегация поставила перед руководителями западных делегаций генералом Ж. Думенк и адмиралом в отставке П. Драксом кардинальный вопрос о том, что советская сторона настаивает на предоставлении права ввода войск Красной армии в «Вильнюсский коридор», Галицию и на румынскую территорию в случае агрессии против Польши и Румынии, «чтобы непосредственно соприкоснуться с противником»³⁸. Кроме того, предусматривались совместные действия флотов. Так, на Севере предполагались совместные с англо-французской эскадрой крейсерские действия. На Балтике, после прорыва сильного англо-французского флота и согласования с прибалтийскими государствами, объединенный союзный флот занимал Моонзундский архипелаг, Аландские острова, Ганге, Пернов, Гапсаль, Гайнаш и Либаву «с целью охраны нейтралитета и независимости балтийских стран и прекращения подвоза в Германию из Швеции руды и другого сырья»³⁹.

Все перипетии с трехсторонними переговорами и их окончательный провал достаточно полно освещены в отечественной историографии⁴⁰. И как отмечают исследователи, «крах этих переговоров и внезапный крутой поворот советского руководства – от попытки заключения союза с западными державами к подписанию советско-германского пакта 23 августа 1939 г. – были предопределены политикой Запада, его недоверием к Советскому Союзу. Конечно же, до последнего момента Запад лелеял надежду столкнуть СССР с Германией и тем самым, как и в период мюнхенского кризиса, остаться в стороне,

«над схваткой», направив агрессию на Восток и надолго отведя угрозу от своих границ⁴¹.

Советское руководство считало, что в складывающейся на то время военно-политической обстановке правительства Эстонии, Латвии и Литвы, «полагая, что дело идет к общей войне всего капиталистического мира против СССР, активно готовились принять участие в этой войне»⁴². Это подтвердили послевоенные оценки деятельности правительств Прибалтийских государств⁴³. В условиях отсутствия системы коллективной безопасности и нарастания агрессии с запада и востока, советское руководство было вынуждено переориентировать свой внешнеполитический курс в интересах решения задач обеспечения военной безопасности СССР. В Москве исходили из вероятности молчаливого согласия Лондона и Парижа на оккупацию Германией Прибалтики⁴⁴. СССР был вынужден идти на договоренности с теми странами, которые готовы были на деле гарантировать отсутствие угрозы агрессии с сопредельных с ним территорий.

Между тем для СССР приобретала реальные очертания возможность заключения пакта о ненападении на переговорах с Германией, ограничивавшего продвижение вермахта на Восток. 17 августа 1939 года германский посол в Москве Ф. Шуленбург сообщил советскому правительству, что Германия готова заключить с СССР договор о ненападении, предоставить совместно с СССР гарантии суверенитета Прибалтийским государствам и использовать свое влияние на Японию в целях нормализации японо-советских отношений⁴⁵. В Москве сделали выводы: Германия готова договориться с СССР. Появлялась реальная возможность отвести непосредственную угрозу от советских границ. К тому времени советская разведка имела сведения о плане и сроках нападения Германии на Польшу, и правительство было поставлено об этом в известность⁴⁶.

Большинству здравомыслящих политиков было совершенно ясно, что Советский Союз не мог и не имел права допустить, чтобы германские войска, наступая на Польшу, беспрепятственно вышли к советским границам. Член французской делегации А. Бофр в то время отмечал: «Трудно быть более конкретным и более ясным... Контраст между этой программой и смутными абстракциями англо-французской

платформы поразительный... Наша позиция оставалась фальшивой»⁴⁷. Все опасения Кремля относительно надежности Лондона и Парижа как союзников полностью подтвердились в ходе развития польского кризиса, с которого началась одна из самых кровопролитных трагедий XX века – Вторая мировая война⁴⁸.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 года, после провала переговоров с Англией и Францией (основные причины – полномочия подписать военную конвенцию с СССР имела только французская делегация; партнеры по переговорам не давали ответ на вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши в случае нападения на нее Германии⁴⁹), советское правительство подписало договор о ненападении с Германией и секретный протокол к договору.

Договор, и это главное, позволил СССР выиграть около двух лет для укрепления обороны страны. Кроме того, договор вызвал сильные противоречия между Германией и Японией как раз в тот период, когда советские войска вели бои против японцев на р. Халхин-Гол⁵⁰. Все это уже в годы Великой Отечественной войны способствовало тому, что СССР избежал гибельной для себя войны на два фронта.

В предвидении начала войны в Европе на границах Эстонии и Латвии советское руководство начало создавать оперативные группировки войск из состава Ленинградского (ЛВО) и Калининского военных округов (КалВО). Необходимость принятия мер военного характера Советским Союзом была обусловлена утвержденной 11 апреля Гитлером «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.». В ней, в частности, указывалось: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»⁵¹. В тех условиях, когда эстонское руководство было готово предоставить свою территорию для баз Германии, а Литва стояла перед перспективой немецкого протектората, эти меры были полностью обоснованы.

Характер мероприятий, проводимых Советским Союзом, привлекаемые силы и средства были направлены на воспрепятствование

Германии, в случае прохода ее войск на территории Эстонии и Латвии через территорию Литвы, использовать армии Эстонии и Латвии (так же, как и Финляндии) «для концентрического удара на Ленинград и для того, чтобы отрезать Ленинградскую область от остальной территории страны»⁵².

По итогам прошедших в сентябре 1939 года переговоров, заключив с Германией договор о дружбе и границах 28 сентября 1939 года, по которому в сферу интересов СССР отошли Вильно (Вильнюс) и Виленский край, Советскому Союзу удалось предотвратить беспрепятственный вермахта проход через Литву на территории Латвии и Эстонии⁵³. В тот же день был подписан договор о взаимопомощи с Эстонией, за которым последовали договоры с Латвией и Литвой о советском военном присутствии на их территориях. Тем самым были упреждены действия Германии по размещению вермахта на территории Прибалтийских государств. Достигнутые условия советско-германских договоров (выдвижение западных рубежей СССР на 200–400 км) являлись главной стратегической целью советского руководства.

Анализ событий того периода показывает, что необходимость советского военного присутствия в Прибалтийских государствах была обусловлена происходящими коренными изменениями

военно-политической обстановки в мире в целом, вызванными начавшейся Второй мировой войной в Европе вследствие провала создания системы коллективной безопасности.

Позже, в декабре 1940 года, когда Англия после разгрома Франции и других своих европейских союзников вела войну фактически один на один с Германией и Италией, английский военный атташе в Москве полковник Э. Грир на одном из совещаний в сердцах признался советскому комначсоставу: «...Нас к этому положению привела старая политика Чемберлена. Было бы лучше, если бы все решали солдаты и офицеры». И далее уже совсем не дипломатично: «Старых политиков надо поставить в один ряд и расстрелять...»⁵⁴.

И наконец еще одно важное обстоятельство – это определенное отрезвление правительств западных демократий, которые после 23 августа 1939 года осознали, что у СССР есть свои интересы, с которыми следует считаться. И хотя Париж, Лондон и Вашингтон были еще враждебно настроены к Москве, тем не менее вскоре после вторжения германских войск в Польшу и начала Второй мировой войны – уже осенью 1939 года – начались англо-советские и американо-советские дипломатические переговоры, которые в конечном итоге привели к формированию антигитлеровской коалиции⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. Т. 1. М.: Международный благотворительный общественный фонд «Победа – 1945 год», 2000. С. 549.

2 Jacobson M. *Diplomaattien talvisota. Suomi maailmanpolitiikassa 1938–1940.* Porvoo-Helsinki, 1968. S. 53.

3 «Группа Осло» – Швеция, Норвегия, Дания, Бельгия, Нидерланды, Финляндия, Люксембург. См.: 1939 год: Уроки истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 161.

4 Ilmjärv M. *Silent submission. Formation of foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Period from mid-1920-s to annexation in 1940.* Stockholm, 2004. P. 274.

5 *Revalsche Zeitung* («Ревельская газета» – Авт.). 1938. 18 Juni.

6 Ilmjärv M. *Silent submission...* P. 278.

7 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 28. П. 53. Д. 3. Л. 71–72.

8 Иначе «Парижский договор» о воспреещении войны в качестве орудия национальной политики – подписан 27 августа 1928 г. в Париже.

9 Ленинградская Правда. 1938. 10 июля.

10 Budurowycz B. *Polish-Soviet relations 1932–1939 / East Central European Studies of Columbia University.* New York; London: Columbia university press, 1963. P. 116.

11 Ковалев С.Н. Страны Балтии и коллективная безопасность накануне Второй мировой войны / Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной международной научной конференции (16–17 апреля 2008 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. – СПб.: РХГА, 2009. – С. 195–196.

12 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 111. Д. 46. Л. 22.

13 См.: *Lietuvos zinios.* 1938. 2 Rugpjūtis, 19 Rugpjūtis.

14 *Rheinische Westfalische Zeitung.* 1938. 1 July; *Allgemeine Zeitung.* 1938. 1 July.

15 Ilmjärv M. *Silent submission...* P. 284.

16 *Ibid.* P. 285–286.

17 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. – М.: Кучково поле, 2012. – С. 322.

- 18 Ilmjärv M. *Silent submission...* P. 286.
- 19 Московские новости. 1938. 19 сентября.
- 20 Ilmjärv M. *Silent submission...* P. 291.
- 21 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 12. Д. 118. Л. 42–43.
- 22 Обе палаты эстонского парламента одобрили предложенный закон о нейтралитете 3 ноября, латвийский кабинет министров утвердил это решение 21 декабря 1938 г., а литовский сейм 21 января 1939 г. Эстонцы за основу своего закона о нейтралитете приняли Гаагское международное соглашение от 18 октября 1907 г., которым устанавливали права и обязанности нейтральных государств в случае военно-морской войны. См. See Riigi Teataja, December 6. 1938.
- 23 Ilmjärv M. *Op. cit.* P. 288.
- 24 Сиполс В.Я. *Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979. С. 230.*
- 25 Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г.- М.: Политиздат, 1990.- С. 342.
- 26 Мягков М.Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса. С. 47–60. / *Международный кризис 1939–1940 гг.: от советско-германских договоров до нападения Германии на СССР. М.: Права человека, 2006. С. 51.*
- 27 Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. *Война 1941–1945. Факты и документы. -М.: Олма-Пресс, 2001. - С. 18.*
- 28 АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 4. Л. 87.
- 29 Год кризиса... Т. 1. С. 453–459.
- 30 АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 4. Л. 88–90. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939). - М.: Политиздат, 1971 - С. 263–265.
- 31 Там же. Л. 140.
- 32 Черчилль У. *Вторая мировая война: В 3-х книгах. Кн. 1. Т. I – II.- М.: Воениздат. 1991. - С. 170.*
- 33 Мосли Л. *Утраченное время: Как начиналась Вторая мировая война / пер. с англ. / М.: Воениздат. 1972. С. 264.*
- 34 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 180.
- 35 Там же. Л. 230.
- 36 Лескинен Я. Секретное военное сотрудничество между финской и эстонской армиями против Советского Союза в 1930-х гг. // *Новый Часовой. 2004. № 15–16. С. 219.*
- 37 Год кризиса. 1938–1939 ... Т. 1. С. 33–34.
- 38 Там же. С. 210–218.
- 39 Там же. С. 241.
- 40 Чубарьян А.О. Упущенные возможности и исторические уроки / *Европа между миром и войной 1918–1939 гг. М.: Наука, 1992; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М.: Новина, 1997; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941. М.: Вече, 2000; Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. Т. 1. М.: Международный благотворительный общественный фонд «Победа – 1945 год», 2000; Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 2. 1917–2002 гг. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002; Мягков М.Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // *Международный кризис 1939–1940 гг.: от советско-германских договоров до нападения Германии на СССР. М.: Права человека, 2006; Дюков А.Р. «Пакт Молотова-Риббентропа» в вопросах и ответах. М.: Фонд «Историческая память», 2009; Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? / Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. -М.: Вече, 2009 и др..**
- 41 Стратегические решения и вооруженные силы... С. 551.
- 42 История внешней политики СССР. - М., 1980. -Т. 1. С. 393.
- 43 Сиполс В.Я. Тайная дипломатия... С. 320–321.
- 44 Мягков М.Ю. От Мюнхенского соглашения ... С. 50.
- 45 Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 293.
- 46 Мягков М.Ю. От Мюнхенского соглашения... С. 55.
- 47 Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 264.
- 48 Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. М.: Наука, 2002. С. 40–41, 60–61; Год кризиса... Т. 1. С. 376–378.
- 49 Год кризиса... Т. 2. С. 307–311.
- 50 Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 298.
- 51 Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. I. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. М.: Наука, 1973. С. 361.
- 52 Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. -М.: Воениздат, 1989.- С. 127.
- 53 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Д. 77. Л. 4; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 – август 1940 гг. М.: Международные отношения, 1990. С. 61.
- 54 Мягков М.Ю. От Мюнхенского соглашения... С. 55.
- 55 Там же. С. 59.

*Сергей Владимирович Кожин
Россия, Москва, Центральный музей
Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук, доцент,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации*

Развитие в ЦМВС экспозиции Великой Отечественной войны в период после 1965 года

Тема Великой Отечественной войны занимает основное место в экспозиции головного военного музея России. Из 24 залов под нее выделены 10, в том числе гигантский по размерам Зал Победы. Планировка залов осуществлена еще в 1965 году при строительстве нового здания музея. Художественное решение тогда было разработано коллективом Государственного комбината декоративно-оформительского искусства под руководством одного из лучших на тот момент музейных дизайнеров СССР Е.А. Розенблюма. Оно включало ряд замечательных находок, в т.ч. огромную витрину с немецкими трофеями в зале Московской битвы. Основу составляли несколько тысяч Железных крестов, насыпанных длинной полосой в виде снежного покрова, из которого торчали образцы брошенного фашистами при отступлении оружия, снаряжения, формы. Венчал всю эту композицию огромный барабан военного оркестра. Эффектно была решена тема Сталинградской битвы, в виде пробитой немецкими снарядами башни танка Т-34 (подарок Сталинграда) и огненно-красного фотопанно вокруг нее, с изображением горящего города. Несомненной удачей было решение главного зала с расположенным в центре Знаменем Победы на фоне фотопанно с

изображением торжественного момента бросания трофейных знамен к подножию Мавзолея. Поскольку знамена эти хранятся в ЦМВС РФ, 44 из них поместили на полу в огромной стеклянной витрине. Справа и слева от этой композиции, по решению ГлавПУРа, на беломраморных стелах были высечены золотом имена героев, навечно зачисленных в списки части. Тем самым восставили старую традицию, согласно которой до революции имена подобных героев высекали в Храме Христа Спасителя. Экспозиция 1965 года, несомненно, была значительным достижением советского музейного дела.

Следующая реэкспозиция залов Великой Отечественной войны (с начала межвоенного периода до Сталинградской битвы - 6 залов нижнего полукольца) была проведена в 1989-1991 гг. Художественное решение и монтаж выполнила бригада Государственного комбината декоративно-оформительского искусства (КДОИ) под руководством Р.В. Матюшина и В.В. Берина. Работа велась в исключительно трудных условиях в связи с развалом государства, отсутствием финансовых и материальных средств. Закончить ее удалось закончить только благодаря самоотверженному отношению к делу сотрудников научно-экспозиционного отдела (НЭО),

собственноручно выполнивших значительную часть малярных и строительных работ. Главную роль сыграл начальник отдела полковник А.А. Попов, который в условиях тотального дефицита, когда даже изыскание шурупов превратилось в сложнейшую задачу, сумел довести дело до победного конца. Он оказался хорошим руководителем сложного процесса и умело дирижировал часто разнонаправленными интересами научных сотрудников и художников. Экспозиция была выполнено на высоком для того времени художественном и техническом уровне.

Что касается научной проработки, то в соответствии с новыми веяниями, в экспозицию были введены отсутствующие ранее темы: трагедия 1941 года, незаслуженно забытые участники начального периода войны, полнее отражена деятельность Верховного главнокомандующего. При подготовке новой экспозиции сотрудники НЭО провели значительную работу по сбору недостающих в фондах материалов, без которых было весьма затруднительно отобразить ряд важнейших тем.

Музею повезло, что художественное решение разрабатывали талантливые художники. К примеру, очень удачно был выполнен доминирующий комплекс зала начала войны: оружие, каски защитников Бреста и Смоленска, Боевое Знамя, найденное на теле погибшего командира, схема боевых действий совместно образовывали православный крест. Он был помещен на красном фоне с цифрами потерь Красной Армии в начале войны. Отдавая должное участникам той работы, следует с сожалением отметить, что был допущен ряд ошибок и спорных решений. В «Московском» зале ликвидировали витрину с Железными крестами. А возникшая на ее месте небольшая пирамида с трофеями ни в коей мере не смогла служить ей заменой. В Сталинградском зале смонтировали диораму художников-баталистов отца и сына Марата и Александра Самсоновых, которая, конечно, украсила экспозицию. Но при этом уничтожили обрамляющее башню танка Т-34 огромное фотопанно горящего Сталинграда. Хотели убрать и саму башню, но, к счастью, это оказалось технически невозможным.

В целом же, надо отдать должное художникам – они создали эффектную, красивую, целостную и очень добротную экспозицию.

Реэкспозиция следующих шести залов войны (с «Курского» до зала Победы) была осуществлена только спустя 14 лет, в 2005 года, к 60-летию Победы. Ее провели под руководством начальника НЭО полковника В.И. Семченко. Ставилась задача создать экспозицию в соответствии с достигнутым уровнем исторических знаний. Наряду с вкладом прославленных полководцев, отразить более подробно тяжкий солдатский труд, показать с каким мощным и сильным противником пришлось иметь дело советскому народу, рассказать о борьбе с коллаборационизмом. Решено было также создать значительный раздел о взаимодействии СССР со странами антигитлеровской коалиции. Предполагалось насытить экспозицию современными техническими средствами, разработать художественные решения с использованием новых технологий и материалов.

К сожалению, процесс сразу был осложнен тем, что ряд ведущих сотрудников, в самый ответственный момент не смогли выполнять свои обязанности, либо выполняли их не в полном объеме. Их срочно пришлось заменять людьми, не занимавшимися до этого соответствующей тематикой, что по всем музейным канонам абсолютно недопустимо. В результате научная проработка экспозиции оказалась крайне неравной. Часть разделов сохранила свой прежний облик, а некоторые были разработаны заново, так сказать, «с нуля». Следует отметить, что научной проработке уделялось особое внимание, выставленные реликвии, фото и документы сопровождались подробными и выверенными аннотациями. Научная база готовилась с привлечением самых последних исследований. В отличие от прежней практики, когда информация давалась лишь в самом общем и формальном виде, авторы старались изложить суть происходивших событий. К примеру, в разделе «Прохоровка» впервые были приведены цифры о реальном соотношении сил на поле боя, сведения о достоинствах и недостатках танков, о потерях обеих сторон и кратко описано развитие событий. В зале советской экономики и работы тыла впервые были даны сведения об основных советских военных предприятиях, указано их местонахождение и количество изготовленной продукции. Появился также новый зал, основную площадь которого заняла тема «СССР и антигитлеровская

коалиция». Здесь подробно представили разделы «Союзнические конференции», «Ленд-лиз», «Союзные конвои», «Открытие второго фронта».

Тема «Противник» была представлена в нескольких залах, но особенно подробно в зале Курской битвы. Прежние экспозиции страдали тем недостатком, что демонстрировали только успехи Красной Армии, полностью отсутствовала информация о неудачах и просчетах, не было сведений о цене побед. В новых залах авторы стремились донести следующую мысль: борьба велась с противником, обладавшим исключительной экономической и военной мощью, события развивались весьма драматично, и это потребовало колоссального напряжения, самопожертвования, боевого и трудового героизма всего народа и его армии.

В зале № 17 раздел «Соппротивление советских военнопленных» был значительно усилен материалами о советских генералах, боровшихся и погибших в немецком плену, а также создан небольшой раздел «Борьба с коллаборационистами». В зале Победы создан раздел Верховного главнокомандующего, с использованием реликвий ЦМВС и ГИМа.

Коренным образом изменилось и художественное решение залов. В экспозициях «Курская битва», «Форсирование Днепра», «Союзники» были изготовлены небольшие диорамы, причем силами самих сотрудников НЭО. Вместо живописных холстов применили выполненные с помощью компьютерной графики коллажи, напечатанные на огромных баннерах. Натурный план (окопы, грунт, блиндажи) изготовлены собственноручно В.И. Семченко и его подчиненными. Самая крупная инсталляция была изготовлена в зале № 16 - высадка союзников в Нормандии, на участке Омаха-Бич у г. Кан. Натурный план имитирует участок пляжа. На нем установлен американский джип, приобретенный у частного коллекционера. Эта машина в свое время участвовала в съемках киноэпопеи «Освобождение». Осмотр диорам сопровождался звуковыми эффектами (разрывы снарядов, плеск воды, кваканье лягушек и т.д.), а также дымопусками. Кроме того, в зале «Союзники» был установлен телевизор, а в залах Победы и Московской битвы – огромные плазменные панели фирмы Панасоник.

Решено было также в каждом шкафу установить т.н. «задники» – изготовленные в размер

витрин небольшие баннеры с фотографией соответствующей тематики. Шкафы и витрины заказали в Чехии. В связи с ограниченностью средств, пришлось довольствоваться оборудованием небольшой стоимости. Опыт эксплуатации выявил некоторые недостатки: расположение дверей сбоку сильно затрудняло уборку витрин и замену экспонатов. Расположение ламп изнутри, (а сгорали они моментально), также требовало больших усилий при их замене.

В целом же экспозиция приобрела современный вид и пользовалась популярностью большинства посетителей, о чем свидетельствовали многочисленные отзывы в письменной и устной форме, как рядовых граждан, так и высокопоставленных делегаций и представителей средств массовой информации.

В 2010 года в связи с подготовкой празднования Великой Победы, решено было разработать современное художественное решение центральной части зала Победы. В результате был создан новый художественный комплекс, обрамляющий священную реликвию – Знамя Победы. Помещенное в объемный стеклянный колпак знамя поднималось в нем на большую высоту, что создавало хорошую видимость со всех точек обзора. Колпак закреплялся на четырех вертикальных направляющих, стилизованных под рамы реактивных установок «катюши». На полу под колпаком располагалась огромная витрина, выполненная в форме свастики, под стеклом которой были насыпаны 20 тысяч немецких Железных крестов. Ниже, на уровне пола, были сделаны прозрачные витрины в виде траншей, наполненные образцами оружия и знаменами немецкой армии. Посреди витрины, под знаменем Победы, лежал немецкий бронзовый орел, сброшенный советскими солдатами с главного входа в имперскую канцелярию Адольфа Гитлера. Рядом располагалась плита, снятая со стены рейхстага, с надписью «Сержант Синев. Дошел до Берлина!». Авторами концепции комплекса были начальник Главного управления по работе с личным составом генерал-майор Ю.А. Дашкин, директор ЦМВС РФ А.К. Никонов и зам. директора музея по научной работе С.В. Есипов. Автор художественного решения – главный художник киевского Мемориального комплекса «Музей Великой Отечественной войны» А.В. Гайдамака. Накануне празднования 66-летия Победы 8 мая

2011 года музей посетил Президент России Д.А. Медведев. Он осмотрел новые залы, включая главный, и дал высокую оценку работе, проделанной коллективом ЦМВС РФ.

Одновременно с обновлением Зала Победы перед музеем стояла задача реэкспозиции залов начального периода войны (1941 – 1942 гг.), со времени создания которых к тому моменту прошло уже 20 лет. В феврале 2011 года была открыта новая экспозиция зала Московской битвы. Куратор зала – Е.И. Пахомова. В начале экспозиции был расположен комплекс материалов о боях в окружении под Вязьмой и Брянском (автор – С.В. Кожин). Его основу составляли вновь собранные реликвии, посвященные воинам, которые, оказывая сопротивление практически в безнадежных условиях, ценою своей жизни сковали вражеские силы и не дали противнику с ходу захватить Москву. В окружении оказались и 12 дивизий народного ополчения Москвы. Из 133 тыс. личного состава вышли к своим 11 процентов. Один из спасшихся – В.С. Розов. В боях под Вязьмой он был тяжело ранен. Его вывезли буквально в последние часы перед тем, как кольцо окружения сомкнулось. А дальше предстояло пребывание в палате для умирающих, чудесное спасение и долгие месяцы в госпиталях. Выздоровливая после выписки, Розов решил рассказать о том, какой ценой была спасена наша столица. Он начал работать над пьесой «Вечно живые». По ней в 1957 году режиссер М.К. Калатозов поставил фильм «Летят журавли». В 1958 году фильм получил Золотую пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля. Для новой экспозиции музея дочь драматурга – Татьяна Розова в 2012 году передала семейную реликвию – фарфоровую статуэтку «Белка», подаренную автором своей жене, сыгравшей роль Вероники в первой театральной постановке пьесы.

В зале также привлекает внимание стальной сейф 18-го зенитно-артиллерийского дивизиона. Он был закопан в окружении работниками штаба вместе с печатями и документами в окрестностях с. Богородицкое Вяземского района. Найден в ходе поисковых работ научным сотрудником музея А.В. Мясниковым в 2010 года. Одним из самых известных экспонатов музея является хвост немецкого бомбардировщика «Хейнкель-111» сбитого таранным ударом над Москвой в ночь на 6 августа 1941 года старшим лейтенантом В.В.

Талалихиным. Он простоял многие годы возле воинской части, где служил знаменитый летчик, а в 1965 года передан в ЦМВС СССР. В 2018 году экспозиция пополнилась новыми реликвиями – это обломки истребителя И-16, на котором совершил таран знаменитый летчик. Истребитель был найден группой «Исток» во главе с К.Ю. Низамутдиновым в районе Домодедова в июне 2014 года.

После открытия «Московского зала» была проведена реэкспозиция зала № 11. Поскольку он долгое время не имел постоянного куратора, его новая экспозиция вынужденно стала делом коллективного творчества. Были введены материалы, повествующие о боях в Крыму весной 1942 года, обороне Севастополя, обороне Кавказа и Заполярья. Наибольшее место в зале занимал шкаф, посвященный обороне Ленинграда. Прежняя экспозиция была значительно обновлена, добавлены материалы о попытках прорыва блокады в 1942 года, а также реликвии переживших ужасы войны жителей города.

В 2010 году новые экспозиции созданы в «Сталинградском зале». В музее никогда не было раздела или хотя бы отдельных комплексов, посвященных боям на Ржевско-Вяземском выступе в 1942 года. Теперь настало время заполнить этот пробел. Значительная часть площади была отведена под тему – «Ржевская битва» (автор С.В. Кожин). Научная концепция предполагала деление темы на четыре раздела. Первый освещал оборонительные операции на выступе в мае-июле 1942 года, затем следовали материалы о 1-й Ржевско-Сычевской наступательной операции (июль-сентябрь), 2-й Ржевско-Сычевской наступательной операции «Марс» (ноябрь-декабрь). Завершал тему раздел о Ржевско-Вяземской наступательной операции в марте 1943 года. Каждый раздел содержал схему операции и достаточно подробный ведущий текст. Давались портреты командующих фронтами, начальников штабов, командармов, наиболее отличившихся командиров корпусов, дивизий, бригад. К сожалению, в ЦМВС РФ практически не отложились материалы действующих лиц тех событий, а те, что имелись – реликвии Г.К. Жукова, И.С. Конева, М.Е. Катюкова, П.А. Белова, Д.Д. Лелюшенко, В.Д. Соколовского уже были задействованы в других тематических комплексах. Детальное изучение музейного собрания позволило все же

разместить на экспозиции личные вещи и документы М.А. Пуркаева, М.А. Рейтера, М.В. Захарова, П.М. Армана, А.Ф. Куприянова. Авторы стремились поместить под каждым портретом детальную биографическую справку, составленную по определенному образцу: Ф.И.О., даты жизни, место рождения, участие в боевых действиях до войны, должность и звание в период боев за Ржев, краткое описание подвига, последняя должность и звание (если человек пережил войну). Подобная система, несколько отяжеляя планшеты текстовой информацией, значительно упрощает работу экскурсоводов, служа для них своеобразной «шпаргалкой». При этом одиночные посетители также имеют возможность получить более объемную и интересную информацию.

Удалось обнаружить также уникальные фотоматериалы, отражающие тяжелые бои на Ржевском выступе. Среди прочего в фондах музея хранится коллекция фоторабот Е. Волкова, служившего в 158-й стрелковой дивизии 39-й армии и запечатлевшего многие боевые эпизоды операции «Марс». Как выяснилось, коллекция музея включает много знамен частей и соединений, воевавших на Ржевском выступе. Однако подавляющее большинство находится в ветхом состоянии. Так как в то время средствами для изготовления муляжей музей не располагал, удалось экспонировать только три наиболее сохранившихся знамени.

При создании экспозиции сотрудники применили новую схему работы. Решено было отказаться от традиционной технологии изготовления планшетов путем наклеивания на листы бумаги фотографий, карт, документов, аннотаций. Все операции теперь производились электронным способом, благодаря совместному творчеству экспозиционеров и графического дизайнера.

На основной площади зала по-прежнему разместили тему «Сталинградская битва» (авторы В.А. Афанасьев и А.А. Соколов). Наибольшую переделку претерпела вводная часть, где появились новые комплексы: «Харьковская операция мая 1942 г.», приказ И.В. Сталина № 227, первый кавалер ордена Отечественной войны 1-й степени капитан И.И. Криклий. В следующих темах впервые представлены рабочие карты Г.К. Жукова и А.М. Василевского, портфель генерал Н.Ф. Ватутина, а также целый комплекс реликвий из-

вестного писателя-фронтовика, участника битвы на Волге Ю.В. Бондарева.

К 23 февраля 2013 года в ЦМВС РФ был открыт зал начала Великой Отечественной войны (июнь – сентябрь 1941 года). Куратор зала – Е.И. Пахомова. Автор имел дело с исключительно сложной задачей отображения первых и самых трагичных месяцев Великой Отечественной войны. В целом третья реэкспозиция зала (1-я проводилась в 1965 г., 2-я в 1991 г.) позволила значительно усилить как научную, так и зрелищную составляющую данной темы. Начинается экспозиция с материалов о подготовке фашистской Германии к нападению на СССР. Значительно расширен раздел стрелкового оружия вермахта и армий основных сателлитов Германии – Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, а также перемещено из 8-го зала оружие стран, оккупированных Германией. Рядом размещены витрины с наградами и знаками германской армии. В раздел боевой техники вермахта введены шестиствольный реактивный миномет и 20-мм зенитная пушка.

Полностью был переделан раздел создания высших органов управления страной в период войны – ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования. Представлены копии страниц журнала посещений кабинета И.В. Сталина за 22.6 – 2.7.1941 гг., фото членов ГКО.

Разделы, отражающие боевые действия, выстроены по географическому принципу: Северо-западный фронт, Западный, Юго-западный, Южный. В разделе обороны Прибалтики впервые представлены материалы о контрударе советских танковых войск под Шауляем, в т.ч. справка о подвиге экипажа танка KB в районе Райсеня. Экспонируются фото и ружье командира 2-й танковой дивизии (3-й мехкорпус) генерал-майора Е.Н. Солянкина, погибшего 26.6.1941 г. в бою под Райсенем. Отдельный планшет посвящен участию Балтийского флота в обороне Прибалтики.

В разделе боев на Западном фронте экспонируются фото командующего фронтом Д.Г. Павлова, зам. командующего И.В. Болдина, начальника штаба В.Е. Климовских, командующего ВВС И.И. Копца, командующего 4-й армией А.А. Коробкова, командира 6-го мехкорпуса М.Г. Хацкилевича. Приводится текст постановления ГКО от 16.7.1941 г. о предании суду командования

Западного фронта и страницы с показаниями Д.Г. Павлова в ходе допроса в июле 1941 года. Здесь же помещено фото командующего 13-й армией генерал-майора П.М. Филатова, чьи войска героически защищали северные подступы к Минску. Демонстрируются его пистолет и пробитый осколком футляр ручки (генерал был смертельно ранен в боях под Могилевом).

В разделе Смоленского сражения комплекс командира 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Л.Г. Петровского пополнен его подарочным пистолетом системы Браунинга и знаками различия комкора (получены в 1964 году от дочери). Представлена также фотография героя обороны Могилева командира 388-го стр. пока 172-й стр. дивизии полковника С.Ф. Кутепова (послужил прототипом комбрига Серпилина в романе К.М. Симонова «Живые и мертвые»). Здесь же экспонируется фото и портсигар командира 172-й стр. дивизии генерал-майора М.Т. Романова (получены у жены в 1960 году). Большой комплекс о первом боевом применении реактивных минометов дополнен групповым фотоснимком конструкторов оружия, в числе которых главный инженер НИИ реактивной техники А.Г. Костилов.

В разделе боевых действий Юго-Западного фронта впервые представлен китель командующего фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса. Здесь же экспонируется «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, которой генерал был удостоен за героизм во время советско-финляндской войны. После гибели Кирпоноса в урочище Шумейково в сентябре 1941 года его адъютант снял награду с кителя, ночью сумел выбраться из урочища и позднее вышел к нашим войскам. Он передал звезду Н.С. Хрущеву, а тот в ЦК партии. В 1967 году по просьбе дочери погибшего комфронта Е.М. Кирпонос, сотрудницы ЦМВС СССР, награду передали на хранение в музей. В данном разделе впервые представлен комплекс материалов начальника штаба фронта генерал-майор В.И. Тупикова, также погибшего в районе Шумейково.

Участие бронетанковых войск фронта в приграничном сражении в районе Дубно-Броды-Ровно было отображено портретами командиров механизированных корпусов (МК): И.И. Карпезо (15-й МК), Н.В. Фекленко (19-й МК), С.М. Кондрусев (22-й МК), командира 8-й тан-

ковой дивизии 4-го МК П.С. Фотченкова, комиссара 8-го МК Н.К. Попеля. Здесь же приводится текст приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 27 от 16.8.1941 г. и даны фотографии командующего 12-й армией П.Г. Понеделина и командира 13-го стрелкового корпуса Н.К. Кириллова, попавших в плен под Уманью.

При выходе из зала помещены крупные натурные экспонаты, в числе которых часть двигателя с самолета ДБ-3Ф, найденного на месте предполагаемой гибели экипажа Н.Ф. Гастелло. При перезахоронении праха летчиков в 1951 году оказалось, что в этом месте упал самолет капитана А.С. Маслова. Самолет экипажа Гастелло так и не был найден. Несмотря на это, многие десятилетия музейная аннотация гласила о принадлежности двигателя самолету Гастелло. Теперь создан комплекс с фотографиями обоих героев, фамилиями членов экипажей и подробной аннотацией с изложением сути дела.

Помимо создания новых постоянных экспозиций сотрудники научно-экспозиционного отдела участвовали в создании стационарных внутри-музейных выставок, посвященных событиям Великой Отечественной войны. В качестве примера можно привести экспозиции, разработанные совместно с Департаментом военной контрразведки ФСБ РФ. Впервые такая выставка была создана к 60-летию Главного управления военной контрразведки «Смерш» НКО СССР в апреле 2003 года. Особые отделы ВЧК в Красной Армии были образованы еще в декабре 1918 года. 19 апреля 1943 года особые отделы переданы из структуры НКГБ в состав НКО и стали подчиняться напрямую наркому обороны И.В. Сталину. Одновременно они получили новое наименование – Главное управление военной контрразведки «Смерш» НКО СССР. В составе Красной Армии управление оставалось до весны 1946 года, после чего вновь было передано в структуру Министерства госбезопасности. О подвигах советских контрразведчиков в годы Великой Отечественной войны и рассказывали материалы выставки. В ее создании принимали участие Управление военной контрразведки ФСБ России, Главное управление культурно-воспитательной работы МО РФ, Пограничная служба РФ, МВД РФ. Материалы предоставили Центральный архив ФСБ России, Академия ФСБ России, Музей пограничных войск, Музей внутренних войск, ЦМВС, частные коллекционеры.

Многие экспонаты ранее демонстрировались в единичных случаях и, как правило, только в стенах музея ФСБ России и ЦМВС РФ. В их числе материалы обнаружения, опознания и захоронения останков вождей третьего рейха. Они еще раз подтверждали тот факт, что фашистские преступники нашли закономерный конец в конце апреля 1945 года в Берлине, взятом в ходе ожесточенного штурма советскими войсками. В качестве свидетельства гибели фашистских лидеров экспонировались их личные вещи, награды, оружие, в том числе найденные на обугленных телах Геббельса и его жены, а также акты о перезахоронении останков Гитлера и его приспешников в мае 1945 года в г. Бух под Берлином, в июне 1945 года в г. Ратенов, в феврале 1946 года в Магдебурге и акты об уничтожении всех останков 5 апреля 1970 года. Были представлены реликвии героев борьбы с фашизмом, в т.ч. оружие из личной коллекции Верховного главнокомандующего И.В. Сталина, форма руководителя «Смерша» В.С. Абакумова, материалы сотрудников контрразведки генерал-лейтенанта, председателя совета ветеранов УВКР ФСБ России А.И. Матвеева, генерал-полковника Г.Ф. Григоренко, генерал-майора Л.Г. Иванова.

Выставка вызвала исключительный интерес средств массовой информации. О ее открытии сообщили все ведущие телеканалы России. Музей посетили журналисты многих информационных агентств, в частности, руководители московского отделения британского агентства «Рейтер», взявшие детальное интервью у авторов выставки (руководитель В.И. Семченко, кураторы С.В. Кожин и Е.И. Пахомова). Выставку посетили и дали ей высокую оценку многие бойцы «невидимого фронта» и их родственники, в том числе сын В.С. Абакумова – И.В. Смирнов. В дальнейшем подобные выставки создавались в музее еще трижды: к 90-летию Департамента военной контрразведки (2008 г.), к его же 100-летию (2018 г.) и к 70-летию «Смерша» (2013 г.). За создание выставки к 70-летию «Смерша» творческая группа во главе с директором музея А.К. Никоновым была удостоена премии ФСБ РФ.

Следует отметить еще одну стационарную выставку, созданную в музее в 2010 году к 65-летию Победы и названную авторами «Народ на войне». Впервые за годы демократии в ЦМВС РФ развернули столь масштабную выставку к юби-

лею Победы в Великой Отечественной войне. Концепция выставки предусматривала отражение подвига советских воинов, преимущественно рядового и младшего командного состава, а также всех категорий граждан СССР, поднявшихся на борьбу с оккупантами: партизан, тружеников тыла, стариков, женщин, инвалидов, внесших свою лепту в приближении общей Победы. Специальный раздел был посвящен подвигу детей и подростков. Демонстрируя фронтовую работу армии, авторы не ограничились показом боевых действий, стараясь отразить жизнь на войне во всех ее проявлениях: продовольственном снабжении, отдыхе, санитарном и гигиеническом обеспечении. Коллекционеры передали для выставки интереснейшие образцы предметов фронтового быта. Особый раздел рассказывал о подвигах женщин, представительниц самых разных военных специальностей. Демонстрировалась замечательная вышивка «Розы» – дело рук жены полкового комиссара Марии Октябрьской. Узнав о гибели мужа, она продала все имущество, в том числе и свои вышивки, приобрела танк и сама воевала на нем механиком-водителем. Рядом экспонировалось свадебное платье студентки ВГИКА Натальи Качуевской, ушедшей на фронт медсестрой и в бою под Астраханью подорвавшей себя гранатой, чтобы не сдаться в плен фашистам.

На фронте героически сражались и представители тогдашней советской элиты, вплоть до детей членов Политбюро и самого Сталина. В разделе «Авиация» демонстрировалась форма младшего сына Анастаса Микояна – Володи, погибшего в воздушном бою под Сталинградом и испанский пистолет системы «Астра» – подарок Клима Ворошилова Тимуру Фрунзе, сыну выдающегося полководца Красной Армии.

Война, погубив великое множество талантливых людей, в то же время породила и целое созвездие ярких личностей, которые, пройдя фронт солдатами и младшими командирами, составили потом цвет нашей культурной и интеллектуальной элиты. А население зачастую даже не представляло, что любимые артисты, режиссеры, драматурги, писатели, композиторы прошли нелегкий солдатский путь, заслужили боевые награды, получили тяжелые ранения и увечья. Сотрудники музея для выставки получили реликвии в семьях Ю. Никулина, И. Смокту-

новского, А. Папанова, С. Ростюцкого, Е. Весника, М. Пуговкина.

Режиссер С. Ростюцкий получил тяжелое ранение в ногу на Украине, был инвалидом 2-й группы. Часто ходил с тростью, ставшей его талисманом. На ней он вырезал названия всех своих фильмов, в числе которых знаменитые «Дело было в Пенькове», «На семи ветрах», «Доживем до понедельника», «А зори здесь тихие». Трость передала на выставку сноха режиссера Марианна Ростюцкая. Жена А. Папанова – артистка театра Сатиры Н. Каратаева, тоже участница войны, медсестра, передала на выставку награды своего мужа, в том числе боевые ордена и золотой знак Народного артиста СССР. Для многих посетителей стал неожиданным факт, что известный советский комик Алексей Смирнов, сыгравший роль Феди в фильме «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», прошел всю войну, командуя минометным расчетом, был тяжело ранен и награжден многими боевыми орденами. Знаменитый «товарищ Саахов», в «миру» – Народный артист СССР В. Этуш, участвовал в боях на Кавказе и в Донбассе, получил тяжелое ранение. А глядя на награды И. Смоктуновского, посетители узнавали, что будущий актер участвовал в боях на Украине, попал в плен, бежал, воевал в партизанском отряде, награжден двумя медалями «За отвагу».

Необходимым элементом победы являлась не только доблесть героически сражавшихся воинов. Большое значение для поднятия морального духа народа имели музыка, поэзия, кино. Большой раздел был посвящен авторам стихотворений, ставших символами войны – К. Симонову и А. Суркову, а также их музам – В. Серовой и С. Кривой. Создание данной экспозиции стало возможным благодаря помощи дочерей поэтов – Марии и Екатерины Симоновых и Натальи Сурковой. Интересные материалы предоставили также дочери поэта Е. Долматовского и автора знаменитой «Катюши» М. Исаковского.

Спустя 65 лет после окончания войны оставалось уже совсем мало людей, видевших ее своими глазами. И с каждым годом все очевидней становился подвиг тех, кто запечатлел войну на кино и фотопленке, часто ценой собственной жизни. Их фронтовой работе был посвящен специальный раздел. В 1942 году советскому документальному фильму «Разгром немцев под

Москвой» был присужден приз Американской киноакадемии «Оскар». На выставке экспонировался чемоданчик, в котором провез приз через Тихий океан в СССР фронтовой кинооператор В. Микоша. Создать раздел работы фронтовых хроникеров помогла жена В. Микоши, известная актриса и режиссер Джемма Фирсова.

Сохранению памяти о войне мы обязаны в значительной степени писателям – фронтовикам, видевшим ее своими глазами и передававшим будущим поколениям правду о ней. На выставке были представлены материалы А. Твардовского, В. Богомолова, Ю. Бондарева, В. Быкова, С. Борзунова.

Советский народ одержал Великую Победу под руководством Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. В его разделе внимание привлекало письмо жителей китайского города Чаньчунь – благодарность за освобождение от японцев. Длина шелкового свитка – 345 м.

Впервые на подобной экспозиции были также представлены материалы сотрудников ЦМВС РФ, участников войны: А.Н. Дементьева, А.А. Крупенникова и Ф.В. Овсяка.

На открытии 22 апреля 2010 года присутствовали лица, передавшие свои реликвии или материалы своих близких: С.И. Алябьев – сын полного кавалера ордена Славы И.Г. Алябьева, С.М. Борзунов – писатель, фронтовик, Р.А. Глушко – жена писателя-фронтовика Владимира Богомолова, Р.Р. Кармен – сын фронтового кинооператора и режиссера Романа Кармена, Ю.А. Колесников – Герой Российской Федерации, партизан, разведчик, Т.Д. Осина – дочь поэта Михаила Исаковского, Н.Ю. Папанова – участница войны, медсестра санитарного поезда, жена Народного артиста СССР фронтовика Анатолия Папанова, И.К. Пуговкина – жена народного артиста СССР, фронтовика Михаила Пуговкина, Т.В. Розова – дочь драматурга, фронтовика Виктора Розова, М.А. Ростюцкая, – невестка кинорежиссера, фронтовика Станислава Ростюцкого, М.К. Симонова – дочь Константина Симонова и Валентины Серовой, М.И. Смоктуновская – дочь народного артиста СССР, фронтовика Иннокентия Смоктуновского, Б.А. Соколов – фронтовой кинооператор, Н.А. Суркова Н. А. – дочь поэта, фронтовика Алексея Суркова, Д.С. Фирсова – актриса, кинорежиссер документальных фильмов о Великой Отечественной войне, лауреат Ленинской и

Государственной премий, жена фронтового кинооператора Владислава Микоши.

Открытие прошло очень торжественно и, можно сказать, душевно. Во многом благодаря высокому профессионализму и творческому поиску начальника научно-просветительного отдела О.В. Тихомировой. В начале перед приглашенными выступили с небольшим концертом студенты училища им. Гнесиных, исполнившие песни и стихи периода войны. Затем в зал были внесены Почетным караулом Боевые Знамена частей, в которых воевали некоторые из представленных на экспозиции фронтовиков: К.Я. Ваншенкин, Ю.В. Никулин, А.М. Смирнов и В.А. Этуш. Затем выступили начальник отдела культуры Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации

полковник А.А. Казакевич, директор ЦМВС РФ А.К. Никонов, а от лица приглашенных гостей – Джемма Фирсова и Мария Смоктуновская. Открытие освещали многие телеканалы, в частности, «Вести», «ТВЦ», «Культура» и «Звезда».

Выставка была создана под руководством В.И. Семченко (его же дизайн и монтажные работы). Кураторы выставки – С.В. Кожин и Е.И. Пахомова. Компьютерная графика, монтаж – А.Ю. Савинов, А.В. Кочеткова. Печать – О.В. Меделец. Главный хранитель выставки – Ю.Э. Бушкин. Выставка функционировала долго, до осени 2010 года. Затем многие новые экспонаты были введены в постоянную экспозицию, а в зале № 14 на их основе созданы новые разделы «Женщины на войне» и «Искусство – фронту».

*Юрий Григорьевич Козлов,
Россия, Монино, Филиал ФГБУ
«Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации»
Минобороны России «Центральный музей Военно-воздушных сил»,
старший научный сотрудник, кандидат военных наук*

*Владимир Юрьевич Зудин Россия, Монино, Филиал ФГБУ
«Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации»
Минобороны России «Центральный музей Военно-воздушных сил»,
начальник научно-экспозиционного отдела*

Полководцы Победы. Маршал авиации Герой Советского Союза Степан Акимович Красовский

От рядового до маршала авиации, Героя Советского Союза – таков итог пути, пройденного во благо Отчизны уроженцем Могилёвщины Степаном Акимовичем Красовским. Его становление как видного военачальника проходило в походах и боях Первой мировой, гражданской и советско-финляндской войн, в сражениях Великой Отечественной. (Рис.1)

До конца своих дней С.А. Красовский пронес глубочайшую любовь к землякам из села Глухи, где он родился 20 августа 1897 года, и к учителям маленького городка Быхова, давшим ему, деревенскому мальчишке, приличное по тем временам образование.

В крестьянских семьях дети рано приобщались к труду. К тринадцати годам Степан практически освоил премудрости ведения домашнего хозяйства, но подростка тянуло познать мир шире, за пределами вспаханного отцовского поля. В 1910 году его приняли в высшее начальное училище в Быхове, что дало возможность, после пятилетнего обучения в нем, устроиться на работу в Селецкое почтовое отделение. (Рис. 2, 3).

Уже год, как шла Первая мировая война. Красовский, подлежащий очередному призыву, в

1916 году мобилизован в армию. Из запасного батальона отбирали наиболее грамотных солдат на курсы радистов-телеграфистов в Минске для Западного фронта. В числе кандидатов оказался и С.А. Красовский. После непродолжительной подготовки в декабре того же года его назначают на должность начальника радиостанции в 20-й армейский корпус. Прошло три месяца. Радиостанцию вместе с экипажем передали 25-му корпусному авиационному отряду, входившему в 3-й авиационный дивизион. Так нежданно-негаданно началась служба С.А. Красовского в авиации, которая продолжалась более полувека. Весной 1917 года Красовский впервые поднялся в воздух, правда, в качестве пассажира.

Летом 1918 года 25-й корпусной отряд переименовали во 2-ю Тверскую авиационную группу, а еще позднее – в 33-й авиационный отряд. В его составе С.А. Красовский сражался на Западном, Восточном, Юго-Восточном фронтах, на Северном Кавказе и в Закавказье. На вооружении состояли самолеты, в основном, иностранного происхождения – «Вуаузен», «Фарман», «Моран-парасоль», «Д-Хавеланд» и другие. Отечественную промышленность представляли: «Лепбедь 12», «Ньюпор».

Рис.1 Герой Советского Союза, маршал авиации Красовский С.А.

Полеты выполнялись с целью ведения разведки, поддержания связи между армиями и дивизиями, штурма противника, преимущественно конницы, с воздуха и переброски остро необходимых грузов. Не хватало горючего, оттого и летали, зачастую, на всевозможных спиртовых смесях. Ощущался острый недостаток боеприпасов, и тогда для устрашения применяли бидоны, банки, бочки с просверленными дырками, которые при падении с высоты выли и свистели. Бомбометание проводилось вручную, на глаз. Приходилось не только летать и обеспечивать полеты, а порой братья за винтовку и действовать, как в пехоте.

Так, С.А. Красовский, помимо исполнения обязанностей комиссара отряда, поднимался на самолете в воздух в качестве летчика-наблюдателя, а на земле работал, при необходимости, на радиостанции. С образованием Красной Армии в Закавказье Степана Акимовича весной 1920 году утвердили комиссаром 1-го Азербайджанского авиаотряда, а в следующем году комиссаром азербайджанского авиационного крыла.

Осенью 1923 года авиационные крылья Закавказских вооруженных сил объединились в 4-й авиационный отряд, в котором комиссаром стал С.А. Красовский. На вооружении по-прежнему преобладали самолеты зарубежных фирм: английские «Сопвич», «Сопвич-кемела», итальянские «СВА», французские «Сальсмон» и прочие.

Преданность делу, авторитет, завоеванный в Гражданскую войну, открыли С.А. Красовскому дорогу для дальнейшего продвижения по службе. В 1924 году он комиссар 30-й авиаэскадрильи имени Красной Москвы, в 1927 году закончил курсы усовершенствования начальствующего состава ВВС и утвержден командиром авиапарка 1-го разряда, а затем – командиром-военкомом 3-го отдельного авиационного отряда. Постепенно авиация Красной Армии переходила на само-

леты советского производства Р-1, Р-5, ДБ-3, СБ, И-16 и другие. После окончания в 1936 году Военно-воздушной академии им. Жуковского С.А. Красовский последовательно командует: бригадой скоростных бомбардировщиков, корпусом тяжелых бомбардировщиков и районом авиационного базирования в Мурманске. (Рис. 4).

В советско-финляндской войне 1939-1940 гг. С.А. Красовский – командир авиационной бригады, а вскоре выдвинут на должность помощника, командующего ВВС 14-й армии, которая состояла из эскадрилий бомбардировщиков и истребителей.

Непродолжительное время С.А. Красовский возглавлял Краснодарское военно-авиационное училище, откуда ушел с очередным повышением – помощником командующего ВВС СКВО по военно-учебным заведениям.

В начале войны Красовского назначили командующим ВВС 56-й воздушной армии, а через полгода он вступил в должность командующего ВВС Брянского фронта. Так с первых месяцев войны Степан Акимович включился в боевую жизнь авиационных частей и соединений.

Соединения 2-ой ВА под его командованием сражались на Юго-Западном, Воронежском и 1-м Украинском фронтах; участвовали в Курской битве, форсировании Днепра, освобождении Киева, а также принимали участие во многих других крупных операциях.

Яркой страницей в биографии Красовского является его участие в боевых действиях войск Юго-Западного фронта в период Сталинградской битвы.

В июле 1942 года 2-я воздушная армия, которую формировал Степан Акимович, была передана Воронежскому фронту. И когда Ставка предложила генералу Ватутину возглавить Юго-Западный фронт, он попросил, чтобы заместителем по авиации к нему назначили Красовского. Тогда же Степан Акимович получил приказ сформировать новую, 17-ю воздушную армию, которая в составе войск Юго-Западного фронта участвовала в наступлении под Сталинградом. И здесь талант авиационного командира проявился во всем блеске. Далеко за пределы Сталинградского фронта разнеслась весть о том, как по инициативе командующего 17-й воздушной армией генерала Красовского на одном из участков фронта штурмовая авиация была применена в качестве истребительной.

Рис. 2 Слушатель Высшего начального училища города Быхова, 1912г.

Рис. 3 Служащий Селецкого почтового отделения, 1916г.

Рис. 4 Командир – военком отдельного авиационного отряда.

Находчивость и смекалка С.А. Красовского получили высокую оценку. За успешное выполнение боевых задач в период Сталинградской битвы Степана Акимовича наградили орденами Ленина и Красного Знамени. Тогда же ему присвоили очередное воинское звание – генерал-лейтенант.

Весной сорок третьего года Красовский С.А. снова вернулся во 2-ю воздушную армию и уже не покидал ее до победного мая сорок пятого. (Рис.5).

Еще в преддверии решающих боев на Курской дуге авиаторы второй воздушной армии успешно наращивали сокрушительные удары по гитлеровцам. Только в марте сорок третьего они совершили около 3 тысяч самолетовылетов.

Фактически не было такой операции, где бы ни проявились способности командарма С.А. Красовского как думающего, инициативного военачальника-новатора. С большим вниманием он относился к предложениям подчиненных, в частности о новых методах боевого применения авиации и тактических приемах ведения боя.

Высокое полководческое искусство генерала Красовского проявилось на завершающем этапе войны в 1945 году. Во время весенней распутицы действия

летчиков 2-й воздушной армии осложнялись. Большинство грунтовых аэродромов оказались выведенными из строя. Степан Акимович предложил использовать автостраду Бреслау-Берлин. Первым изъявил желание испытать необычный аэродром командир 9-й гвардейской истребительной дивизии полковник А.И. Покрышкин. Получилось. Дивизия к вечеру перебазировалась на новый аэродром. На другой день к ним присоединились летчики дивизии Л.И. Горегляда, затем штурмовики корпуса генерала

Рис. 5 Руководящий состав 2-й ВА, в первом ряду 4-й слева Красовский С.А.

Рис.6 Военно-воздушная Краснознаменная академия в парадном строю на Красной площади, 1958г.

В.Г. Рязанова. С дорожного аэродрома было произведено несколько тысяч боевых вылетов.

Немецкое командование так и не смогло догадаться, с каких же аэродромов поднимаются советские истребители. Да и вообще действия С.А. Красовского и соединений под его командованием частенько обрастали легендами. Так, факты из биографии летчиков 2-й воздушной армии, в том числе входившего в нее известного женского полка «ночных ведьм», легли в основу фильма Леонида Быкова «В бой идут одни «старики». Фамилия уроженца Быховщины до сих пор известна не только в кругах историков, но также в творческой среде кинематографистов и литераторов. Героев, особенно таких, забывать нельзя.

Маршал Красовский на одном из своих выступлений рассказал о том, как он, будучи один и на земле, «сбил фашистский истребитель» и взял в плен вражеского лётчика. Командующему Второй воздушной армией генералу Красовскому, ехавшему по служебным делам весной 1945 года на машине в сопровождении взвода охраны (по лесам бродили группы фашистов различного состава, пытающиеся из-за боязни попасть в русский плен, пробиться к наступающим войскам союзников), один из офицеров доложил: «Мы проезжаем мимо освобождённого нашими войсками аэродрома Бауцен». Генерал решил посмотреть на этот аэродром.

Эта история, изложенная от первого лица, включена в книгу быховчанина Сергея Жижикина «Неизвестные страницы жизни маршала С.А. Красовского».

«...Из-за горизонта появился самолет. «Мессершмитт-109»! Немецкий истребитель! Моему сопровождению команду «Маскируйся! Воздух!» давать не нужно: народ обстрелянный, сами знают. Они тут же укрылись в лесу и кустах. Остался на поле я один. Фашист сразу стал пикировать на меня. Уворачиваться от него не имело смысла – я знал: немцы отлично стреляли по точечным мишеням. Хотя и нелепо было погибать в самом конце войны, но слишком много было бы чести для немецкого истребителя, если б от него убегал советский генерал. В то же время фашист – я чувствовал – целился в меня, нужно было что-то делать. И еще не сообразив, как действовать дальше, я снял с головы шапку

и стал ею призывно размахивать. Одет я был в полушубок. То есть не было видно, к какой воюющей стороне принадлежу. Вражеский летун так и не пустил по мне очередь крупнокалиберного пулемета... Более того, он, пройдя возле меня, подпрыгнул на небольшую высоту и выпустил шасси. Своей команде я громко крикнул: «Ни с места!» Приземлив самолет, летчик подрулил к лесу и выключил мотор. Только открылся фонарь кабины, мелькнули привязные ремни и показалась голова немца, как мои солдаты набросились на вражеского «короля воздуха» и привели его ко мне...». Именно таким – находчивым, отважным, знающим цену риску – и был Степан Акимович: маршал авиации, Герой Советского Союза и наш земляк».

За умелое командование воздушными армиями, личное мужество и героизм 29 мая 1945 года генерал-полковнику Красовскому присвоено звание Героя Советского Союза. Лётные экипажи армии под командованием генерала Красовского совершили более 300 тыс. самолётов-вылетов, провели более 6 тыс. воздушных боёв, уничтожили в воздухе и на земле более 7 тыс. самолётов противника.

Тысячи воинов армии награждены орденами и медалями, 281 из них стал Героем Советского Союза, а 13 летчиков удостоены этого звания дважды: В.И. Андрианов, Т.Я. Бегельдинов, А.В. Ворожейкин, В.А. Зайцев, А.Ф. Клубов, М.В. Кузнецов, И.Х. Михайличенко, М.П. Одинцов, П.А. Плотников, И.С. Полбин, В.И. Псков, В.Г. Рязанов, Н.Г. Столяров. Третье звание Героя Советского Союза стал А.И. Покрышкин.

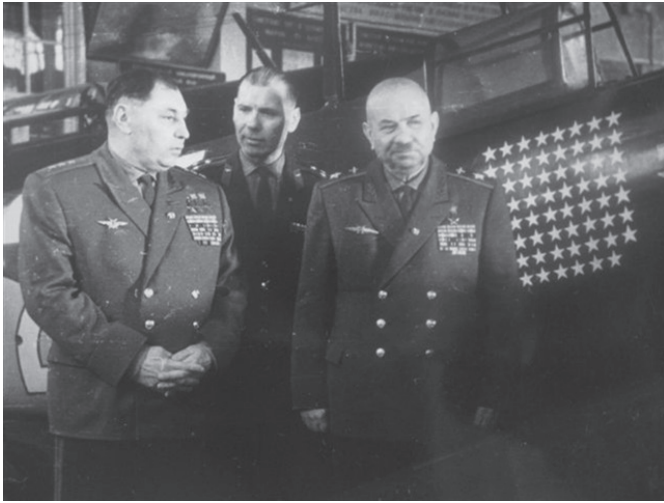

Рис. 7 Красовский С.А., Покрышкин А.И., Тихоненко В.К., музей ВВС у самолета Ла -7.

После войны генерал-полковник авиации С.А. Красовский продолжал командовать 2-й воздушной армией, командовал ВВС ряда военных округов. С сентября 1951-го по август 1952 года был главным военным советником Народно-освободительной армии Китая по ВВС.

В 1956-1968 годах – начальник Военно-воздушной академии им. Ю.А. Гагарина. Красовский С.А. возглавил академию в период зарождения новой эры в авиации. Реактивные самолеты почти полностью вытеснили самолеты с поршневыми двигателями, принципиально новым становилось авиационное вооружение, широкое распространение получили авиационные ракеты. Авиация приобретала принципиально новые качества, она становилась ракетноносной, сверхзвуковой, всепогодной. В это время готовился и прорыв СССР в космос. Многие советские и иностранные космонавты прошли обучение в академии именно при Красовском С.А. (Рис.6).

Степан Акимович по праву был любим монинцами, с его именем связано активное развитие научной и материально-технической базы академии, благоденствие военного городка, создание комфортных жилищных и бытовых условий для военнослужащих и членов их семей, гражданского персонала. В период его начальствования были благоустроены улицы, поселок был газифицирован, введена АТС, были заложены такие социально-значимые объекты, как гаражные комплексы, дачи, зона отдыха на озере за аэродромом, развитие получил Рабочий городок. Большое внимание уделялось развитию массовой физкультуры и спорта, культурного досуга, заботе о детях и молодежи. В 1967 году

Красовский С.А. выступил инициатором создания при академии регбийной команды. Долгие годы клуб «ВВА-Подмосковье» остается гордостью монинцев. Его общительность давала возможность решать проблемные вопросы жителей поселка Монино.

С октября 1968 года маршал авиации (звание присвоено в мае 1959 г.) С.А. Красовский в отставке. В июле 1970 года решением Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР восстановлен в кадрах Вооружённых Сил и назначен военным инспектором – советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Детищем маршала стал легендарный Центральный музей ВВС, аналогов которому нет в России. 28 ноября 1958 года вышел приказ №209 Главкома ВВС «О создании Музея-выставки авиационной техники ВВС при Краснознаменной Военно-Воздушной академии», который гласил: «Военно-учебные заведения, научно-исследовательские институты, ремонтные предприятия, полигоны строевых частей и соединений ВВС и многие советские учреждения имеют значительное количество авиационной техники, документов, реликвий и различных экспонатов по истории развития авиации, которые со временем приходят в негодность или утрачиваются. В настоящее время назрела острая необходимость собрать в одном месте все сохранившиеся образцы самолетов, двигателей, вооружения, специального оборудования, средств обеспечения полетов, а также документы и реликвийные материалы по истории развития и боевого применения авиации... Приказываю: Создать при Краснознаменной Военно-Воздушной академии

Рис. 8 Степан Акимович с матерью Евгенией Наумовной, июнь 1945 год.

музей-выставку авиационной техники Военно-Воздушных Сил. В экспозиции музея-выставки показать развитие и боевое применение отечественной авиации». (Рис.7).

Красовский С.А. очень многое сделал для своей родной деревни Глухи: купил школе два грузовых автомобиля ГАЗ-63 и ЗИС-5 (1959 г.); в 1960-1970-х гг. в деревне были построены школа, больница, клуб, ферма, совхозный парк, памятник соотечественникам, погибшим в период Великой Отечественной войны, общежитие для учащихся из других деревень, заасфальтирована дорога. (Рис.8).

Вполне закономерно, что Быховщина должна отдать дань уважения своему великому соотечественнику. Но, к сожалению, этого до сих пор в полной мере не сделано. Вся память о нем сводится к названию небольшой площади в центре Быхова и школьному музею в деревне Глухи. Проводится местный атлетический турнир его памяти.

Умер маршал авиации Красовский Степан Акимович 21 апреля 1983 года, похоронен на Монинском военно-мемориальном кладбище. В его честь названа улица в гарнизоне (бывшая Академическая), на которой 17 августа 1997 года торжественно открыт бюст-памятник герою возле Северного КПП (авт. Н.Ф. Венгрин). В том же году имя Красовского С.А. присвоено Монинской средней школе №3, новое здание которой было открыто в 1962 году. (Рис. 9).

Его именем названа улица в Воронеже. Его имя носит площадь в г. Быхов Могилёвской области. Имя маршала было присвоено улице в г. Черкассы и улице в г. Бровары, Украина (в 2016 году название изменено в процессе так называемой декоммунизации).

Его книга «Жизнь в авиации» (1960, 1968) – автобиографический отчет о славном пути боевого командира и военачальника.

Первым орденом – орденом Красной Звезды – С.А. Красовского наградили в 1932 году. Всего Степан Акимович Красовский награжден шестью орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й

степени, Красной Звезды, «За Службу Родине в ВС СССР» 3-й степени и многими медалями, а также орденами иностранных государств.

В фондах Центрального музея ВВС находятся на хранении почти все награды маршала авиации Красовского С.А., в частности: медаль «Золотая Звезда», шесть

орденов Ленина, орден Октябрьской революции, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Богдана Хмельницкого, орден Красной Звезды, орден «За Службу Родине в ВС СССР» 3-й степени, Чехословацкий военный орден Белого льва «За Победу», медаль участника войны «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг», медаль «1500-летия Киева», юбилейные медали 30, 40 и 50 лет Вооруженным силам СССР, а также его личные вещи: золотые часы наручные «Луч» с браслетом и с дарственной надписью «Герою Советского Союза С.А. Красовскому от ЦК КПСС и Правительства СССР в день 20-летия Победы», китель парадно-выходной и фуражка парадно-выходная, папка для бумаг. Кроме этого в фондах хранятся пять сувениров, подаренные Степану Акимовичу.

В экспозиции музея представлены экспонаты – бюст маршала авиации Красовского С.А., скульптора Першудчева И.Г., портрет С.А. Красовского, художника Репина Н.И. и информационный стенд с биографией и фотографиями маршала авиации, Героя Советского Союза Красовского Степана Акимовича.

Рис.9 Памятник Красовскому С.А. на военно-мемориальном кладбище в Монино.

ЛИТЕРАТУРА:

Рыбалко В.В. Командующие Воздушными Армиями/ В.В. Рыбалко – М.: Патриот, 2006.-390 с.

Красовский С.А. Жизнь в авиации/ С.А. Красовский. - М.: Воениздат, 1968.-374 с., 12 л. ил.

Жижиян С.Ф. Неизвестные страницы жизни маршала С.А. Красовского/ С.Жижиян – Могилев: Амелия Принт, 2015. – 155 с.

*Евгений Александрович Кордупов,
Россия, Балашиха, Филиал ФГБУ «ЦМВС РФ»
Минобороны России «Музей войск ПВО»,
научный сотрудник*

Противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в экспозиции Музея Войск ПВО

В первом зале Музея войск ПВО, где размещены материалы о Великой Отечественной войне, противовоздушной обороне Ленинграда посвящен отдельный раздел.

Наступавшая на Ленинград группа армий «Север» составляла более трети всех сил и средств, предназначенных для нападения на СССР.

Группировка ВВС Германии насчитывала 5000 боевых самолетов. Против Ленинграда было сосредоточено более 2000 самолетов противника.

Непосредственное прикрытие Ленинграда от ударов с воздуха осуществлял 2-й корпус ПВО. Командовал корпусом генерал-майор М.М. Прозветкин.

После развертывания корпуса с началом войны в его состав входили: шесть зенитных артиллерийских полков среднего калибра, один отдельный зенитный артиллерийский дивизион среднего калибра, один зенитный пулеметный полк, два зенитных прожекторных полка, три полка аэростатов заграждения, один полк и один отдельный радиобатальон воздушного наблюдения, оповещения и связи.

В основу группировки зенитной артиллерии среднего калибра был положен принцип круговой обороны с усилением северо-западного, западного и юго-западного направлений. В пер-

вые недели войны в группировку зенитной артиллерии среднего калибра были внесены изменения. В частности, усилили западное направление путем постановки восьми батарей на баржах в Финском заливе и несколько расширили зону огня в северной части города с целью прикрытия наиболее важных аэродромов.

Зенитная артиллерия малого калибра прикрывала наиболее важные объекты внутри города. Ее орудия устанавливались на крышах зданий на специально оборудованных площадках. В начале боевых действий зенитные батареи малого калибра располагались по всему городу и оперативно подчинялись командиру зенитного пулеметного полка, а в феврале 1942 года их свели в отдельный зенитный артиллерийский полк малого калибра.

Большая часть зенитных пулеметов находилась на прикрытии огневых позиций зенитных батарей среднего калибра от низколетящих самолетов. Остальные пулеметы, главным образом ДШК, входили в состав зенитного пулеметного полка и выполняли боевые задачи по обороне промышленных объектов города.

Водный путь через Ладожское озеро оборонял Ладожский бригадный район ПВО; железнодорожные пути, проходившие из глубины

Рис. 1. Герои Советского Союза летчики-истребители младшие лейтенанты М.П. Жуков, С.И. Здоровцев и П.Т. Харитонов.

страны к Ладожскому озеру, оборонял Свирский бригадный район ПВО.

Кроме наземных частей ПВО для противовоздушной обороны Ленинграда были выделены две истребительные авиационные дивизии. С началом военных действий в состав этих дивизий были включены дополнительно пять истребительных авиационных полков.

К 7 июля 1941 г. приказом Народного комиссара обороны СССР на базе этих дивизий был сформирован 7-й истребительный авиационный корпус. Командиром корпуса назначен Герой Советского Союза полковник С.П. Данилов. 7-й истребительный авиационный корпус был передан в оперативное подчинение командиру 2-го корпуса ПВО.

Для выполнения поставленных задач истребительная авиация ПВО базировалась на 10 аэродромах, расположенных вокруг Ленинграда, в

20-60 км от него. Но к сентябрю 1941 года, когда город был осажден противником, аэродромная сеть авиакорпуса резко сократилась. В его распоряжении осталось всего четыре аэродрома, расположенных к северу. На них истребители ПВО базировались в течение всего периода блокады Ленинграда.

Войска ПВО Ленинграда вступили в бой с воздушным противником в первые дни войны. В ночь на 23 июня 1941 года две группы бомбардировщиков пытались совершить налет на Ленинград со стороны Карельского перешейка. Бомбардировщики шли на малой высоте. При отражении этого налета успешно действовала батарея под командованием младшего лейтенанта А.Т. Пимченкова (194-й зенитный артиллерийский полк). После первых же выстрелов батареи один из бомбардировщиков загорелся и вынужден был произвести посадку недалеко от огневой позиции.

В первые месяцы войны усилия вражеской авиации главным образом были сосредоточены на ведении воздушной разведки. Борьбу с вражескими разведчиками вели истребители ПВО.

Боевой счет воздушных побед истребителей, оборонявших Ленинград, открыл заместитель командира эскадрильи 158-го истребительного авиационного полка лейтенант А.В. Чирков. 23 июня он сбил бомбардировщик He-111.

6 июля летчик 19-го истребительного авиационного полка старший лейтенант Д.С. Титаренко сбил два вражеских самолета.

Проявляя исключительное упорство и отвагу, сражались в небе Ленинграда Герои Советского Союза летчики-истребители младшие лейтенанты М.П. Жуков, С.И. Здоровцев и П.Т. Харитонов (Рис. 1).

Когда у младшего лейтенанта С.И. Здоровцева в одном из боев кончились боеприпасы, он пошел на таран и сбил фашистский самолет. Его подвиг повторил летчик П.Т. Харитонов. Израсходовав боекомплект, он не вышел из боя, а искусной атакой обрубил винтом своей машины хвост вражеского бомбардировщика. Летчик-истребитель М.П. Жуков, вступив в бой с вражеским самолетом, настойчивыми атаками вогнал его во Псковское озеро.

В августовских боях с вражескими самолетами летчик 44-го истребительного авиационного полка (впоследствии 11-го гвардейского истре-

бительного авиационного полка) А.П. Савушкин в течение дня провел три воздушных боя и сбил три вражеских самолета. За совершенные подвиги в небе Ленинграда ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В июле-августе 1941 года противник совершил 17 массированных налетов (8 дневных и 9 ночных) на Ленинград. В налетах участвовало 1614 вражеских самолетов. К городу прорвались только 28. Части ПВО Ленинграда сбили 232 немецких самолета.

В начале сентября 1941 года наземные войска противника вплотную подошли к Ленинграду и начали готовиться к штурму. В сентябре сражение достигло наивысшего напряжения.

8 сентября 1941 года немецко-фашистские войска отрезали Ленинград с суши, началась блокада города.

В период блокады в системе ПВО Ленинграда произошли изменения. В соответствии с постановлением ГКО от 9 ноября 1941 года 2-й корпус ПВО был реорганизован в Ленинградский корпусной район ПВО. Командующим войсками корпусного района был назначен генерал-майор Г.С. Зашихин. А затем на основании постановления ГКО от 5 апреля 1942 года корпусной район был переформирован в Ленинградскую армию ПВО, в состав которой вошли наземные части ПВО Ленинградского корпусного района и 7-й истребительный авиационный корпус.

Первый ночной воздушный таран над Ленинградом в ночь на 6 ноября 1941 года совершил летчик 26-го истребительного авиационного полка младший лейтенант А.Т. Севастьянов. Протараненный фашистский самолет упал в Таврическом саду (Рис. 2). В апреле 1942 года в районе Ладожского озера Севастьянов погиб в воздушном бою. За мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, 6 июня 1942 года удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно).

17 декабря 1941 года капитан П.А. Пилутов прикрывал над Ладогой караван из 9 транспортных самолетов Ли-2, вывозивших детей из блокированного Ленинграда. При налете на караван шести вражеских истребителей летчик вступил с ними в бой, сковал их действия и сбил два самолета. Истребитель П.А. Пилутова был подбит, сам он получил 25 ранений, но задание выполнил – спас 275 ленинградских детей.

Рис.2. Листовка, посвященная подвигу летчика А.Т. Севастьянова.

Еще в октябре 1941 года для усиления прикрытия Ленинграда был передислоцирован 123-й истребительный авиационный полк, который первым встретил врага в районе Бреста. Летчики этого полка 22 июня 1941 года сбили 30 самолетов противника, а лейтенант П.С. Рябцев один из первых в Великой Отечественной войне на глазах защитников Брестской крепости совершил воздушный таран.

Многие летчики этого полка совершили подвиги при защите Ленинграда.

Летчик-истребитель И.Ф. Беляев защищал небо города на Неве с октября 1941 года, стал капитаном, командиром эскадрильи. Был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, орденом Александра Невского, медалью «За оборону Ленинграда».

О боевых делах одного из лучших асов ленинградского неба политуправление фронта выпустило брошюру «Летчик-истребитель Ириной Беляев». Такие книжечки посвящались лучшим, опытным летчикам, с которых брали пример другие.

2 июля 1943 года он был представлен к званию Героя, а 8 июля погибает в воздушном бою. Самолет падает на территории, занятой противником. В личном деле появляется запись: «С боевого задания не вернулся». Награждение было приостановлено. После войны его жена и дети решили разыскать место падения самолета. В разные инстанции они посылали запросы. Этот поиск семья вела 40 лет. И самолет был найден, а на месте его падения – капсула-медальон, подтверждающий, что это самолет и останки капитана И. Ф. Беляева. В 1991 году ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза (Рис. 3).

В 4 часа утра 22 июня 1941 года над Брестом летчик-истребитель Г.Н. Жидов сбил свой первый фашистский бомбардировщик. В битве за Ленинград его боевой счет составил 21 самолет противника, а за всю войну – 29. В феврале 1943 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза (Рис. 4).

Каждому ленинградцу было известно имя капитана А.Т. Карпова. В боях за Ленинград он прошел путь от рядового летчика до первоклассного аса. Защищая небо Ленинграда, совершил

более 500 боевых вылетов, провел 97 воздушных боев, лично сбил 28 самолетов противника и 8 – в составе группы. Дважды удостоен звания Героя Советского Союза (Рис. 5).

2 августа 1942 года летчик – истребитель И.Е. Плеханов вступил в неравный бой с противником.

Осколками снаряда ему оторвало правую руку. Левая рука тоже была ранена. Бой был над вражеской территорией и надо было обязательно перелететь линию фронта. Временами летчик терял сознание, но продолжал полет. Когда силы стали покидать его, он выбросился с парашютом уже на своей территории. Выписавшись из госпиталя, капитан И.Е. Плеханов добился, чтобы его оставили в армии. Уволился из армии он в 1956 году.

Во время блокады сообщение города со страной поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. С наступлением зимы через озеро была проложена ледовая автомобильная дорога. Протяженность дороги составляла 32 километра. Эту дорогу ленинградцы называли Дорогой жизни. С началом действия ледовой трассы авиация противника усилила свою активность. Но разрушить Дорогу жизни им не удалось.

Для обеспечения надежного прикрытия дороги помимо истребительной авиации применялась зенитная артиллерия. Для этого использовались зенитные орудия малого калибра. В условиях суровой зимы зенитчики в течение нескольких месяцев находились на льду озера и вели огонь по врагу. Зенитные орудия среднего калибра прикрывали объекты на берегу озера.

При защите Дороги жизни был уничтожен 341 вражеский самолет. В Ленинград по ледовой дороге до весны 1943 года было доставлено 1 млн.

Рис.5. Герой Советского Союза летчик-истребитель Г.Н. Жидов.

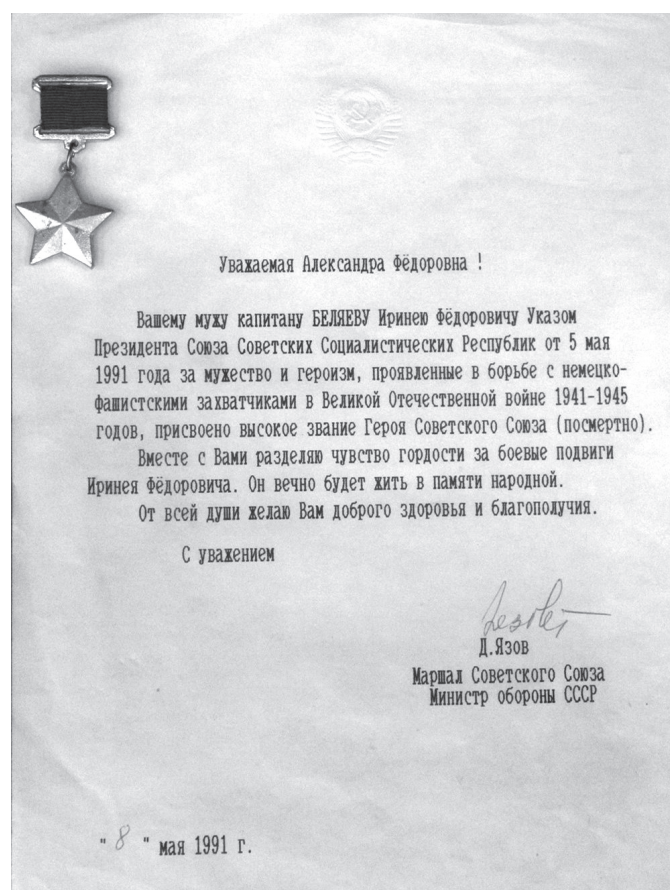

Рис. 4. Поздравительная телеграмма жене И.Ф. Беляева от Маршала Советского Союза Д.Т. Язова.

Рис. 6. Дважды Герой Советского Союза капитан А.Т. Карпов.

615 тыс. тонн грузов. Потери от налетов вражеской авиации составили чуть более одного процента. Из города было вывезено 1 млн. 376 тыс. мирных жителей.

Эффективная ПВО города была бы невозможна без зенитной артиллерии.

Успешно отражал налеты вражеской авиации на город 351-й зенитный артиллерийский полк под командованием майора В.Д. Жеглова. Высокое самообладание и выдержку показали зенитчики 3-го дивизиона, которым командовал капитан А.М. Суменков. Батареи этого дивизиона занимали позиции на правом берегу Невы в районе Невской Дубровки. Здесь немцы пробились к реке, пытались форсировать ее и продвигаться к Ленинграду. 20-30 бомбардировщиков по несколько раз в день налетали на позиции зенитчиков, сбрасывали сотни бомб. За 15 дней сентября 1941 года этот дивизион уничтожил 47 самолетов противника, а 8-я батарея этого дивизиона за неделю сбила 14 самолетов. В приказах командования были отмечены расчеты сержанта С.П. Егорова и старшего сержанта Б.С. Алымова, расчет которого в течение сентября 1942 года уничтожил 7 вражеских самолетов. Б.С. Алымов был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, весь расчет медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и доблесть Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года 3-й дивизи-

он 351-го зенитного артиллерийского полка под командованием капитана А.М. Суменкова был награжден орденом Красного Знамени.

Это первое подразделение зенитчиков, которое в годы Великой Отечественной войны стало орденоносным.

Порой обстановка складывалась так, что зенитчикам приходилось отражать не только налеты вражеской авиации, но и атаки немецких танков и пехоты. Сентябрь 1941 года был периодом особенно ожесточенных боев с наземным противником. Прикрывая юго-западные подступы к Ленинграду от атак наземного противника, 14-я батарея 115-го зенитного артиллерийского полка под командованием младшего лейтенанта А.А. Смирнова вступила в бой с колонной, в которой было 67 танков. В этом бою зенитчики уничтожили 16 танков (Рис. 6).

Днем и ночью отражали налеты вражеской авиации батареи 169-го зенитного артиллерийского полка. Об этих зенитчиках говорили, что они находятся на краю земли. И это действительно было так: батареи занимали огневые позиции на дамбах морского канала. Узкая полоска земли, кругом вода, противник находился на берегу, в двух километрах и контролировал каждый шаг зенитчиков. По их позициям била фашистская артиллерия, наносила удары авиация. Но зенитчики оставались на своих позициях и вели огонь по самолетам противника.

За время боев 169-й зенитный артиллерийский полк уничтожил 64 вражеских самолета, 36 танков и много другой боевой техники.

За отличное выполнение боевых заданий по освобождению города Красное Село 169-му зенитному артиллерийскому полку 21 января 1944 года было присвоено почетное наименование «Красносельский».

Эффективно действовали во втором периоде войны маневренные зенитные артиллерийские группы, являющиеся по существу подвижным резервом командующего армией ПВО. Они применялись главным образом для прикрытия мостов через Неву и перевалочных баз на Ладожском озере. Так, 30 мая 1943 года 5-я отдельная железнодорожная батарея, расположенная у маяка Осиновец (командир батареи – капитан П.И. Гагарин), провела бой с группой самолетов противника в составе 37 бомбардировщиков и 8 истребителей. За 30 минут зенитчики сбили два

Не-111. В мае-июне батарея сбила еще четыре самолета.

В систему ПВО Ленинграда входили три полка аэростатов заграждения. Свой боевой порядок они строили по принципу круговой обороны с усилением прикрытия наиболее важных объектов внутри города и с уплотнением группировки на наиболее вероятных направлениях полетов авиации противника. В начале войны в черте города находились 150 аэростатных постов, а на подступах к нему – 147. Для прикрытия западных подступов к Ленинграду в Финском заливе на баржах действовал еще 31 аэростат.

Аэростаты, имевшиеся на вооружении противовоздушной обороны Ленинграда, позволяли производить заграждение на высотах 2000-4500 метров, что значительно затрудняло действия вражеской авиации ночью.

В состав 2-го корпуса ПВО входили прожекторные части. С началом войны зенитные прожекторы использовались для создания только световой зоны обеспечения ночной стрельбы зенитной артиллерии. Но затем прожекторные полки участвовали в создании световых прожекторных полей для ночного боя истребителей.

На исходе 1941 года в Ленинград стали поступать звукоулавливатели. Эти приборы позволяли услышать гул приближающихся самолётов противника на большом удалении.

Но главным в этой системе был всё-таки не прибор, а человек. Звукоулавливатель мог быть по-настоящему эффективен только тогда, когда с ним работал боец с отличным слухом. Причём не просто отличным, а уникальным.

В расчёт звукоулавливателя входили два бойца: зрячий и слепой. Первый медленно поворачивал трубы аппарата в разные стороны, а второй должен был услышать врага. Результат превзошёл все ожидания. Благодаря незрячим бойцам-«слухачам» бомбардировщики противника обнаруживались за несколько десятков километров от города. В результате, наткнувшись на плотный заградительный огонь, вражеские самолеты часто ретировались, неся потери.

Важную роль в противовоздушной обороне Ленинграда сыграли войска ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), на вооруже-

Рис. 7. Группа офицеров 3-го дивизиона 115-го ЗенАП. Второй слева – командир дивизиона капитан А.А. Смирнов.

нии которых с сентября 1941 года находились РЛС РУС-2 (радиоулавливатели самолетов) типа «Пегматит» и «Редут», обеспечивающие обнаружение вражеских самолетов на дальности 100-150 км от города, т.е. за 20-30 минут до появления над ним. И в этом была неоценимая роль станций в обороне Ленинграда. Практически вся ответственность за дальнейшее обнаружение самолетов противника, предупреждение частей ПВО и населения города о воздушном налете легла на расчеты локаторов.

Не раз в приказах командования отмечался 72-й отдельный радиобатальон ВНОС. В октябре 1941 года расчет радиолокационной станции этого батальона обнаружил по отметкам на экране замаскированный аэродром противника. Наша авиация нанесла по нему внезапный удар, уничтожив более 20 вражеских самолетов, готовящихся нанести массированный удар по городу 7 ноября 1941 года. За этот подвиг командир расчета военный инженер 3-го ранга Г.Н. Шеин был награжден орденом Красной Звезды, операторы радиолокационных станций – медалями «За боевые заслуги» (Рис. 7).

Весной 1942 года операторы радиолокационных станций 72-го отдельного радиобатальона сумели своевременно предупредить огневые средства ПВО о налете фашистских бомбардировщиков на скованные льдом корабли Балтийского флота, стоявшие на Неве. В результате налеты вражеской авиации были успешно отражены. Тщательно спланированная и подготов-

Рис. 8. Военный инженер 3-го ранга Г.Н. Шеин.

Рис. 9. Начальник службы ВНОС Ленинграда майор Д.В. Соколов.

Рис. 10. Красноармейская фотогазета Ленинградской армии ПВО, посвященная женщинам-зенитчицам.

ленная немецким командованием операция «Айштосс» (ледовый удар) провалилась.

По данным радиолокационных станций этого батальона только за период с начала войны по 1 декабря 1942 года войсками Ленинградской армии ПВО было уничтожено 992 самолета врага.

За особые заслуги в обороне Ленинграда 72 отдельный радиобатальон ВНОС был награжден орденом Красного Знамени. Возглавлял службу ВНОС Ленинграда подполковник Д.В. Соколов (Рис. 9).

Большой вклад в ПВО Ленинграда внесли женщины. Красноармейская фотогазета Ленинградской армии ПВО рассказывает о женщинах – воинах ПВО (фото № 9). В газете – фотографии командира орудия 115-го зенитного артиллерийского полка сержанта Зинаиды Литвиновой, уничтожившей со своим расчетом две минометные батареи врага, и младшего сержанта Анны Сундуковой, ставшей первым среди женщин кавалером ордена Славы 3-й степени в войсках ПВО.

В состав 115-го зенитного артиллерийского полка входила 8-я батарея под командованием В.С. Прозорова, которая полностью состояла из женщин. Весь личный состав батареи был награжден правительственными наградами.

12 января 1943 года началась операция «Искра» по прорыву блокады города. Войска ПВО активно участвовали во всех наступательных операциях Ленинградского фронта. На 7-й день ожесточенных боев Ленинградский и Волховский фронты соединились. Блокада была прорвана. А в январе 1944 года – полностью снята.

Последний, 1044-й по счету самолет противника бомбардировщик Ю-88 был сбит летчиками ПВО Ленинграда 8 марта 1945 года. Обнаружил и своевременно передал донесение о последней цели противника, совершавшей налет на Ленинград, воздушный наблюдатель 2-го полка ВНОС рядовой Зуйков.

За годы войны воины ПВО Ленинграда уничтожили 1561 самолет противника.

Основным итогом боевых действий Войск ПВО Ленинграда является успешная защита от налетов вражеской авиации блокированного города и коммуникаций, по которым осуществлялась доставка грузов в осажденный город. Авиации противника не удалось вывести из строя «Дорогу жизни», нарушить снабжение Ленинграда и уничтожить один из красивейших городов мира.

ЛИТЕРАТУРА:

- Войска противовоздушной обороны страны/Группа авторов. — М.: Военное издательство, 1968. — С. 102.
 Войска противовоздушной обороны в Великой Отечественной войне/ Т. 1, - М.: Военное издательство, 1954.
 На защите города Ленина/Краткий исторический очерк войск противовоздушной обороны города Ленина (1917—1945 гг.). - Л., 1966. - 339 с. : ил., портр.
 Лашков, А. Ю. 100-летие противовоздушной обороны России, 1914 — 2014. В 2 т. Т. 1 / А. Ю. Лашков, В. Л. Голотюк — М.: Русские витязи, 2014. — 360 с.: ил.
 Документы из фондов Музея войск ПВО.

Содержание

Выступление директора Департамента культуры Министерства обороны Российской Федерации	
В. Д. Буздыгана	4
Доклад директора Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации	
А.К. Никонова	6
<i>Сохранение памяти о героической истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в музеях.</i>	
СОДОКЛАДЫ:	
В.А. Афанасьев	14
<i>Полководцы победы ковались в предвоенные годы.</i>	
Л.Д. Сабуров	26
<i>16-я армия в Московской стратегической оборонительной операции 1941 г.</i>	
ДОКЛАДЫ	
Е.П. Абрамов	39
<i>Морская пехота России от Петра Великого до наших дней.</i>	
В.М. Арутюнян	43
<i>«Сталин с Гитлером ни разу не встречался, а вот лорд Чемберлен и де Ладье лично приезжали в Мюнхен к Гитлеру на поклон». (Кто и зачем зло искажает правду истории).</i>	
О.Е. Ащеулов	51
<i>Роль артиллерии Первого Белорусского фронта в Висло-Одерской стратегической наступательной операции.</i>	
Т.А. Балыко	59
<i>Концепция священной войны Русской православной церкви и преодоление раскола между государством и духовенством в СССР в период Великой Отечественной войны.</i>	
Е.В. Бей	65
<i>Противостояние в Арктике в годы Второй мировой войны.</i>	
А.Н. Белков	71
<i>Периодическая печать русских антисоветских вооруженных формирований в годы Великой Отечественной войны: причины успехов и неудач.</i>	
Д.А. Белов, Е.П. Воробьев	78
<i>«Сталинград в истории Великобритании, 1942-1945»: первые итоги и перспективы международного выставочного проекта.</i>	
Е.А. Блинков	84
<i>Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в экспозиции и фондах школьного музея боевой славы 2-й дивизии народного ополчения г. Москвы.</i>	
Н.Ю. Бринюк, Э.Л. Коршунов	89
<i>Специальные мероприятия по обеспечению безопасности воинов Красной армии, служебных животных, населения и экономики страны на завершающем этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.</i>	
А.А. Будко	97
<i>«Каждый возвращенный в строй воин – это наша победа...». Советская медицина в годы Великой Отечественной войны.</i>	
Ю.Т. Вартанян	103
<i>Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда (1941 – 1945 гг.).</i>	
М.А. Виноградов	111
<i>Деревня Заполье Можайского городского округа и ее жители в годы Великой Отечественной войны.</i>	
С.Е. Виноградов	116
<i>Ленинградский завод «Большевик» в изготовлении и ремонте морского артиллерийского вооружения накануне и во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.</i>	

П.Ф. Гёзалов	121
<i>Героизм бойцов национальных дивизий Азербайджанской ССР в освобождении европейских городов.</i>	
Л.С. Гончарова	127
<i>На земле опаленной. Экспозиция Белгородского государственного историко-художественного музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление».</i>	
А.Г. Гужва	134
<i>К вопросу о положении на западной границе СССР накануне Великой Отечественной войны</i>	
Г.А. Досмухамбетова	139
<i>Участие казахстанцев в Великой Отечественной войне (на основе экспозиции Военно-исторического музея Вооруженных Сил Республики Казахстан).</i>	
С.И. Дробязко	144
<i>Судьба особиста. Дело лейтенанта госбезопасности Б.Я. Краснощекова (майора РОА Костенко.)</i>	
Е.Н. Егорова	153
<i>Подмосковный город Дзержинский в годы Великой Отечественной войны.</i>	
А.П. Жарский	159
<i>«...Наземные коммуникации Ленинграда не могут считаться надежно обеспеченными, пока в руках противника находится Мгинский узел...» (Проблема расширения Приладожского коридора в 1943 г.).</i>	
А.П. Жуков, Н.Ю. Денисова	168
<i>«Все для фронта, все для Победы!» - Менделеевский университет в 1941-1945 гг.</i>	
В.И. Жуматий, В.Н. Прямыцын	176
<i>Деятельность Государственного Комитета Оборона СССР в области военной гидрометеорологии в годы Великой Отечественной войны.</i>	
Д.А. Журавлев, Г.А. Грибовская	181
<i>«Наша память идет по лесной партизанской тропе...». Советские медики в партизанском и подпольном движении в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.</i>	
Н.С. Зелов	185
<i>Документы ГА РФ о военно-шефской работе мастеров искусств в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.</i>	
В.А. Иванов	189
<i>Военные операции Красной Армии и Черноморского флота в 1941–1942 гг. в Крыму: Перекопско-Чонгарская, Крымская оборонительная, Евпаторийская десантная операции.</i>	
Йорг Морре, доктор	197
<i>От Реймса до Карлсхорста.</i>	
Б.Н. Кантемиров	200
<i>Фронтовая сага Чернышева.</i>	
С.Н. Ковалев	210
<i>Деятельность советского руководства по предотвращению военных угроз СССР на Северо-западном направлении с участием европейских государств накануне Великой Отечественной войны.</i>	
С.В. Кожин	218
<i>Развитие в ЦМВС экспозиции Великой Отечественной войны с 1965 г.</i>	
Ю.Г. Козлов	227
<i>Полководцы Победы. Маршал авиации, Герой Советского Союза Красовский Степан Акимович.</i>	
Е.А. Кордупов	233
<i>ПВО Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в экспозиции Музея Войск ПВО.</i>	

УДК 94(470)»1941/1945»(082)
ББК 63.3(2)622я43
М33

Тираж 80 экз.

Отпечатано в типографии «Эрвест»
г. Москва, ул. Народная, д. 14, стр. 3